

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. Вернадского

Научный журнал

Серия «Филология»
Том 19 (58) № 2:

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, 2006

ISBN 5-7763-9818-5
Журнал зарегистрирован 23 ноября 1999 года
Серия КМ № 534

Редакционная коллегия:

Багров Н.В. – главный редактор
Бержанский В.Н. – заместитель главного редактора
Ена В.Г. – ответственный секретарь

Редакционный совет серии «Филология»

Казарин В.П., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
(гл. редактор серии)
Богданович Г.Ю., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
(редактор выпуска)
Борисова Л.М., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
Киричек П.М., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
Меметов А.М., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
Новикова М.А., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
Орехова Л.А., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
Петренко А.Д., доктор филологических наук, профессор, ТНУ
Рудяков А.Н., доктор филологических наук, профессор, ТНУ

Печатается по решению Ученого Совета факультета славянской филологии и журналистики
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Протокол №9 от 18.04.06 г.

© Таврический национальный университет, 2006 г.

Подписано в печать 15.04.2006 Формат 60x84 2/3 усл. изд. л. 22,15. Тираж 500. Заказ № 53/а.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
Проспект Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

„Ученіе запискі Таврического национального университета ім. В. І. Вернадського”

Науковий журнал. Серія «Філологія». Том 19 (58) № 2.
Сімферополь. Таврійський національний університет ім. В.І.Вернадського. 2005
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялгінська, 4, м. Сімферополь, 95007
Надруковано у інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету ім. В.І.Вернадського.
Проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКИ И ЭТНОСЫ КРЫМА

УДК 811.161

О ЯЗЫКЕ ОБЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Богданович Г.Ю., Ефимов С.А.

Актуальность. Социолингвистические наблюдения за активными носителями языка проявляют языковую личность как носителя культурного кода.

Особую значимость данный вопрос приобретает в мультикультурной среде, где можно выделить так называемый *полилингвокультурный феномен* (ПЛКФ), под которым следует понимать особую целостность, природа которой неизмеримо сложнее монокультурного сообщества, подавляющее большинство которого говорит на одном языке, и бикультурного, языковое пространство которого организуется двумя близкородственными языками [1].

ПЛКФ представляет разнообразие проявлений культуры и, значит, особое к ним отношение. В сложных условиях взаимодействия формируется особый конструкт общности – прежде всего через ценностное отношение к универсальным (общечеловеческим) концептам.

Полилингвокультурный феномен формируется не путем «сложения» этносов, социальных групп, а в результате выявления признаков полилингвокультурной ситуации, возникшей в многоэтносном пространстве, имеющем свой культурный фон, культурно-историческое наследие, традиции, культурные концепты и характеризующемся специфическими культурными процессами (взаимодействие культур, интеграция социально-культурных проявлений разных культур).

Полилингвокультурный феномен не столько результат сравнительной лингвокультурологии, сколько объединение, взаимоналожение и взаимовлияние лингвоментальных признаков, сформировавшихся в пространстве разных, но тесно контактирующих этносов.

ПЛКФ проявляется в особенностях концептосферы, в дискурсивной практике носителей нескольких культур, в стереотипах речевого поведения (при наличии общего стереотипизированного опыта).

Постановка проблемы. Основной категорией лингвокультурологии, по мнению В.М. Шаклеина, признается лингвокультурная ситуация как совокупность языков и связанных с ними культур в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования и в рамках определенного временного среза [2].

В полилингвокультурной ситуации этносы «обречены» на диалог, в результате которого вырабатываются *лингвокультурогемы* (термин В.В. Воробьева), культурный смысл которых имеет сверхнациональный характер и общее пространство функционирования.

Рассмотрение культуры через диалог культур – общеметодологический научный принцип. Выраженная диалогичность культур в ПЛКС позволяет говорить о специфике идентификации и идентичности языковой личности.

Идентичность – «это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношения личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [3, с.11].

Идентичность социально детерминирована и процессуальна. Идентификация жителя Крыма связана как с историей его народа, так и с историей полуострова. Личность в полилингвокультурной ситуации включается в общее поле культуры, сформировавшееся именно в Крыму.

Социальная категоризация и межэтническое сравнение происходит в среде людей, имеющих общий социальный опыт и так или иначе проявленное чувство связности («эффект гомогенности»). В какой-то мере особенности полилингвокультурной ситуации в Крыму подтверждают мысль о том, что «глобализация ведет к кризису идентичности» [4, с.39].

Сильнодействующим межкультурным фактором являются средства массовой информации, расширяющие круг прецедентных феноменов через рекламу, эстрадные песни, анекдоты и многие другие актуальные в познавательном и оценочном плане прецедентные ситуации и имена. Все это формирует общее когнитивное пространство, хранится в виде инвариантов восприятия, как правило, имеет общий, хотя бы минимальный, вербальный план. Национальные прецедентные феномены известны в меньшей степени.

Экстраполируя идею значимости прецедентности в этнопсихолингвистике на полилингвокультурную ситуацию с коррекцией специфики последней, можно согласиться с инициатором этой идеи В.В. Красных в том, что «вхождение прецедентного феномена в центр когнитивной базы предопределяется высокой степенью самого феномена (в случае с вербальными феноменами – прецедентным именем и прецедентным высказыванием) и единичным инвариантом его восприятия» [5, с.119].

Если в монолингвокультурной ситуации стереотипы всегда национальны, то в ПЛКС на основе знаний общего характера формируются и общие стереотипы.

Специфика языковой личности, формирующейся в условиях полилингвокультурной ситуации, связана с ее естественным и динамичным взаимодействием с несколькими культурами и константами, с другими языками.

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов.

О ЯЗЫКЕ ОБЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Идентификация и самоидентификация формируются на основе языка. В ПЛКС Крыма большая объединительная роль принадлежит русскому языку. Универсальные коммуникативные модели строятся на основе русского языка.

Взаимодействие языковых личностей, обмен информацией, выбор способа воздействия на собеседника для осуществления совместной деятельности требуют адекватного понимания, которое может быть обеспечено в условиях общей социумной пресуппозиции (пресуппозиция здесь понимается, вслед за В.В. Красных, «как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов» [5, с.24].

На основе русского языка строится региональная идентичность не только живущих в Крыму русских, но и представителей других национальностей. Даже те из них, которые имеют ярко выраженную этническую идентичность, по свидетельству социологов, используют русский язык для повседневного общения, коммуникации в общественных местах и с коллегами [4, с.98].

Идентификация и социологизация личности в Крыму происходит в ПЛКС, которая определяет функционально-коммуникативное предназначение русского языка, диапазон вариативности языковых средств.

В количественном отношении языковую ситуацию в Крыму следует считать многокомпонентной, так как в регионе функционируют языки украинский, русский, крымскотатарский, болгарский, армянский, греческий, белорусский и др. Доминирующими языками признаются русский, украинский, крымскотатарский. При этом следует иметь в виду, что число носителей и число говорящих на языке явно не соотносится с национальной принадлежностью и национальной самоидентификацией.

Коммуникативная ценность так называемых доминирующих языков также неравнозначна. Это обусловлено рядом экстралингвистических причин. Прежде всего тем, что традиционно русский язык являлся и является в настоящее время средством межнационального общения. Он выполняет различного рода социальные функции: используется в школе, на производстве, в семье; большая часть средств массовой информации также русифицирована.

Все это происходит по той причине, что большинство населения Крыма привыкло мыслить, говорить, получать информацию на русском языке. Украинский, как государственный язык, активно входит в сферу делового общения, в образование, юриспруденцию, СМИ. Наблюдается рост престижности украинского языка.

С помощью русского языка, выступающего в адаптационной роли, приобретает межкультурная компетентность, формируется мультикультурный человек, который «обладает гибкостью, позволяющей приспособиться к любой ситуации и креативно управлять любым межкультурным напряжением и возможным конфликтом. На этой стадии личность достигает максимальной способности общаться с индивидами из различных культур и принимать решения независимо от нормативных действий и ценностей данной культуры» [4, с.39].

Варианты контактов также проявляются динамично и волнообразно, давая возможность выявлять и типологизировать ассимилятивные и диссимилятивные, интегративные и дезинтегративные процессы во взаимодействии культур и характере межэтнических коммуникаций.

О необходимости адекватного учета этноязыковых особенностей регионов, объективного анализа процессов взаимодействия и выработки перспектив развития на государственном уровне свидетельствуют ученые, представляющие различные сферы деятельности человека.

Достаточно актуальными в связи с этим представляются социолингвистические данные и их анализ.

Интересным представляется социологическое исследование, проведенное социологической службой «КрымСоцис» совместно с Центром регионального развития в сентябре 1995 года [6, с.52-62], согласно которому можно утверждать, что на территории полуострова русский язык является приоритетным для использования в образовательной сфере, в быту, а также в различного рода языковых коммуникациях.

На территории полуострова проживают, помимо доминирующих (русского, украинского, крымскотатарского), также представители других этнических групп: греки, поляки, болгары, немцы, армяне и др. В силу сложившихся обстоятельств общественно-политического, культурно-языкового плана на территории Крыма следует говорить о полилингвизме с преобладанием русского языка.

Русский язык, как отмечают носители языка и те, кто владеет русским языком, для многих является вторым родным языком. Причина превращения русского языка во второй родной язык – в тех необозримых горизонтах, которые он открывает; в той исторической роли, которую сыграл русский народ; в традиционном представлении его как языка межнационального общения; во внутреннем богатстве и выразительности русского языка.

Социологические исследования более позднего времени практически во многом повторяют те, о которых речь шла выше [7], свидетельствуют о том, что по-прежнему в Украине русский и украинский языки являются основными для общения в семье (украинцев было опрошено 76,1%, русских – 21,4%, представителей других национальностей – 2,4%). Причем примерно треть опрошенных предпочитает выбирать язык общения в зависимости от обстоятельств.

Таблица 1. Выбор языка общения (%)

Варианты ответов	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Только украинской	36,7	31,9	36,9	38,2	37,7	36,3	39,1
Только русский	32,4	32,8	33,1	34,5	33,4	33,6	36,0
Другой язык	0,7	0,9	0,4	0,6	0,5	1,1	0,2
По-разному, зависит от обстоятельств	29,4	34,5	29,6	26,8	28,4	29,0	24,8

По мнению В.Б. Евтуха и Л.А. Азы [7], отмечаются некоторые изменения в языковой сфере, связанные с тем, что несколько увеличилось количество людей, которые употребляют только украинский язык (так считают 34,3% опрошенных), однако 22% респондентов полагают, что эти изменения не касаются граждан, для которых украинский язык не является родным. А 37,1% опрошенных никаких изменений вообще не отмечают, считая, что все остается, как и раньше.

О ЯЗЫКЕ ОБЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Трудности закрепления украинского языка в различных сферах жизни общества, по мнению респондентов, связаны с привычкой русскоязычного стереотипа мышления и трудностями усвоения украинского языка.

Показательным можно считать тот факт, что лингвоэтническая дифференциация во многом определяется региональными условиями. Так, по данным Института социологии НАН Украины, 60,7% респондентов Южного региона считают себя украинцами, украинский язык назвали родным только 34,7%, а общаются на нем в семье лишь 17,9%. Таким образом, функция языка межнационального общения на юге Украины по-прежнему принадлежит русскому языку.

Таблица 2. Язык общения в семье (%)

Регион	На каком языке вы разговариваете в семье?			
	Только на украинском	Только на русском	На другом языке	По-разному, в зависимости от обстоятельств
Киев	18,0	48,0	0,0	34,0
Северный	66,1	9,9	0,0	24,0
Центральный	64,0	11,1	0,0	24,9
Северо-Восточный	14,8	41,4	0,0	43,8
Восточный	5,5	81,0	0,3	13,1
Северо-Западный	85,5	1,5	0,0	13,0
Западный	86,6	2,8	0,0	10,5
Юго-Западный	75,3	1,4	1,4	21,4
Южный	13,9	51,7	0,6	33,9
Юго-Восточный	22,2	38,4	1,1	14,1
Крым	0,0	84,4	1,1	14,1
Украина	39,1	36,6	0,2	24,8

Таблица 3. О статусе русского языка

Регион	Считаете ли вы необходимым придать русскому языку статус официального в Украине?, %		
	Да	Нет	Трудно ответить
Киев	27,3	55,6	17,2
Северный	30,8	46,2	23,1
Центральный	31,1	41,8	27,1
Северо-Восточный	53,7	25,3	21,0
Восточный	77,0	10,5	12,5
Северо-Западный	16,0	66,4	17,6
Западный	10,6	83,2	6,1
Юго-Западный	18,6	61,4	20,0
Южный	57,6	17,5	24,9
Юго-Восточный	50,5	21,7	27,8
Крым	85,7	1,1	12,2
Украина	44,3	36,4	19,4

Интересными, на наш взгляд, являются сведения Е.И. Головахи и Н.В. Паниной, которые приводят данные социологических опросов относительно языка общения в семье в разных регионах Украины [7].

Данные сведения диктуют необходимость задать еще один вопрос: *Считаете ли вы необходимым придать русскому языку статус официального в Украине?*

Сотрудники Института социологии НАН Украины Е.И. Головаха и Н.В. Панина приводят таблицу, в которой отражены результаты проведенного исследования [7].

Данные достаточно красноречиво свидетельствуют о языковой ситуации на юге Украины, и в частности в Крыму.

По сведениям ученых, историческая ситуация формирования двуязычия в Украине не такая уж простая, как ее представляют теоретики дерусификации. Причем показателен факт общения в семье в зависимости от возраста. Если люди старшего поколения чаще общаются на украинском, то молодые люди ведут себя несколько иначе. Современная молодежь образованна и прагматична по сравнению с людьми старшего возраста. Она готова изучать любой язык, если он поможет ей самореализоваться. Например, в общении на русском языке молодежь находит дополнительные стимулы для культурного и духовного развития, не усматривая в этом никакой угрозы для национальной самоидентификации и активного выражения своей патриотической и гражданской позиции.

Переписью населения 2001 года зафиксирован повсеместный рост удельных показателей численности украинцев во всех регионах (исключением стал лишь Крым), а также фиксация факта как абсолютного, так и относительного снижения численности русских в Украине (что характерно для всех регионов Украины). Анализ полученных результатов позволяет уверенно констатировать, что причиной этому явилась не миграция, а смена этнической самоидентификации определенной части русских, являющихся выходцами из смешанных украинско-русских семей.

В количественном отношении языковую ситуацию в Крыму следует считать многокомпонентной, так как в регионе функционируют языки украинский, русский, крымскотатарский, болгарский, армянский, греческий, белорусский и др. Доминирующими языками признаются русский, украинский, крымскотатарский. При этом следует иметь в виду, что число носителей и число говорящих на языке явно не соотносится с национальной принадлежностью и национальной самоидентификацией.

Коммуникативная ценность так называемых доминирующих языков также неравнозначна. Это обусловлено рядом экстралингвистических причин. Прежде всего тем, что традиционно русский язык являлся и является в настоящее время средством межнационального общения. Он выполняет различного рода социальные функции: используется в школе, на производстве, в семье; большая часть средств массовой информации также русифицирована.

Все это происходит по той причине, что большинство населения Крыма привыкло мыслить, говорить, получать информацию на русском языке. Украинский, как государственный язык, активно входит в сферу делового общения, в образование, юриспруденцию, СМИ. Наблюдается рост престижности украинского языка.

По итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года, сегодня в Крыму проживает 1 млн. 180,4 тыс. русских (58,5%), 492,2 тысячи украинцев (24,4%), 243,4 тысячи (12,1%) крымских татар. Количество крымчан пенсионного возраста по сравнению с предыдущей переписью 1989 года возросло до 454,9 тыс. человек и составляет 22,5% населения (было 18,2%). Детей на полуострове стало меньше – 364,6

О ЯЗЫКЕ ОБЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

тыс. человек, т.е. 18% (было 24,2%). Соотношение женщин и мужчин увеличилось пользу первых. В Крыму 46,1% мужчин (937,6 тыс. человек) и 53,9% женщин (1096,1 тыс. человек).

77% крымчан считают русский язык родным языком. Крымскотатарский родной для 11,4% крымчан, а украинский – для 10,1%. Но не всегда человек, относящий себя к какой-либо национальности, считает свой национальный язык родным, т.е. языком постоянного общения.

Русский язык, по данным переписи населения 2002 года, родной для 99,7% крымчан-русских, для 59,5% украинцев и для 5,9% крымских татар. Свой национальный язык считают родным 93% крымских татар и только 40,4% украинцев.

С 1989 года крымчане стали образованнее. По данным Всеукраинской переписи населения, количество крымчан, имеющих высшее и полное среднее образование, возросло по сравнению с предыдущей переписью 1989 года на 20,7% и теперь составляет 1206,9 тыс. человек.

Зарегистрировано 8,7 тыс. крымских армян, 4,5 тыс. евреев, 3,8 тыс. поляков, 3,7 тыс. молдаван, 3,7 тыс. азербайджанцев, 2,9 тыс. узбеков, 2,9 тыс. корейцев, 2,8 тыс. греков, 2,5 тыс. немцев, 1,9 тыс. цыган, 1,9 тыс. болгар, 1,8 тыс. грузин, 1,1 тыс. марийцев и др.

Обращая внимание на «эффект сообщающихся сосудов» при изменении языковой самоидентификации украинцев и русских [8], следует отметить, что недовольство итогами переписи населения начинают входить в традицию: в 1989 г. итоги переписи подвергались сомнению со стороны ревнителей украинской национальной идеи, в 2001 г. недоволен русскоязычный политикум. Но факт остается фактом: самые масштабные социологические исследования, каковыми являются переписи, адекватно зафиксировали изменения этноязыковой самоидентификации населения Украины, произошедшие на рубеже тысячелетий.

Для русскоязычного населения Крыма очень важен статус родного языка, который позволит разрешить ряд социокультурных проблем. И описание так называемой языковой картины мира (термин «языковая картина мира» в данном случае используется метафорически) на основе общественно-исторического опыта определенной национальной общности людей создает специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, своеобразного отношения к ним данного народа. И только через содержательную сторону языка можно увидеть картину мира данного этноса, которая является фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют и обогащают друг друга.

Выводы. Таким образом, в результатах социологических исследований, проведенных сотрудниками Института социологии НАН Украины, достаточно убедительно констатируется, что в южных регионах нашей страны, и в Крыму в частности, лингвокультурная ситуация складывается так, что русский язык выполняет и длительное время еще будет выполнять функции языка межнационального общения.

Языковая политика должна соотносить желаемое с возможным, коррелируя то, что есть, с тем, что должно быть, формировать новый языковой опыт, не разрушая сложившийся. Тем более что новейшие социологические исследования не подтверждают «распространенного мнения о значимости языка для объединения этноса» [4, с.98].

Список литературы

1. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. – Симферополь: Доля, 2002. – 389 с.
2. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.
3. Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис/ Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 287 с.
4. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. – Симферополь: Доля, 2002. – 255 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДК «Гнозис», 2002. – 284 с.
6. Ефимов С.А. О специфике массового сознания основных национальных общностей Крыма // Диалог украинской и русской культур в Украине. – Материалы II-й международной научно-практической конференции. – К., 1998. – С.52-62.
7. Українське суспільство: Моніторинг – 2000 р. – К.: Ін-т соціології, 2000. – 157 с.
8. Шульга Н.А. Великое переселение народов: репатрианты, беженцы, трудовые мигранты. – К., 2002. – 7000 с.; Евтух В.Б., Трошинський В.П. Етніонаціональна структура суспільства: деякі аспекти системного бачення її розвитку // Етніонаціональна структура українського суспільства. Довідник. – К.: Наукова думка, 2004. – 344 с.; Ефимов С.А. Изменения этноязыковой самоидентификации населения регионов Украины: 1989-2001 гг. // Уч. зап. Таврического национального университета. Серия География. – Том. 17(56), № 4 (2004). – С. 174-181.

Поступила в редакцию 17.01.2006.

УДК 325.85(477.75)

КРИМСЬКА ДЕРЖАВНІСТЬ: ПРОБЛЕМИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ СТАНОВЛЕННЯ

Бондаренко К.І.

Крим займає унікальне геополітичне становище в Євразії. Це класична природна, етнічна та геополітична кордонна зона, історичне перехрестя народів та торговельних шляхів. Тут залишили свій слід давньогрецька, давньоримська, іранська, іудаїстська, елліністична, візантійська, мусульманська, генуезька, вірменська та російська культури. Саме тому дослідники цього надзвичайного місця називають його «етнічним мікрокосмосом» [3, с.10].

Постановка проблеми. Проведемо невеличкий історичний екскурс. У XIII-XV сторіччі на південно-західному узбережжі Криму виникає політично автономне князівство Феодоро, яскраве за своїм етнічним складом (алани, греки, караїми, потомки кримських готів та інші). Цей мікрокосмос поєднав у собі місцеві та візантійські греко-католицькі традиції на противагу генуезцям-католикам й мусульманам. Важливою передтечею створення князівства став релігійний конфлікт з-поміж іконоборцями та іконошанувальниками, частина яких врятувалась втечею з Візантії до Тавриди. Таким чином, у Криму не тільки відбувся мініатюрний розкол православ'я: протистояння католицького Заходу й мусульманського Сходу, але й виробилась своєрідна геополітична конфесійна терпимість [4, с.332].

Крим – своєрідний історичний, етнічний котел, в якому народжувалися та асимілювалися різноманітні народи. Ще в античних джерелах відмічено факт змішання народностей, що знайшло своє відображення у термінах «скіфотаври» та «тавроскіфи» [4, с.332]. Тісна асиміляція скіфів із греками сприяла варваризації елліністичної культури. Таким чином, у Тавриді виникли дві неповторні та своєрідні греко-сарматська та греко-скіфська культури.

Російська імперія протягом півтора віків, починаючи з Єкатерининської епохи до сталінських часів, здійснила масштабну депортацію кримських татар та інших місцевих народів (греків, вірмен, болгар, німців). Це підірвало економічний фундамент півострова. Після того як значна частина кримського населення, адаптованого до умов місцевості була депортована, Крим прийшов до занепаду. Російські та інші мігранти, непристосовані до специфічних умов місцевого землеробства, скиглили, що «плохо растет картоха» [6, с.333].

Протягом періоду з 1783 по 1897 роки найчисельніші міграційні потоки пройшли вздовж Таврійської губернії [12, с.95]. На той час у Криму існували два паралельних соціуми: мусульмансько-татарський та православно-слов'янський. І якщо перший являв собою відокремлений мікрокосмос, то другий був невід'ємною частиною Російської

Імперії. Саме тому тільки після революційного розлому геополітичного простору Російської імперії ідея кримської державності набула своєї актуальності.

Ідея кримської автономної державності завжди була неоднозначною. По-перше, вона пов'язана із історичними сподіваннями кримськотатарського населення, а по-друге, визрівання такої ідеї відбувалося у контексті самовизначення народів та регіонів в умовах розпаду унітарної Російської держави та було обумовлено опором «білих» та «червоних» на околицях, особливо на такій географічно відокремленій території країни, як кримський півострів [2, с.89]. Створення національно-автономного утворення було обумовлене наявністю корінного місцевого населення, який колись мав свою власну державність – Кримське ханство, але не можна й не враховувати зміни етнічного складу населення півострова, що відбулася під час довготривалого перебування Криму у складі Росії. На той час більшу частину населення півострову складали українці та росіяни, чверть – кримські татари та ще одну чверть – представники інших національностей. Національні меншини на той час представляли кримські караїми та кримчаки, які з давніх часів населяють кримський півострів [14, с.47].

Більшість дослідників вважають, що «кримська ідея» у ХХ сторіччі мала дуалістичну природу, однак це протиріччя отримало тимчасове вирішення у зв'язку із виникненням автономії у складі СРСР.

Отже, коли в 1918-1920 рр. реально виникла можливість формування Кримської Автономії, головною підставою тут була наявність кримськотатарського етносу з певними державницькими традиціями й культурною традицією, але характер цієї автономії не міг бути суто етнічним. Кримська Автономія може існувати тільки як засіб узгодження інтересів кримських татар та інтересів іноетнічних верств населення півострова. Як тільки кримських татар було депортовано, потреба в такій автономії відпала й Крим став звичайною областю. Таким чином, створена у 1921 році Кримська Автономія була ліквідована у 1945 році. У травні 1944 року всіх кримських татар (238,5 тис. чоловік) було насильницьки вивезено за межі Криму до Середньої Азії, Сибіру, Середнього Поволжя. Близько 46% переселенців загинуло на шляху та протягом першого місяця виселення [7, с.520]. Масові депортації (нащадків кримських колоністів у 1941 році, кримських татар, греків, вірмен і болгар у 1944) спричинили не тільки черговий занепад низки регіонів півострову, а й перетворили його на зону масового розповсюдження російської мови та культури з абсолютною перевагою російсько-українського населення. Сталінський режим призвів до загибелі Кримської Автономії, до зниження політико-адміністративного статусу Криму до рівня області [6, с.47].

Кінець 60-х років був ознаменований початком повернення депортованих з Криму громадян, а у 1967 оголошено про повернення кримським татарам їхніх конституційних прав. Насправді до кінця 80-х цей процес штучно гальмувався за рахунок обмеження прописки у Криму. Райони облаштування кримських татар виникли поблизу півострова, у Херсонській області України, у Ставропольському та Краснодарському краях Російської Федерації. Наприкінці 1980-х почалась масова міграція до Кримського півострову. За офіційними даними, у 1990 році до Південного берегу Криму переїхало 35 тис. чоловік, у липні 1991 року в Криму облаштувались 135 тис. чоловік, у липні 1993 – 270 тис. чоловік [7, с.520]. На сьогодні у Криму проживають близько 260 тис. чоловік з числа депортованих громадян. Існують прогнози, що процес репатріації

продовжуватиметься протягом найближчого десятиріччя, оскільки за межами лишається понад 100 тисяч депортованих, які прагнуть повернутися на історичну батьківщину.

Недоведена до кінця реабілітація спричинила сплеск політичної активності кримських татар, які у середині 50-х років започаткували кримськотатарський національний рух [5, с.46]. Протягом тривалого часу цей рух не мав єдиного центру та діяв у вигляді ініціативних груп. До 1989 року вимоги татар обмежувались остаточною реабілітацією та поверненням на історичну батьківщину [1, с.96]. Пізніше була остаточно сформована вимога про відтворення Криму як національної автономії кримськотатарського народу та можливість реалізації визнаного міжнародним співтовариством права на самовизначення. Для здійснення встановленої мети були скликані спочатку перший, а потім і другий Курултаї кримськотатарського народу (1991-1993 рр.), була створена система Меджлісів та прийнята Декларація про національний суверенітет Кримськотатарського народу, був розроблений проект Конституції Кримської Республіки (1991-1992) [8, с.147].

Так виникли певні засади кримськотатарської державності, що призвело до появи ідеї про єдиний «кримський народ» поряд із караїмами та кримчаками.

1995-1996 стали роками визрівання нової національної доктрини, причому основою для «зміни поглядів» лідерів кримських татар стало підвищення інтересу європейської спільноти до проблем депортованих народів. Меджлісівські діячі висунули тезу про три рівні даної проблеми, яка начебто повинна бути вирішеною окремо для «депортованих національних груп та для «депортованих осіб», із наданням першій групі найбільших переваг та пільг [9, с.55]. Отже, ідея кримської державності пройшла кризу віки та набула певної трансформації за останнє десятиріччя.

Так, до 1990 року вона базувалась виключно на внутрішньосоюзних нормах права та загалом зосереджувалась на вимогах захисту конкретних прав кримських татар, громадян СРСР. З 1991-1993 підставами для формування кримської ідеї стали права народів на самовизначення як зовнішнє, так і внутрішнє зі створенням власної державності. Період з 1994 по 1996 відзначено активною експлуатацією лідерами кримськотатарського руху проблеми реалізації прав депортованих за національною ознакою громадян. Починаючи з 1996 і до сьогодні ті самі лідери виборюють статус корінного народу для кримських татар. Таким чином, визначити істинну ідеологію лідерів кримських татар на сучасному етапі досить важко.

Висновки. Варто зазначити, що на сучасному етапі створення суто етнічної автономії в Криму реально неможливе, хоч би як цього бажали деякі кримськотатарські політики, так само як неможливе взагалі існування Кримської Автономії без кримських татар, хоч би як цього бажали деякі «російськомовні» політики. Отже, потрібна така ідеологія співіснування, що відбиває інтереси різних верств населення Криму. А така ідеологія може бути сформована лише на ґрунті відповідного розуміння об'єктивного характеру кримської моделі державності.

Список літератури

1. Бекиров И. Право крымских татар, как коренной нации Крыма, на самоутверждение. Украинское государство и современная этнонациональная ситуация в Крыму // Крымські татари: історія і сучасність (До 50-річчя депортації кримськотатарського народу). – К.: УАН, 1995.
2. Волобуев О.В. Рождение и судьбы новой крымской государственности в первой половине XX века // Отечественная история. – М.: Наука. – Март-апрель 1999. – № 2.
3. Дергачев В.А. Геополитика: Учебник для вузов. – М.: Юнити-Дана, 2004.
4. Дергачев В.А. Крым – евразийский микрокосмос // Известия русского географического общества. – 1997. – Т. 129. – Вып. 2.
5. Джемільов М. Звітна доповідь на III Курултаї кримськотатарського народу // Авдет. – 1998. – 5 червня.
6. Крым в геополитических разломах восточной Европы // Отечественная история. – М.: Наука, март-апрель 1999.
7. Народы и религии мира: Энциклопедия. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.
8. О статусе крымскотатарского народа. Проект закона // Международный симпозиум. Проблемы миграции и возвращения депортированных лиц в Украину. – К., 1997.
9. Промова Мустафи Джемільова на церемонії вручення медалі Нанесена // Проблеми міграції. – 1998. – №4(7).
10. Секиринский С.А. Из этнической истории Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII-начало XX в.) // Советская тюркология. – Баку. – 1988. – № 4.
11. Состав населения Крыма в 1897 и 1921 гг. // Информационно-методический бюллетень. – Симферополь: Дом политического просвещения Крымского обкома КПУ, 1989. – Вып. 3.

Поступила до редакції 16.01.2006 р.

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

УДК 81.116.1

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Богданович Г.Ю., Новикова Т.Ю., Мартынюк А.Я.

А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши. – Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле. потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

Салтыков-Щедрин,

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Актуальность. По последним данным, на сегодняшний день в мире насчитывается около 5000 языков, а через сто лет, как полагают некоторые эксперты, их останется лишь одна десятая часть от всех существующих ныне. Угроза исчезновения многообразия языков связана с вымиранием традиционного образа жизни, вместе с которым вымирают и местные языки. Но пока еще мир многолик и поликультурен, он говорит на разных языках, и первоочередной задачей для всех государств, вступивших в XXI век, представляется развитие и укрепление мирных и демократических обществ, сохранение их самобытности и своеобразия.

Учитывая тот факт, что большинство современных государств многонационально, наиболее актуальной проблемой, требующей постоянного внимания со стороны правительств, является создание благоприятных условий для достижения внутреннего спокойствия и межэтнического согласия в поликультурной среде. Несмотря на нарастающую глобализацию, во всем мире отмечается так называемый «этнический парадокс современности», суть которого состоит в росте национального самосознания народов, поиске национальной и культурной идентичности, возвращении к своим духовным истокам. «Стремительное развитие мировых коммуникационных систем и интенсификация межкультурной интеграции в то же время усиливают активизацию интереса человека к своему месту обитания, к культурному своеобразию, к национальному «Я», к исторической памяти, к родному языку, демонстрирующую «категорический императив» современности – мозаичность мира лучше однообразия и универсализма» [11, с.40-41].

Это говорит о том, что важнейшей составляющей образования в полиэтничном регионе является подготовка учащихся к активному освоению той социальной среды, в которой им предстоит обитать. Они должны получать такие ориентиры, которые

реально помогают овладеть правилами хорошего тона в полиэтничном социуме. Поэтому важнейшей частью образовательного процесса становится культурологическое образование, способствующее привитию учащимся знаний о различных культурах, о традициях, образе жизни и культурных ценностях народов, населяющих полиэтничный регион, в нашем случае – Крым. Основной целью педагогического воздействия становится воспитание подрастающего поколения в духе уважительного отношения к инокультурным системам.

Постановка проблемы. На современном этапе развития науки о языке одно из ведущих мест в исследованиях, посвященных взаимосвязи языка и культуры, занимают вопросы межкультурной коммуникации, и это не случайно, поскольку в последние десятилетия произошли кардинальные перемены в геополитической ситуации, приведшие к образованию постсоветского пространства, состоящего из новых суверенных государств, каждое из которых придерживается своих политических ориентиров. Хотя русский язык и остается реальным средством межнационального общения для бывших граждан СССР, тем не менее в целом отмечается тенденция к «вытеснению» русского языка и превращению его в язык диаспоры в пределах вновь образованных государств, стремящихся к одноязычному типу языковой политики с установлением единого государственного языка.

Но такой отказ от одного из общепринятых языков международного сотрудничества, которым владеет пока еще большинство граждан бывших советских республик, неизбежно ведет в тупик национальной самоизоляции, а это в эпоху всеобщей интеграции и глобализации означает плыть против течения. Как известно, XXI век провозглашен ЮНЕСКО веком полиглотов, а Совет Европы призывает мировое сообщество к языковому плюрализму. Следовательно, задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы, сохранив уже сложившееся на предыдущем этапе исторического развития двуязычие современного социума, наращивать его за счет изучения новых языков, потребность в которых должна определяться в соответствии с состоянием языковой среды и запросами социума.

Поэтому поликультурная среда, которая «диктует» свои правила игры, требует особо внимательного изучения и отношения к себе. Существенным фактором при осуществлении языковой политики, направленной на снятие напряженности поликультурного пространства, должен стать учет общественного мнения. В.М. Алпатов справедливо считает: «Главным источником практических мер выступает, естественно, государство, но в языковой политике участвуют и общественные организации, и бизнес, и политические движения, в том числе оппозиционные. Наиболее действенными орудиями языковой политики являются административная сфера, система образования, средства массовой информации. В то же время языковая политика может осуществляться и через общественное мнение, и просто через условия жизни, которые понуждают человека пользоваться конкретным языком» [1, с.20]. Учитывая тот факт, что наше общество движется по пути демократии и свободы личности, создание условий для независимого и осознанного выбора языковой политики в пределах поликультурного региона представляется делом не только важным и первоочередным в государственном масштабе, но и в высшей степени деликатным. В такой ситуации государство не вправе навязывать свыше то или иное решение проблемы, так как, если предложенный подход не будет соответствовать настроению социума, он неизбежно вызовет нежелательную негативную реакцию. Инициатива должна исходить снизу, от

заинтересованного субъекта, что и позволит обеспечить равновесие поликультурной среды, сформировать «гармоническое межкультурно-коммуникативное пространство». А.А. Буров, точку зрения которого мы разделяем, пишет: «Гармонизация языковой картины мира (ЯКМ) поликультурного региона, понимаемая как приведение культур различных этносов к разумному коммуникативному диалогу, возможна, на наш взгляд, при условии успешного решения двуединой задачи: 1) максимального сохранения и приумножения этнокультурных и лингвоментальных традиций; 2) поиска более сильным, с точки зрения культурной традиции, этносом (например, русским гиперэтносом) общечеловеческой основы общения, сближающей всех представителей Homo Sapiens, «данной от Бога еще до построения Вавилонской башни и разделения языков» (Н.С. Трубецкой) [4, с.10]. А это решение может быть найдено, по мнению исследователя, путем создания «условий для трудовой и культурно-просветительской деятельности – и прежде всего изучения в поликультурном регионе основы ЯКМ – русского и национального языков и их реальных современных исторических контактов. Это «мирное сосуществование», естественно, должно иметь лингвокультурную основу... Свободная языковая личность должна сама формировать культурные и межкультурные приоритеты в условиях консолидации усилий государства и общества по защите духовных (в первую очередь) ценностей». Далее автор отмечает: «Поликультурные регионы России (в первую очередь это Северный Кавказ и Поволжье), с их сложной ЯКМ, нуждаются в создании политических и экономических условий для сохранения и развития этносов и культур, их мифологии – всего того, что получает закрепление в национальных языках и литературе» [4, с.10-11].

Как видно из приведенных размышлений, озабоченность тем, как развивается лингвокультурная ситуация в поликультурном регионе, – проблема не только Крыма, но и многих регионов как России, так и всего мирового сообщества, где поликультурность и многоязычие также сложились в ходе исторического развития и требуют цивилизованного подхода при определении приоритетов в языковой политике государств, «обреченных» служить своеобразным буфером для сглаживания противоречий межэтнических и межкультурных. Поэтому для поликультурных регионов, являющихся потенциально конфликтогенными, особо важна взвешенная и предельно ясная концепция образования, через посредство которого должен достигаться желаемый микроклимат, позволяющий строить уважительные, добрососедские и, как принято сейчас определять, толерантные отношения. Если есть почва для разжигания межэтнических и межкультурных конфликтов, это свидетельствует о том, что языковая политика не отвечает потребностям поликультурного региона. Поликультурный регион – это фактически модель семьи, а в семье не должно быть своих и чужих, родных и приемных детей. Каждый по-своему хорош и индивидуален, и поэтому каждый нуждается в индивидуальном подходе и внимательном отношении со стороны родителей, роль которых сознательно (или бессознательно) берут на себя политики, предлагающие свои программы и решения.

Разумеется, нельзя не считаться при этом с объективной реальностью, которая тоже во многом определяет наши действия и настроения. Человеку свойственно заглядывать в свое будущее, поэтому именно образ будущего может стать консолидирующей идеей, которая объединит вокруг себя социум в поликультурном пространстве. Совершенно бесперспективно жить только прошлым, хотя никто не станет отрицать, что без прошлого нет будущего. Уважительное отношение к своей истории, к опыту

предыдущих поколений, осознание своих корней и истоков дает индивидууму ощущение устойчивости, возможность противостоять бурному потоку массовой культуры и сберечь самобытность своей родной культуры. Поучительной кажется нам короткая философская сказка Ф. Кривина «Прошлое пустыни Сахары». Напомним ее.

Пустыня Сахара живет только воспоминаниями:

– Когда-то я была молодой. Молодой и зеленой. Такой же зеленой, как теперешние леса. Еще совсем недавно, несколько тысяч лет ... вы бы меня не узнали. Какие пейзажи! Какой вид с юга на север и с запада на восток! А озера, а живительные источники! А пальмы! Сплошной оазис! Я вся была сплошным оазисом – и подумать только, чем я стала теперь!

Теперь пустыня Сахара не оазис. Во всяком случае, не сплошной оазис. Теперь она пустыня. Пустынная пустыня ...

Потому что живет она только воспоминаниями.

Взгляд в будущее, которое для любого живущего ассоциируется прежде всего с надеждой на лучшее, более прогрессивное, позволяет уйти от сиюминутных амбиций и осмыслить многое с точки зрения его жизнеспособности и долговечности. В таком потоке информации, которым окружен современный человек, есть реальная угроза утонуть, если не иметь достаточно четких ориентиров и надежных лоцманов. Мы не можем уподобиться пустыне Сахара и жить только воспоминаниями, но не можем и не помнить о том, из каких оазисов берем свое начало, поэтому истину, или почву для выживания и самосохранения, следует искать где-то посередине. Этим можно объяснить и появление такой новой междисциплинарной науки, как лингвокультурология, которая самим временем и запросами современного общества призвана выступить в качестве своеобразной лоции, или «руководства для плавания», в непростом, сверхчувствительном океане под названием «Язык и культура».

Именно лингвокультурологам предстоит определить тот фарватер, по которому плыть безопасно, обозначить те ориентиры, которые станут маяками в безбрежном поликультурном пространстве, где соприкасаются различные языки и культуры, перетекающие одна в другую, обогащающие друг друга и одновременно старающиеся сохранить свою идентичность, верность своей традиции и своим истокам. Поэтому, только изучив детально состояние поликультурной, полиэтничной среды, можно искать пути правильного разрешения сложных проблем, связанных с функционированием языков в таком регионе, освободиться от амбициозности в проведении решений, не соответствующих интересам поликультурного социума, т.к. ясно априори: все, что насаждается насильно, без учета реальных потребностей общества, в наш прагматичный век останется нежизнеспособным, поскольку, будучи изначально отягощено грузом неестественности, отторгается самим живым организмом, каковым является социум. Но на все эти отрицательные процессы тоже требуется время, которое с успехом можно употребить на созидание, на продвижение вперед по пути прогресса, на создание условий, способствующих формированию тех пяти компетенций, которые Советом Европы выделены в качестве базовых и необходимых сегодня любым специалистам.

1. Политические и социальные компетенции, связанные со способностью брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, участвовать в функционировании и развитии демократических институтов.

2. Компетенции, касающиеся жизни в поликультурном обществе, призванные препятствовать возникновению ксенофобии, распространению климата нетерпимости и

способствующие как пониманию различий, так и готовности жить с людьми других культур, языков и религий.

3. Компетенции, определяющие владение устным и письменным общением, важным в работе и общественной жизни до такой степени, что тем, кто ими не обладает, грозит изоляция от общества. К этой группе общения относится владение несколькими языками, принимающее все возрастающее значение.

4. Компетенции, связанные с возникновением общества информации. Владение новыми технологиями, понимание их силы и слабости, способность критического отношения к распространяемым по каналам СМИ и Интернета информации и рекламы.

5. Компетенции, реализующие способность и желание учиться всю жизнь не только в профессиональном плане, но и в личной и общественной жизни [12, с.8].

Опираясь на эти рекомендации, национальная доктрина развития образования Украины определила, что главной целью украинской системы образования в XXI столетии является создание условий для развития и самореализации каждой личности. Реформирование образования предусматривает изменение содержания обучения, основным приоритетом которого становится ориентация на «ключевые компетенции», позволяющие ученикам в дальнейшем самостоятельно решать разные проблемы в профессиональной, социальной и повседневной жизни.

Если говорить о самом термине «компетенция», то в научной традиции принято описывать компетенцию через такие термины, как знания, умения, навыки. Однако, как отмечает П.В. Сысоев, ссылаясь на исследования Ж.Л. Витлина [5] и Р.П. Мильруда [7], «в практическом плане очень трудно разделить умения и навыки. Связь навыков и умений нашла свое отражение в западных концепциях компетенции, состоящей из знаний и деятельности. Компонент «знания» подразумевает теоретическое владение материалом. «Деятельность» же является использованием знаний на практике» [13, с.16-17]. Поэтому, рассматривая вопросы, связанные с формированием лингвокультурологической компетенции, следует в первую очередь говорить о дидактическом наполнении этого понятия. Разрабатывая модель соизучения языка и культуры, необходимо не только определить базовый минимум знаний, но и сделать его открытым, указав потенциальные пути расширения этих знаний в самостоятельной познавательной деятельности. Кроме того, опыт применения знаний должен подтверждать на практике их актуальность и ценность для успешной межкультурной коммуникации в условиях поликультурной среды.

На первом этапе создания такого базового минимума знаний для формирования лингвокультурологической компетенции необходимо произвести диагностику поликультурного пространства, выявив при этом исторические условия поликультурности и современное состояние поликультурной среды. Заглянув в глубь веков, можно увидеть чрезвычайно интересную картину, понять, почему Крым считается перекрестком цивилизаций [9]. Такая информация о многочисленных народах, оставивших свой след на крымской земле, позволяет воочию убедиться в том, что история – это люди, их отношения, культуры, нашедшие отражение в языках. Поэтому так неоднозначна современная лингвокультурная ситуация в Крыму, описать которую позволяют данные социологических опросов и исследований.

Лингвокультурная ситуация является основной категорией лингвокультурологии и рассматривается как совокупность языков и связанных с ними культур в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое

равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования и в рамках определенного временного среза [14]. Если говорить о Крыме, то это поликультурный регион, на территории которого проживает свыше 110 различных этносов, имеющих свою культуру, свой язык. Самые большие национальные общины – русские (до 70% населения), украинцы (почти 20%) и крымские татары (около 10%). Кроме указанных, на полуострове проживают азербайджанцы, армяне, болгары, греки, грузины, венгры, евреи, итальянцы, поляки и многие другие, среди которых есть и так называемые малочисленные народы (например, караимы, крымчаки, численность которых определяется несколькими сотнями). Крым, таким образом, представляет собой сложное культурно-языковое пространство, которое продуцирует двойную и тройную идентификацию, а это ведет к образованию некой надэтнической общности. Молодое поколение в значительно большей степени, чем среднее и старшее, владеет разными языками (украинским, русским, иностранным, своей этнической группы), и языковой фактор не является для него главным. Наибольшее значение в рамках этнической консолидации для молодежи имеет историческая родина (35,6%) и общность происхождения (34,5%).

Существенно влияют на лингвокультурную ситуацию такие факторы, как языковая политика, наука, структура образования, социально-политические и экономические условия, складывающиеся длительное время межэтнические отношения.

В количественном отношении языковую ситуацию в Крыму следует считать многокомпонентной, так как в регионе функционируют языки украинский, русский, крымскотатарский, болгарский, армянский, греческий, белорусский и др. Доминирующими языками признаются русский, украинский, крымскотатарский. При этом следует иметь в виду, что число носителей и число говорящих на языке явно не соотносится с национальной принадлежностью и национальной самоидентификацией.

Коммуникативная ценность так называемых доминирующих языков также неравнозначна. Это обусловлено рядом экстралингвистических причин. Прежде всего тем, что традиционно русский язык являлся и является в настоящее время средством межнационального общения. Он выполняет различного рода социальные функции: используется в школе, на производстве, в семье, в СМИ.

Все это происходит по той причине, что большинство населения Крыма привыкло мыслить, говорить, получать информацию на русском языке. Украинский, как государственный язык, активно входит в сферу делового общения, в образование, юриспруденцию, СМИ, чем обуславливается рост престижности украинского языка.

По итогам Всеукраинской переписи населения 2002 года, сегодня в Крыму проживает 1 млн. 180,4 тыс. русских (58,5%), 492,2 тысячи украинцев (24,4%), 243,4 тысячи (12,1%) крымских татар. 77% крымчан считают русский язык родным языком. Крымскотатарский – родной для 11,4% крымчан, а украинский – для 10,1%. Но не всегда человек, относящий себя к какой-либо национальности, считает свой национальный язык родным, т.е. языком постоянного общения.

Русский язык, по данным переписи населения 2002 года, – родной для 99,7% крымчан-русских, для 59,5% украинцев и для 5,9% крымских татар. Свой национальный язык считают родным 93% крымских татар и только 40,4% украинцев.

Зарегистрировано также 8,7 тыс. крымских армян, 4,5 тыс. евреев, 3,8 тыс. поляков, 3,7 тыс. молдаван, 3,7 тыс. азербайджанцев, 2,9 тыс. узбеков, 2,9 тыс. корейцев, 2,8 тыс.

греков, 2,5 тыс. немцев, 1,9 тыс. цыган, 1,9 тыс. болгар, 1,8 тыс. грузин, 1,1 тыс. марийцев и др.

В силу сложившихся социально-политических причин можно обозначить так называемую сферу языковой компетенции. По этому признаку, считает А.М. Эмирова, людей, живущих в Крыму, можно разделить на 4 группы:

- 1) симметричные билингвы, свободно владеющие родным и русским языками;
- 2) асимметричные билингвы, использующие родной язык только в семье, в остальных сферах жизни – русский;
- 3) асимметричные билингвы, пользующиеся русским языком лишь в обстановке бытового общения с представителями других национальностей, в остальных сферах – родным языком;
- 4) монолингвы, владеющие только русским языком [15, с.27].

Монолингвами являются, как правило, люди среднего и пожилого возраста, использующие русский язык во всех сферах жизни. Преобладающую часть асимметричных билингвов составляют люди, хорошо знающие и мыслящие на русском языке. Группу симметричных билингвов составляет, как правило, так называемая интеллектуальная элита. Таким образом, на территории Крыма правильнее было бы говорить о полилингвизме.

Определение русскоязычного населения Крыма как национального меньшинства, таким образом, не соответствует реальному положению дел (нарушена этика идентификации) и противоречит правам меньшинства на развитие национальной культуры и языка в местах компактного проживания.

В Статье 6 Конституции Автономной Республики Крым (1992 г.) статус трех доминирующих языков – русского, украинского, крымскотатарского – был определен как государственный. С 1996 года, после принятия новой Конституции Украины, отношения между языками в Крыму регулируются Статьей 10, в которой отмечается, что «В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств». 21 октября 1998 года утверждена новая Конституция Автономной Республики Крым, в которой декларируется статус русского языка как языка межнационального общения в Крыму параллельно с государственным языком.

Если правовое поле Украины ориентируется на общепринятые международные дефиниции понятий «государственный язык» и «официальный язык» («Государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства» [10, с.3-7]), то следовало бы конституционно закрепить положение об официальном статусе в Крыму русского и крымскотатарского языков.

В практике языкового строительства имеются прецеденты такого рода: русский язык имеет статус официального языка в Республике Саха (Якутия), в Кыргызстане; на территории Швейцарии равноправно функционируют четыре национальных языка. При этом ни один язык не имеет преимуществ перед другими, языки не шкалируются по степени официальности.

Европейский опыт доказывает, что государство может быть абсолютно жизнеспособным, не имея единственного официального языка. Различные

национальные языки могут сосуществовать параллельно. Язык, подавляемый годами и потому ослабленный, может снова стать основным средством коммуникации в жизни одного или двух поколений. Язык, выполняющий коммуникативную роль, не всегда может заменить использование родного языка [2, с.41-43]. Поэтому описание так называемой языковой картины мира (термин «языковая картина мира» в данном случае используется метафорически) на основе общественно-исторического опыта определенной национальной общности людей создает специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, своеобразного отношения к ним данного народа. И только через содержательную сторону языка можно увидеть картину мира данного этноса, которая является фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем отличаются национальные культуры, как они дополняют и обогащают друг друга. Следовательно, напрашивается вывод: языковая политика должна соотносить желаемое с возможным, коррелируя то, что есть, с тем, что должно быть, формировать новый языковой опыт, не разрушая сложившийся. Тем более что новейшие социологические исследования не подтверждают «распространенного мнения о значимости языка для объединения этноса» [8, с.98].

По данным социологических исследований, проведенных социологической службой «КрымСоцис» совместно с Центром регионального развития в сентябре 1995 года две трети русских и украинцев, проживающих на полуострове, считают Крым своей родиной. Среди крымских татар таковых – девять из десяти. Эту ситуацию проясняют данные представлений респондентов о смысле, вкладываемом в понятие «родина», приведенные в таблице [6, с.52-62].

Таблица 1. Что значит для меня родина? (%)

	Все население	Национальные группы		
		Крымские татары	Русские	Украинцы
- Место, где я родился	49,4	15,9	50,7	58,4
- Место, где родились и выросли мои предки	13,9	75,4	8,6	7,0
- Место, где я прожил(а) значительную часть своей жизни	28,8	4,3	31,3	29,4
- Место, где я хотел бы жить	5,8	1,4	7,4	3,3
- Другое	2,0	2,9	2,0	1,9

В ответе на вопрос *Представители каких национальностей с полным правом могут считать Крым своей родиной?* четыре пятых русских и украинцев полагают, что с полным правом могут считать Крым своей родиной представители всех национальностей, проживающих сейчас на полуострове. Половина крымских татар признает такое право только за представителями своего этноса.

Таблица 2. Крым – моя родина (%)

	Все население	Национальные группы		
		Крымские татары	Русские	Украинцы
- Крымские татары	4,1	50,7	0,2	0,3
- Русские	10,1	7,5	12,0	5,6
- Украинцы	1,3	0,0	0,5	4,2
- Другие	2,5	0,0	2,8	2,8
- Представители всех национальностей, проживающих сейчас в Крыму	76,8	35,8	79,1	82,8
- Затрудняюсь ответить	5,2	6,0	5,4	4,2

Интересными представляются сведения о языках, на которых респонденты общаются в кругу семьи.

Таблица 3. Язык общения в кругу семьи (%)

	Все население	Национальные группы		
		Крымские татары	Русские	Украинцы
- Русский	94,3	67,6	99,7	90,2
- Украинский	13,0	4,1	6,1	38,4
- Крымскотатарский	7,2	82,4	0,3	0,9
- Другой	1,7	4,1	0,5	0,9

В связи с тем что в случае двуязычия респондент мог отметить оба языка, суммарный итог превышает 100%. Обращает на себя внимание ярко выраженное двуязычие в среде крымских татар, а также русско-украинская билингвистичность украинцев.

Дополнительно следует отметить, что из общего количества опрошенных крымских татар 81,2% считают своим родным языком крымскотатарский, 14,5% – русский, 1,4% – украинский, 2,9% – другой язык.

Лингвокультурная ситуация в Крыму складывается таким образом, что, хотя около четверти крымских татар и не одобряют использование русского языка людьми, не являющимися этническими русскими, почти половина из них позитивно относится к этому обстоятельству. Данные свидетельствуют о том, что многие люди, не будучи русскими по национальности, считают русский язык родным.

Таблица 4. Русский – родной язык (%)

	Все население	Национальные группы		
		Крымские татары	Русские	Украинцы
- Положительная	83,6	44,6	89,6	80,3
- Отрицательная	4,3	23,0	1,3	5,8
- Затрудняюсь ответить	12,1	32,4	9,1	13,5

Существенным обстоятельством, определяющим значимость того или иного языка в жизни общества, можно считать *предпочтение в выборе языка преподавания предметов в школе.*

Таблица 5. Язык преподавания в школе (%)

	Все население	Национальные группы		
		Крымские татары	Русские	Украинцы
- Школа с преподаванием предметов на русском языке	86,7	38,4	96,8	77,4
- Школа с преподаванием предметов на украинском языке	2,9	0,0	0,3	12,3
-Национальная школа с преподаванием предметов на другом языке (армянском, греческом, крымскотатарском и др.)	5,5	46,6	0,5	2,8
- Затрудняюсь ответить	4,9	15,1	2,4	7,5

Несмотря на то, что относительное большинство крымских татар (46,6%) предпочитает обучение своих детей в школе с преподаванием предметов на родном языке, значительная их часть (38,4%) желает обучать своих детей в русскоязычных школах.

Таким образом, можно утверждать, что на территории полуострова русский язык является приоритетным для использования в образовательной сфере, в быту, а также в различного рода языковых коммуникациях.

В сфере делового общения в устной форме в крупных городах чаще используется русский язык. На различного рода крупных официальных совещаниях, заседаниях, конференциях внутривеспубликанского характера используется как русский, так и украинский язык, причем русский несколько чаще. В практике проведения совещаний и заседаний организаций (в сельской местности и небольших городах) украинская речь слышится чаще, а иногда оказывается господствующей. Все важнейшие официальные материалы публикуются на украинском языке. Делопроизводство ведется параллельно на украинском и русском языках. Причем русский язык используется для внутреннего пользования, украинский язык (как государственный) является обязательным для официальной документации.

В сфере печатных изданий используется украинский, русский, крымскотатарский, немецкий, еврейский, белорусский, армянский, греческий языки. Печатная продукция оформляется в основном на русском языке. Это связано с запросами общества, которое привыкло мыслить и получать информацию на языке межнационального общения. и законами рынка, который стремится для своей рентабельности, выгоды обеспечить максимально удобный и быстрый доступ к своей продукции.

Театры работают в республике на украинском, русском и крымскотатарском языках. Местные программы радио и телевидения идут на украинском, русском и национальных языках, иногда используется и комбинированная языковая трансляция.

Следует отметить, что широта и глубина распространения украинско-русского двуязычия (закрывающаяся в продвинутой ступени владения обоими языками у билингвов) непосредственно связаны с близостью этих языков. Важнейшей

особенностью украинско-русского двуязычия является то, что это двуязычие близкородственное. Дело не только в генетическом родстве, но и в крайней близости систем украинского и русского языков, которая выработалась на базе генетического родства в результате взаимных влияний и параллельного развития некоторых языковых категорий. Без близкого родства едва ли возможна такая близость языков, какую мы имеем в случае с украинским и русским языками. Это и дает основание использовать в данном случае выражение «близкородственное двуязычие».

Украинско-русское двуязычие, способствуя взаимообмену языковыми элементами, укрепляет близость украинского и русского языков. Близость эту можно увидеть на различных языковых уровнях.

Так, характер украинско-русского двуязычия не только контактный, но и культурный. Русский язык в этом плане оказывается прямым источником пополнения украинской лексики словами не только русского происхождения, но и других восточных и западных языков, интернационализмами, церковнославянизмами.

Если характеризовать крымскотатарско-русский билингвизм, то следует отметить гораздо меньший характер взаимопроникновения. Это обусловлено прежде всего тем, что крымскотатарский язык и русский язык относятся к разным языковым группам, неродственным по происхождению. Более того, длительное время крымскотатарский язык не звучал на территории Крыма. В полной мере о русско-крымскотатарском билингвизме, видимо, говорить не приходится. На территории полуострова проживают также представители других этнических групп: греки, поляки, болгары, немцы, армяне и др. Поэтому в силу сложившихся обстоятельств общественно-политического, культурно-языкового плана на территории Крыма следует говорить о полилингвизме с преобладанием русского языка.

Русский язык, как отмечают носители языка и те, кто владеет русским языком, для многих является вторым родным языком. Причина превращения русского языка во второй родной язык – в тех необозримых горизонтах, которые он открывает; в традиционном представлении его как языка межнационального общения; во внутреннем богатстве и выразительности русского языка.

Еще одна важная информация: «Половина крымских татар и русских показали нормальное развитие потребности в этнической идентичности: для них ценностями являются как высокая толерантность, так и собственные этнокультурные ценности, а также развитая мотивация этнического взаимодействия и общения» [8, с.93].

Выводы. Таким образом, суммируя данные социологических исследований, можно заключить, что в Крыму в различных сферах жизни (бытовое и деловое общение, сфера культуры, интимно-семейная обстановка и публичная коммуникация) довольно широко используется многоязычие с преобладанием русского. Одни и те же лица в различной обстановке пользуются то украинским, то русским, то крымскотатарским языком. Изменение условий при этом может быть минимальным: достаточно, например, в группе носителей украинского языка в семейной обстановке появиться гостю, не владеющему украинским языком, чтобы разговор перешел на русский язык. Вследствие того, что в республике среди активной части населения широко развито понимание как русского языка украинцами, так и украинского языка русскими и представителями других национальностей, живущих в Крыму, нередко в рамках одного и того же публичного собрания и даже разговора вполне свободно могут употребляться одним говорящим один язык, а другим – другой. Имеется тенденция к переходу на общий язык,

если только это возможно (т.е. если имеется такой, каким все участники разговора активно владеют и практически используют).

Следовательно, концепция образования в условиях полиэтничного Крыма должна опираться на результаты проведенной диагностики лингвокультурной ситуации этого региона.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. – №2. – 2003.
2. Бобахо В.А., Левикова С.И. Культурология. – М.: ФАИР. ПРЕСС, 2000.
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. – Симферополь: Доля, 2002.
4. Буров А.А. Гармонизация языковой картины мира поликультурного региона: старая проблема в новом социолингвистическом интерьере. – III Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 23-25 сентября 2005 г. Тезисы докладов.
5. Витлин Ж.Л. Навыки и умения в психологии и методике обучения языкам // Иностранные языки в школе. – №1. – 1999.
6. Ефимов С.А. О специфике массового сознания основных национальных общностей Крыма // Диалог украинской и русской культур в Украине. – Материалы II-й международной научно-практической конференции. – К, 1998.
7. Мильруд Р.П. Навыки и умения в обучении иноязычному говорению // Иностранные языки в школе. – 1999. – №1.
8. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. – Симферополь: Доля, 2002.
9. Крымские татары. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: Доля, 2005.
10. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / НАН України, Ін-т української мови. – К.; Сімферополь, 1997.
11. Рахмагуллина З.Я. Национальное образование в Республике Башкортостан: опыт и достижения. – III Международная научная конференция «Язык и культура». Москва, 23-25 сентября 2005 г. Тезисы докладов.
12. Соловова Е.Н. Подготовка учителя иностранного языка с учетом современных тенденций обновления содержания образования // Иностранные языки в школе. – 2001. – №4.
13. Сысов П.В. Язык и культура: в поисках нового направления в преподавании культуры страны изучаемого языка // Иностранные языки в школе. – 2001. – №4.
14. Шапкин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997.
15. Эмирова А.М. Крымскотатарский язык в лингвокультурной ситуации Крыма // Проблемы взаимодействия языков и культур в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. – К.: УНВЦ «Рідна мова», 1999.

Поступила в редакцию 01.02.2006 г.

УДК 81'71

УКРАИНСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ. СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Исаев М.И.

1. Язык обычно сравнивают с зеркалом. Но это верно лишь отчасти. Зеркало может отражать предметы лишь в определенный момент. В отличие от этого, язык в умелых руках может отражать не только существо предметов и явлений, но и отношение к ним людей в ту или иную эпоху.

Известно, что историю (в особенности древнюю) отдельных народов и регионов земли ученые определили исключительно по данным языка. Эти же данные свидетельствуют об особенностях материальной и духовной культуры самих народов. Недаром замечательный поэт П.А. Вяземский заявлял:

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.

Более того, в зеркале языка непредвзятые специалисты могут распознавать характерные черты взаимоотношений между различными народами в разные исторические эпохи. При этом следует иметь в виду, что контакты между нациями, народностями, этносами служили и служат всегда важнейшим стимулятором прогресса человеческого общества. Это относится, разумеется, и к социокультурным взаимоотношениям таких близкородственных народов, как украинцы и русские..

2. Как отмечает У. Вайнрайх, процессы взаимодействия неродственных языков имеют свои особенности. В этом плане яркий пример мы находим в контактировании украинского и русского языков, которое к тому же происходит с самого их зарождения. Более того, носителей обоих языков объединяют многочисленные нити исторических судеб и общие основы социальных культур.

Если говорить об украинском вкладе в развитие русского литературного языка, то он имеет длительную историю, т.к. традиция использования русскими писателями элементов украинского языка восходит к XVII-XVIII вв. Это явление своей вершины достигло в творчестве Н.В. Гоголя. Характерно, что В.Г. Белинский высоко оценивал поэму «Мертвые души», называя ее «высокохудожественным произведением русской литературы («Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»)» В то же время великий критик отмечал влияние украинского языка на художественный текст автора. Эту же мысль подчеркивает В.В. Набоков: «В период создания «Диканьки» и «Тараса Бульбы» Гоголь...чуть было не стал автором украинских фольклорных повестей и красочных историй» [4, с.51]. Отмечая процесс обогащения Гоголем русской литературы, Ю.Я. Барабаш считает «языковую биографию» писателя «непрерывной цепью метаний между природным складом малоросса и постоянной необходимостью подыскивать русские слова для выражения этого склада» [1, с.81]. О влиянии на русскую культуру

манеры письма Гоголя пишет также известный литератор Г.Д. Гачев: «Все эти сорочинцы, миргородцы, парубки, казаки сечи запорожской – с особыми жизненно сюжетными ситуациями, преданиями, языком и юмором – как раздвинули они, влившись, реку русской литературы!» [2, с.612].

Как отмечают специалисты, усиление контактов украинского языка с русским способствовали многие другие исторические события, начиная с позднего средневековья. Одним из них можно считать появление на Украине книгопечатания, основателем которого явился русский первопечатник Иван Федоров, напечатавший во Львове в 1571 г. книги «Апостол» и «Букварь», а в 1581 г. – в г. Остроге на Волыни – «Острожскую библию». К этим же событиям можно отнести учреждение Киево-Могилянской академии (1701 г.), проведение в 1708 г. реформы алфавита и введение в светских изданиях так называемой «гражданки» вместо церковного письма. Этим письмом пользовались при создании летописей Самовидца, Величко, составлялись деловые документы в канцелярии Б. Хмельницкого, а также стихотворения выдающегося украинского писателя-философа XVIII в. Г.С. Сковороды.

3. Необходимо специально отметить, что процесс разворачивания украинским языком своих потенциальных возможностей во многом опирался на поддержку выдающихся русских революционеров-демократов и классиков русской литературы. Они в своих публицистических статьях и речах выступали против русификаторской политики царского правительства и за свободное всестороннее развитие украинского литературного языка. В этом плане особенно громко звучали голоса таких выдающихся деятелей русской культуры, как А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, А.М. Горький, и некоторых других.

На укрепление роста украинского литературного языка и расширение его взаимодействия с русским языком значительное воздействие оказало творчество русских писателей, создававших произведения о событиях в Украине, об украинских реалиях. В этом плане стоит назвать прежде всего имена А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Чехова, Н. Гоголя, Л. Толстого, М. Горького, А. Серафимовича, А. Радищева, В. Маяковского, М. Шолохова. Столь же значительно в этом соотношении творчество украинских писателей (нередко писавших на двух языках: украинском и русском): И. Котляровского, Г. Квитки-Основьяненко, Е. Гребинки, Т. Шевченко, Марка Вовчка, Леси Украинки, М. Коцюбинского, И. Кочерги, И. Микитенко, А. Корнейчука, Павло Тычины, М. Рильского и некоторых других.

4. Раскрытию потенциальных возможностей дальнейшего развития украинского литературного языка в тесном сотрудничестве с русским языком во многом способствовали и все еще способствуют труды ученых-филологов.

Еще в трудах великого М.В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке», «Российская грамматика», «Риторика» и некоторых других заложены основы научной разработки славянских языков, включая украинский. Огромный вклад в науку об украинском языке внес И.И. Срезневский в работе «Взгляд на памятники украинской народной словесности» (1834). Немало интересных сведений об украинцах, их этнографии и языке находим в трудах таких ученых, как А.Н. Пыпин, П.А. Лавровский, Ф.Е. Корш, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, Н.И. Костомаров, Ф.Ф. Фортунатов.

В советское время вопросы становления и развития украинского языка наиболее широко освещаются в трудах русских ученых В.В. Виноградова, В.И. Борковского,

Ф.П. Филина, Н.И. Трубачева. Это имеет большое значение для развития славистики и украинноведения.

В самой Украине ученые-филологи вносят большой вклад в анализ проблем украинско-русских языковых взаимоотношений. Большинство эти специалисты сосредоточены в старейших научных центрах. Харьковском, Киевском, Львовском, Одесском, Таврическом университетах. Среди ученых особенно большой вклад в изучение украинско-русских языковых связей внесли и вносят И.К. Белодед, Л.А. Булаховский, Г.П. Ижакевич, Т.Х. Черторижская, Г.Ю. Богданович и др.

5. Усилиями перечисленных и других ученых-славистов в настоящее время проанализирован довольно обширный пласт украинизмов, вошедших в лексику русского литературного языка. При этом обычно огромное количество лексических украинизмов в русской речи делят на три типа.

В одну группу объединяются стилистически нейтральные слова, используемые для создания местного колорита: бандура, хлопец, вареники, бульба и т.п. Другой тип составляют слова, которые в русской речи приобрели экспрессивную выразительность: малевать, байки, по-школярски и т.п. Третью группу составляют украинизмы, включаемые в русскую речь без очевидной семантико-целевой установки: дивиться, хмариться и т.д.

В особую группу выделяются слова, образованные с помощью заимствованных из украинского суффиксов -роб и -щина. Например: хлебороб, землероб, Смоленщина, Тамбовщина и др.

Как говорится, русский язык не остался в долгу перед своим собратом, украинским языком. Но эта уже тема другого разговора.

Однако хочется завершить свое выступление поэтическими словами замечательного поэта Павла Тычины:

Рядом льется наша «мова»
С русской Волгой речевой...
Эта мова – черноброва,
Та – сияет синевою...

Список литературы

1. Барабан Ю.Я. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М., 1995.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 2002.
3. Ижакевич Г.П. Украинские заимствования в русском литературном языке и их стилистическая роль// Взаимодействие и взаимоотношения языков.
4. Пабоков В.В. Лекция по русской литературе. – М., 1996.

Поступила в редакцию 11.04.2006 г.

УДК 81'1:130.2

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ КАК ПАРАДИГМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Карпенко А.В.

Актуальность. В течение последних лет исследования языка претерпели значительные изменения, которые заставляют еще шире раздвинуть и без того очень широкие горизонты лингвистики. Они подчеркивают огромную роль знаков в человеческой деятельности, утверждая, что семиотические проблемы, обсуждавшиеся учеными с древнейших времен, актуальны сегодня как никогда. Такие крупные ученые, как Платон, Лейбниц, Гегель и Дьюи, Гумбольдт, Кассирер и др., исследовали природу и роль знаков. Изобретение языка, состоящего из знаков и их связей, Гоббс считал наиболее благородным и выгодным из всех других изобретений человека. На коммуникативную функцию языковых знаков указывали Гегель и Гумбольдт, которые подчеркивали роль знаков в формировании духовного мира личности. Благодаря языку индивид усваивает мир человеческой культуры. Языковые знаки, по мнению Гегеля и Гумбольдта, являются средством коммуникации людей, формой взаимной связи между отдельным индивидом и человеческим обществом, его историей.

Постановка проблемы. Теория языкового знака ведет свое начало от Ф. де Соссюра. Положение Соссюра о том, что природа знака произвольна, принимается в качестве очевидной, никем не оспариваемой истины. В «Курсе общей лингвистики» он определяет знак как целое, являющееся результатом ассоциации означающего (= акустического образа) и означаемого (= понятия). Соссюр утверждает, что знак произволен по отношению к означаемому, с которым не имеет никакой естественной связи в реальном мире. Однако же Эмиль Бенвенист настаивает, что связь между означаемым и означающим не произвольна; напротив, она необходима. Понятие («означаемое») неизбежно отождествляется со звуковым комплексом («означающим»). И действительно, они вместе запечатлены в нашем сознании, вместе возникают в представлении при любых обстоятельствах. Симбиоз между ними столь тесен, что понятие является как бы душой акустического образа. В сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий. Таким образом, здесь можно говорить одновременно и о неизменяемости, и об изменчивости знака: знак неизменяем, поскольку в силу своей произвольности он не поддается воздействию с позиций какой-либо разумной нормы; знак изменчив, поскольку, будучи произвольным, постоянно подвержен изменению.

Именно с появлением работы американского ученого «Основы теории знаков» в международной энциклопедии унифицированной науки начинаются систематические исследования в области семиотики. «Понятие знака, – пишет Ч. Моррис, – может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии или понятие клетки для биологии» [13, с.42]. Знак рассматривается Моррисом как основной агент в развитии «индивидуальной свободы и социальной

интеграции». Семиотика обеспечивает базис для понимания основных форм человеческой активности, так как, опосредованная системой знака, она составляет необходимое звено общественной практики. По мнению Дж. Дьюи, в употреблении знаков и только знаков усматривается «ключ» к объяснению всей человеческой деятельности. «Человек живет в своих символах, подчиняет себя им», – пишет Ч. Моррис [14, с.87], – и сила и слабость человека, его могущество, и его горе, – все это приписывается знакам. Правда, Морриса отличает более широкий подход к теории знаков и языков. Он приходит к выводу, что понятие практического интереса следует расширить таким образом, чтобы оно включало необходимость построения формальных знаковых систем, поскольку они могут использоваться при создании «унифицированной» науки.

К исследованию знаков в разное время обращались Чарльз Пирс, Дж. Мур и др. Пирсу принадлежит ряд важных мыслей о структуре знакового процесса, о классификации знаков и их функциях в познании. Положение Дьюи об инструментальном характере идей и идея Мида о социальной обусловленности знаковых процессов оказали значительное влияние на формирование общей семиотической концепции Ч. Морриса. В работе «Основы теории знаков» (вслед за Пирсом) Моррис исходит из триадической структуры семиозиса. Из трех элементов триадического отношения (знак, десигнат, интерпретатор) семиозиса может абстрагировать для исследования бинарные отношения. Можно изучать отношение знаков друг к другу. Это отношение Моррис называет синтаксическим измерением семиозиса. Изучение этого измерения составляет предмет синтактики. Синтактика как учение о формальной структуре знаковых систем абстрагируется от отношения знаков к объекту и интерпретатору. Можно изучать отношение знаков к объектам, к которым знак применяется. Это отношение называется семантическим измерением семиозиса. Оно изучается семантикой.

Одной из основных характеристик речевых знаков, по нашему мнению, является их предметная отнесенность, что предполагает уже развитую способность отвлечения и обобщения. Языковые знаки – это независимые от контекста той или иной ситуации образования, свойства и отношения окружающего нас мира. Во-вторых, благодаря условной связи с обозначаемыми предметами языковые знаки обладают свойством взаимозаменяемости и системности. В-третьих, знаки дают возможность закрепления и передачи информации со значительным разрывом во времени. Знаки создаются преднамеренно и существуют независимо от отдельных индивидов. В такой неличностной форме знаки представляют собой особую действительность, с которой можно оперировать. Идеальные образы предметов объективируются во внешней форме, опредмечиваются в знаках. Знак, оставаясь самим собой, оказывается в то же время «инобытием» другого предмета, точнее, материальным носителем его идеального образа и орудием оперирования им. Анализ понятия «знак» предполагает выявление характера отношения знака к репрезентируемому предмету. Мы определяем знак как чувственно воспринимаемое явление, которое репрезентирует другой, отличный от него предмет. На природу предмета репрезентации в семиотике не налагается никаких ограничений: это могут быть вещи, свойства и отношения, действия и процессы, психические явления и абстрактные объекты науки, символы других знаковых систем. Итак, в исследовании первостепенное значение имеет, конечно, объективная референция знаков, их соотнесенность с предметами, опосредованная отражающими их представлениями и понятиями. На наш взгляд, только такой подход позволяет выявить эвристическую роль знаков. Общим для всех знаков является то, что каждый из них относит нас к чему-то

другому, отличному от него самого. Выбранный в качестве знака предмет уничтожает свое «наличное бытие» и «дает ему в качестве его значения и его души другое содержание» [2, с.266]. Знаки могут быть классифицированы по разным основаниям, исходя из качества самого знака, его отношения к обозначаемому объекту или интерпретатору. Мы ограничимся здесь классификацией знаков с точки зрения их отношения к репрезентируемым объектам. Это иконические знаки, знаки символы и языковые знаки.

Первые создаются в человеческой культуре путем более или менее точного копирования реальных объектов или явлений. Можно сказать, что вся реалистическая живопись – это собрание иконических знаков. Употребление любого знака-символа основано на договоре между людьми, условия которого «записаны» в многовековой человеческой практике общения и в наиболее явной и непосредственной форме отражены в толковом словаре каждого языка. В отличие от иконического знака, знак-символ не обязан иметь ни малейшего сходства с тем предметом или явлением, которое он обозначает. Так, ненавистный всем автомобилистам «кирпич» – красный круг с белым прямоугольником посередине – может быть расшифрован словами «Проезд запрещен» лишь в том случае, когда человек заранее заучил значение этого знака. Мимические жесты в своем большинстве иконичны (и в силу этого неразложимы на более мелкие единицы).

Напротив, знаки звукового языка (морфемы – корень, приставка, суффикс и слова) являются чистыми символами, поскольку они за малыми исключениями не обладают ни малейшим сходством с тем, что обозначают. Отчасти именно поэтому слова допускают достаточно вольное обращение с собой, правда, лишь в рамках тех правил, которые приняты для этого в каждом отдельном языке. Взяв, например, корневое слово «стол» (выступающее в качестве морфемы), мы можем склонять его – «к столу», «от стола», «под столом»; можем прибавлять к нему приставки, суффиксы, получая в результате совершенно новые языковые символы: «застольный», «столида», «столешница», «столовая» и т.д.

Символы схватывают самую сущность абстрактных идей, придают им чувственно-наглядную форму. Так, огонь – это естественный символ жизни и страсти. Его мобильность и пламенность, жар и цвет делают огонь символом всего, что живет, чувствует и действует.

Надо отметить, что границы знаков очень подвижны; одни знаки могут содержать в себе черты других знаков. Так, математическую формулу, состоящую из языковых знаков, можно рассматривать как иконический знак, так как она изображает структуру репрезентируемых явлений. Ее можно рассматривать и как символ, потому что она выражает собой обобщение, допускающее бесконечное множество единичных интерпретаций. Это и имеет в виду, пожалуй, профессор А.Ф. Лосев, когда пишет: «Современная точная наука пользуется реально обоснованными, математическими формулами, которые дают общее как закон для получения единичного и предлагают единичное как проявление общей сущности и общего закона» [5, с.10].

Наибольший интерес представляют языковые знаки, которые и есть условные знаки в подлинном смысле этого слова. Языковые знаки занимают особое место в мире знаков; все другие, можно сказать, семантически вторичны по отношению к ним. По удачному определению А. Шаффа, «все знаки, кроме словесных, светятся отраженным светом» [8, с.181]. Языковые знаки – это условные знаки, обладающие системным и операционным характером, являющиеся средством коммуникации людей и концептуального отражения действительности. Они являются подлинными знаками

потому, что осуществляют репрезентативную функцию независимо от какого-либо сходства или аналогии со своими объектами и равным образом независимо от какой-либо физической связи с ними.

Именно потому, что языковые знаки не имеют сходства с репрезентируемым содержанием, они служат мощным средством абстрагирования и обобщения, без которых немыслимо познание вообще. Основными социально значимыми системами языковых знаков являются звуки в речевой деятельности и графические знаки при письме. Поскольку между этими системами знаков существует изоморфное соответствие, рассмотрение одной из них предполагает другую (частичное расхождение между начертанием и произношением для гносеологии несущественно). Более того, «написанное слово столь тесно переплетается с произносимым, чьим изображением оно, в конце концов, присваивает себе главенствующую роль; в результате изображения речевого знака приписывается столь же или даже больше значения, нежели даже самому этому знаку» [7, с.46].

Все это обуславливает необходимость более подробного анализа определяющих свойств языкового знака, из которых мы выделяем: 1) материальность знака, 2) его условность и 3) осмысленность знака. К материальной характеристике знаков относятся чувственная воспринимаемость, структурная организованность знаковых форм, то есть их линейно упорядоченный характер. Важен не способ начертания сам по себе, а такие различия, которые позволяют отличать этот знак от всех прочих внутри определенной системы. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, чем знак отличается, и есть все то, что его составляет. Языковая система есть ряд различий в звуках, комбинированный с рядом различий в идеях [7, с.119-120].

Определение Соссюром языка как мысли, организованной в звучащей материи, близко к пониманию языка как непосредственной действительности мысли. Вполне логично (в соответствии с таким пониманием языка), что в качестве языковой единицы Соссюр выделяет «отрезок звучания», являющийся (с исключением того, что ему предшествует, и того, что за ним следует) в речевой цепи означающим некоего понятия [7, с.106]. Этой осмысленной единицей языка является слово. Осмысленность языковых знаков, то есть их способность выражать человеческие знания, является действительно их внутренним определяющим свойством. Языковые знаки представляют собой общественную форму бытия человеческих знаний. Учитывая это нерасторжимое единство знака и значения (нет сомнения, что даже этимологически слово «знаю» связано с глаголом «знать»), в качестве основных знаковых единиц мы рассматриваем такие элементы языка, чувственное восприятие которых пронизано семантико-смысловой категоризацией. Это слова, предложения, лингвистические операторы (глаголы, связки, союзы и т.д.). Звуки или буквы, то есть компоненты выражения, не имеющие собственного содержания, Л. Ельмслев назвал «фигурами». Выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования, где код означает способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются коммуникативная и др. функции языка.

Понятие знака является прямой противоположностью образа. Знак есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе [2, с.256, с.266]. Знак репрезентирует тот или иной предмет независимо от какого-либо сходства с ним, равным образом независимо от какой-либо естественной причинной связи с обозначаемым объектом. Знак находится в отношении внешней координации с обозначаемым предметом; он не предполагает ни объективной реальности предметов, которые обозначаются, ни их первичности по

отношению к знакам, ни причинно-следственной связи. Понятие «образ» выражает идеальный характер, отражательную сущность наших знаний, их объективную детерминированность; «знак» – материальный способ их существования. Важно то, что познавательный образ не существует вне материального воплощения с помощью языковых знаков. В свою очередь, слово представляет собой «наличное бытие, оживленное мыслью» [2, с.273]. Это означает неразрывное единство знака и образа, посредством которого и реализуется эвристическая роль знаков. Активность образа детерминирует активность знаков; последняя, в свою очередь, представляет собой необходимое условие активности образа.

Подведем итоги. Знак неизменяем, поскольку в силу своей произвольности он не поддается воздействию с позиций какой-либо разумной нормы; знак изменчив, поскольку, будучи произвольным, постоянно подвержен изменению. В своей совокупности знаки образуют язык, который в семиотической теории, с одной стороны, выступает как «интерпретант всех прочих систем» (Э. Бенвенист), но в то же время оказывается «частным случаем семиотической функции» (Пиаже).

Условность знака оказывается тем свойством, которое обеспечивает выражение бесконечного содержания человеческой мысли с помощью ограниченного числа средств (фонем, букв), более того – непрерывный рост наших знаний. Выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования, где код означает способ упорядочения знаков в определенную систему, благодаря чему выполняются коммуникативная и др. функции языка.

Список литературы

1. Валлон А. От действия к мысли. – М.: Иск-во, 1956. – С.5-90.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия духа: Собрание сочинений. – М., 1956. – Т.3. – С.200-273.
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. / Пер. с нем. М. Лифшица. – Т.2. – М.: Иск-во, 1969. – 326 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм. – Т. 1. Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 272 с.
5. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Иск-во, 1976. – 367с.
6. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969. – 659с.
7. Соссюр Ф. Де. Курс общей лингвистики. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
8. Шафф А. Введение в семантику / Пер с польск. М.Я.Гловинской (и др.) Вступ. ст. В.А. Звсгичева. – М.: Иностранная литература, 1963. – 376с.
9. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: Сб. науч. р.: Пер с англ., франц., чеш., пол., болг. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-231.
10. Bertalanffy L. On the Definition of the Symbol // Psychology and the Symbol. Ed. by T.R. Royce. – N.-Y., 1965. – P.4-35.
11. Cassirer E. Was its der Mensch. – Stuttgart, 1960. – P.10-39.
12. Langer S. Philosophy in a New Key Cambridge, 1951. – P. 3-100.
13. Morris Ch. Foundation of the Theory of Signs. – International Encyclopedia of Unified Science. – N.-Y., 1938. – Vol. 1. – P.3-154.
14. Morris Ch. Significance and Signification. – Cambridge, 1964. – P. 2-120.

Поступила в редакцию 10.04.2006 г.

УДК 81'42

КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Карпенко У.А.

Когнитивный подход в изучении строения и функционирования языковых систем дал новый импульс для разработки глобальных проблем языкознания – взаимосвязи языка и культуры, исследования картин мира, выявления их национально-культурной специфики. Изучение ситуации, обозначаемой фреймом «Вооруженное противостояние», является *актуальным* и перспективным не только в теоретическом, но и в практическом смысле. Одним из концептов, заполняющих позицию «действие» в данном фрейме, является концепт «Бой». *Цель данной статьи* – проанализировать реализацию его понятийных значений на материале поэтических текстов основоположников и реформаторов литературных языков своих культур (А.С. Пушкина, Дж.Г. Дайрона, А. Манцони), а также выявить их специфику в русской, итальянской, английской культурно-языковой традиции.

Этимологически слово «бой» восходит к «бить» – древнему общеславянскому, от праславянского *beiti с таким же значением. Основа *bei- обозначает «удар» или «орудие» [7, с.42]. Основным толкованием данного слова является «вооруженное столкновение воюющих сторон», в котором актуализируется этимологическая сема [1, с.88]. Для выяснения понятийных значений, формирующих данный концепт, обратимся к анализу микротекстов, логика цитирования которых заключается в описании ситуации самого боя, предводителя в бою, который этот бой олицетворяет. Бой представляется как результат выработанной стратегии, целью которой является победа, участие в бою есть подвиг, сам бой и доспехи помогают воину.

Со свистом туча стрел взвилась, Равнина кровью залилась; Стремглав наездники помчались, Дружины конные смешались; Сомкнутой, дружною стеной Там рубится со строем строй; Со всадником там пеший бьется; Там конь испуганный несется; Там русский пал, там печенег; Там клики битвы, там побег; Тот опрокинут булавою; Тот легкой поражен стрелой; Другой, придавленный щитом, Растопан бешеным конем... И длился бой до темной ночи; Ни враг, ни наш не одолел! «Руслан и Людмила» [5, с. 96].

В данном микротексте наблюдается большое количество глаголов, благодаря которым передан динамизм события. Ситуация в бою меняется очень быстро (туча стрел взвилась – равнина кровью залилась), в нее вовлечены все: дружины, отдельные воины, кони. В бою действует свое время (длился бой до темной ночи), однако завершение этого времени не приводит ни к какому результату (ни враг, ни наш не одолел), следовательно, ситуация боя важна как таковая, а не как ведущая к определенному завершению. После боя возможно наступление другой ситуации, однако она является уже другим фреймом, отличным от «вооруженного противостояния»: *Конь кипит под седоком, сабля свищет, враг валится... Бой умолк – и вечером Снова ковшик шевелится. Д. Давыдов, Песня старого гусара [3, с.42].*

Вновь в описании боя иным автором представлено значительное количество глаголов (3 на 2 стиха), передающих динамизм ситуации боя, в котором ярко выражены фреймовые позиции Актанта-субъекта (седок в значении «сражающийся воин»), Актанта-объекта (враг). Конец боя в тексте имплицирован многоточием. Конец ситуации боя отмечается наступлением другой ситуации – дружеского ужина, что вновь говорит о самооценности боя и о том, что последний не определяется завершающей функцией достижения цели.

В следующем примере реализуется образ главы-героя как участника боя: *Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр. Его глаза сияют... Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь как божья гроза. Идет. Ему коня подводят, Ретив и смирен верный конь. Почуя роковой огонь, Дрожит. Глазами косо водит И мчится в прахе боевом, Гордясь могучим седоком «Полтава» [5, с.296].*

Воин-царь Петр в образе героя наделяется особой духовной силой. Она заметна в сиянии глаз. Герой совмещает в себе красоту и ужас, вызывает смиренный страх – все эти характеристики соответствуют восприятию бога как языческого, так и христианского. Ему послушен конь, подобно тому как в сказках и мифах волшебный помощник или предмет служит лишь герою, которому предназначен.

Старый воин, который непосредственно не воюет на поле боя, мысленно участвует в сражении:

Но близ московского царя Кто воин сей под сединами? Двумя поддержан казаками, Сердечной ревностью горя, Он оком опытным героя Взирает на волнение боя. Уж на коня не вскочит он, Одрях, в изгнание сиротей, И казаки на клич Палея Не налетят со всех сторон! Но что ж его сверкнули очи, И гневом, будит мглою ночи...Покрылось старое чело «Полтава» [5,с.298].

«Бой» является тем, на что взирает старец, тем, что вызывает в нем горение. Старец этот именуется героем, что, однако, не соотносимо с мифологическим пониманием героя как могучего и бессмертного субъекта действия. Не-участие в боях, пребывание в изгнании ведет к «одряхлению», что соотносимо с пониманием войны как воспитывающей, обучающей силы. Однако, если умудренный воин не может участвовать в сражении физически, ему доступно сопереживание происходящему.

Таким образом, «бой», в отличие от «войны», которая является делом молодых, доступен каждому и вовлекает всякого. Бой воспринимается как радостное событие, как призвание:

Я люблю кровавый бой, Я рожден для службы царской! Сабля, водка, конь гусарский, С вами век мне золотой! Д. Давыдов, Песня [3, с.40].

Посессивами, сопровождающими ситуацию боя и выражающими удаль героя, являются оружие, конь, водка. Последний «посессив» подтверждает, что высшая степень храбрости проявляется тогда, когда воин выходит за пределы сферы рационального. Водка, которую русский народ употребляет, в частности, «для храбрости», представляется принадлежностью славного воина, не менее важной, чем конь или оружие.

Следующий пример показывает, что участником противостояния может быть не обязательно военный человек: *Глаза исполнены тоской, И черной падают волной Ее власы на грудь и плечи. В одной руке блестит тля, В другой кинжал ее булатный. Казалось, будто дева шла На тайный бой, на подвиг ратный «Кавказский пленник» [5, с. 126].*

Бой представляется как действие сугубо положительное, высокое, благородное. В ситуации боя прежде всего реализуются мужество, геройство, а не удаль и молодечество. Человек, решившийся духом на серьезный шаг, чувствует тоску, однако это может быть обусловлено ожидаемой разлукой героини с возлюбленным,

КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

предательством традиций своего народа, а не собственно боем. Атрибутом боя неизменно выступает оружие. Сам бой выглядит как нечто тайное, соотносится с ратным подвигом.

Бой как таинство ассоциируется с обрядами, доступными лишь посвященным. Подобным обрядом может считаться как обряд инициации, так и любое восходящее к нему действо посвящения.

В приводимом ниже микротексте «Бой» наделен эпитетом «верный». Следовательно, «Бой» выступает как своеобразный «союзник» воина.

В пещере иль в траве глухой Кровавый хищник с ним таится И вдруг, внезапною стрелой, Завидя путника, стремится; В одно мновенье верный бой Решиш удар его могучий, И странника в ущелье гор Уже влечет аркан летучий «Кавказский пленник» [5, с. 115].

Значение эпитета «верный» связано с ситуацией победы, одерживаемой «коварным хищником», причем «Победа» достигается не благодаря его воинским качествам, а силе, которая ему помогает. Как в сказочном сюжете, лишившись этой силы, персонаж проигрывает. Сам «хищник» предстает в составе метафоры превращения, он летит «стрелой», возможно в эту стрелу превращаясь. С другой стороны, исход боя – пленение совершается не действием «хищника», а опять-таки его волшебным предметом – арканом, который «влечет» сам, а не «хищник» влечет на нем жертву. Реалистическое описание боя допускает перекодировку в мифологическом ключе.

С целью выявления русской национальной специфики в составе концепта «Бой», сопоставим с выделенными понятийными значениями реализацию данного концепта в инокультурных контекстах.

Ситуация вооруженного противостояния в байроновском тексте выглядит так же, как в русских представлениях о том, что в вихре боя воин переходит из сферы рационального в сферу эмоций, совершая самые отважные поступки:

The heart of fight, the hurry of the gale,
Leave scarce one thought inert enough to quail
“The Corsair” [10, с.336]

В кипенье боя, в яростных волнах
Едва ли с мыслью будет
сплавлен страх «Корсар» [9, с.124]

В цитируемом примере «Бой» вербализируется словом «*fight*», которое истолковано в словаре следующим образом.

Fight – 1. To oppose or struggle against (an anemy) in battle. A battle, struggle, or phisical combat. A quarrel, dispute, or combat. Old English foehtan; related to Old Frisian fiuchta, Old Saxon, Old High German fehtan to fiht [8, с. 574] / *противостоять или бороться против врага в сражении. Сражение, борьба или физический бой. Из староанглийского foehtan, соотносится со fiuchta, старосаксонским, древневерхненемецкое fehtan – бороться.*

Понятие “fight”/«бой» включает сему индивидуальности сражения, что в толковании выражено артиклем единственного числа an, то есть бой с одним врагом, в этом нюансе значения «fight» соотносимо с русским «поединок», в котором сражение происходит один на один.

В приведенном микротексте актуализируется не просто «бой», а “heart fight”/«сердце боя», параллельно приводимое в контексте “hurry of the gale” / спешка, бег прилива. Следовательно, «сердце боя» соотносится с «бегом волн», воды, кажется некоей стихией, неподвластной человеку, которая и не руководит им, но и не управляема им. Данное заключение отличается от значения войны в русских текстах, ее «абсурдности», неподвластности человеку. Так же, как в русском осмыслении отваги в качестве эмоционального, а не рационального проявления, в данном английском примере “Leave scarce one thought inert enough to quail” – «Едва ли с мыслью будет

сплавлен страх», буквально: «едва оставляет единую мысль, достаточно инертную, чтоб струсить, дрогнуть». Следовательно, трусливая мысль – это медленная мысль, мысль холодная, инертная, исходящая от разума и потому невозможная в контексте боя, который предстает живым, наделенным сердцем, в нем нет места трусости, а есть эмоциональный порыв смелости.

When wrath returns to renovated strife
“The Corsair” [10, с.318]

Бой снова разразился дик и яр
«Корсар» [2, с.109]

В данном примере синонимическое “strife”/«борьба» (спор, препирательство) переведено как «бой».

Strife – angry or violent struggle; conflict. From Old French *estrif*, probably from *estriver* to strive [8, с.1528] / *злбная или силовая борьба, конфликт. Из старофранцузского *estrif*, возможно, от *estriver* бороться.*

В данном примере «strife», борьба, начинается снова из-за возобновленного «wrath»/гнева. Следовательно, «strife» – это то, что происходит от гнева и им питается, в отличие от других эмоций, возникающих в бою, которые могут иметь не темное, как злость, а благородное, светлое начало, как, например, «отвага» в русских текстах. Однако в следующем микротексте сражающийся, несмотря на то, что он является носителем гнева, показан доблестным и благородным:

Must he alone of all retain his breath,
Who more than all had striven and
struck for death? “The Corsair” [10, с.320]

Ужель дыханье будет в нем одном,
Кто, в жажде смерти,
бился ярим львом? «Корсар» [2, с.111]

В анализируемом примере интересно употребление глагола “striven” – бился, не «против», а «за», ради чего – *striven and struck for death* / боролся и бился за смерть, чтобы получить смерть как достигнутую цель. Состояние «выжить» указывается как “retain his breath” – «удержал дыхание». В русском переводе используется сравнение с животным, символизирующим «ярый бой», однако животное более ассоциируется с силой, чем с продуманностью, что прослеживается в английском тексте, в котором цель битвы четко осознается – герой сражается, чтобы найти смерть. Таким образом, в английском оригинале “strife” в значении сражения выглядит как нечто рационально осознаваемое, в отличие от русского, в котором ситуация боя предстает более эмоциональной, чем рациональной.

Оговорим, что на итальянском материале не было обнаружено показательных микротекстов со словом “*combattimento*”, наиболее точно соответствующим переводу слова «бой». Однако удалось выявить контексты, в которых концепт «Бой» вербализируется дериватами от слова “*pugno*” (кулак), обозначающими рукопашный бой. В ситуации боя воительницей называется сама страна Италия: *E questa donna di contado lido Questa antica, gentil donna pugnace “Il proclama di Rimini”* [9, с.73] «*Эта донна с великого берега, с древней славой военной и благородной*».

Донной называется Италия, находящаяся в столь важной части мира (великий брег), богатая благородными традициями, увенчанная военною славой. Сравнение страны с воительницей корнями уходит в историю амазонских сражений, отражается в искусстве многими шедеврами скульптуры и живописи, изображающими сражающихся воительниц. Возможно также отметить коннотацию матери-земли создаваемого образа Италии. В контексте подобного олицетворения бой представляется благородным, помещаясь в контекст воспетой военной доблести античных времен. В самом

КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

словоупотреблении Донна наделяется определением "pugnace" то есть та, что борется своими руками, идет врукопашную, защищая свою землю.

Олицетворение Родины свойственно также и русской культуре. Подобный троп имеет грамматическую базу, поскольку слово «Родина» женского рода. Также данное сравнение имеет фольклорную основу (ср. мать-сыра земля и более позднее «Россия-матушка»). Однако в русском языковом сознании фигурирует Россия-матушка, а не воительница. В контексте подобных номинаций имеет место только защита родной земли, а не нападение. Защита в обеих культурах всегда наделяется положительной оценкой.

O tali a cui piu' bella Pugna sembri tra loro ingiuria farse. "Il proclama di Rimini" [9, с.74]. «*О те, кому приятен бой, за нанесенное оскорбление*».

Вновь бой именуется словом «Pugna» (рукопашный бой). Ситуация противостояния снабжена положительной коннотацией, поскольку причиной является реакция обиженных на оскорбление. Отметим, что слово «Pugna» имеет позитивную оценку, поскольку, как правило, используется в ситуации защиты тех, на кого напали, или протеста обиженных.

В русском языковом сознании не столь конкретно выражается способ битвы («кулак» – "pugno"), однако действие защиты называется четко.

Выводы. Концепт «Бой», активно реализующийся в русской, английской, итальянской культурах, на русской почве обретают национальную специфику.

«Бой» видится как ситуация войны, возникающая по воле стратега, но после момента своего возникновения она стремительно развивается при активном участии сражающихся воинов. Конец боя определяется не целью, а сменой фрейма, то есть возникновением другой ситуации.

Бой вовлекает всех: и молодых солдат, и сопереживающих старых воинов. Бой видится призыванием, воспринимается как яркое событие.

Основным отличием в перцепции боя является его эмоциональное восприятие. В целом ряде контекстов русской художественно-речевой картины мира выражается радостное видение боя.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
2. Байрон Джордж Гордон. Собрание сочинений: В 4-х тт. – М.: Правда, 1981.
3. Давыдов Денис. Стихотворения // Русская лирика XIX в./ Вступ. статья и составление Вл. Орлова. – М.: Худ. лит., 1981. – С.37-48.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А-З. – М.: Рус. яз., 1981. – 699 с.
5. Пушкин А.С. ПСС в 10-ти тт. – Т. 4. Поэмы. Сказки. – М.: АН СССР, 1963. – 595 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. – Т. 1 (А-Д), 1986. – С.573.
7. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Радянська школа, 1970. – 597 с.
8. Collins English dictionary, Third edition. Harper Collins Publishers, 1991.
9. Manzoni A., Poesie, Oscar classici Mondadori, a cura di Ferruccio Ulivi.
10. Selections from Byron. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 520; Русские переводы Г. Шенгели // Байрон Дж.Г. Собрание в 4-х томах. – М.: Правда, 1981. – С.367. – Т.3.

Поступила в редакцию 14.04.2006 г.

УДК 81-115:39(=161.1+19)

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ АРМЯН КРЫМА)

Куденко Е.В.

В течение многих веков Крым был одним из самых полиэтничных регионов Европы. Он издревле заселялся представителями различных этносов, носителями разнообразных культурных традиций и религиозных взглядов.

Одним из национальных меньшинств, населяющих Крымский полуостров, являются армяне. Они возрождают и передают молодому поколению свои традиции, обычаи, культуру и язык. В школах созданы специализированные классы с армянским языком обучения, ведутся также факультативы (школы № 41, 33, 8, 9, 3 г. Симферополя). На телевидении на родном языке транслируется передача «Барев» (15 мин.), на радио – «Сердце мое в горах» (30 мин.).

Необходимо отметить, что этнические армяне, проживающие в Крыму, – билингвы. Они свободно и в равной степени владеют родным и русским языками. А поэтому *целью* нашей статьи является изучение языковой ситуации и специфики ее реализации в поликультурной среде.

Для достижения данной цели мы ставим следующие *задачи*:

- 1) выявить проблемы межкультурной коммуникации, отличие культурной и межкультурной коммуникаций;
- 2) проанализировать национальные словесные формулы речевого этикета, показать сходства и отличия по отношению к русским формулам этикета;
- 3) определить статические характеристики этноса, в том числе отметить роль ментальности, самосознания в проявлении национального характера.

Культурносфера определенного этноса содержит ряд элементов стереотипного характера, позволяющих определять индивидов, присваивающих в процессе социализации эти элементы, как представителей определенной этнокультурной общности и, соответственно, отличать их от представителей других этнокультурных общностей. В процессе овладения новой культурой овладение именно этими стереотипными элементами во многом определяют характер и качество межкультурного диалога.

Культура как «совокупность специфических человеческих способов деятельности и ее результатов» [3, с.5] находится в многовекторной зависимости от языка, определяется им и влияет на него. В определенных культурах создаются целостные лингвокультурные системы с инвариантным (сохраняемым традицией) центром и вариативной (изменчивой во времени под влиянием прежде всего экстралингвистических причин) периферией. Лингвокультурные системы формируют лингвокультурные ситуации, представляющие собой динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах и социальных сферах [9, с.19].

Лингвокультуролог В.А. Маслова говорит о культуре как о «своде «правил игры» коллективного существования, наборе способов социальной практики коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических и интеллектуальных действий» [6, с.17]. Этнопсихоллингвист В.В. Красных связывает культуру «с сознанием, со сложным комплексом небιологических, социально транслируемых знаний и отношений, со стереотипами поведения, в т.ч. и речевого, с системой знаков и значений, т.е. с языком» [5, с.19].

Концепт (работы Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, З.Д. Поповой) относится к числу проявителей национальной ментальности и, являясь средством ментального лексикона, устойчиво хранится в культурной памяти.

В.В. Красных так определяет национальный концепт: это – «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [5, с.184].

Этические концепты занимают важное место в картине мира индивида и в структуре общественного сознания, т. к. фиксируют знание, основанное на ценностных ориентирах, обобщают опыт человеческого бытия, который согласуется с личным опытом носителя языка. Этические концепты как категории сознания, воплощенные в словах особой семантики, представляют собой синтез этических норм, морали и нравственных законов и, следовательно, ценностей, из которых складывается культура народа, его национальное самосознание и благодаря которым сохраняются важные для любой культуры преемственные связи между разными этапами ее формирования и между разными поколениями.

Нами был предложен ряд этических концептов (счастье, судьба, дом, милосердие, семья, родина, правда, деньги, душа, образованность и др.), которым, во-первых, надо было дать толкование; во-вторых, написать ассоциации, вызванные данными словами.

По мнению Н.Д. Арутюновой, «в употреблении таких слов, как дом, обязанность, вина, совесть и т.п., можно искать ключ к этическим представлениям того или другого народа...» [1, с.24]

Необходимо отметить, что не все этические концепты (ЭК) были объяснены, причиной этого может быть или неполное владение смыслом, или то, что концепт не является значимым для носителя языка. Частотное толкование получили такие ЭК: счастье (7), судьба (7), родина (6), дом (6), милосердие (6), семья (5), сочувствие (5).

Приведем основные толкования ЭК:

Счастье – состояние души; смысл жизни: быть здоровым и материально обеспеченным; чувство удовлетворения; удача; достойная работа; продвижение по службе. Ассоциации, вызванные словом *счастье*, следующие: семья, здоровье, деньги, достаток, богатство (у мужчин) и дом, семья, дети, радость (у женщин).

Судьба – линия жизни; то, что предначертано свыше каждому и невозможно изменить; рок. Ассоциации: дар свыше, у всех разная (муж.).

Долг – обязанность человека перед семьей, родиной; обязательство перед кем-либо. Со словом *долг* ассоциируются семья, перед родителями, родина.

Семья – то, для чего живешь; родные, близкие; родственники, очаг. С этим словом ассоциируются жена, дети; муж, родители; близкие; ячейка общества.

Сочувствие – сострадание; жалость, понимание; милосердие. Ассоциации: понимание, не всем дано.

Милосердие – сочувствие: доброта, сострадание. Ассоциации: доброта, жалость.

Такие метафизические концепты, как **душа** – внутренний мир (богатство) человека, **правда** – то, что есть на самом деле, что у тебя на сердце; **вина** – угрызение совести; **воля** – свобода; **жизнь** – отрезок времени, отпущенный человеку; **страх** – состояние души, к сожалению, не получили широкого толкования.

На основании проведенного эксперимента можно сделать выводы об этнозначимых компонентах (семья, счастье, долг), характеризующих «языковую картину мира» его носителей, содержательную основу «духовных ценностей».

Личность другой культуры в межкультурном общении может исходить лишь из обретенных в процессе социализации стереотипов, которые могут и совпадать, и расходиться, и вступать в противоречие со стереотипами новой культурной общности.

Представления – это как бы когнитивное поле этнического самосознания. Но в идентичность входят не только когнитивные компоненты. Наши представления мы переживаем, т.е. здесь включена и чувственная, эмоциональная сфера. Образ «мы» всегда эмоционально окрашен.

Этнокультурное ментальное пространство как совокупность этнических значений в определенной мере проявляется в этнических концептах. Концепты составляют основной пласт духовной культуры. Значение слова, представляющего концепт, включает сенсорный, социальный, культурный и лингвистический опыт.

В ходе эксперимента мы предложили реципиентам (армянам Крыма) написать первые 3-5 слов, которые пришли в голову, когда они думают о русских, крымских татарах, украинцах и о своей этнической группе.

Например, концепт, репрезентируемый в языке словом «**русские**», представлен следующими единицами: добрые, наивные, грамотные, умные, вежливые, гостеприимные, приветливые, дружные, отзывчивые, зима, водка, медведь, Сибирь (мужчины); хорошие, добрые, пьющие, общительные, Москва, Кремль, Путин (представления женщин).

С учетом языковой компетенции этнических армян концепт, вербализуемый словом «**украинцы**», представлен так: хохол есть хохол, Шевченко, Чернобыль, шумные, Карпаты, упрямые (муж.); сало, горилка, гетман, хвастливые, парасолька (жен.)

Ассоциативные представления, зафиксированные в виде лингвистических единиц, репрезентируют концепт, представленный словосочетанием «**крымские татары**», следующим образом: разные (вредные, хорошие), Бахчисарай, рынок, ислам, намаз, плов, гостеприимные (жен.); отзывчивые, добродушные, гостеприимные, торговец (муж.)

И, наконец, представления о своем народе (**армяне**): гордые, гостеприимные, добрые, наивные, веселые, дружелюбные, хорошие, КВН, юмор, коньяк, Арарат, Ереван, Джигарханян, Айвазовский.

Конечно же, этнические стереотипы проявляются в межкультурном взаимодействии и межличностном отношении. Они могут отражать те или иные реальности, но их неправомерно оценивать как характеристику народа, потому что каждый этнос видит то, что является результатом индивидуального и коллективного познания, субъективный взгляд одних будет отличаться от других этнических групп.

В представлениях о себе армяне говорят немного (максима скромности), затрагивая в основном культурные ценности (Айвазовский, Арарат, Джигарханян, КВН).

На основе знаний о своей и чужих этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков (язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство). Значение и роль признаков в восприятии членов этноса меняются в зависимости от стадии консолидации этноса, от особенностей исторической ситуации, от специфики этнического окружения.

Носитель национальной ментальности – человек, определяющий свое отношение к миру, к другим людям в результате совместной (в том числе речевой) деятельности. В полилингвокультурном обществе совместная деятельность связана как с представителями своей национальной общности, так и с людьми других национальностей и культур.

Этническая ментальность проявляется в доминирующем настроении человека, в характерных особенностях мировосприятия, в системе моральных требований, норм, ценностей и принципов воспитания, в формах межличностных взаимоотношений, в конкретных фактах самоорганизации этноса. Этническая ментальность является по своей сути системой образов, представлений, стимулирующих и регулирующих поведение в данных культурных и социальных условиях.

Для гармоничного взаимодействия своих членов общество вырабатывает стандартизованные нормы социального поведения, определяемые представлением об образце, шаблоне. Поведение индивидов (в т.ч. и речевое) осуществляется в рамках неписаных (и писаных) законов, выработанных обществом в силу многократного повторения одинаковых проявлений в стандартных ситуациях.

«Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [8, с. 9].

Успешность межэтнической коммуникации возможна при наличии общности в понимании базовых элементов культуры, общего когнитивного пространства, обеспеченного языком, на котором происходит общение.

Обращение – это самый яркий и самый употребительный этикетный знак. Обращаясь, мы одновременно называем и зовем адресата, привлекая его внимание. Обращение ориентировано не только на установление и поддержание контакта между говорящим и адресатом речи, оно задает жанр общения. Чаще всего речевой контакт скрывает за собой межличностные связи и отношения. При обращениях говорящий может выделять в адресате релевантный для своих коммуникативных целей аспект.

Обращения возникают на базе слов-названий: наименований родства, личных имен, обозначений профессий или рода занятий, каких-то признаков и т.д. На основании полученных данных и проведенного опроса мы пришли к выводу, что этнические армяне Крыма используют формулы обращения, происходящие из слов-наименований родства (*сестра, брат, мать, отец, бабушка, дедушка*). Здесь необходимо выделить тот факт, что если в русском языке обращение к брату или сестре матери (отца) носит наименование *тетя* и *дядя*, то в армянском языке эти обращения получают название в

зависимости от линии родства и, таким образом, слов-обращений уже 4: *сестра матери, сестра отца, брат матери, брат отца*.

Тетя, дядя могут применяться в качестве обращений на улице, к соседям.

Слова-обращения *мать* и *отец* могут быть адресованы и к незнакомому человеку преклонного возраста, например, в транспорте: Отец, садись (послушай).

Бабушка, дедушка в обращении сохраняются, какие-либо вольности не допускаются.

В качестве обращений к лицам женского пола представители армян репрезентируют также *девушка* (от 16 до 30 лет), *девочка, внучка* (до 16 лет), *женщина* (от 30 и старше), *по имени* (к знакомым), *коллега* (на работе), *подруга* (дружеские отношения), *дама* (в общественных местах), *мадам* (шутливо с подругами), *хозяйюшка* (в значении властительница) и *хозяйка* (в домашней обстановке, к дочери, на рынке).

К лицам мужского пола *по имени* (к знакомым), *мальчик, молодой человек* (до 16 лет), *господин* (30-50 лет), *отец* (старше 50), *шеф* (30-50, старше 50), *коллега, босс* (в рабочей обстановке), *земляк* (к своим уроженцам), *друг* (приятельские отношения), *сударь* (шутливо).

Сегодняшнее обращение к взрослому человеку (например, в организации) *господин, шеф* и применительно к женщине *госпожа*.

Интересно заметить, что в лексике представителей армян имеется слово-обращение *юноша*, но в апеллятиве оно не используется.

Адаптировавшись в русскоязычной среде, представители армян в основном используют русские формулы, однако они не уходят и от своих национальных корней. Например, особое отношение, дружественное, ласкательное, к любимым людям, к детям выражается с помощью слова-обращения *джан, джана* (*Артур, джан; джана* употребляется без имени лица). Эти формулы переводятся в зависимости от того, к кому обращены: если к детям – *мальшика, детка*; к любимым – *Артур, джана моя*, то есть *лапочка моя*; переводятся как *хороший, любимый, зайчик, душа*. Таким образом, наличие контекста предопределяет тот или иной перевод.

Применительно к группе людей как женщины, так и мужчины используют обращения: *ребята, друзья, молодые люди, народ* (к детям, друзьям, молодым людям, группе, в классе), *девушки, девочки, девчонки, девчата, женщины* (в компании, к знакомым), *господа, коллеги* (в рабочей обстановке), *сестры, братья* (к родственникам).

На основании проведенного нами социолингвopsихологического эксперимента можно сделать выводы о специфике употребления определенных формул приветствия и прощания в межэтнической среде.

Какие же национальные формулы приветствия и прощания у представителей армян Крыма?

По отношению к коллегам традиционно используются следующие формулы (как мужчинами, так и женщинами): *Доброе утро* (дословно означает *Доброго рассвета*); *Добрый день; Добрый вечер*.

В качестве приветствия у молодых людей (14-30) и людей старшего поколения (50-65) применяется *привет*. Это слово имеет значение «здравия Вам», заключает в себе желание «будь здоров». Школьники также используют *приветик, всем привет*.

Здравствуйте (дословно переводится «добра Вам») имеет место в речи как молодых, так и пожилых людей (14-65), является приветствием в различных организациях, обществах, школах.

Молодые люди (16-35) часто употребляют Как дела? Как успехи? (муж.) Как поживаете? (жен.)

Не применяются в качестве приветствия такие слова, *Как здоров (о), Приветствую, Наше вам.*

Формулы прощания у этнических армян, так же как и у русских, стандартны: *До свидания* (что дословно означает «до встречи»), *пока* (муж. и жен. 14-65).

Ответом на формулу прощания *До свидания* будет *Удачи тебе.*

Например, когда провожают гостей поздно вечером, говорят *Доброй ночи* (в значении «Спокойной ночи»). Адресат же желает *Доброго рассвета.*

Молодые люди (14-25) предпочитают прощаться, употребляя *Счастливо* («удачи тебе»), *Всего доброго, До скорой встречи.*

Не являются распространенными прощания *До скорого, Прощай (те)* – в значении прерывания контакта надолго.

Из сказанного можно сделать вывод, что как в русском, так и в армянском языках приоритетными остаются стандартные общеупотребительные приветствия *Здравствуйте, Добрый день (утро, вечер)*, или дружеское *Привет (Приветик)*, в которых присутствует элемент «при встрече», т.е. указание на начальный момент контакта и сема «доброжелательства», стандартными остаются и формулы прощания *До свидания, Пока.* К указанным структурам речевого этикета можно добавить осведомления при встрече (*Как дела? Как успехи? Как поживаете?*).

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов.

Межкультурная коммуникация – это коммуникация, «при которой коммуниканты из разных культур используют при прямом контакте специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии» [2, с.166].

Введение понятия «межкультурная коммуникация» отражает поиски культурного единства, упорядочивающего начала жизни, введение чужого в свой мир, сохраняющий при этом своеобразие.

Поскольку произведение культуры является материализованным продуктом мыследеятельности человека и «каждый материальный предмет, прежде чем он был создан, должен был сначала стать «идеей» в мозгу человека» [7, с.33], систему «культура» можно рассматривать как явление, принадлежащее к идеальной и материальной реальности.

Между «культурной» и «межкультурной» коммуникациями нет явно выраженной границы, так как их объединяет неперемное присутствие «другого» («Я – Ты») и разделяет не всегда просчитываемая дистанция. Для ее сокращения необходима общечеловеческая этическая норма. Религия и язык могут сокращать или увеличивать дистанцию, но общая схема системы «культура» сохраняется.

Понимая коммуникацию как диалог, взаимодействие сознаний, мы видим в ней не только и не столько возможность передачи информации, но, «в первую очередь, способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника» [4, с.59]. Для того чтобы взаимодействие стало возможным, необходимо пересечение смысловых пространств коммуникантов. Термин «пересечение» уже предполагает наличие общего и частного, «своей» зоны и зоны «чужого».

Выводы.

1. Этнические стереотипы (приписывание каких-то черт народу) проявляют себя в оценке представителями одной культуры других культур. Сумма ассоциаций, отражающих впечатление человека о носителях другой культуры, высвечивает извечную оппозицию «свой – чужой», достаточно значимую для полилингвокультурного общества.

2. Этические концепты как единицы «хранения знания», представления о нравственных ценностях в наибольшей мере обнаруживают черты этнической ментальности.

3. Этикетные речевые формулы отражают национально-культурные особенности говорящих.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бергельсон М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 4. – С. 166-181.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 283 с.
4. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Киризе З.И. Межкультурная коммуникация. Системный подход: Учебное пособие. – Нижний Новгород: изд-во НН ЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. – 192 с.
5. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 320 с.
8. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 1987. – 158 с.
9. Шакленн В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.

Поступила в редакцию 29.03.2006 г.

УДК 81'27

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кузнецова Т.В.

Актуальность. В современном мире все активнее происходит межкультурная коммуникация, которая, с одной стороны, открывает новые возможности для коммуницирующих культур, а с другой – создает преграды на пути к их самосовершенствованию и саморазвитию. То же самое происходит и в языковом пространстве, которое, безусловно, неотделимо от пространства культурного.

Постановка проблемы. Изучая языковую ситуацию многих стран, лингвисты мира бьют тревогу: языковое разнообразие планеты стремительно сокращается. Как считает Кристиан Леман, число языков мира самым большим было в XV в., т.е. до колонизации Африки, Америки, Австралии. Проф. Тишенко для Лингвистического музея при Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко собрал такие данные: в одной только Южной Америке в результате колонизации в XVII-XX вв. исчезло 1400 языков, в Северной Америке «цивилизационные процессы» закончились исчезновением в XVIII-XX вв. 170 языков, в Австралии в XIX-XX вв. исчезло 375 языков, в Советском Союзе за 70 лет погибли 70 языков. Ежегодно исчезает около 12 языков! По оценкам экспертов, к концу XXI в. из 6000 языков уцелеет только 10% языков [4, с.124]. Впрочем, тревогу вызывает не только угасание «больных» и «исчезающих» языков, но и сужение сфер использования «здоровых» языков, в том числе языков международного общения и великих культур, вследствие экспансии мировых языков, особенно английского.

На сегодняшний день английский язык приобрел статус глобального, планетарного. Его знает примерно 1,5 млрд. человек, т.е. каждый четвертый! Хотя, по данным Д. Кристала, родным он является только для 320-380 млн. По данным Института мирового слежения, его активно используют 514 млн. [7, с.151]. Английский является государственным языком в 54 странах. Именно он – язык современных научных технологий, транснациональных компаний и концернов, массовой культуры.

В современный период практически не осталось языка, который не испытал бы на себе влияния английского. Сегодня англицизмы наполнили не только терминологические системы различных языков (ср.: (рус). *демпинг, брокер, букмекер, ваучер, аудит, генерация, суицид, промоушн*; и все это при том, что в национальных языках очень часто существуют собственные языковые соответствия, ср.: *масс-медия – СМИ, аудит – проверка, плеер – проигрыватель, генерация – поколение, мэр – глава, суицид – самоубийство*), но и насытили даже жаргонную

речь (*кайфовать, по фига, панк, дринки, баксы*), проникли в СМИ многих стран и народов (например, используются слова, которые еще не зафиксированы словарями: *папарацци* – «фотограф, который специализируется на сенсациях», *клипмейкер* – «изготовитель коротких музыкальных фильмов для телепоказа», *китч (кич)* – «направление в искусстве»), стали заметным явлением уличного пейзажа многих городов (например, в Киеве можно встретить англоязычные названия фирм, магазинов, которые записаны не только латиницей («*Sony*»), но и кириллицей: «*Нью винд*», «*Бест лайн*», «*Компьютерленд*»). Как свидетельствует В. Радчук, часть англицизмов в русском и украинском языках вырастает за несколько лет на целый отдельный словарь [7, с.155]. Если английский язык и дальше будет с такой стремительностью проникать в разные языки, то можно будет говорить о возникновении глобального языкового пространства.

Но вместе с тем в самом английском языке, языке планетарного значения, кроме глобализации, прогрессирует противоположная тенденция – локализация. Известно, что в Лондоне говорят примерно на 300 языках, в Лос-Анджелесе – на 224 языках (в школах преподают 91 язык!), а в разных странах глобальный язык представлен громадным количеством территориальных вариантов.

Наличие различных вариантов национального языка, несмотря на активную англоязычную глобализацию, свойственно и многим другим языкам. Говоря о современном украиноязычном пространстве, нужно отметить широкое распространение в различных регионах страны своеобразного варианта украинского языка – суржика. Причем нужно обратить внимание на существование различных его видов. Украинский культуролог Тарас Вознюк указывает на существование «целой гаммы суржиков в восточных регионах Украины... Конечно, суржик существует вроде в тени языка, в чем-то является несамодостаточным, но онтологически он выполняет функцию языка – является основой мира человека. ...суржиковые варианты стали языком для миллионов людей, и мы должны относиться к ним серьезно, ибо, судя по всему, будем иметь с ним дело еще очень долго, и со временем они даже могут стать продуктивными, а может, даже трансформировать в своеобразные диалекты». Наиболее распространенная форма этого субкода – украинско-русский суржик, который представляет собой вариант украиноязычной речи, содержащий большое количество заимствованных русских лексем, которые оформлены согласно нормам украинского языка, например: *селі, по распісанію, не понятно, на следующий день, розмовляють на українськом, сімейне общежитіє* (детальный анализ этого своеобразного субкода см.: [3; 5; 8]). В восточных регионах Украины да и за ее пределами можно услышать русско-украинский суржик (по которому в России легко узнают украинцев). В средствах массовой информации, кроме вкраплений украинско-русского суржика, иногда наблюдается использование пиджино-суржика – смеси украинского, русского и английского языков (ср. объявление: «*Розшукуються б/у картриджі від принтерів*»; «*Sanda (вірус) поширюється через Інтернет у вигляді файлів, прикріплених до заражених листів*» („Голос України», 2003 р., 4 квітня); иногда журналисты активно используют подобную языковую смесь и коммуникативно-прагматических целях: например, О. Гаврош один из своих материалов назвал «*Экономическая Propaganda*»,

тем самым актуализируя фоновые знания читателей о механизмах паблик рилейшнз). Использование различных вариантов украинского языка поддерживается традицией, активным влиянием русского языка, что обусловлено многими историческими, географическими и социальными факторами.

Вместе с тем локализация как лингвистическое явление существует не только на уровне территориальных вариантов национальных языков, но и на уровне каждой социальной группы, начиная с семьи и заканчивая этносом в целом. Почти в каждой социальной группе можно отметить использование особых вариантов одного и того же языка – социолектов. Например, в речи многих семей можно выделить оригинальные речевые единицы, характерные только для этой семьи – «семейные» слова и выражения, в роли которых могут выступать эмотивы (*лана, масюся, свинтусячка*), деформированные заимствованные слова (*сенька* от англ. *thank you*, *стикать* от англ. *speech*, *бездник* от англ. *birthday*), различные модифицированные формы общеизвестных слов, образованные в результате метатезы (*кошолад* – *шоколад*, *футли* – *туфли*, *фаршик* – *шарфик*, *наловочка* – *наволочка*, *лапотенце* – *полотенце*, *кандараш* – *карандаш*, *сабо самой* – *само собой*), протезы (*тексты* – *тесто*, *покушкать* – *покушать*, *сыпасибо* – *спасибо*), субституции звуков (*пумадор* – *помидор*, *мяню* – *меню*, *прювет* – *привет*), усечения (*буля* – *бабуля*, *харики* – *сухарики*, *звявочка* – *козявочка*), контаминации (*списатель* – *списать* и *писатель*, *макавички* – *мамины рукавички*).

Более интенсивно, нежели в семье, речевой символизм проявляется в речи других социальных групп, объединенных на основе профессиональных, культурных признаков. Существование подобных слов и выражений в первую очередь обусловлено социальным и психологическим расслоением общества. По мнению Р. Барта, социальное разделение языков существует не на уровне языковой системы, которая понятна всем, а на уровне дискурса и его разновидностей [1, с.525-527]. Своим носителям социолект выгоден прежде всего тем, что защищает их; языковая ограда, как и любая другая, укрепляет и ободряет тех, кто внутри ее, отбрасывает и принижает тех, кто вне [1, с.531]. Эта лексика указывает на особые отношения, которые устанавливаются в узком корпоративном кругу, например на отношения сопринадлежности к социальной группе, тонко подмеченные Е.Д. Поливановым: «...Когда ученик говорит «нафик» или «напстик» вместо «зачем», он ведь мыслит в качестве коммуницируемого комплекса идей не только переводное значение слова, (т.е. значение «зачем» и «почему»), а еще кое-что. И если попробовать передать «кое-что», то это окажется следующего приблизительно содержания мыслью – мыслью, содержащей характеристику обоим участникам языкового обмена (диалога): «Оба мы с тобой, дескать, хулиганы или, вернее, играем в хулиганов» [6, с.163]. Таким образом, употребляя в речи специфическую лексику, носители социолектов постоянно подтверждают факт соблюдения ими «правил игры» своей социальной группы, манифестируют отношения «мы – свои».

В условиях современной межкультурной коммуникации каждый член любой социальной группы должен соблюдать «нормы поведения» в своем коммуникативном поле. Усваивая ценности своего социума, языковая личность сможет не только сохранить его культурную и языковую самобытность, но и

противостоят мощному влиянию иноязычной культуры и языков, не допустив их негативного вмешательства в пространство родной культуры и языка.

Выводы. Таким образом, конструирование современного коммуникативного пространства, в котором противодействуют явления глобализации и локализации (как на уровне языка, так и на уровне социальных групп), зависит не только от внешних социальных факторов (политики, истории и т.д.), но и от внутренних побуждений самой языковой личности, которая в данной ситуации выступает посредником между своей/чужой культурой и языком.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Кочерган М.П. Мова як символ соціальної солідарності // Мовознавство. – 2003. – № 1. – С. 3-10.
3. Кузнецова Т.В. Суржик і мовлення // Урок української. – 2000. – № 3. – С. 20-25.
4. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2001.
5. Пентиліук М.І. Вивчення української мови в школах з російською мовою навчання. – К., 2000.
6. Поливанов Е.Д. О благном языке учащахся и о «славянском» языке революции // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – М., 1931.
7. Радчук В. Українська мова в колі інших на зорі третього тисячоліття: перспектива розвитку // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства: Матеріали наукової конференції. – К.: Видавничо-поліграфічний центр „Київський університет», 2002. – С. 150-160.
8. Труб В.М. Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. – 2000. – № 1. – С. 46-58.

Поступила в редакцію 27.02.2006 г.

УДК 81'1: 81'25: 81'255: 81'28

МАЛАЯ РОДИНА, ВЕЛИКАЯ РОДИНА (КОНЦЕПТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Новикова М.А.

Цели и задачи. Существуют два наиболее популярных на сегодня этнодискурса, которые можно условно назвать дискурсом «патриотическим» (центростремительным) и дискурсом «глобалистским» (центробежным). В том и другом центральную позицию занимает концепт «родина».

Патриотический дискурс утверждает этот концепт как абсолютную ценность, как отправную точку, от которой выстраиваются все реальные тексты (и все потенциальные коммуникативные ситуации и контексты) этого дискурса. Наоборот, глобалистский дискурс акцентирует, во-первых, множественность этнореализаций этого концепта, во-вторых, их соотносимость, но и относительность, в-третьих, их качественную разницу, однако равноценность или равноценность.

Промежуточное место занимает региональный дискурс. В отличие от национально-патриотического дискурса, дискурс региональный иначе осмысляет «государственность» (и вообще «институциональность») как компонент концепта «родина». В отличие от дискурса глобалистского, иначе трактуется компонент «локальность» (историческая, территориальная, культурная).

Цель нашего сообщения – соотнести современную украинскую и русскую (региональную) языковую и социокультурную ситуацию вокруг концепта «родина» с ситуацией шотландской. Материалом для наблюдений служит шотландская поэзия на скотсе. Задачи – выявить в ходе ее анализа и перевода: 1) национальный, субнациональный и супернациональный аспекты концепта «родина»; 2) интегральные и дифференциальные формы его бытования, с одной стороны, в нашей социокультуре, с другой – в социокультуре шотландской.

Практической апробацией основных идей сообщения могут считаться предыдущие научные публикации автора по вопросам регионалистики, патриологии и перевода, а также работы его учеников и последователей плюс опыт комментирования и перевода стихов на скотсе – как для уже вышедших, так и для планируемых переводных антологий.

Состояние вопроса. Общий обзор концепций и терминосистем регионалистики автором уже производился. Приведем суммирующие выводы.

Концепт «малая родина» составляет ядро всякой регионалистики. Он не сводим ни к каким институциональным или территориальным единицам, хотя их и учитывает. Его собственное концептуальное ядро (и, таким образом, «ядро ядра» регионального дискурса) образует двуединство: «родина как своя вселенная» и «родина как свой дом». В динамическом плане этот двуединный концептуальный

комплекс «родина – мир – дом» разворачивается в два возможных макросюжета: родина как удел и родина как миссия.

Первый макросюжет восходит к языческой картине мира, второй – к иудеохристианской. В современных дискурсах (от политических до публицистических и художественных) наблюдается противоборство обоих сюжетов, а отсюда и пестрая общая картина «родины», прихотливо совмещающая ценностные установки язычества, мировых религий и прагматические установки нынешнего техноверсума.

Мало (или вовсе не) изучены типологические параллели между семантикой, структурой и функционированием концепта «родина» в различных исторических и национальных традициях. Почти полностью отсутствует комплексный взгляд на патриологию с переводоведческих позиций.

Концепт «родина»/ «малая родина»: интеркультурный и переводоведческий взгляд. Шотландский опыт формирования, «проживания» и переживания концепта «родина» ценен для нас в нескольких отношениях. Шотландия (как регион, страна и государство) прожила одну из самых бурных и трудных историй во всей Западной и Центральной Европе (а с учетом шотландской эмиграции – всего мира). Эта история от ее истоков и до наших дней поразительно накладывается на историю других народов «европейской рамки»: европейского пограничья (Юг, Север, Восток). Разновекторность шотландской истории, а отсюда и шотландского менталитета, их чередующиеся доминанты (от «моего хутора» до «всемирной отзывчивости») при неизменном первенстве проблемы национальной аутентичности также удивительно близки как украинскому, так и русскому менталитету, а также менталитету крымскому.

Заранее ясно, что при таких предпосылках концепт «родина» станет для шотландской словесности главной, а успех перевода любых шотландских дискурсов и/или текстов будет в значительной степени зависеть от того, насколько этот концепт полно и верно понят, и насколько адекватные соответствия найдены ему в родной культуре и языке (то есть концептосфере) переводчика.

Вместе с тем, конкретные текстовые реализации концепта «родина» в шотландском поэтическом дискурсе (даже если брать наиболее осознанно – рефлектирующие тексты XIX-XX вв.) гаят немало неожиданностей. Практически отсутствует традиционное словарное соответствие украинской «вітчизні» и русской «родине» – лексема “mitherland” – “motherland”. Однако широко представлены ее фразеологические единицы-варианты: «земля отцов» и «материнская земля». При этом, как правило, «отцы» фигурируют во множественном числе (в значении «пращуры», «предки») и сопровождаются множественной же формой поссессивности: «наши». Зато «мать», «материнское» (земля, язык и т.п.) выступает в единственном числе, с поссессивом «моя». Таким образом, родина – это либо «земля наших отцов» (и «отцов наших отцов»), либо «моя мать – земля».

Вторая характерная особенность – не столь уж частое употребление лексемы «Шотландия», “Scotland”, как этого можно было бы ожидать в столь ярком патриотическом дискурсе. Более того: там, где лексема эта есть, она расшифровывается в тексте не столько как «родина – государство», сколько как «родина – пространство» или «родина – история».

Наконец, в-третьих, наиболее многочисленными текстовыми реализаторами концепта «родина» выступают даже не столько тропы (то есть не элементы компаративного слота), сколько реалии и символы. «Вселенскость», но и «домашность» этой родины обеспечиваются тем, что все детали ее природного Космоса и ее историко-культурного Социума – всегда «мои» или «наши», всегда точны – как путеводитель, как исповедь, проповедь или национальный гимн. (Каковыми большинство текстов патриотического дискурса по своей прагматической установке и являются.)

Выводы. Для русскоязычного и украиноязычного филолога и переводчика поэзии на скотсе такой – вроде бы универсальный – концепт, как «родина», создает немалые трудности. Шотландский менталитет в сильной мере сохранил «региональную» семантику, структуру и прагматику этого концепта. «Великая Родина» по-шотландски до сих пор видится как подвижная взаимодействующая «малых родин»: их топонимов, антропонимов, мифонимов, историонимов. Миссия же этой родины мыслится именно как «собрание» отдельных локальных уделов воедино – в общеевропейском и общечеловеческом социальном и духовном контексте.

Список литературы

1. The Penguin Book of Scottish Verse/Introduced and Edited by Tom Scott. – Penguin Books Ltd., 1976. – 518p.
2. Английская и шотландская народная баллада/ Сост., предисл. и комм. А.М.Аринштейна. – М.: Радуга, 1988. – 512с.
3. Антологія шотландської поезії/ Антология шотландской поэзии/ Сост., комм., предисл. М. Новиковой, пер. М. Новиковой (русс.) и М. Стрихи (укр.). (В печати).
4. Новикова Марина. С Богом и платочек/ Антология поэтических переводов от Средневековья до XX ст./ Сост., автор предисл. и послесл., переводчик М. Новикова. – М.: МХТ. 2000. – 163с.
5. Новикова Марина. Міфи та місія. – К.: ВД «Дух і літера». 2004. – 432с. Там же см. бібліографію відповідальних робіт автора.
6. Новикова Марина. Прекрасен наш союз/ Литература – переводчик – жизнь. – К.: Рад. Письменник, 1986. – 224с.
7. Новикова Марина. Шотландии кровавая луна // Иностран. литература. – 1985. – №2. – С.240-241.

Поступила в редакцию 09.03.2006 г.

УДК 81'272

ПРОБЛЕМА МОВНОЇ ІДЕНТИФІКАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ

Сідельніков В.П., Сушинська І.М.

Актуальність. Ще ніколи за весь час існування слова «мова» не було поруч із ним такого розмаїття визначень. У даному випадку йдеться не про епітети, йдеться про відносні прикметники, що характеризують мову за реальним, правовим статусом, за функціями, тобто про прикметники, що входять до складу термінологічних понять: рідна мова, офіційна мова, державна мова та багато інших. Як відомо, терміни корелюються з поняттями, що мають чітко визначені дефініції. У наш час, коли проблеми мови набувають особливої актуальності, терміни потребують надзвичайної точності, прозорості та однозначності, що дозволяє уникати різнотлумачень. За своїми структурними та семантичними характеристиками терміни не є однорідними, існують терміни-концепції та робочі терміни. Другі часто вживаються як стилістичні варіанти перших, що зумовлює важливість окреслення чітких смислових меж вихідних концептуальних термінів.

Постановка проблеми. У текстах, присвячених проблемам мовно-національної політики, часто функціонує термін «рідна мова». Відсутність наукового тлумачення цього поняття часто призводить до непорозуміння та ускладнень, зокрема під час проведення різноманітних соціологічних опитувань. Так, у питальниках, які використовуються у процесі перепису населення, цей термін наводиться, але респондентам не роз'яснюється його значення, що зумовлює його різнотлумачення: зокрема, одні розуміють під ним мову, якою говорила мати. Не випадково у соціолінгвістиці визначають: «Рідна мова – це мова, засвоєна у дитинстві, навички використання якої переважно зберігаються і у дорослих» [1, с.22]. У даній ситуації ми маємо справу з материнською мовою. В іншому випадку рідною мовою вважають мову того, хто виховував дитину. Але людина може володіти декількома мовами, і, оскільки була певна послідовність оволодіння кожною із них, рідною називають першу мову, яку засвоїла людина.

Іноколи у сім'ях, де спілкуються двома і більше мовами, дитина засвоює одночасно декілька мов, але у цій ситуації одна з них виявляється функціонально сильнішою, бо її людина використовує переважно. Це зумовлює визначення як рідної мови функціонально першої. Але рідною мовою називають мову за етнічною приналежністю людини, хоча у реальності поширені ситуації, коли мовою етносу людина не користується або користується обмежено, наприклад, лише у побуті, у сім'ї [6, с.12].

Вірогідно, найточніше визначив зміст поняття «рідна мова» В.І. Даль, який відзначив, що рідною є та мова, якою людина мислить і говорить, а психологи додають: і бачить сновидіння.

Проблема визначення поняття «рідна мова» тісно пов'язана з проблемою самоідентифікації особистості, визначення її приналежності до мовної групи. Поняття

«мовна група» набуває особливої ваги у термінологічному значенні, зокрема у галузі конституційного права, прав людини.

Соціолінгвісти визначають поняття мовної спільноти як сукупність людей, об'єднаних спільними соціальними, економічними та культурними зв'язками, що здійснюють у повсякденні безпосередні та опосередковані контакти один з одним та різними соціальними інститутами за допомогою однієї або двох мов, поширених у даній спільноті [1, с.20].

Таке розмаїття підходів до визначення змісту поняття «рідна мова» зумовлює спробу встановити значимість кожного з них. Професор кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету ім. Т.Шевченка Є.С Снітко на питання: «Яке з багатьох тлумачень поняття «рідна мова» видається Вам найбільш прийнятним?» – відповідає: «З погляду психології особистості, особливе значення для людини має так звана «мова колиски», тобто перша мова, яку людина засвоїла з дитинства. Зазвичай вона збігається з мовою батьків або одного з них. Саме тому рідною найчастіше називають мову матері» [5, с.51]. Як бачимо з відповіді, по-перше, материнська мова і мова колиски розуміються як один зі станів мовної особистості, тобто мова розглядається лише у психологічному аспекті. По-друге, не враховується значимість функціональна, хоча це поняття різного рівня, бо відомо, що людина народжується із здатністю до мови, мова у подібному значенні має біофункціональну сутність. Але мова – це перш за все явище біосоціальне, тобто саме така мова формується у людини, яка живе у певному соціальному середовищі. Це зумовлює визнання права вільного мовного самовизначення особистості «вихідним пунктом європейського розуміння прав етнічних, мовних та релігійних груп» [6, с.9]. Цитований нами автор посилається на Європейську Рамочну конвенцію про захист прав національних меншин на ст. 3, п.2, у якому зазначається: «Кожна особистість, що належить до національної меншини, має право вільно вирішувати, вважатися або не вважатися такою, – і це рішення або здійснення прав у зв'язку з ним, не повинно завдавати шкоди такій особистості». А це означає, що зарахування особистості до тієї або іншої мовної, етнічної або релігійної групи є святим правом кожної людини.

Загостреність мовних правових відносин часто зумовлює свідомий або несвідомий (через незнання) підхід до визначення мовної, етнічної приналежності особистості. Так, у здійснюваних в Україні соціологічних опитуваннях часто вважають, що рідною мовою особистості є мова етносу, до якого ця особистість належить. У даному випадку ігнорується юридичне визначення цього поняття, відповідно якому етнос (від грецького *ethnos* – народ, плем'я) – позачасова, позатериторіальна, позадержавна сукупність людей, об'єднана спільним походженням (реальним або міфічним), культурою (або деякими її елементами), мовою (часто, але не завжди), історією (справжньою або вигаданою), традиціями, звичаями, самосвідомістю та етнонімом [2]. Як бачимо із визначення, етнос та мова не перебувають в однозначній відповідності, бо одна мова може обслуговувати декілька етносів.

У зв'язку із входженням України у правове поле Європи, довелося зіткнутися з необхідністю кореляції цілого ряду термінів, пов'язаних з етномовними поняттями, з термінами Європейського права. Недбалість, а можливо, і наша термінологічна безграмотність зумовлює правові казуси. Так, у переданому у ЄС Законі про ратифікацію Європейської хартії про регіональні мови або мови національних меншин названі мовні групи, які потребують захисту відповідно Хартії. У переліку мовних

меншин зазначаються єврейська і грецька. Вже у самій назві мовних меншин міститься неточність, бо не існує єврейської мови, існує іврит та їдиш. А про яку грецьку мову йдеться стосовно греків, що проживають в Україні і говорять урумською та румейською мовами? Вживання поняття «грецька мова» є неправомірним, бо у Греції-метрополії говорять новогрецькою. У даному випадку назви етносів та мов, що їх обслуговують, не збігаються. Через термінологічну недбалість створюється ситуація, за якої можлива рерагіфікація документа, поданого у ЄС.

Однією з домінуючих тенденцій мовних стосунків у сучасному світі є тенденція до багатомовності. Цей процес триває незважаючи на посилення етнізації, що відображає прагнення етносів самовизначитися, набути статусу державності. Але цій тенденції протистоїть інша – глобалізація і пов'язана з нею уніфікація політичних, економічних та правових стосунків. Зближення народів у різних галузях діяльності зумовлює необхідність спілкування декількома мовами. Так, для громадян ЄС повинно стати правилом володіти мінімум двома мовами: англійською, французькою, німецькою, іспанською. Хоча, за даними Департаменту іноземних мов при ЄС, не іспанська, а російська мова за ступенем поширеності посідає четверте місце. У зв'язку з цим видаються нелогічними спроби деяких українських етнографів тлумачити двомовність як штучне явище або пояснювати двомовність асиміляторською політикою Радянської або Російської імперії. Однак потрібно приймати за реальність існування в Україні українсько-російської двомовності. Цим зумовлене поширене явище невідповідності етнічного походження та рідної мови.

Велика кількість етнічних українців під час соціологічних опитувань визначає як рідну російську мову. За даними Загальносоюзного перепису населення 1989 року, росіян було в Україні 21%, а осіб, рідною мовою яких була російська, – 33%. Як відзначає Михайло Тульський, за даними Київського міжнародного інституту соціології, у березні 2002 року росіяни склали тільки 16,8% населення України, а українці – 78,4%, водночас 53,2% населення України переважно говорять російською і тільки 44,7% – українською. Подібні результати опитувань отримав і український «Фонд свободи», і російський Фонд «Общественное мнение». Однак під час перепису населення було поставлене питання не про мову, якою мешканці зазвичай спілкуються між собою, а про мову, яку вони вважають рідною. Загалом по Україні назвали рідною українську 67,5% населення (на 2,8% більше, ніж у 1989 році), російську – 29,6% (на 3,2% менше, ніж у 1989). Відсоток людей, що вважають рідними інші мови, збільшився на 0,4% (переважно за рахунок кримськотатарської мови) і склав 2,9%.

У тих регіонах, де практично все населення говорить російською, відсоток тих, хто назвав українську рідною, знизився, не зважаючи на збільшення відсотку українців. У Донецькій області російську назвали рідною 74,9% проти 67,7% у 1989 році, українську – 24,1% проти 30,6%. У Луганській області російську назвали рідною 68,8% населення проти 63,9% у 1989 році, українську у 2001 вважали рідною 30% проти 34,9% у 1989.

У Криму відсоток людей, які вважають рідною мовою російську, знизився з 82,6% до 77%, українську – з 13,7% до 10,1%. Але збільшився відсоток тих, хто вважає рідною кримськотатарську мову. У Криму (без Севастополя) між переписами він зріс з 1,8% до 11,4%, цю мову вважають рідною 93% кримських татар. Російську мову у Криму назвали рідною 99,7% росіян, 59% українців і 6% кримських татар, українську – 40% українців, 20% поляків, 4% болгар, 2% молдован і 1,1% євреїв. Найбільший відсоток населення з рідною російською мовою у Севастополі – 90,6% (з українською – 6,8%).

Водночас у ряді областей із значним поширенням російської мови відсоток осіб, що назвали рідною українську, збільшився. Так, у Дніпропетровській області відсоток мешканців з рідною мовою українською зріс від 61,5% до 67%, з рідною російською – зменшився від 37,2% до 32%; у Сумській області відсоток мешканців з рідною мовою українською зріс від 78,1% до 84%, з російською – знизився з 21,4% до 15,6%. Але як би не змінювалося співвідношення, залишається достатньо високий відсоток осіб, які не ототожнюють рідну мову з етнічним походженням.

Чіткість розмежування понять «рідна мова» та «етнос» є надзвичайно важливою у правовому забезпеченні мовних відношень у регіонах, де проживають національні меншини. Надання статусу офіційних мовам таких етносів залежить від ступеня точності статистичних показників приналежності осіб до тієї або іншої національності. Наприклад, у Фінляндії, з метою визначення мовного статусу муніципалітету (фінський або шведський), щорічно здійснюються переписи населення, а тому кількісне співвідношення етносу, що проживає на території даної адміністративної одиниці, зумовлює визначення його мовного статусу органами управління.

Критерії, які найчастіше враховуються у процесі обрання тієї або іншої мови як державної, певним чином можливо застосувати відносно регіональних мов або мов меншин. Так, Європейська хартія тлумачить «регіональні мови або мови меншин» як мови, що: 1) традиційно використовуються на даній території держави мешканцями цієї держави, які становлять групу, кількісно меншу, ніж інше населення держави; 2) відрізняються від офіційної мови (мов) цієї держави; Вони не вміщують ні діалекти державної мови (мов), ні мови мігрантів.

До числа зазначених критеріїв зараховують:

1) автохтонність населення, коли народ визнається і стверджується громадською думкою корінним, аборигенним за своїм проживанням на даній території порівняно з усіма іншими. Так, для таких областей як Донецька, Одеська, Херсонська, Миколаївська, український і російський етноси є автохтонними, бо жодний з них не може претендувати на первинність заселення цих територій;

2) кількість мовців на даній території, що спілкуються тією або іншою мовою. Якщо за критерій брати більшість населення, що говорить тією або іншою мовою і претендує на особливий мовний статус, тоді й українці і росіяни можуть на нього претендувати; 3) культурні традиції та наявність достатнього прошарку інтелігенції, що говорить тією або іншою мовою. Усе вищевикладене підтверджує, що російський етнос має право претендувати на особливий мовний статус.

Відзначаючи проблемність тлумачення поняття «рідна мова», слід звернути увагу на існування двох аспектів його визначення. Перший – юридичний. На підставі результатів референдуму або перепису населення вводиться статус *широковживаної* регіональної мови, якщо її називають рідною не менше 20% респондентів; статус *поширеної* регіональної мови, якщо її називають рідною не менше 10% респондентів; статус *малопоширеної* набуває мова, яку назвали рідною менше 10% опитаних. Залежно від цього визначається широта, обсяг функцій мови в офіційній галузі. Так, мова широкоживана може використовуватися у роботі державних органів та органів місцевого самоврядування нарівні з державною. Мова поширена використовується у службовому, діловому листуванні. Мова малопоширена може використовуватися лише у межах конкретного населеного пункту. У даному випадку йдеться тільки про одну функцію, яку може виконувати мова: регіональна мова у названих статусах торкається

тільки функції спілкування та отримання інформації. Але існує й інший момент у тлумаченні поняття «рідна мова» – момент етнокультурний. Цю ознаку рідної мови глибоко і точно сформулював професор В.В. Колесов: «Что касается языка, как хранителя концептов национальной культуры, речемыслительной и мировоззренческой сферы – тут дело другое. В этом смысле сохранение любого языка, даже самого маленького народа, становится важной задачей всего мирового сообщества. Из этого следует, что язык как культурное достояние народа – это не тот язык, на котором мы слушаем вести или читаем газетные новости... а тот язык, который живет в нас, облагораживая и осветляя» [3, с.22].

Складність вирішення людиною питання, яка мова є для неї рідною, зумовлена тим, що мова багатофункціональна, бо вона може бути носієм культури і ментальності, виконувати інструментальну функцію, тобто бути засобом спілкування у різних галузях діяльності людини, виконувати когнітивну функцію. В умовах багатомовності визначення людиною рідної для неї мови ускладнене переплетенням функцій, які виконуються тією або іншою мовою. Окрім того, термінологічна проблема вживання словосполучення «рідна мова» полягає у тому, що загальноовживане поняття обтяжене великою кількістю смислових конотацій, які заважають цьому словосполученню бути повноцінним терміном. Який вихід із цієї ситуації? Їх два: перший – необхідно дати чітке визначення цього словосполучення як терміна у співвідношенні з юридичною галуззю; другий – потрібно шукати заміну, тобто знайти лексему, яка була б вільна від семантичних конотацій, тобто однозначна. Адже часто у мовній практиці ми вживаємо іншомовні слова: українські слова «згода», «домовленість» у юридичній науці були замінені іншомовним словом «консенсус». Останнє набуло значення: форма досягнення згоди сторін без голосування (у практиці міжнародного права); засіб досягнення згоди під час укладання угод (консенсуальні угоди). Подібне розмежування маємо і щодо слів «спілкування» та «комунікація». Останнє переважно використовується як термін. У даному випадку розмежування стосується не тільки стилістичного, але й понятійного аспекту.

Висновки. Таким чином, у процесі мовної ідентифікації особистості у протиріччі з'єднуються три вияви: перший – мова як носій культури і ментальності, другий – мова як засіб спілкування, третій – мова як інструмент думки. Найчастіше у дійсності перший вияв є доміантним у визначенні особистістю рідної мови. Вірогідно, що етнічний початок закладено у людині майже на генному (не з погляду біологічного, а з погляду соціобіологічного) рівні.

Список літератури

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М., 2001. – С.22.
2. Большой юридический словарь/ Под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина. В.Е.Крутских. – М.: Инфра-М. 1999.
3. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л., 1979. – С.560-565.
4. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... – СПб: Златоуст, 1999. – С.22.
5. Снитко Е.С. Вы спрашивали? – Мы отвечаем// Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2005. – №1 – С. 50-52.
6. Шульга Н.А. Базовые принципы и ценности европейских стандартов языковой политики // Проекты законов о языках – экспертный анализ. – К., 2000. – С. 12-13.

Поступила до редакції 26.01.2006 р.

УДК 811.161.1'38

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Синица И.А.

Проблема взаимосвязи сознания, языка и культуры достаточно глубоко, всесторонне и убедительно исследована как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Начиная с работ И. Гердера, называвшего сравнение языков «наипрекраснейшим эссе об истории и разнообразнейшей характеристикой человеческого разума, ибо в каждом из них втиснут разум данного народа и его характер» [7, с.233], в данных исследованиях преобладает идея о единстве языка, культуры, общества и национального духа. В соответствии с теорией «сравнительной антропологии», В. Гумбольдт говорил о возможности с помощью языка «обозреть самые высшие и глубокие сферы, все многообразие мира» [8, с.6]. Идеи В. Гумбольдта были подхвачены и развиты в XIX в. Разработка этих проблем связана с именами создателей мифологической школы братьев Гримм, их российскими продолжателями Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым, А.А. Потебней и другими исследователями. В начале XX в. анализом проблемы «язык и культура» занимался Э. Сепир, утверждавший, что «язык не существует и вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [15, с.163]. Таким образом, «всякий языковед, изучающий язык данной культуры, ... непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [6, с.247].

Актуальность. Обращаясь к анализу языковых фактов, мы тем самым приближаемся к культуре определенной эпохи в целом и культуре личности в частности. При этом важно не забывать о накопительном характере культуры как отдельного народа, так и культуры общечеловеческой, которые представляют «координированный монолит, в котором настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим. Пренебрежение к прошлому, к традициям нарушает естественный процесс перехода к будущему» [11, с.91]. Поэтому не существует ни художников, ни писателей, ни ученых, которые бы не обращались к богатому культурному наследию. Использование в своем творчестве элементов различных и одновременных культурных наследий, их талантливая переработка создает уникальный образ художественных произведений, уникальный своими идеями научный труд и т.п. Лишь возобновив разорванные нити этих столетий и восстановив «традицию долговременного мышления, мы можем разобраться в тех человеческих проблемах, которые стоят перед нами, и в том облике человека, который возник сейчас» [9, с.18]. Частично эта задача может быть решена филологами, занимающимися различными проблемами лингвокультурологии как составляющей антропологической лингвистики.

В *задачи данной статьи* входит изучение различных подходов к оценке билингвизма и, шире, бикультурности автора текста.

Постановка проблемы. Говоря об отношениях языка и культуры, лингвокультурологи прежде всего имеют в виду влияние культуры на язык, хотя формулирование проблемы предполагает изучение «участия языка в созидании духовной культуры и участие духовной культуры в формировании языка» [12, с.25].

Среди лингвистических дисциплин наиболее «культуроносными», по определению В.А. Масловой, являются социальная диалектология, этнолингвистика, стилистика, лексикология, семасиология и др. [10, с.9]. В этот ряд мы бы добавили дисциплины, объектом исследования которых является текст, фиксирующий «национальную специфику вербального и невербального аспектов той или иной культуры» и который рассматривается как «инструмент межкультурного общения» [3, с.99]. Особое внимание при герменевтическом анализе обращается на сохраненные в тексте национально-специфические элементы иной культуры и способы их включения в текст. Инокультурные элементы тем самым, во-первых, создают некоторый колорит незнакомой культуры (иноязычное слово или словосочетание переносится в язык реципиента в оригинальном звучании и, по существу, транслитерируется), во-вторых, обеспечивают более глубокое понимание смысла текста путем раскрытия значения специфического элемента чужой культуры с помощью перевода [3, с.166].

Несмотря на разнообразие существующих на сегодняшний день направлений и методов лингвокультурологических исследований, главным объектом их анализа остается слово. Э. Бенвенист, сформулировавший антропоцентрический принцип в языке, утверждал, что исходной точкой его наблюдений служит «обычно какое-либо слово того или иного индоевропейского языка, чреватое будущими связями и ассоциациями, и вокруг него, начиная с прямого анализа особенностей его формы и смысла, затем его актуальных связей и противопоставлений, затем посредством сравнения родственных форм, мы восстанавливаем культурный контекст, в котором оно складывалось как термин, часто претерпевая глубокие изменения» [4, с.352]. Именно совпадения в лексическом составе древних языков отражают основные сферы общей культуры, в особенности материальные [4, с.351]. Исходя из этого можно предположить правильность противоположного утверждения о том, что заимствование языком-реципиентом иноязычной лексемы свидетельствует об отсутствии в культуре народа-носителя данного языка соответствующего артефакта, в связи с чем и возникает необходимость использования иноязычной лексики для наименования артефактов иной культуры. Об этом же говорил и Э. Сепир, заметивший, что независимо от уровня или характера взаимного контакта между соседствующими народами он в общем итоге всегда достаточен для установления какой-то степени языкового взаимовлияния [15, с.151]. Самым простым видом влияния ученый считал заимствование слов: «Когда есть налицо культурное заимствование, есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов» [15, с.152], которые могут стать отправной точкой для исследования истории культуры. Поэтому считается, что роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просачивалась в лексику других народов. Проанализировав процессы заимствований в ряде европейских языков, исследователь установил зависимость характера и размеров заимствований не только от исторических фактов культурного общения, но и от «психологической позиции самого заимствующего языка в отношении языкового материала» [15, с.153]. Но при этом ученый утверждал, что язык является наиболее устойчивым и способным к сопротивлению изо всех социальных феноменов, что легче язык уничтожить, нежели подвергнуть разложению его индивидуальную форму [15, с.162]. В следующей статье автор отмечает, что язык «может до бесконечности варьироваться индивидом, не теряя тем самым своих различительных черт; и, как всякое искусство, ... постоянно преобразуется» [15, с.172]. Поэтому язык рассматривается не как средство описания какой-либо культуры, а прежде всего как знаковая quintэссенция самой культуры. Появление в языке-реципиенте заимствованных слов и воспринимается вначале как знак, как символ иной культуры.

Заимствование слов иногда связывают с наличием в языке лакун как свидетельств несоизмеримости культур, что проявляется в несовпадении тех или иных культурных реалий, а сам процесс заимствования рассматривают как заполнение лакуны. Феномен лакуны находится в центре внимания многих современных исследователей, занимающихся проблемами лакунарности в различных подсистемах национального языка, типологией, методикой выявления лакун и др. [см., напр., 5]. Сущность данного явления состоит в раскрытии смысла некоторого понятия или слова, принадлежащего чужой для реципиента культуре. Заполнение лакуны (и языковое, и относящееся к сфере культуры в целом) может быть различной глубины, что зависит от характера (вида) элиминируемой лакуны, от типа текста, в котором лакуна существует, а также от особенностей реципиента, которому адресован текст. Заполнение лакуны может происходить в процессе взаимодействия и сосуществования языков: например, лакуна может быть заполнена путем заимствования той или иной единицы, путем включения в текст более или менее подробных комментариев к элементам чужой культуры и т. п. [см. об этом: 3, с.32, 163, 167].

Способность выявлять знаки иной культуры зависит от национальной самоидентификации, от способности человека соотносить себя с определенной национальностью и всеми ее признаками (языком, территорией проживания, социально-экономическими условиями, культурой), от этнической ментальности (самосознания), во многом определяющей поведение и поступки человека [см.: 2; 16. с.42-53] (ср.: «мысль о ментальности возникает при встрече с чем-то не похожим на нас самих, а потому менталитет может быть «тестирован» только извне» [16, с.45].

Национальное сознание проявляется не только в процессе самоидентификации. Использование элементов иной культуры (например, в качестве иллюстративного материала или заимствований, сопровождаемых комментированием, пояснением значения) свидетельствует не только об осознании наличия лакуны в собственной культуре, но и о необходимости ее заполнения.

Язык как первоэлемент любого художественного или научного произведения определяет его национальную принадлежность. Язык выступает основным критерием отнесения произведения к той или иной национальной культуре. Поэтому утверждают, что русские повести Т.Г. Шевченко, обогатившие и духовную культуру украинского народа, являются достоянием прежде всего русской культуры [14, с.316]. Н.В. Гоголя характеризуют прежде всего как писателя русского, творчество которого невозможно исключить из украинского культурного контекста, поскольку именно он, вслед за И.П. Котляревским, показал миру украинского крестьянина с его бытом, верованиями, обычаями и фольклором. Вместе с тем некоторые исследователи характеризуют участие Н.В. Гоголя в украинской культурной жизни как деструктивное, поскольку «він одібрав в Україні її мову, інкрустувавши її словами мову російську» [13, с.153]. Инициаторы создания «Русской энциклопедии», отвечая на вопрос, кого отнести к русской культуре, констатируют, что ее достойными представителями являются евреи О. Мандельштам, И. Левитан, киргиз Ч. Айтматов, а также русские по крови, но работавшие за рубежом В. Набоков, А. Солженицын и др. [16, с.95].

Но существует и иное мнение, связанное с проблемой билингвизма, широко распространенного среди писателей. Известны французские произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, русские стихи Рильке, Ю. Балтрушайтиса, немецкие А.К. Толстого, М. Цветаевой. На территории бывшего СССР на родном и русском языках писали Ч. Айтматов, В. Быков, И. Друце, Ю. Шесталов, П. Загребельный и др., на русском – Ф. Искандер, Ю. Рытхэу, О. Сулейменов. На вопрос, к какой культуре отнести их творчество, однозначно ответил Ч. Айтматов: национальный писатель, пишущий по-русски,

остается писателем национальным. В одном из многочисленных интервью популярный писатель утверждал: «Думаю, когда опубликовал по-русски свою повесть «Прощай, Гюльсарь», ни у кого не оставалось сомнения, что это произведение киргизской прозы. Ведь существует не только стихия национального языка, но и национального мышления» [1, с.3].

Выводы. В связи со сказанным считаем необходимым различать, с одной стороны, проблему языка произведения и принадлежности текста той или иной культуре и, с другой, проблему национальной принадлежности, особенностей этнонационального менталитета автора произведения. Если в первом случае наблюдаем преобладание языкового принципа в решении проблемы, то во втором нет однозначного ответа. Ее рассмотрение требует учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факты, отраженные в художественных, научных и других текстах. Мы же считаем необходимым разграничивать проблему би- или полилингвизма автора и проблему его национальной самоидентификации. Очевидно, в таких случаях следует говорить о би- или поликультурной принадлежности автора. Владение несколькими языками, свободное формулирование собственных мыслей на разных языках, нередко приводящее к лингвокультурному взаимодействию в пределах текста, делает его не только доступным и понятным представителям разных национальностей, носителям разных языков, но и становится пространством, объединяющим культурные интересы разных народов.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Интервью // Литературная газета. – 1989. – №45. – С.3.
2. Акопов Г.В., Иванова Т.В. Феномен ментальности как проблема сознания // Психологический журнал. – 2003. – Т.24, №1. – С.47-55.
3. Антипов и др. 1989 Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука. 1989. – 197с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
5. Быкова Г.В. Лакуарность как категория лексической системологии. – Благовещенск, 2002.
6. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1960. – С.243-263.
7. Гердер И.Г. Идеи и философия истории человечества. – М., 1977.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
9. Мамардашвили М.К. Возможный человек // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара “Человек”. – Л.: ЛГУ, 1991. – С.6-18.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: Уч. пос. для студентов высш. уч. зав. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
11. Пиотровский Б.Б. Культурное наследие и его роль в жизни человечества (размышления на тему) // Человек в зеркале наук. Труды методологического семинара “Человек”. – Л.: ЛГУ, 1991. – С.89-96.
12. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С.25-33.
13. Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. – К.: АртЕк, 2001. – 392 с.
14. Русановский В.М. Культура и язык // Современные славянские культуры. – К., 1982. – С.316.
15. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи /Перевол с англ., прим., вступ. ст. А.М. Сухотина. – М., Л.: СОЦЭКГИЗ, 1934. – 223 с.
16. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Уч. пос. / Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.

Поступила в редакцию 20.01.2006 г.

УДК 811.161

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

Шаклеин В.М.

Актуальность. Перемены в политической и экономической жизни, происходящие в России и других странах СНГ в начале XXI в., нашли свое отражение в процессе современной публичной межкультурной коммуникации. Интенсивные процессы в национальных обществах и языках обостряют языковую рефлексию носителей лингвокультур. Эта рефлексивная деятельность в рамках межкультурной коммуникации часто проявляется в рамках метаязыковой функции национальных языков.

Постановка проблемы. Политическая ситуация в ряде стран СНГ (в частности, это касается Украины) диктует необходимость стремления к политкорректности и одновременно к высказыванию радикальных идей. Именно поэтому современная публичная межкультурная коммуникация изобилует относительно законченными высказываниями, содержащими выраженную оценку употребляемому слову или выражению. Как правило, такие высказывания формально включают какую-либо лексическую единицу (слово) или глаголы говорения и именованя. Эти высказывания чаще всего отнесены к определенному политическому контексту и описывают некоторое положение вещей во внутренней и внешней политике. Например:

«Помните, большевики раньше *говорили «квасной патриот»?* Я теперь, с гордостью могу *сказать*, да, я – *квасной патриот*, потому что квас лучше и здоровее множества других напитков. Я могу *сказать*, что я – *пельменный патриот*, потому что пельмени лучше гамбургеров. *Эти слова мы употребляли в уничижительном смысле*, а сейчас надо менять язык» (Телепередача

«Постскриптум», 17 февраля 2005 г.). «Украинцы производят лучшие продукты питания в мире. При этом я не хочу обидеть Россиян» (Из интервью премьер-министра Украины Ю.Тимошенко, газета «По-киевски», 25 февраля 2005г.).

Явный политико-патриотический подтекст подобных высказываний в определенном смысле совпадает с ведущим принципом современной лингвокультурологии: антропологическим началом, пристальным вниманием к этнически обусловленной языковой личности. Вспомним при этом высказывание Ю.Н. Караулова: «Языковая личность трактуется не как часть многогранного понимания личности, а как вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс» [2 с.7]. Главным признаком языковой личности является наличие языкового сознания и языкового самосознания. Языковое сознание в лингвистике последних десятилетий обычно отождествляют с языковой картиной мира, со стратегией и тактикой речевого поведения. Осознание же своего языкового поведения и есть языковое самосознание. Кроме научного языкового самосознания, существует и

языковое самосознание рядовых носителей языка, получившее в зарубежной лингвистике название «folk linguistics». При вербализации языкового самосознания мы и говорим о метаязыковой функции языка.

Современная экстралингвистическая реальность в странах СНГ определяет основной набор лексико-фразеологических доминант, быстрая смещаемость которых создает впечатление о их резкой изменчивости и недолговечности. Языковое самосознание реагирует на быструю смещаемость определенным образом. Поэтому ныне создается впечатление о повышенной частотности указанных выше специфических высказываний, относящихся к публичной межкультурной коммуникации. Более того, выступая как часть культурного самосознания определенной эпохи, такие высказывания становятся компонентом национального самосознания конкретного временного культурного среза (лингвокультурной ситуации).

Анализ коммуникативного дискурса конкретной ЛКС позволяет выявить целый ряд характеристик этнически обусловленной языковой личности: во-первых, ее психологические черты. Так, М.В. Ляпон в своих работах [3], опираясь на творческое наследие М. Цветаевой, выявила модель рефлексивной личности писателя-интроверта; во-вторых, философско-мировоззренческие установки этнически обусловленной личности; в-третьих, ее социальные характеристики. И поскольку мировоззрение языковой личности, по Ю.Н. Караулову, есть результат взаимодействия, соединения систем ценностей личности (единиц когнитивного плана) с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками (единицами прагматического плана), то лингвистический анализ межкультурной коммуникации, с точки зрения когнитивного и прагматического подходов, позволяет реконструировать, содержание мировоззрения этнически обусловленной личности.

Известно, что языковое самосознание заключается в способности интерпретировать и квалифицировать элементы языкового сознания. Интерпретация состоит в изложении понимания текстов и языковых единиц. Публичная межкультурная коммуникативная деятельность в этом случае представляется как осознанный мыслительный процесс по интерпретации употребляемых единиц текста. В настоящее время частным случаем интерпретации являются образцы народной этимологии. Приведем пример: «Господин Генеральный директор! Не обращаюсь к Вам с привычным для нашего города словом «товарищ», так как история происхождения этого обращения уходит в давние времена, когда с этим словом обращались друг к другу воры: доставив награбленный товар к своим товаркам, они требовали за это ши, вот и получилось – товарищ, то есть товарищи. Поэтому Генерального директора не хотелось бы называть «товарищем»» (Из выступления адвоката на судебном процессе в Магнитогорском городском суде. «Советская Россия», 12 января 2004 г.).

Можно предположить, что квалификационная, оценочная коммуникативная деятельность языкового самосознания проводится в двух направлениях. Во-первых, как оценка фактов речи (оценочные функциональные характеристики, даваемые говорящими в процессе речи, относящиеся к фактам речи): точности словоупотребления (правильное/неправильное), сферы употребления слов, стилистической критики «уместности/неуместности» и т.д. Во-вторых, за оценкой фактов речи часто скрываются суждения о современном мире и особенно о странах-соседах. Подобное эксплицирование коннотативной семантики соответствует духу общеславянской и постсоветской ментальности, поскольку для «нашего человека», говоря образно, слово

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

часто воспринимается как реальность, а реальность как слово. В этом смысле межкультурная коммуникация выступает в качестве способа познания мира и, что более важно, стран-соседей. Для того чтобы глубже познать объект, человек делает его до некоторой степени субъективным. Субъективность предполагает превалирование коннотативного компонента над денотативным в семантике слова. Поэтому во всей актуальной лексике всегда усиливается оценочный компонент, часто эксплицируясь в контексте употребления.

Действительность стран СНГ вызывает потребность в осмыслении бытия, способствует частотности проявления фактов межкультурной коммуникации, которые, на наш взгляд, позволяют судить о психологическом состоянии и социокультурных умонастроениях национальных обществ на данный момент, о мировоззренческой неоднородности членов таких обществ.

При учете такой возможности нами был проведен, с одной стороны, сопоставительный анализ публичной межкультурной коммуникации двух хронологических срезов: периода перестройки (1985-1990 гг.) и современного периода (начало XXI в.). Анализ проводился на базе иллюстративного материала «Словаря перестройки» [5] и текущих газетных публикаций и телевизионных передач. С другой стороны, социальная неоднородность современных обществ стран СНГ проявилась в существовании двух противоположных по мировоззренческим установкам форм письменной публичной речи: демократической и оппозиционной печати. Поэтому, наряду с демократическими газетами («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Известия», «Вільна Україна», ряд местных газет), выборочно нами были просмотрены газеты оппозиционного лагеря, такие как: «Русский порядок», «Русь державная», «Русский вестник», «Русский востокъ», «Перерва», «Життя», «Крымская правда» и др.

Анализ материала показал сходство и различие сопоставляемых высказываний. Сходство современной публичной межкультурной коммуникации в странах СНГ проявляется в одинаковой фиксации происходящих лексических процессов в современных национальных языках. Отметим некоторые из них.

1) Появление новых слов из разных тематических групп, обслуживающих новые жизненные ситуации. Высказывания, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, отмечают новизну и частотность употребления слова. Например:

«Термин новый родился: *отказник*. Слово найдено точно» (Словарь перестройки, 1992); («*Правовое государство*» – *заезженное словосочетание, набившее оскомину*)» («Час пик», 11 декабря 2004г.); «Мы по-прежнему «строим» – не зря, видимо, *родился термин «прорабы перестройки*: построили «социализм» – не понравился, перестраиваем его в «капитализм»» («Крымская правда», 2004, № 11).

2) Перераспределение целых лексических пластов активного пассивного словаря вызывает оценочную реакцию носителя языка:

«Очень многих *пугает слово «батрак*. Вытащили его из крепко пронафталиненного архива и делают из него пугало» (Словарь перестройки, 1992); «*Я категорически против слова «милиция*. Милиция себя дискредитировала в глазах обывателя. Может быть, *новое слово «полиция*» поможет поднять органам свой престиж» («Перерва», 13 ноября 2003г., перев. с укр.); «*Такие слова, как «интернационализм», «классовая борьба», «пролетариат», «братская*

социалистическая солидарность» и тому подобные атрибуты всей обрыдшей коммунистической идеологии, должны быть, как старый хлам, выброшены на свалку истории» («Русский вестник», 2004, № 2).

3) Активное употребление заимствованной лексики вызывает различное отношение к этому процессу. Ср.:

«Новые, незнакомые, а потому заманчивые слова конвертируемость, конвергентность, плюрализм, конверсия, инвестиция, ротация» (Словарь перестройки, 1992); «Разбаш: Кто занимается промоушен, извините за это слово» («Час пик», 25 февраля 2004г.); «Космополиты, невежды и чужеземцы по дурости и по злему умыслу засоряют великий русский язык такими ничтожными и бессмысленными словечками, как хобби, консенсус, импичмент» («Истоки», 2002, № 6).

4) Обновление нормативно-ценностной системы представлений о мире способствовало ресемантизации целого ряда идеологически ориентированных слов. Слова, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, в этом случае наиболее экспрессивны:

«У нас на слова «рыночные отношения», «рыночная экономика» реагировали подчас как бык на красную тряпку» [5]; Но сегодня «капитал», «частная собственность и другие подрасстрельные ругательства революционных лет прижились в нашей повседневной жизни в качестве обычных терминов» (АиФ, апрель, 2003).

Проследим, в первую очередь, различие публичной межкультурной коммуникации двух временных срезов новейшей истории стран СНГ. Временное сопоставление материала позволяет увидеть различия в характере оценочной семантики. В связи с происходящими изменениями в политической и экономической жизни общества происходит обновление концептуального мира носителя языка. Языковая картина мира связана с ценностной ориентированностью человека в окружающем мире. Полагают, что главной оппозицией праславянской культуры выступает оппозиция «свой – чужой», с которой также связана смена оценок, поскольку в основе противопоставления лежит ядерный смысл, представленный оценочной дихотомией «плохой – хороший». Задуматься о природе обозначаемого предмета, сути явления, факта или характера процесса – увидеть «свое» в «чужом» – в этом проявляется личностное начало говорящего в области языкового самосознания. Открытость языкового общества в эпоху перестройки влиянию других культур, ассоциирование ценностной трансформации с обновлением общества определило положительные оценочные характеристики публичной межкультурной коммуникации эпохи Перестройки. Язык 80-х может быть охарактеризован как «язык эйфории» [1, с.21], поскольку гласность этих лет помогла перейти на нормальный политический и экономический язык, принятый во всем мире, открыть запретные темы, убрать советские эвфемизмы, назвать явления своими именами. Поэтому даже отрицательные и тревожные факты общественной жизни получали в публичной межкультурной коммуникации положительную оценку, иногда с оттенком гордости: «Не «перерыв» в работе, как стыдливо именовали мы прежде подобные происшествия, а именно забастовка – новое слово в нашем политическом словаре» [5].

В начале XXI в. ожидания практически во всех странах СНГ ознаменовали улучшение экономического состояния национальных обществ. Потеря исторической перспективы, ценностный вакуум порождают здесь ироническое отношение к жизни, отраженное в языковой практике. Часто современная публичная межкультурная

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

коммуникация существует как бы в двух временных срезах, реализующих антонимический оценочный смысл: «Он считает, что в России нет папарацци, и не хочет, чтобы его называли этим заморским именем» («Час пик», 9 декабря 2002 г.).

В странах СНГ в общественной жизни начала XXI в. отмечается социальная усталость, фатализм, в современной публичной межкультурной коммуникации возрастает роль высказываний с отрицательной оценкой, ключевыми модальными операторами становятся слова «опасность», «страх», «бояться». В качестве конкретного примера высказывания с отрицательной оценкой возьмем коннотативные высказывания по поводу терминологической единицы «деноминация», вошедшей в активный речевой обиход в конце XX в. Целый ряд неудачных попыток модернизации страны (павловский обмен денег 1990-го г., либерализация цен командой Гайдара 1991-го г., приватизация 1994-1995 гг., построение «пирамиды» ГКО Черномырдина 1997-1998 гг., наконец, выстраивание «вертикали власти») способствует тому, что инициирование новых экономических акций, связанных с денежными преобразованиям, встречается однозначно отрицательно. Например, спектр отрицательных высказываний по поводу предстоящих реформ содержит: *реформу бояться; страшного слова бояться не надо; зловещий оттенок начинает приобретать словечко «деноминация»* и т. д.

Высказывания, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, отражают эволюцию ценностной системы этнически обусловленной языковой личности в лингвокультурах стран СНГ. Во-первых, происходит обращение к ценностным установкам национального прошлого, традиционным ориентирам, иногда даже постальгическое обращение к ценностям советского периода российской истории: «Советский патриотизм. Здесь «советский» не носит оттенка уничижительности» («Час пик», 12 февраля 2002 г.); «Мы будем говорить о том, что раньше гордо называлось «дружба народов», а сейчас, извините за выражение, «межнациональные отношения» («Тема», 17 февраля 2003г.).

Во-вторых, формируется новая иерархия ценностей. Так, происходит ориентация общественного сознания на класс новых, богатых людей. Наряду с отрицательной коннотацией в словосочетаниях «новые русские», «новые казахи», «новые украинцы» и т.п. проявляется вариативность оценочных смыслов при дифференциации класса не по признаку богатства, а по профессиональным качествам. Появляется положительная оценка лексической единицы путем конкретизации понятий типа «новые русские»: новейшие «новые русские», старый «новый русский», совсем «новый русский», новые молодые «зубры», новые «новые русские», самые «новые русские», настоящие «новые русские».

Абсолютная, хроническая неудовлетворенность настоящим, типично русское самобичевание своего дает широкий спектр отрицательных реалий современной жизни: так, уже русский капитализм получает определения *дикий, нелетый, жуткий, циничный, безумный* и т. д.

Обратимся к характеристике высказываний, относящихся к современной публичной межкультурной коммуникации, в оппозиционной прессе. Оценивая одни и те же языковые факты, носители разных мировоззренческих установок по-разному работают в рамках базовой системы координат «свой – чужой». Представители оппозиции изначально не устремлены к познанию нового объекта, не заинтересованы в понимании его сущности, отвергают новое как чужое, присваивая явлению сразу оценочный смысл негативного. Мы не наблюдаем динамики познания объекта, негативная оценочность

идет по линии расширения охвата сферы речевой деятельности современных обществ стран СНГ. Поскольку объект чужой, то оценка его как чужого лежит в области усиления, углубления его отрицательной характеристики. Даже в области культурно-речевой негативная оценка крайне агрессивна. Покажем проявления агрессивной оценки на примере типичных высказываний, сделанных по поводу современного употребления местоимения «эта» в словосочетании «эта страна»:

«Мы решили публиковать авторов самых разных политических убеждений, лишь бы они относились к России не как к «этой», а как к «своей родной» стране» («Русский восток», 2001 г., № 19); «Мне кажется, что с того момента, когда человек начинает называть свою Родину «эта страна» вместо «моя страна», он становится к ней во враждебно-безразличную позицию. Если вы скажете про себя о ней отчужденно, например, «в этой стране всегда было так» – и вас не покоробит, вам не станет не по себе, то вы уже американизированы, т. е. вы стали на «этой территории» вечным жидом и, следовательно, перестали быть русским» («Русский порядок», 2002 г., № 1).

В данных высказываниях наблюдается подмена социальных конвенций в разграничении «личного» и «неличного». Категория «личного» предполагает идентификацию говорящего с субъектом своего восприятия и своих эмоций. Одним из важнейших аспектов «я» является понятие «мое». Из приведенных контекстов следует, что речевые действия другого субъекта по отношению к стране как к категории не личного, а общественного порядка воспринимаются авторами высказываний абсурдными и чуждыми в силу их собственной экспансии личного на категорию общественного социального контекста. В рамках данных высказываний идет столкновение различного понимания границ социального континуума.

Если обратиться к наиболее частотным высказываниям оппозиционной публицистики, то можно выделить ключевую лексическую единицу, имеющую самый большой набор рефлексивных высказываний. Центральной единицей рефлексивного дискурса оппозиционной печати является слово русский (украинский, казахский, украинский и т.п.), в котором, на наш взгляд, как в базовом компоненте национального самосознания, происходит отставание, утверждение категории «своего» и непринятие «чужого». Оценочные контексты носят обычно тревожный характер, подчеркивают опасность сегодняшней жизни для этнически обусловленной языковой личности:

«Опасное слово по нынешним временам – «русский». В стане демократов слова «русский патриот» запрещенные, ненавистные, чуть ли не нецензурные» («Советская Россия», 15 мая 2003 г.); «Кто это мы? Скорее всего, мы – это труднопроизносимое слово «казахстанцы». Неужели казахи обречены надевать маску вечных интернационалистов, прятать свое национальное лицо за безликое «мы» («Павлодарская правда», 21 июня 2002г.).

Противопоставление национального всему остальному, с точки зрения оппозиции, чужому, неистинному происходит в рамках словесной оппозиции «национальный – ненациональный»: *замки и дворцы «новых нерусских», болтающая на всех языках «русская» интеллигенция* (кавычки в данном контексте носят оценочный характер), *молчит «неукраинское» правительство, вся немолдавская рать претендентов на молдавское президентство* и т.д.

Часто словесная оппозиция «национальный – ненациональный», эксплицирующая дихотомию «свой – чужой», а следовательно, «хороший – плохой», перерастает в

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

развернутую характеристику врага, типичную, пожалуй, только для оппозиционной печати:

«Это, говоря богословским языком, сатанинская атака на Украину, когда соединили свои змеиные трубчатые жала Павловский и Янукович, направили парапсихологический удар в каждое украинское сердце. У Украины обнаружился враг, обретя очевидное воплощение...» («Геррера», 16 декабря 2004 г., пер. с укр.).

Выводы. Таким образом, высказывания, относящиеся к современной публичной межкультурной коммуникации, скрывая за оценкой лексической единицы суждение о мире, позволяют, с одной стороны, выявить динамический процесс ценностной ориентации человека в современном мире, представить психологическое состояние обществ стран СНГ в разные временные периоды, а с другой стороны, свидетельствуют о социальной неоднородности современных постсоветских обществ, о различных социальных унастроениях, когда этнически обусловленная языковая личность не включается в процесс расшифровки чужих кодов, не преобразует их в свои, естественные, подвергая лексико-фразеологические доминанты нового времени жесточайшей критике.

Список литературы

1. Белянин В. Русская языковая личность в постсоветский период // Теория и практика русистики в мировом контексте: Международная конференция, посвященная 30-летию МЛПРЯЛ. Тезисы. – М., 1997.
2. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989.
3. Ляпон М.В. Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения. 22-24 февраля. – М., 1998.
4. Мокиенко В.М. Доминанты языковой смуты постсоветского периода // Русистика. Берлин. – 1998. – № 1-2.
5. Словарь перестройки. – СПб, 1992.

Поступила в редакцию 09.03.2006 г.

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА И ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

УДК 81'27+81'28

ПРОБЛЕМА БІЛІНГВІЗМУ НА ЕТНОРЕГІОНАЛЬНОМУ РІВНІ (СЛОБОЖАНЩИНА: СУМСЬКА ОБЛАСТЬ)

Євграфова А.О.

Актуальність. Вивчення мовної ситуації на регіональному рівні дає значний матеріал для виявлення інтерферентних мовних явищ, допомагає з'ясувати процеси взаємодії мов, шляхи збагачення двох мов, окреслює процеси фонетичних, лексичних, морфологічних змін, визначає тенденції розвитку мови в умовах білінгвізму тощо.

Двомовність, або білінгвізм, як актуальна проблема сучасної лінгвістики являє собою складне явище і може вивчатися в різних аспектах. Власне двомовність – це знання двох мов у відомих формах їхнього існування і користування цими мовами для взаєморозуміння та спілкування.

Залежно від різних чинників, які впливають на ступінь і характер засвоєння другої (нерідної) мови, вчені визначають різні типи двомовності. Хоча існує значна література з питань двомовності, єдиного розуміння проблем білінгвізму немає. Це пояснюється складністю самого предмета. Різноманітні види прояву двомовності, шляхи її становлення, перспектива розвитку ускладнюють формування загального уявлення про даний предмет. Студіювання білінгвізму вченими – мовознавцями, етнографами, філософами, психологами – допомагає з'ясувати численні аспекти цього явища.

Зрештою, білінгвізм знаходить своє вираження на перетині мовознавчої та суспільствознавчої наук і не може не кваліфікуватися як соціолінгвістична категорія. Такий підхід пропонують Ю.Д. Дешерієв, І.Ф. Протченко, М.О. Баскаков, В.Г. Костомаров, І.К. Білодід, В.М. Русанівський, Г.П. Їжакевич та інші соціолінгвісти.

Вступ до проблеми. Двомовність у нашій країні почали вивчати нещодавно, з 50-х років минулого століття. Дослідники паралельно із складними та іноді спірними питаннями теорії звертаються до вивчення особливостей двомовності в окремих регіонах, встановлення типів білінгвізму, які утворилися на даній території залежно від різних причин і чинників (Л.Ф. Баранник, М.А. Брицин, Н.І. Букатевиц, Є.О. Черепанова).

Територія Сумської області, у певному розумінні, являє собою винятковий конгломерат двомовності, який сформувався на етнічній основі. Історія заселення цього регіону Слобідської України визначила результати мовної взаємодії в їхньому сучасному стані. Так, як засвідчив перепис населення 1989 р. у Сумській області мешкають представники більш ніж 50 національностей. Найчисленнішою групою є українці (1,2 млн. осіб, або 85,5 % від загальної кількості населення області), друге місце за кількістю

посідають росіяни (190,1 тис. осіб), представників інших національностей нараховується 12,5 тис. осіб. Під час перепису відповіді на запитання про рідну мову записували зі слів опитуваних, тому до підсумкових цифр слід ставитися критично. Але все ж таки статистика свідчить, що під час перепису українську мову рідною назвали 1114,3 тис. осіб (78 %), у тому числі 6,7 тис. неукраїнців. Російську мову назвали рідною 21 % населення. Отже, 1,3 млн. осіб, або 81 % населення області, вважають рідною мову своєї національності, а 127,1 тис. (19 %) – мови інших національностей. Українці та росіяни у порівнянні з представниками інших національностей, які зберегли свою рідну мову, перш за все виявилися двомовними, або білінгвами [3].

Таке співвідношення представників двох національностей, які мешкають на території Сумської області, є результатом не тільки міграційних процесів останніх десятиріч, воно тісно пов'язане з історією заселення краю і географічним розташуванням сучасної Сумської області на південному кордоні Російської держави.

Перші літописні згадки про міста-укріплення датовані: 1096 роком – про Ромни, 1111-м – Вир (сучасне Білопілля), 1146-м – Путивль, 1152-м – Глухів [2, с.484, с.128, с.458, с.206].

Історія Сумської області ввібрала в себе нелегкі перипетії боротьби з іноземними загарбниками. Території Сумщини торкнулася монголо-татарська навала. Створюване Велике князівство Литовське розповсюдилося і на обшир Сумської області. Після трирічної війни у 1503 р. Литва поступилася Росії значною територією, в тому числі Сіверською землею, Черніговом, Путивлем, Глуховом, Ромнами. Після виникнення сильної польсько-литовської держави (1596) частина українських земель залишалася в руках магнатів. Створення Кримського ханства (1443) супроводжувалося нападами на українські та російські землі. Царський уряд із метою стримування татарської навали розпочав будівництво захисних ліній, так званих “засічних меж”, які проходили, зокрема, через Охтирку (1641). У ці південні райони почали переселяти боярських дітей і “служилих людей” (пушкарів, стрільців, козаків). Їх наділяли землею, всіляко заохочували [6, с. 13]. У XVI – на початку XVII ст. почали виникати російські та українські села. У подальшому землі Сумщини стали епіцентром збройного протистояння і були захоплені Польщею. Частина земель, окрім Путивльського, Краснопільського і Великописарівського районів, відійшла до Польщі. На східну частину Сумщини спрямувалися українські поселенці [5, с. 144], з'явилися населені пункти Межирич (1642), Будилка, Кам'яне (1647), Чупахівка, Олешня (1638). Одночасно виникли російські села Пожня (1628), Вольне (1640) Великописарівського району; Бояро-Лежачі, Веселе, Юр'єво Путивльського району. Приналежність прикордонних міст часто змінювалася. Приплив українського і російського населення у прикордонні регіони багаторазово то посилювався, то послаблювався.

Підсумовуючи, можна відзначити, що населення сучасної Сумської області склалося з місцевого українського населення (Роменський, Липоводолинський, Конотопський, Кролевецький, Шосткинський, Ямпільський, Середино-Будський райони), з місцевого і прибулого російського населення (Путивльський, Буринський, Великописарівський райони) та з прибулого українського і частково російського населення (Сумський, Лебединський, Недригайлівський, Білопільський, Охтирський, Краснопільський райони).

Історія заселення краю відобразилась у діалектному матеріалі. Особливості місцевих діалектів дозволяють говорити про взаємний вплив української та російської

мов. Серед російських сіл особливе місце посідають села Путивльського району, на території якого засвідчені автохтонні поселення росіян (О.І. Соболевський, М.Г. Халанський). І тому не випадково статистика підтверджує, що українці переважають серед населення всіх районів, крім Путивльського, де їх налічується 36,2 % і вони складають у районі другу за чисельністю національну групу після росіян [3].

Переселення росіян і частково українців, паралельне функціонування двох мов, змішані шлюби сформували на території Сумської області особливе середовище, про яке академік Д. І. Багалій писав: "... українська мова тут витворилася не задніпрянська, не галицька, не чернігівська, а власна, місцева, немов середня між ними, більше всього вона наближається до полтавської і київської..." [1, с.28].

Протягом 1978-1987 років здійснювалися діалектологічні експедиції в села Сумської області з метою вивчення і систематизації діалектного та етнологічного матеріалу певного регіону Слобожанщини. Зібраний матеріал склав підґрунтя словника "Русские говоры Сумской области" [7].

Хоча домінуючі риси дозволяють кваліфікувати усне мовлення інформантів у цих селах як російське діалектне мовлення, ми відзначаємо український вплив, який позначився на деяких особливостях цих говірок.

До обсягу поняття "російські говірки Сумщини" ми включаємо три групи. Перша група – це власне російські говірки, тобто такі, в основі яких покладена російська народна мова з моменту їх створення на Сумській землі (наприклад, деякі поселення Путивльського і Середино-Будського районів). До складу другої групи входять російсько-українські говірки. Це в основі російські говірки, які асимілювалися з українськими (в основному, на території південних земель). Третю групу складають перехідно-українські говірки, тобто такі, що постали на ґрунті українських говірок, які зазнали значного впливу російських (Бобрик, Недригайлів, Кам'яне, Олешня, Охтирка).

Російські говірки другої та третьої груп з'явилися вже після завершення процесу утворення російської мови, після XV-XVI ст., і формувались за інших умов, ніж на території проживання корінного населення. Щодо першої групи, то однодвірські села та хутори поблизу Путивля, де мешкали так звані горюни, вважаються найстарішими російськими поселеннями. Більшість учених називають їх спадкоємцями давньослов'янського автохтонного населення Посейм'я. Професор О.І. Соболевський вбачав у горюнах нащадків старих сіверян, які вціліли після татарської навали в сіверському поліссі [4, с.214].

Друга група значна. До її складу входять села Славгород, Порозок Краснопільського району, Верхопожня, Пожня, Тарасівка Великописарівського району, Дернове, Люджа, Верхолюджа, Печини Тростянецького району. Цей регіон дуже цінний для дослідників, оскільки історики засвідчують переселення росіян на ці землі у XV – XVII ст. "Число великоросійських поселенців у прикордонних районах Слобідської України, – зазначає академік Д.І. Багалій, – то зростало, то зменшувалось з різних випадкових причин; великоросійські служилі люди залежали від московського уряду, і він їх посилав туди, де була в них потреба, наприклад, коли якесь українське місто безлюдніло" [1, с.22].

Третю групу складають українські прикордонні містечка. У 1647 р. вони повинні були відійти до Московської держави. У зв'язку з цим мешканці зовсім залишили ці місця і навіть узяли із собою свої хати. На їх місце московський уряд поселив своїх служилих людей, а через деякий час ці землі знову зайняли українці-переселенці, серед яких залишилась певна частина росіян. Військове населення – однодворці, або так звана

ландміліція – повинно було охороняти укріплення, збудовані на українській лінії. Усього укріплень налічувалося сімнадцять, і саме вони були осередками заселення Слобожанщини росіянами. Можливо, по цій лінії могла сформуватися така російська говірка, в якій суттєво відображається основа українських говірок.

Таке змішування українського і російського населення на території Слобожанщини, в тому числі й Сумщини, завершилося приблизно до кінця XVIII ст. Українці заснували чимало міст, слобід, сіл, хуторів, які, власне, і склали Слобідську Україну, або, інакше кажучи, Слобідські козацькі полки. Таких полків було п'ять: Харківський, Охтирський, Сумський, Ізюмський та Острогозький.

Отже, територія сучасної Сумської області заселялася протягом довгого історичного періоду одночасно й українцями, й росіянами, що й уможливило формування двомовності.

На підставі вивчення матеріалів діалектологічних експедицій і живих особливостей мови інформантів на території Сумської області можна визначити тридцять шість російських сіл: Вовна Шосткинського району, Вольне Великописарівського району, Вороновка Путивльського району, Дернове Тростянецького району, Добрянське Великописарівського району, Жихово Середино-Будського району, Зіново Путивльського району, Івот Шосткинського району, Козловка Путивльського району та ін.

Мешканці цих сіл є носіями російської говірки, хоча в їхньому мовленні можна відзначити й риси, зумовлені впливом близькоспорідненої мови – української. Це пояснюється тим, що ізольованих від українського оточення сіл на території Сумської області мало (Путивльський район). Останні села з переселеним населенням спочатку характеризувалися переважанням то українського, то російського діалекту, що зумовлено історією заселення краю і постійними контактами між носіями двох мов.

Саме про це пише професор М.Ф. Сумцов: “Людське хвилювання і на Слобожанщині почалось здавна. Перші на вільні, багаті й просторі землі великою повіддю пішли українці і за короткий час заселили весь край. Потім прилили невеличкі купи сербів та молдаван, які, оселившись поміж українців, злились з ними цілком. Одночасно приливали великороси, але вони не тільки не злились з українцями, а по містах, дякуючи урядові і школі, що були в їх руках, перетягли до себе багато українців, що перейняли їх мову, одіж і звичаї” [6, с.144].

Особливості говірок Сумщини виявляються у фонетичній, морфологічній і лексичній системах.

Фонетична система російських говірок Сумської області має залежний характер від звукових систем як російської, так і української літературної мов. Оскільки діалектна система проникла, то цілком природно, що на даній території створюються діалекти перехідного зразка, які об'єднують у собі риси територіально дотичних діалектів. Це знаходить відображення у використанні паралельних форм (*ноч' і ніч; серце і серц'е*) у мовленні носіїв говірки. І при цьому фонетичні явища локалізовані, що дає підставу висновувати про те, що “чинник території при виділенні діалектів залишається провідним” [5, с.476].

Розгляд лексичної системи російських сіл із проекцією на територіальне розташування дозволяє зробити певні висновки. Те, що людина бачить у світі, відображається у мові. Дійсно, слова та їхні значення об'єднуються у різні групи під впливом системності людських уявлень, яка виводиться вченими на підставі врахування тематичної спільності явищ суспільного і господарського життя людей. Поряд із

етнографізмами особливий інтерес становлять назви давніх ремесел, професійно-термінологічна лексика ткацтва, рибальства, виготовлення виробів із лози, сільськогосподарська термінологія і т. ін., що дозволяє окреслити ареал, де займалися цими промислами та ремеслами.

Нами зафіксована лексика з галузі хліборобства, ткацтва, прядіння, плетення лаптів, рибальства. Терміни хліборобства різноманітні: земельні угіддя, рослини, що вирощуються в полі, в саду, на городі; складові снопу. назви овочів; види складання снопів; соха та її частини; плуг та його частини; назви полів. Для риболовлі, наприклад, використовували волок, сітки, вудочки, ятері, човни, верші, неводи, бродники тощо. У цій лексичі відтворюються традиції, умови життя, звичаї людей, господарський уклад даної місцевості.

Названі риси діалектів Сумської області дозволяють дійти висновку про те, що діалектні особливості пов'язані з територією розповсюдження цих діалектів, історією заселення і контактами у прикордонних районах із росіянами. Північно-західні райони області (Середино-Будський, Ямпільський, Шосткинський, Глухівський) зберігають риси південноросійських говірок. На півдні області (Охтирка, Велика Писарівка) історично проходила межа, і на цих територіях змішувалось українське і російське населення.

Ці етнічні чинники позначилась як на минулому, так і на сучасному стані мов, які тут споконвіку розвивалися, що і спричинилося до створення діалектів перехідного зразка і формування активної двомовності.

Висновки. Таким чином, в умовах сучасної Сумської області не могли не розвинутися складні форми міждіалектного і міжмовного контактів. Оскільки Сумська область знаходиться на перетині російсько-українсько-білоруських мовних ареалів, ця діалектна зона являє собою особливий об'єкт для спостереження.

Список літератури

1. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993. – 255 с.
2. Історія міст і сіл Української РСР. Сумська область. – К.: УРЕ, 1973. – 693 с.
3. Краснов М. Мовою статистики. Національний склад населення області // Ленінська правда. – 1990. – 22 листопада.
4. Ляпунов Б. М. Изучение восточнославянских говоров в трудах профессора М. Г. Халанского // Русские говоры на Украине. – К.: Наукова думка, 1982. – 231 с.
5. Общее языкознание / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – 603 с.
6. Сумцов М. Ф. Слобожане. Історично-етнографічна розвідка. – Харків: Вид-во "Союз" Харківського Кредитового Союзу Кооперативів, 1918. – 239 с.
7. Черепанова Е. А., Евграфова А. А., Покуц В. Н., Волкова О. П. Русские говоры Сумской области. Материалы диалектологических экспедиций. – Сумы, 1998. – 160 с.

Поступила до редакції 14.03.2006 р.

УДК 81.116.1

ЕЩЕ РАЗ О БИЛИНГВИЗМЕ И ДВУЯЗЫЧИИ

Мартынюк А.Я.

Актуальность. Владение языками является в наши дни необходимым условием, помогающим ориентироваться в современном культурно-историческом пространстве. Не случайно язык занимает высокое положение на шкале ценностей личности. Личность проявляет и раскрывает свои свойства прежде всего в языке. Будучи связанным с мышлением и психологией человека, его жизнью и общественным сознанием, язык передает социальные, этнические, психолингвистические особенности его носителей. Неразрывная связь языка и личности свое всестороннее освещение получила в разработанной Ю.Н. Карауловым теории языковой личности, которая рассматривается как «средоточие и результат социальных законов, продукт исторического развития этноса и его психической сферы, создатель и пользователь знаковых, т.е. системно-структурных по своей природе образований» [6, с.22].

Постановка проблемы. Язык – это средство общения с другими людьми и одновременно орудие мыслительной активности, ибо в значительной мере мы мыслим словами. Поскольку двуязычный индивид владеет двумя средствами общения и двумя мыслительными орудиями, то двуязычие прежде всего представляется нам как увеличение возможностей индивида [8, с.26]. С точки зрения Л.В. Щербы, есть два типа сосуществования языков в индивиде: «Оба языка образуют две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. Оба языка образуют в данном случае две автономные области в мышлении лиц, ставших двуязычными. При этом лицо, являющееся двуязычным, не может автоматически переключаться с одного языка на другой, поэтому перевод представляет для него трудность. Два языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций, где любой элемент имеет свой непосредственный эквивалент в другом языке, так что перевод не представляет затруднения» [9, с.40-53].

Изучение проблем билингвизма можно считать одним из наиболее актуальных направлений в лингвистике. Существуют различные определения понятия «билингвизм». Согласно общепринятым представлениям, билингвизм (двуязычие) – это свободное владение двумя языками одновременно. Считается классическим определение У. Вайнраха, где он утверждает, что билингвизм – это владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения, а носители двуязычия – двуязычные индивиды (билингвы).

Если исходить из определения двуязычия, даваемого О.С. Ахмановой, то билингвизм есть одинаковое или приблизительно одинаковое свободное владение двумя языками. Вслед за У. Вайнрахом другие исследователи определяют двуязычие

как попеременное использование в деятельности разных конкретных языков (А.Е. Карлинский, М.Ю. Розенцвейг и др.), причем отмечается, что в данном случае языки несут разную функциональную нагрузку с ограничением функций неродного языка. Разнообразие определений предполагает существование нескольких видов билингвизма. Существуют различные классификации билингвизма. Критерии, положенные в их основу, в целом могут быть поделены на три группы.

1. Критерии соотносительности речевых механизмов (механизма родного и иностранного языков) между собой или наличия одного / нескольких семантических рядов для разных языковых рядов: по данным критериям различают координированный (раздельное существование языков в сознании индивида) и субординированный (языки в сознании не разделены) билингвизм; чистый (изолированность речевых механизмов языков) и смешанный (взаимодействие их).

2. Критерий, учитывающий способ связи речи на каждом из языков с мышлением и выделяющий, таким образом, билингвизм непосредственный (бессознательно-интуитивное владение как первичным, так и вторичным языковым кодом) и опосредствованный (когда вторичный язык является новой кодовой системой).

3. Критерий наличия /отсутствия языковой среды в процессе овладения языком или в целом пути к овладению языком – бессознательно, прямым методом, с рождения или через сознательное и активное усвоение в более позднем возрасте; выделяется естественный и искусственный билингвизм.

В сущности, именно третий критерий является определяющим для всех дальнейших классификаций, поскольку именно от «происхождения» билингвизма зависит и способ взаимодействия языков в сознании индивида и опосредованность вторичной языковой системы первичной [7].

С позиций психолингвистики билингвизм – способность употреблять для общения две языковые системы. При изучении феномена ученые учитывают степень овладения новым языком, например, Е.М. Верещагин выделяет три уровня билингвизма: рецептивный – понимание речевых произведений, репродуктивный – умение воспроизводить услышанное, продуктивный – умение не только понимать и воспроизводить, но и строить цельные осмысленные высказывания. Все дети-билингвы проходят эти стадии развития билингвизма. Известно, что к настоящему моменту детский билингвизм охватывает почти половину детей на нашей планете. Предполагают, что эта тенденция будет расти и дальше. Степень развития речи неизбежно сказывается на самооощении ребенка, когда умение высказывать свои мысли и понимать речь окружающих влияет на его место и роль в обществе. Уровень использования языка зависит от разнообразия, глубины и правильности речевых впечатлений, которые ребенок получает с раннего детства.

Первоначальный, или главный, язык – это язык, с которым человек отождествляет себя, считает его своим, пользуется им в личном общении, т.е. это язык, которым он пользуется приоритетно. Обычно главный язык – первый по времени усвоения. Двуязычные индивиды, поддерживающие тесные личные связи на двух языках, зачастую не знают, с которым из них себя отождествлять. У некоторых из них, особенно у тех, которые усвоили второй язык в детстве, этот второй язык

становится первым – такова точка зрения канадских ученых М. Сигуана и У.Ф. Макки.

Опыт разработок канадской лингвистической школы, созданной в стране, где много мигрантов, показывает, что можно выделить следующие основные формы билингвизма: первая – это усвоение второго языка одновременно с первым (или немного позже первого) в раннем детстве. Усвоение языка подобным образом обеспечивает широкое двуязычие, когда индивид в совершенстве знает два языка, в высокой степени владеет ими обоими. В зависимости от обстоятельств он легко переходит с одного на другой, внутренне усваивает обе языковые системы, а значит, может мыслить в любой из них. Вторая типичная форма усвоения двуязычия имеет место в том случае, когда ребенок, выросший в одноязычной семье, открывает для себя второй язык, поступая в школу. Усвоенное таким путем двуязычие может стать достаточно глубоким, но, в связи с социальной ситуацией, сохраняет неодинаковость в функции и пользовании языками. Первый язык так и останется для ребенка его личным и обиходным языком, а выученный в школе – языком официальных контактов и социальных функций высшего уровня. Третья форма усвоения второго языка – спонтанная – осуществляется путем постоянного и прямого контакта с обществом, говорящим на этом языке. Компетентность в нем остается ограниченной, но ее достаточно для пользования языком как средством общения. Это ситуация, в которой оказываются взрослые иммигранты в стране, язык которой не является для них родным. Четвертая – усвоение второго языка в родной стране индивида только в школе (так обычно изучают иностранные языки). Компетентность владения им остается весьма ограниченной. В контексте данной работы автора интересует второй способ – усвоение второго языка в школе неродной страны индивида. Это обычная ситуация для детей, принадлежащих к языковым меньшинствам, или детей из семей иммигрантов в той стране, где говорят на одном языке [8, с.22-24].

Во второй половине XX в. начало складываться направление исследований, посвященное проблемам двуязычия и конструирования образовательного процесса с использованием средств родного и иностранного языков. В рамках этого направления в 60-70-е гг. сложились научные школы, целью которых является интеграция этнических меньшинств в доминирующую культуру. В этом отношении интересен опыт США. Здесь стало практиковаться двуязычное воспитание для детей из этнических меньшинств в государственных школах. Официально было определено, что билингвальное образование есть использование двух языков в качестве средств обучения для одной и той же группы учащихся посредством специальной программы, охватывающей весь учебный план или часть его, включая занятия по истории и культуре [8]. Эта программа призвана развивать чувства собственного достоинства детей и гордости за причастность к обеим культурам. Таким образом, делая акцент в двуязычном образовании не только на фундаментальном изучении языков, но и на культурном компоненте, билингвальное образование трактуется как бикультурное.

У. Вайнрайх, рассматривая двуязычного носителя как личность, пишет о влиянии на языковое поведение двуязычных носителей тех условий, в которых они изучают эти языки [3, с.52-55]. Определить, какой из двух языков у двуязычного носителя является основным, «доминирующим», и какой из них является главным

источником интерференции, – достаточно не просто. По У. Вайнрайху, в речи двуязычного носителя интерференция может происходить в обоих направлениях. Поэтому важно выяснить психологические критерии того, какой язык для данного носителя является основным, а значит, «доминирующим».

В Крыму проживают представители более ста национальностей. На полуострове функционируют русский, украинский, крымскотатарский, немецкий, белорусский, болгарский, армянский и другие языки. Доминирующие языки – русский, украинский, крымскотатарский – имеют разную демографическую мощь (число говорящих на языке), которая однозначно не соотносится с национальной принадлежностью говорящих. Русский язык является приоритетным для использования в образовательной сфере, в быту, а также в различных языковых коммуникациях. Украинский язык (как государственный) является обязательным для официальной документации. Вследствие того, что в республике среди активной части населения широко развито понимание как русского языка украинцами, так и украинского языка русскими и представителями других национальностей, живущих в Крыму, нередко в рамках одного и того же публичного собрания и даже разговора вполне свободно могут употребляться одними говорящими один язык, а другими – другой. В этих условиях актуализировалась необходимость владения несколькими языками. Без близкого родства едва ли возможна такая близость языков, какую мы имеем в случае с украинским и русским языками. Это и дает основание использовать в данном случае выражение «близкородственное двуязычие». Украинско-русское двуязычие, способствуя взаимобмену языковыми элементами, укрепляет близость украинского и русского языков. Близость эту можно увидеть на различных языковых уровнях. Следует отметить не только контактный, но и культурный характер украинско-русского двуязычия. Русский язык в этом плане оказывается прямым источником пополнения украинской лексики словами не только русского происхождения, но и других восточных и западных языков – интернационализмами, церковнославянизмами. Если характеризовать крымскотатарско-русский билингвизм, то следует отметить гораздо меньший характер взаимопроникновения. Это обусловлено прежде всего тем, что крымскотатарский язык и русский язык относятся к разным языковым группам, не родственным по происхождению. Более того, длительное время крымскотатарский язык не звучал на территории Крыма. В полной мере о русско-крымскотатарском билингвизме, видимо, говорить не приходится [2, с.40-44].

В речи билингва, владеющего двумя языками, происходит не только взаимодействие языковых систем, но и проявляется присутствие двух различных культур. Межкультурная коммуникация предполагает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [4].

При обучении иностранным языкам следует учить понимать, как культура проявляется в поведении, традициях. Как подчеркивает Н.В. Барышников, «реальная межкультурная коммуникация как форма общения представителей различных языков и культур реализуется с наибольшей полнотой и эффективностью в том случае, когда в процессе подготовки к ней значительное место отводится родной национальной культуре» [1].

При обучении иностранному языку в школьной или студенческой аудитории нельзя не уделять особого внимания формированию у учащихся межкультурной компетенции, способствующей созданию адекватного понимания различий между языками и культурами, развитию интуиции в интерпретации реакции (положительной или отрицательной) носителей языка на свои речевые поступки, а также прочному освоению правил речевого поведения в чужом социуме, которые могли бы способствовать более успешной коммуникации и уменьшить риск нежелательных коллизий в речевом межкультурном общении [3].

Выводы. Билингвизм как явление межкультурной коммуникации представляет несомненный интерес как для лингвистов, так и для преподавателей иностранного языка, от которых в значительной степени зависит эффективность практики межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Барышников И.В. Параметры обучения межкультурной коммуникации в школе // Иностранные языки в школе. – 2002. – №2.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. – Симферополь: Доля, 2002.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. – М., 1972.
4. Верещагин Г.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М., 1990.
5. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. – Иваново, 1997.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
7. Тихонова А.Л. К вопросу о школьном билингвизме. – М., 1997.
8. Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие. – М., 1990.
9. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд. Ленинградского университета, 1958. – Т. 1.

Поступила в редакцию 23.03.2006 г.

УДК 811.1612:81'271.2

МОВНА СТІЙКІСТЬ І МОВНА ТОЛЕРАНТНІСТЬ БІЛІНГВА В УКРАЇНІ

Руда О.Г.

Актуальність. Особливість української мовної ситуації у тому, що в державі немає жодної національно-мовної групи, яка б вважала стан функціонування рідної мови задовільним. Не випадково впродовж стількох років незалежності України жодна виборча кампанія не обходилася без спекуляцій навколо мовного питання. Сьогодні у державі склалася парадоксальна ситуація, коли українська мова де-юре має статус загальнонаціональної, а де-факто повсюди чути російську. Це дає підстави прибічникам двомовності в країні вимагати підвищення статусу російської мови, що, на їхню думку, забезпечить стабільність і злагоду у суспільстві. Але очевидна істина, що конфліктують не мови, а люди. Наукові та політичні кола вже давно усвідомили необхідність вивчати процеси мовної взаємодії в розрізі міжособистісних та міжгрупових конфліктів. Основною засадою таких досліджень у рамках соціо- та психолінгвістики є вивчення настанов щодо вибору мови спілкування.

Мета. Наша розвідка присвячена розгляду питання перемикання з мови на мову у білінгвальному суспільстві, мотивації вибору мови спілкування. Фактори, які визначають відданість тій чи іншій мові у ситуації спілкування білінгвів, на нашу думку, мають не лише лінгвістичні корені (як-то мовна компетенція комунікантів), а й лежать у площині соціальної взаємодії.

Ситуація непорозуміння з мовних причин – досить рідкісне явище на українських теренах, адже майже всі українськомовні принаймні розуміють російське мовлення і навпаки. Поза тим мовне питання в Україні дуже гостре, і мова подекуди стає каменем спотикання на шляху до міжособистісного порозуміння. Що впливає на вибір мови двомовцем? Що змушує його виявляти стійкість по відношенню до обраної мови або взагалі не перейматися тим, якою мовою говорити?

Стосовно білінгва-українця нас цікавлять мотиви переходу з української на російську та навпаки, а також установки щодо кожної з мов. Очевидно, що зовнішніх перешкод для використання української мови в усіх сферах життя у сучасній Україні не існує. Проте існують внутрішні перешкоди, які обеззброюють індивіда-білінгва перед вибором мови.

Постановка проблеми. Мовну стійкість можемо розглядати на макрорівні і говорити про визначальну роль історичної пам'яті, національної свідомості, розвиненої духовної і матеріальної культури, нарешті, про панівну ідеологію у державі [5, с.14-15]. Мікрорівень розгляду мовної стійкості (мовної толерантності) – це особливості узусу, щоденного використання мови її конкретними носіями. Під мовною стійкістю розуміємо закономірності використання рідної мови залежно від обставин комунікації (співрозмовника, місця, ситуації тощо).

Щодо етнічних росіян ми не можемо навіть порушувати питання мовної стійкості та мовної толерантності. І не тому що (як засвідчують останні дослідження з психолінгвістики і психології народів) російський етнос мовно і психологічно не лабільний, на відміну, наприклад, від українського, або менше схильний до вивчення і переходу на інші мови. А тому що мовне буття росіян забезпечують власна національна територія, стабільна держава, поширення російської культури та мови за межами території держави [5]. Проблема мовної стійкості постає перед народом лише тоді, коли порушується хоча б одна з цих умов. Фактор поширення білінгвізму в Україні на державному, а вже потім і на індивідуальному рівні змушує порушити питання *мовної стійкості та мовної толерантності як типів мовної поведінки*.

По суті, кожна особистість вільна у виборі мовного коду з огляду на власну метамовну рефлексію. Поза тим не варто нігелювати вплив соціально-психологічних чинників на вибір мовної поведінки [1, с.56], серед яких такі.

1. Фактор імітації. Головна роль тут відводиться механізмам наслідування та навіювання. У певних групах, контекстах, ситуаціях, а також комунікативних сферах поведінкові взірці відтворюються як еталонні шляхом переважно неусвідомлюваної імітації панівних для середовища моделей, у тому числі моделей мовної поведінки. Цьому сприяють механізми соціального конформізму, а також різноманітні стереотипи, правила «ввічливості». Наприклад, етика спілкування вимагає відповідати тією мовою, якою звернувся до вас співрозмовник (а що, як він не знає української?). Або ж такий стереотип: Південь України – російськомовний, отже, „у чужий монастир...” Як правило, обставини ситуації оцінюють самими комунікантами (як прийнятні або неприйнятні) і за принципом самонавіювання впливають на комунікативну поведінку. [З інтерв'ю московського режисера в українському виданні (“Профіль”, №37): «... *Заметь, что большинство украинских актеров стыдятся родного языка. Я тоже чувствую, что в Киеве мне почему-то стыдно говорить по-украински...*»]

2. Тиск негативних гетеростереотипів. Вони діють на рівні субкультур (в Україні щодо мігрантів з села, які, потрапляючи в зросійщене місто, характеризуються як *жлоби* тощо). Російська мова для мешканців українського села – мова освіченого і більш „культурного” міського жителя. Спроба уподібнитися до середовища, розчинитися в ньому тільки прискорює етносоціальну маргіналізацію. Отже, вибір мови з огляду на соціогруповий контроль визначає панівна лінгвокультурна ситуація з її сподіваннями та реакціями.

3. Соціопрестижний статус мови. Психологічний закон економії ресурсів передбачає, що при задоволенні своїх потреб людина намагається докласти щонайменше зусиль. Це змушує її послуговуватися мовою, якою вона спілкується вільно, і уникати вивчення мови, без якої можна обійтися. Людина не буде використовувати навіть рідну мову, якщо не зможе завдяки їй отримувати знання, кваліфікацію, просуватися по службі, задовольняти побутові потреби. У такому разі мова створює додаткові труднощі або потребує додаткових зусиль.

4. Спектр суспільних функцій мови. Висновки соціолінгвістичних та психолінгвістичних досліджень засвідчують: конкурентоспроможність мови прямо пропорційна ступеню розгорнутості її суспільних функцій.

На нашу думку, це ще не повний перелік тих чинників, які визначають російськомовність білінгва-українця, а отже, його мовну толерантність.

У країнах Балтії приїжджий часто стикається з „нерозумінням” російської мови тамтешніми жителями. Це не лінгвістичний факт. Приклади ігнорування звернень “мовою сусідів” представниками європейських народів наводилися багатьма дослідниками, та й пересічними туристами. Так само в Україні мовне питання, по суті, є питанням політичним і використання української мови у спілкуванні є принциповою життєвою позицією значної частини населення. Проаналізуємо наступну розповідь респондентки:

[Дзвонять мені нещодавно по телефону і російською мовою говорять, що хочуть провести соціопитування. Я говорю: “Не буду”. – “Ну и не надо”. Я питаю: “Чи не хочете Ви поцікавитися, чому?” – “Почему же?” Відповіддю: “Тому що Ви повинні були давно проводити соціопитування державною, українською мовою” і кладу слухавку.]

Небажання йти на контакт з людьми, які звертаються нерідною (недержавною!) мовою, пояснюється тим, що така поведінка сприймається респондентами як особиста образа, неповага до „свого”. Хоча назагал в Україні поширена практика мовної толерантності, подекуди трапляються ситуації, які описують самі учасники. Так, український мовознавець зі Львова на запитання в стінах київського університету “Который час?” відповіла: “Вибачте, я російською не розумію”. Інший інформатор говорить, що він довго вчився за порадою свого товариша на “Который час?” відповідати: “Київський” (за його словами, ця відповідь на звернення російською стала для нього звичкою і він надалі вже не звертав увагу на реакцію співрозмовника).

Особливості мовної та комунікативної поведінки білінгвів найкраще виявляються при розгляді „негативного матеріалу” – ситуацій розбалансування у системі комунікації, коли може виникнути непорозуміння. Трапляються ситуації невдалої комунікації, спричиненої тим, що мовці є носіями різних мовних кодів. Серед сигналів такої комунікативної невдачі – відсутність реакції або неадекватна реакція, констатація порушення (“Я по-українски не понимаю!”), спонукання до дотримання правил комунікації (“Не могли бы Вы говорить по-русски!”), прохання повторити, перепитування. Підсилена різного роду емоціями, така комунікація може перерости у багатожарове непорозуміння. Найчастіше тертя виникає у актах спілкування носіїв різних мов, що стоять на різних ідеологічних, політичних позиціях, які обрана мова втілює.

[Розповідає респондент (22 роки, киянин, освіта вища, українськомовний): “У Сумах підходжу до бабусі, яка продає сигарети... кладу їй газету. Кажу українською: “Ось, почитайте!” Вона (зі страшинами очима, злякано): “Она украинская? Я по-украински ничего не понимаю”. Я питаю: “Ви що, білоруска? Я можу по-білоруськи перекласти”. Вона: “Нет, я украинка, но по-украински ничего не понимаю”. У мене склалося враження, що вона й по-російськи нічого не розуміє”.] Якщо комунікант-бабуся відразу заперечує будь-яке спілкування (у широкому сенсі) мовою, їй не знайомою, то її співрозмовник обирає собі роль моралізатора, що не сприяє взаємному порозумінню і створює чергове коло невдалої бесіди, яка зрештою закінчується невдоволенням обох сторін.

Відштовхуючись від візії, що мовлення є засобом впливу, а цілі спілкування полягають у зміні поведінки або внутрішнього “вантаж” співрозмовника, припустімо, що зустрічна психологічна активність комуніканта – супротив такому впливові. Саме контрсугестія, що передбачає уникнення, нерозуміння і вплив авторитету, стає головною причиною виникнення комунікативних бар’єрів [4, с.155]. Отже, порозуміння у цьому аспекті переноситься з лінгвістичної сфери у площину соціальної перцепції на

основі поділу на „своїх” і „чужих”. Якщо в основі нерозуміння (фонетичного, семантичного, стилістичного і логічного) лежить уявлення: „чужі говорять не так, як ми” або „чужі говорять іншою мовою”, то інші два типи контрсугестії базуються на стереотипі „чужий – це небезпечний, той, який не викликає довіри через інший соціальний статус, належність до „неавторитетної” соціальної групи тощо”. Отже, важливою складовою спілкування є психологічна настанова його учасників. Дієвість зазначених бар’єрів проілюструє реалія нещодавнього передвиборчого періоду. У телероліку Блоку Наталії Вігрєнко, який, як відомо, стоїть на позиції надання російській мові статусу державної, дівчинка на уроці тягне руку: [*– Марічка?! – Мне нужно выйти! – Ні! Кажі державною мовою!*] Так мовна нетолерантність, за задумом розробників концепції, дорівнює «фашизму» та антигуманності. Попри всі запевнення про прірву між боротьбою за „своє”, а не проти чієїсь чесних інтересів психологічно ці явища багатьма сприймаються як такі, що мають спільне коріння. Нетерпимість „чужих” до використання „нашої” мови – ось той віднайдений прогресивними соціалістами фактор, який дозволяє підкреслити протистояння, і не лише мовне. Незважаючи на спекулятивне подання мовної проблеми у розглянутому прикладі, воно окреслює тенденцію у виборі мови спілкування білінгвом – надання ідеологічної значущості використанню однієї з мов – і виявляє протистояння соціально-мовних стратегій.

Висновки. Основний мотив українськомовного, коли він у комунікації переходить на російську, – це бажання досягти практичних і стратегічних цілей комунікації, уникнути конфлікту (звичайно, якщо він зацікавлений у продовженні розмови). Ну а відданість українській мові у більшості комунікативних ситуацій пов’язана з громадянською позицією – свідомим прагненням захистити своє мовне, культурне середовище від сторонніх впливів. Звичайно, мовна стійкість як тип мовної поведінки у двомовному суспільстві є конфліктогенною комунікативною стратегією, але, підкреслимо, мовна толерантність в Україні не гарантує порозуміння – для успішної комунікації треба бути „зануреним” у культуру, щоб правильно інтерпретувати смисл того чи іншого фрагменту комунікації. В цьому і полягають пастки у спілкуванні між російськомовними, а отже, справа не лише у мовній поведінці.

Список літератури

1. Кісь Р. Лінгвокультурна маргіналізація у містах України (неофункціональне бачення) // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Матеріали наукової конференції. – К., 2002. – С. 55-58.
2. Крижанская Ю.С., Гретьяков В.П. Грамматика общения. – 3-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2005.
3. Масенко Л. Мова і суспільство: Постколоніальний вимір. – К.: Вид. дім “КМ Академія”, 2004.
4. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1979.
5. Ткаченко О. Проблема мовної стійкості та її джерел // Мовознавство. – 1990. – №4. – С.14-18.

Поступила до редакції 05.04.2006 р.

УДК [861'373.45=161+81'36=161]:070(477.54)

ЯВИЩА ЛЕКСИЧНОЇ ТА ГРАМАТИЧНОЇ ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ (на матеріалі ЗМІ Харківщини ХХІ ст.)

Черемська О.С.

Постановка проблеми. Мовна ситуація, що склалася в південно-східному регіоні України, характеризується наявністю українсько-російського білінгвізму. Проблема культури мовлення за таких умов пов'язана з подоланням явищ міжмовного контактування та обопільного впливу мов, що контактують. Учені-лінгвісти, які досліджують мовні контакти (Е. Хауген, У. Вайнрайх, Ю. Жлуктенко, С. Семчинський, М. Кочерган, Н. Шумарова, О. Муромцева, Л. Масенко та ін.), стверджують, що не може бути двомовності без інтерференції, яка є наслідком сприйняття однієї мови через посередництво іншої. Особливо відчутні прояви інтерференції за контактування близькоспоріднених мов. До того ж вони посилюються, якщо культури й досвід, що асоціюється з мовами, подібні. Коли процеси більшого чи меншого зближення мов відбуваються в мовній свідомості й мовленнєвій діяльності багатьох мовців, це явище перестас бути індивідуально-мовленнєвим, охоплює мову й призводить до змішування мовних систем у діахронії.

Мовну інтерференцію, услід за У. Вайнрайхом, як правило, розглядають як випадки відхилення від норм, які проявляються в мовленні індивіда за умови володіння більш ніж однією мовою.

Ступінь прояву мовної інтерференції залежить не тільки від статусу мови, що контактує, від її ярусу, але й від форми мовлення, стилю й комунікативних функцій. Останнім часом стали актуальними питання подолання інтерференційного впливу другої мови на першу. Важливий з цього приводу є закон Віндіша, за яким не засвоювана чужа мова, а рідна мова народу підлягає змішуванню під впливом чужої мови. Постійне двомовне середовище призводить до того, що в білінгвів виникає єдиний фонд лексико-граматичних засобів, змішаний механізм породження висловлювання. внаслідок якого носії двомовності навіть у мовленні рідною мовою відчувають вплив мови, що контактує, який проявляється в значній кількості інтерференційних помилок на різних мовних рівнях.

За такої двомовності можемо спостерігати специфічний різновид лексико-граматичної інтерференції, що характеризується десигнативністю, очевидністю, прихованістю, нерелевантністю. Більшість проблем культури мовлення в Україні пов'язані з нерелевантним характером лексико-граматичної інтерференції. Двомовці України перебувають у мовній ситуації, за якої застосування одиниць чи форм однієї мовної системи в мовленні іншою не стас на перешкоді процесам декодування. Це спричинює та поглиблює безконтрольне використання засобів однієї мови в мовленні іншою. Значна кількість інтерферем, що з'являються внаслідок міжмовної взаємодії, призводить до порушення норм літературної мови.

Особливо виразно про це свідчить мова засобів масової інформації, зокрема рекламних радіо- та телероліків, рекламних матеріалів (преси, сучасної реклами в метро, торговельних

центрах та ін. Як зауважує К. Ленець: „Навіть побіжний перегляд рекламних видань дає достатньо матеріалу для роздумів про їх мову – від звичайних коректорських недоглядів та орфографічних помилок до неправильного слововживання, відмінювання і т.ін.” [3, с.100]. І хоч культуромовні проблеми є актуальними в сучасному мовознавстві (С. Єрмоленко, В. Акуленко, С. Бибик, Л. Мацько, О. Муромцева, Н. Сологуб, Л. Струганець, О. Стишов та ін.), однак ще раз присвятити увагу розглядові явищ лексичної та граматичної інтерференції, виявлених у мові ЗМІ Харківщини, видається важливим, оскільки висока частотність їх вимагає подальшої активізації досліджень задля віднаходження механізмів подолання інтерференційного впливу.

Явища інтерференції, які викликають порушення норм української літературної мови, виявлені на лексичному, морфологічному та синтаксичному рівнях мови. У наведених прикладах наявні також орфографічні помилки, які подано без виправлень.

Лексика, що є найбільш проникним мовним рівнем для іншомовних впливів, зазнає, і про це свідчить мова ЗМІ, активного впливу як з боку російської мови, так і з боку англійської. Однак ми зосередимо увагу на інтерферамах, спричинених впливом російської мови. Причиною його, на нашу думку, є те, що авторами цих текстів є білінгви, яким властивий регресивний тип білінгвізму.

Значна кількість русизмів серед іменників на позначення загальноновживаної лексики, наприклад: **розстрочка** замість **на виплат** (рос. *рассрочка*): *Купуйте меблі по новому! Розстрочка на 5 місяців (Мебельград); сутка* замість *доба* (рос. *сутка*): *Готель „Металіст” надає недорого намери для проживання від 0,5 сутки; суда* замість *судна* (рос. *суда*): *Для постійної роботи на круїзних судах американської компанії потрібні: стюарди, стюардеси та інші обслуговуючий персонал; обої* замість *шпалери* (рос. *обои*): *За цінами нижче оптових з! по 30 грудня 2005 року лінолеум, ковролін, килими, ламінат, карнизи, обої...; дам* замість *дім* (рос. *дом*): *Дом ЗЛАТА. Самий великий вибір ювелірних прикрас, кращі ціни в місті (вул. Сумська, 48); коліки* замість *кольки* (рос. *колики*), *отже кольок: Еспумізан, Швидко позбавить вас від здуття живота та колік; жиштрой* замість *житлобуд* (рос. *жилстрой*): *ОАО „Трест Жилстрой-1 потрібні...*

Типовим є інтерференційне калькування серед іменників на позначення осіб за родом чи видом діяльності, наприклад: *каменички* замість *каменярі, мулярі* (рос. *каменищик*); *жилстрой* замість *житлобуд* (рос. *жилстрой*): *ОАО „Трест Жилстрой-1 потрібні каменщики; пайцики* замість *пайовики* (рос. *пайщики*): *Запрошуємо пайщиків прийняти участь у будівництві*; а також віддієслівних іменників із суфіксом -к-, наприклад: *парковка* замість *паркування* (рос. *парковка*): *До послуг гостей центра зручна цілодобова парковка; заправка* замість *заправлення* (рос. *заправка*): *Заправка картриджів; фасовка* замість *фасування* (рос. *фасовка*): *ЭКО Лавровий лист. Дата фасовки вказана на упаковці та прикетників із суфіксом -очн-: Плиточна* замість *Плиткова* (рос. *Плиточная*): *Суперпропозиція. Квартири! Вул. Плиточна 79.*

Уживання таких лексем на сьогодні не є виправдане, оскільки „У сучасній мовній практиці активізуються словотвірні можливості української мови. Йдеться про нові лексеми: *паркувальник* (зам. *парковщик*), *глушник* (зам. *глушитель*), *вимагач* (зам. *вимагатель*), *дарувальник* (зам. *даритель*), *довгобудова* (зам. *довгобуд*) та ін. Такі процеси характерні для спеціальної лексики, термінології. Так, наприклад, в царині спорту інтенсивно витісняються кальки з російської, заступаючись вдалими, на наш погляд, варіантами: *нападник* (пор. *нападающий*), *оборонець* (пор. *защитник*), *напівоборонець* (пор. *напівзащитник*), *перегонник*, *пілот* (пор. *гонщик*) тощо. Подібне спостерігається і в економічній термінології: *відтермінування* (зам. *відстрочка*), *котування* (зам. *котування*) тощо” [4, с.106].

Прикетники зазнають інтерференційного впливу значно рідше, наприклад: *учбовий* замість *навчальний* (рос. *учебный*): *Компьютерна академія починає набір. 100% учбового*

часу за комп'ютером; **жарений** замість смажений (рос. жареный); *Лаврове листя. Його кладуть...при приготуванні жарених страв; глазний* замість очний (рос. глазной); *Офтальміка – глазна клініка нового покоління...(вул. Гримана).* **Лучший** замість кращий (рос. лучший); *Дом ЗЛАТА. Самий великий вибір ювелірних прикрас, **лучші** ціни в місті (вул. Сумська, 48).*

Трапляються інтерферени й серед займенників та дієприслівників; *Йодмарши. Не існує жодного регіону України, населення **котрого*** (рос. которого замість укр. якого) *не відчувало б дефіциту йоду. Відтепер дитяча білизна, дякуючи* (рос. благодаря замість укр. завдяки) *„Другу”, чиста.*

Особливо поширеним явищем у мові сучасних ЗМІ є надуживання активними дієприкметниками і відповідними іменниками та прикметниками на **-чий, -щий, -мий;** *любимий, ведучий, організуючий, організовуючий, перемагаючий, грядущий, звучущий* та ін., наприклад: *Увага! Акція! з!..!2.05 до 31.12.05 **купуючі** вікна, підвіконня у подарунок!* (Пр-т Газаріна, 84) *замість вікна за доступними цінами. Завдяки удосконаленій формулі зі спеціальним **відбілюючим** ефектом білизна стає ще білішою* (зам. відбілювальним). *Колдрин **дїя жарознижуюча*** (зам. протизарячкова); *Для постійної роботи на круїзних судах американської компанії потрібні: **стюарди, стюардеси та інші обслуговуючий персонал*** (зам. обслуга), а також на **-виий**: *Усім, **прибавивши** шкіряну сумку стильна сумка в подарунок!* (зам. хто придбав).

Всі ці явища, які раніше відзначали як продуктивні в розвитку української літературної мови пожовтеного періоду і такі, що спрямовані на „активізацію закладених у ній можливостей до словотворення за моделями, притаманними сучасній російській мові” [1, с.573], Ю. Шевельов аналізує як такі, що стали результатом контролю над структурою української мови, який забороняє певні слова, синтаксичні конструкції, граматичні форми, а натомість пропонує інші, ближчі або й живцем перенесені з російської мови [5, с.263-264].

Унаслідок тривалої дії екстралінгвістичних чинників в українську мову потрапляє значна кількість інтерферем і на граматичному рівні. Типологія найпоширеніших інтерферем у ЗМІ Харківщини така:

1. Поміж іменників найчастіше зазнають інтерференційного впливу з боку російської мови такі іменні категорії, як відмінок і число, наприклад:

- закінчення **-а** замість **-у** в род. відм. одн. іменників чол. р.: *Купуйте меблі по новому! Розстрочка на 5 місяців. Ви сплатите тільки вартість товару і не копійки більше* (рос. товара зам. укр. товару); *До послуг гостей центра зручна цілодобова парковка;* (рос. центра зам. укр. центру);

- закінчення **-а** замість **-и** в наз. відм. мн. іменників чол. р.: *Оформлення документів на ПМЖ. Закордонні паспорта* (рос. паспорта зам. укр.паспорти);

- невідмінювання чоловічих прізвищ на **-о**: *Зимовий розпродаж – 25% в фірмових магазинах SAMSUNG (вул. Квітки-Основ'яненко, 9). Сахара! вул. Шевченко, 24 а. Радіатори алюмінієві;*

- іноді множинні іменники вживаються у формі однини на взірць споріднених форм у російській мові або навпаки: *Меблі в кредит. Широкий асортимент корпусної меблі* (ст. М „Героїв праці”) (рос. мебель (одн.) зам. укр. меблі (мн.);) *TEST. Легке прання легко відперас навіть найважчі плями, такі як кров, чорнила, шоколад, фрукти, олія і т. ін.* (рос. чернила (мн.) зам. укр. чорнило (одн.).

2. Прикметники, зокрема якісні, зазнають інтерференційного впливу при відмінюванні та при ступенюванні, коли українські форманти замінюють російськими:

- *Торговельно-розважальний центр EXSPRESS розташований в центрі одного з найкращих* (рос. наилучших замість укр. найкращих) *районів Павлова* (рос. Павлова замість

укр. Павлового) Поля. Елітон. Ваші вікна мають бути найкращіми (рос. наилучшими замість укр. найкращими);

- Самі низькі замість найнижчі (рос. самые низкие); Салон керамічної плитки. Завжди самі низькі ціни. Самий великий замість найбільший (рос. самый большой): Самий великий вибір ювелірних прикрас, лучші ціни в місті (бул. Сумська, 48).

3. Іноді такого ж інтерференційного впливу зазнають дієприкметники: Харківський ділінговий центр перевірен (рос. проверен зам. укр. перевірений) часом.

4. На синтаксичному рівні інтерференція в сучасних ЗМІ проявляється через калькування синтаксичних засобів (словосполучень), що їх використовує для вираження подібного змісту російська мова, як-от:

- Запроцюємо найцициків прийняти участь (рос. примять участие замість укр. взяти участь) у будівництві;

5. Калькування притаманних російській мові моделей поєднання слів у словосполучення, що викликає порушення синтаксичних зв'язків між словами в українській мові (керування та прилягання), наприклад:

- Перші регіональні курси. Навчайтесь музиці (рос. музыке – Д. падеж замість укр. музики – Р. відмінок) тіла.

- Порошок пральний TEST. Інструкція по використанню (рос. по использованию замість укр. з використання); Укрпромбанк пропонує програми по кредитуванню (рос. по кредитованию замість укр. з кредитування) фізичних осіб.

- Хна. Термін придатності: 2 роки з дати (рос. с даты замість укр. від дати) виготовлення.

- Комп'ютерна академія починає набір... Допомога у працевлаштуванні (рос. в трудоустройстве замість укр. при працевлаштуванні);

- Ціни нижче (замість нижчі від, за, ніж (рос. ниже) мінімальних! Плитка з України та Європи. ОІТстройКЕРАМІКА, вул. Якіра 80. За цінами нижче (замість нижчими від, за, ніж (рос. ниже) отлових. Чистіше (замість чистіше від, за, ніж (рос. чище чистого) чистого. Порошок GALA з системою Total Protection постійно вдосконалюється.

Висновки. Таким чином, розглянуті явища інтерференції свідчать, що за умов контактного російсько-українського білінгвізму і лексична система, і граматична структура української мови зазнають певних змін: у них з'являються інтерференційні запозичення, чужорідні словотворчі та словозмінні форманти, калькуються синтаксичні моделі. Це може призводити до нівелювання специфічних для української мови рис, які відрізняють її граматичну систему від російської. Подолання негативного впливу інтерференції є важливим складником плекання мовної культури.

Список літератури

1. Винник В.О., Горобець В.Й., Карпова В.Л. Історія української мови: Лексика і фразеологія. – К.: Наукова думка, 1983. – 742 с.
2. Жовтобрюх М.А. Мова української періодичної преси (кінець XIX-початок XX ст.). – К: Вид-во АН УРСР, 1963.
3. Ленець К. Із мови реклами // Культура слова. – 2005. – Вип.65. – С.100-101.
4. Стишов О. Як позбутися кальки // Культура слова. - 2000. – Вип.53-54. – С.103-106.
5. Шевельов Ю. Українська мова в першій половині XX століття (1900-1941). Стан і статус. – Нью-Йорк: Сучасність. 1987. – 295 с.

Поступила до редакції 30.03.2006 р.

РАЗДЕЛ 4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81.371

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВА ГОЛУБОЙ

Герасименко И.А.

Изучение колоративной лексики остается *актуальной* проблемой современной лингвистики. Колоративы рассматриваются с точки зрения их употребления в разные периоды существования языка (Н.Б. Бахилина, С.В. Кезина и др.), со стороны функционирования в текстах различных жанров (В.Е. Моисеенко, Е.И. Радченко и др.), в аспекте их использования как символов (В.И. Шерцль, Н.В. Серов и др.) и т.д. Многочисленные исследования посвящены отдельным именованьям цвета. Среди них особый интерес представляют статьи о цветообозначении (далее – ЦО) *голубой* (Р.В. Алимпиева, А.А. Брагина, В.П. Василевич, А.А. Качаева, Г.Ф. Одинцов, О.И. Сухолитка и др.). Можно отметить, что анализ слова *голубой*, как в целом и других ЦО, сводится в основном к выделению и рассмотрению поверхностных значений. Цель данной работы – изучить ЦО *голубой* с точки зрения раскрытия его глубинных смыслов. Определение исходной семантики указанного колоратива проводится с учетом получившей в последнее время распространение идеи о зарождении человеческой истории в северной части земного шара. Прошрое северное бытие народов описано с позиций археологических, астрономических, мифологических и других наблюдений (см. работы В.Н. Демина, В.В. Богданова, У.Ф. Уоррена, А.С. Хомякова и др.). Таковое проходило в условиях «черно-белого» года, т.е. года, определенная часть которого была занята полярной ночью. Это предопределило конкретное содержание ряда языковых единиц (см.: [12, с.234-250]), в том числе, как кажется, и интересующего нас слова *голубой*. Более того, если согласиться с тезисом о тьме как гносеологической основе всего сущего, то мироздание надо будет понимать как переход от тьмы к свету, от темного к светлому. Вспомним соответствующие тексты, посвященные представлению того, что было до акта творения, где в части описания хаоса можно найти следующее суждение: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» [4, с.1]). Можно предположить, что тьма не только была частью бытия, но и является фактором глоттогенеза. Последнее в какой-то мере можно подтвердить, разбирая смысловую наполняемость колоратива *голубой* и близких ему соответствий.

Постановка проблемы. Уже предварительные наблюдения показывают, что слово *голубой* имеет неоднозначную семантику. Оно используется для обозначения одного из цветов спектра (*голубой* – значит «светло-синий», «лазоревый», «ярко-небесный» [7, с.370]) и, представляя другие смыслы, выступает в качестве носителя коннотаций «идиллический», «лучший», «светлый» и проч. Ср.: *И всегда, всегда распахнут / Ворота куртки голубой, / И рыбачки только ахнут, / Закрасневишь перед тобой* [23, с.310];

Григорий, сидевший возле тяжелого – в голубых смятых цветах – сундука, глянул на нее [28, т.1, с.70]; Для того ль тебя послала / Я когда-то на руках, / Для того ль сияла сила / В голубых твоих глазах! [23, с.342]; Ушла... Завяли ветки / Сирени голубой, / И даже чижик в клетке / Заплакал надо мной [23, с.289]; А они проходили все мимо, / Смутно каждая в сердце тая, / Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой, / Отмететь в голубые края [23, с.156]; Потом сидели мы под лампой блеклой, / Что золотила тонкий дым, / А поздние распахнутые стекла / Отвечивали голубым [6, с.178]. Содержательная многозначность разбираемого слова объясняется, на наш взгляд, глубинной особенностью ЦО – с помощью одного знака выражать разные значения. Кроме того, нельзя забывать, что формирование смыслов у ЦО – это длительный исторический процесс, который сопряжен с развитием номинации в направлении от абстрактного (охватывающего все окружающее) к конкретному. Вероятно, отсюда и разноплановость семантики каждого ЦО (в том числе и слова *голубой*), его многозначность.

Следует отметить, что прилагательное *голубой* используется не всеми славянскими языками, оно известно лишь восточнославянским (русск. *голубой*, укр. *голубий*), в других же языках данной группы для обозначения указанного цвета существуют иные названия (ср. польск. *blekitny* «голубой», «светло-синий», *niebieski* «то же»; чешск. *modrý* «голубой»; сербохорв. *плав* «то же»; болг. *небесен* «небесный», «голубой»). Традиционная лингвистика рассматривает адъектив *голубой* как слово, восходящее к *gel-/gol-* (ср.: укр. *голубий*, др.-нем. *golimban* «то же»), и связывает его с отображением отлива шейных перьев голубя (см.: [26, с.432; 3, с.197; 10, с.19] и др.). При этом вопрос о первичности / производности лексем *голубой* и *голубь* остается нерешенным. В то же время *голубой* понимается исключительно как светлый цвет, чьи обозначения характеризуются положительными коннотациями. «Цветовое прилагательное *голубой* в современном русском языке употребляется в значениях «светло-синий», «лазурный», «лазоревый», «цвета ясного неба», – замечает С.В. Кезина [10, с.21]. «Ощущением цветовой мягкости, сдержанности <...> характеризуются цветообразы, соотносённые с лексемой *голубой*», – пишет Р.В. Алимбиева [2, с.93].

Действительно, прилагательное *голубой* и близкие к нему соответствия являются лексемами, в большинстве случаев передающими светло-синий цветовой признак. Ср.: На нем была пестрая ситцевая рубашка с желтой каемкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок [25, с.80]; Этот, по словам Аркадия Павлыча, государственный человек был роста небольшого, плечист, сед и плотен, с красным носом, маленькими голубыми глазами и бородой в виде веера [25, с.121].

Анализируемый адъектив, имея буквальное (цветовое) значение, относится к области светлого цвета, осмысливается как одно из средств представления семантики «светлый». Данная семантика актуализируется при описании глаз, отсюда частое соотношение в функционально-смысловом плане колоратива *голубой* с «белый» и «белесый». Ср. образы голубых (и даже светло-голубых) и белесых глаз: Я оглянулся: передо мной, в синей долгополой шинели, стоял старик среднего роста, с белыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами [25, с.173]; Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривая свои светло-голубые глаза, и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду

[25, с.7]; *Один из них, рябой и курчавый, крепко сжимал локоть Штокмана узловатыми грязными пальцами, косясь на него испуганными белесыми глазами, левой рукой придерживая облезлые ножны шашки* [28, т.1, с.218]; *– Убьют! Езжай в сосны! – крикнул пробежавший мимо казак с испуганным лицом и выпаращенными белесыми глазами* [28, т.4, с.27]. В подобных контекстах лексема *голубой* означает «светлый». Отсюда и параллелизм речений *голубые глаза, светло-голубые глаза* со словами *белоглазый, светлоокий (светлоглазый)* [18, с.127] и синтагмой *светлые глаза*. При этом прилагательное *белоглазый*, которое считается диалектным словом (см.: [18, с.127; 15, с.167; 10, с.15] и др.), вместе со *светлоокий* и *светлые глаза* активно используется в современном языке. Ср.: *И тут белоглазый впервые совершил оплошность – на секунду прикрыл глаза* [1, с.300]; *Но едва прозвучит ответ на вопрос, имеющий для белоглазого такое значение, как немедленно грянет выстрел* [1, с.300]; *И опять, светлоокая, / Ты бледна и грустна. / Как луна одинокая, / Как больная луна* [23, с.88]; *В светлых пустых глазах особо тлела скука, пресыщенность* [28, т.1, с.313]. Все приведенные аналоги синтагмы *голубые глаза* передают смысл «светлый» (> «светлоглазый»).

Колоратив *голубой* актуализирует смысл «светлый» и при изображении наступающего дня, рассвета. Ср.: *Отвори мне, страж заоблачный, / Голубые двери дня / Белый ангел этой ночью / Моего увел коя* [23, с.473]; *В окна глянул голубой рассвет* [28, т.4, с.145]. Передавая приход света, с адъективом *голубой* синонимизируется слово *белый*. Ср.: *Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу / Медленный, белый подходит рассвет. / Вместе с человеком взбирался на лестницу* [23, с.150].

Соотнесенность ЦО *голубой* со смыслом «светлый» прочитывается и в образе *голубой весны* и близких к нему соответствий. Например: *Стала над широкой донской степью голубая весна* [28, т.4, с.258]; *Развеснилась весна! / Распахнулись ворота весенние, / Голубые, высокие-высокие* [23, с.527]. Здесь колоративом *голубой* обозначается то, что чаще всего осмысливается как светлое, ясное. Думается, что в подобных случаях наше прилагательное участвует не столько в описании конкретного явления, сколько в представлении признаков всей ситуации.

Однако рассматриваемый адъектив передает не только смысл «светлый», в рамках которого реализуется его непосредственное цветовое значение. Как показывает фактический материал, в анализируемом ЦО может быть представлено и значение «темный».

В частности, соотносительность ЦО *голубой* со смыслом «темный» наблюдается при репрезентации потусторонних сил. Например: *Держусь, томлюсь, качаюсь, / Вперед, назад, / Вперед, назад. / Хватаюсь и мотаюсь, / И отвести стараюсь / От черта томный взгляд. / Над верхом темной ели / хохочет голубой: / «Попался на качели, / Качайся, черт с тобой»* [23, с.96]. Здесь ЦО *голубой* заменяет слово *черт*, выражая тем самым исходный смысл «темный». Отметим еще, что слово *черт* функционально-семантически пересекается с лексемой *синец* (< *син-ий*). «Синие, синьцы -- так в Древней Руси именовали демонов, дьявола» [8, с.277]. Думается, присутствие имен *голубой* и *синец* в едином культурном контексте объясняется общностью их прототипа (и *голубой*, и производное от *синий* слово *синец* восходят к смыслу «тьма»). Примечательно, что отображение потусторонних сил при помощи лексемы *голубой* представлено не только в русском языке. Так, в немецкой культуре черти, ведьмы, волшебники и привидения рисовались в голубом одеянии, люди верили в то, что в доме с выкрашенными в голубой цвет оконными рамами живет ведьма.

Скрытая связь близкого к прилагательному *голубой* слова *голубовато-темный* с семантикой «темный» реализуется и при обозначении цвета кожи умершего человека. Ср., например: *Дарья лежала, безжизненно подогнув ноги, привалившись щекой к мокрому днищу. На белом теле ее, лишь слегка посиневшем, принявшем какой-то голубовато-темный оттенок, виднелись глубокие проколы – следы крючков* [28, т.4, с.179]. В этом случае ЦО *голубовато-темный*, безусловно, представляет смысл «темный».

Имплицитная культурная семантика голубого цвета объясняет и его вхождение в группу траурных цветов. Ср.: *Я умру, меня положат / Под сатины под голубой / Я и мертвая узнаю, / С кем живет мой дорогой* [27, с.471]. Здесь голубой – цвет смерти, он представляет замирное и непостижимое. Примечательно, что данный факт принадлежит к числу типологических явлений (в немецкой культуре, например, умершего принято было одевать в голубой сюртук и класть в гроб кусок голубой ткани).

Надо сказать, что подобная символическая значимость разбираемого цвета не остается без внимания лингвистов. В частности, Н.В. Серов использование голубого цвета в погребальном обряде объясняет тем, что этот цвет «был символом божественной вечности, человеческого бессмертия». По этой причине, считает автор, голубой костюм первосвященников и голубые фигурки и амулеты в египетских погребениях выражали хранителей вечной правды [24, с.405-406]. На наш взгляд, Н.В. Серов поверхностно отражает суть проблемы, так как упускает из виду исходную номинативную релевантность понятия «тьма». И другие ученые ищут истоки исходной семантики единиц языка в символизме древних народов, хотя известно, что символы задаются именно глубинными смыслами, но никак не наоборот.

Функциональная связанность адъектива *голубой* со смыслом «темный» проявляется, вероятно, и в есенинском сочетании *голубые рты*: *Много зла от радости в убийцах, / Их сердца просты, / Но кривятся в почерневших лицах / Голубые рты* [23, с.459]. Ошибочно в отмеченном речении приписывать колоративу *голубой* значение «яркий», что типично для традиционной лингвистической мысли («Прилагательное голубой, – пишет И.Б. Бахилина в отношении данного сочетания, – выражает оттенки более яркие, чем бледно-синий, серовато-синий» [3, с.201]. В основе указанного употребления лежит пучковая связь «рта» и «тьмы» (об этом см.: [13, с.8]). Текст с выражением *голубые рты* и тексты с синтагмами *чернота ртов*, *черный рот* и т.д. являются функционально-семантически тождественными. Ср.: *Округленные глаза и квадратная чернота раскрытых ртов – в сторону первой сотни: там, на левом фланге, заржал конь* [28, т.1, с.252]; *Овладев собой, Бунчук растегнул на Анне ворот кофточки, порвал на себе исподнюю рубашку и, прижимая комья полотна к ране, видел, как пузырилась кровь, пропуская в отверстие воздух, видел, как сине белело лицо Анны и черный рот ее дрожал в муках* [28, т.2, с.316]; *Щетинятся сталью, трясясь от страха, / Залезли на пушки, примкнули штык, / Но бегают глаз под серой папахой, – / Из черного рта – истошный рык...* [6, с.170]. Любопытно, что смысл «темный» реализуется не только в сочетаниях *голубой рот*, *черный рот* и в близких к ним соответствиях, но и в синтагме *позеленевший рот*. Ср.: *В середине толпы учитель Баланда, с платком у позеленевшего рта и с красной лентой в петличке полушубка, горячечно блестя глазами, говорил: –...Видите, наступил конец проклятому самодержавию!* [28, т.2, с.72]. В выделенном речении слово *позеленевший*, скорее всего, не выражает конкретный цветовой признак; очевидно, лексемы с корнем *зелен-* в значительной степени также связаны с исходным

смыслом «тьма». Это дает основание считать, что прилагательное *голубой* может функционально синонимизироваться со многими средствами, которые с различной степенью эксплицитности представляют смысл «темный».

Традиционно голубой цвет отсылает нас к небу; *ярко-голубое небо, голубые дали* – типичные поэтические образы. Ср.: *Не могу сказать, сколько времени проспал, но, когда я открыл глаза – вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось **ярко-голубое небо*** [25, с.211]; *Подпрыгнув на седле, Силантьев падал, ловил, обнимал руками голубую даль...* [28, т.1, с.293]. Однако при описании неба слово *голубой* не всегда относится к области светлого цвета, хотя на обратном и настаивают некоторые лингвисты («<...> с голубым цветом – цветом неба – коннотация могла быть только положительной. Соответственно, положительную окраску имели и слова, обозначающие голубой оттенок», – считает А.П. Василевич [5]). В ряде случаев данный колоратив при характеристике неба реализует идею «тьмы». Ср.: *Я сижу под окном. / Прижимаюсь к решетке, молясь. / В голубом / все застыло. искрясь* [23, с.185]; *Хоть те же все люди кругом, / ты – вечный, свободный, могучий. / О, смейся и плачь: в голубом, / как бисер, рассыпаны тучи* [23, с.182]; *Голубое поле / Серебром усыпано (небо)* [21, с.20]; *Ночами пустыли за Доном тучи, лопались сухо и раскатисто громовые удары, но не падал на землю, пышущую горячечным жаром, дождь, вхолостую палила молния, ломая небо на остроугольные голубые краюхи* [28, т.1, с.212]. Ср. с этими примерами: *В лесу все темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки* [25, с.16]; *Тени луны неподвижные... / Небо серебряно-черное... / Тени, как смерть, неподвижные... / Живо ли сердце покорное?* [6, с.48]. Связь прилагательного *голубой* со смыслом «темный» в данном контексте объясняется тем, что небо, являясь «символом верхней зоны» [16, с.271], изначально понималось как недосыгаемое и таинственное, «бесконечное, вечное, недоступное» [20, с.19]. Следовательно, «небо» было эквивалентно смыслу «тьма», «небо» ~ «тьма» (о том, что «небо» ~ «тьма» более подробно см. [13, с.11]). «Произнося слово *небо*, – пишет Н.Я. Марр, – я его употребляю условно в восприятии зачаточного первобытного человека, который «небо» отождествлял со всей вселенной, без исключения себя, «небо» представлялось ему в составе всех стихий, в первую голову «воды» (+ «мрака»)» [14, с.207]. Соответственно, лексема *голубой*, участвующая в характеристике неба, не только передает конкретный цветовой признак, она скрыто может представлять исходный смысл «темный».

Надо сказать, что в русском языке связь лексемы *голубой* со смыслом «темный» (как, впрочем, и «светлый») остается невыясненной. Объяснить участие одного и того же слова в обозначении цветовой противоположности возможно, если соотнести процесс глоттогенеза с идеей севера, переживанием смен «тьмы» и «света». Северное бытие обуславливает то, что аспект тьмы – исходный аспект восприятия всего сущего. По этой причине все мироздание и мыслится как переход от тьмы к свету, от черного к белому. Смысл «светлый» возник лишь вторично, как дериват «темного» («свет, светлое были исходно названы как части целого <...> по мраку / тьме», «по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», – пишет Н.А. Луценко [13, с.6, 8]). Этим обусловлена скрытая парадигматическая связь в значении разбираемой лексемы смысла «темный» с различными оттенками «белого» («белесого»).

Такое совмещение различных семантик в рамках анализируемого слова представлено в речении *голубая лошадь*. Данное гиппологическое наименование не выражает конкретный цветовой признак. Под мастью *голубая*, которая является довольно редкой и ценной [17, с.204], понимается и «светло-серая», «серовато-голубая», и «пепельная», «мышастая», «иногда даже с желтизной» лошадь [7, с.370; 17, с.204], т.е. и «светлая», и «темная». «Голубая масть могла быть и более светлой (особая порода сибирских лошадей сиреневого цвета), и более темной», – пишет Г.Ф. Одинцов [17, с.204]. Ср.: *Конь в вороне голубу* (цит. по: [3, с.105]), *Конь в голузѣ пѣгъ* (цит. по: [3, с.105]), *из голузѣ сѣрѣ* (цит. по: [15, с.171]); *стригоунокъ голузѣм сѣдон* (цит. по: [15, с.171]). По сути, лексема *голубой* в рамках сочетания *голубая лошадь* и близких к нему соответствий может передавать два диаметрально противоположных смысла, что, как мы думаем, объясняется указанной естественной смысловой эволюцией от смысла «темный» к смыслу «светлый». Вероятно, «светлый» первоначально воспринимался в *голубом* как «особенный», «другой», *голубой* в качестве «светлого» осмысливался как «редкий». Отсюда идиомы типа *Поповы детки что голубые кони: редко удаются* [19, с.513]; *Конек голубой, вести на базар – не купят* [21, с.53]; *Удастся голубец (голубая лошадь). не надобен и дубец* [22, с.418].

Положение о первичности смысла «темный» в слове *голубой* подкрепляется этимологическими наблюдениями. Так, *gel-* – это «обработанное» *губ-*, т.е. «рот» // «тьма» [13, с.8]. Вероятно, *губ-* через ступень *губ-* перешло в *глуб-*, а *глуб-* результировалось в виде нашего *голуб-* (*губ-* → *губ-* → *глуб-* → *голуб-*). При этом *глуб-* = «тьма» (ср.: *глубь*). Соответственно, голубой цвет «исходно имел значение «тьмы»» [13, с.9]. Получается, что прилагательное *голубой* изначально называло именно темный цвет, концепт «голубой» диахронически связан с «темный».

Примечательно, что с точки зрения указанных особенностей прилагательное *голубой* объединяется с адъективом *желтый*. Ср.: *Григорий смотрел, не мигая, широко открытыми глазами; ему казалось, это – не звезды, а полные голубовато-желтые неведомые плоды висят на черенках листьев* [28, т.1, с.321]. Думается, выделенные части не выражают конкретные цветовые признаки, вследствие этимологической связи (индоевропейское *ghlto, от которого образовалось слово *желтый*, родственно с *gel-*) они отождествляются и уравниваются, передавая семантику «темный». «Фонетическое чередование *gol* // *žel* повторяется и в лексическом *голубой – желтый*», – справедливо замечает Н.Б. Бахилина [3, с.194]. «Фактор севера» определил то, что части неба не могли осмысливаться как «светлые» («по целому, тьме, были названы луна, звезды и свет в целом», – пишет Н.А. Луценко [13, с.8]). На основе данного тезиса становится более понятным, почему о звездах говорят как о голубовато-желтых, так и голубых и даже зеленых. Ср.: *Григорий закрывает глаза, кладет ладони на шероховатую землю и долго, не мигая, глядит, как за поломанной сосной на окраине неба голубой нарядной бабочкой трепещет в недвижном полете Полярная звезда* [28, т.2, с.42]; *На скромной высоте земные сны горят, / Зеленая звезда летает. / О, если ты звезда, – воды и неба брат, / Твой брат, Петрополь, умирает* [23, с.380]. Отраженные здесь функциональные пересечения слов *голубой, желтый, зеленый* не случайны.

Что же касается речения *голубая кровь*, то, вероятно, оно представляет собой обозначение, основанное на отсылке к верхним слоям социума (об этом см. также: [13, с.11]). Ср.: *Какие все вы сейчас довольные, радостные, – все: и купцы, и биржевые маклеры, и чиновники разных рангов, и помещики, и люди голубой крови!* [28, т.2, с.92].

Здесь, как видим, слово *голубой* выражает «пространственно обусловленную семантику цвета (< «верх» / «небо»)» [13, с.11].

Смысл «верх» предполагает и выражения *голубая мечта, голубой сон, голубой восторг* (= «высокий», а значит, «несбыточный», «неосуществимый», «недостижимый»). В данном случае колоратив *голубой* понимается, по справедливому замечанию Л.А. Качаевой, как «уносящий ввысь, приподнимающий над земными буднями» [9, с.21]. Ср.: *Сияющий прорыв, прорез на мраке... / Здесь только счастье -- голубого сна* [6, с. 200]; *О поэт – говори / о неснышном полете столетий, / Голубые восторги твои / ловят дети* [23, с. 18!]. И хотя некоторые лингвисты относят эти и подобные им сочетания к числу необычных (см.: [11, с. 128] о речениях *голубая греза* у К. Бальмонта, *голубая радость, голубое настроение* у А.И. Куприна, *голубые ожидания* у Ф. Сологуба как нетипичных в языке), их появление вполне объяснимо, так как мотивировано связью лексемы *голубой* со смыслом «верх». Отсюда и развитие в слове *голубой* семантики романтического томления по мистическому идеалу (ср. англ. *to be in the blue* «грустить, быть в подавленном состоянии», франц. *contes bleus* «голубые загадки», нем. *blaue Rätsel* «то же», *blaues Wunder* «голубое чудо»; *blues* – направление в музыке, передающее печальное настроение, грусть). Думается, что на ее основе у разбираемого слова во многих европейских языках сформировалось и известное коннотативное значение.

Выводы. Изложенное позволяет считать, что в текстах различных авторов и временных рамок реализуется многообразный, но далеко не хаотичный номинативный смысловой потенциал адъектива *голубой*. Данный колоратив нередко, имплицитно или эксплицитно, употребляется для обозначения «темного», поскольку вся языковая семантика диахронически ориентирована на идею «тьмы». Получив на известном этапе семантику светлого, лексема *голубой* в итоге функционально и была закреплена за смыслом «светлый». Только естественной смысловой эволюцией объясняется то, почему одни и те же слова участвуют в номинации тех или иных смыслов. Приведенные наблюдения показывают, что своеобразие человеческого языка хотя бы отчасти определяется тем, что люди начали свою историю на севере.

Список литературы

1. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. – М.: Захаров, 2002. – 312 с.
2. Алимпиева Р.В. Синонимический микроряд *синий – голубой* в сопоставлении с польским *blekitny – niebieski* (к проблеме семантической эволюции лексических эквивалентов родственных языков) // Семантика слова в диахронии / Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Редкол. Р.В. Алимпиева и др. / Калинингр. гос. ун-т. – Калининград. 1987. – С. 92-99.
3. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. – Russian Bible: United Bible Societies, 1992. – 292 с.
5. Василевич А. Синий, синий, голубой... Или всегда ли слово было изгоем? // <http://www.ruscenter.ru/626.html> (02.08.2005).
6. Гиппиус З.Н. Стихотворения: Живые лица / Вступ. статья, Сост., подгот. текста, коммент. Н. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. – 471 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Рус. яз. – Т. 1. – 1981. – 699 с.
8. Ипполитова А.Б. Символика цвета в русских простонародных травниках XVIII века // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2002 – С. 267-300.
9. Качаева А.А. Может ли голубое быть зеленым или розовым? // Рус. речь. – 1984. – № 6. – С. 20-25.

10. Кезина С.В. История цветообозначений в русском языке: Учеб.-метод. пособие к спецкурсу / Пензен. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского – Пенза, 2000. – 50 с.
11. Кожевникова Н.А. Необычные сочетания с цветовыми прилагательными // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования: Межвуз. темат. сб. / Калинингр. гос. ун-т / Редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) и др. – Калининград, 1980. – С. 127-142.
12. Луценко Н.А. Жизнь на севере в отражении языковых явлений // Филологические исследования: Сборник научных работ. – Выпуск 6. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд». 2004. – С. 234-250.
13. Луценко Н.А. Из записок по диахронической семантике: «синий» // Нова філологія. – Запоріжжя, 2004. – № 1 (20). – С. 5-13.
14. Марр Н.Я. О происхождении языка // Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания / АН СССР, Гос. Академия истории материальной культуры имени Н.Я. Марра. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – С. 179-209.
15. Моисеенко В.Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке // Gadányi K., Mojszejenko L., Mojszejenko V. Слово и цвет в славянских языках. – Melbourne: Academia Press, 2000. – С. 160-186.
16. Новикова М.О. Коментар // Українські замовляння / Упоряд. М.Н. Москаленко; Автор передм. М.О. Новикова. – К.: Дніпро, 1993. – С. 199-307.
17. Одинцов Г.Ф. История русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 172-221.
18. Пищальникова В.А. Некоторые особенности функционирования цветовых прилагательных в русских говорах // Исследования по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика: Межвуз. науч. сб. / Башкирск. гос. ун-т. – Уфа. – 1982. – С. 126-131.
19. Пословицы и поговорки русского народа. Из собрания В.И. Даля / Под общ. ред. Б.П. Кирдана; Вступ. ст. М.А. Шолохова; Послесл. В.П. Аникина. – М.: Правда, 1987. – 656 с.
20. Радченко Е.И. Аксиологический аспект значений цвета в современном немецком языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / 10.02.04 – германские языки / Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2002. – 21 с.
21. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов. Ю.Г. Круглов. – М.: Просвещение, 1990. – 335 с.
22. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. – М.: Худож. лит., 1988. – 431 с.
23. Серебряный век русской поэзии: Сборник / Сост., авт. коммент.: И.Г. Панченко, Л.В. Скуратовский; Авт. предисл. В.Л. Скуратовский. – К.: Дніпро, 1991. – 639 с.
24. Серов Н.В. Античный хроматизм. – СПб.: Лисс, 1995. – 475 с.
25. Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 240 с.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.П. Трубачев. – 2-е изд., стереот. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
27. Частушки / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1990. – 656 с.
28. Шолохов М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. // Шолохов М.А. Собр. соч. в 8-ми т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – 351 с.; Т. 2. – 352 с.; Т. 4. – 431 с.

Поступила в редакцию 21.02.2006 г.

УДК 81'271

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУКОПИСНОГО «ЧЕРНОВИКА Я.К. ГРОТА» ИЗ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ХЕЛЬСИНКИ¹

Гонобоблева С.Л.

Славянскую библиотеку Хельсинки (сейчас она стала структурным подразделением библиотеки Хельсинкского университета) без преувеличения можно назвать одним из мировых центров славистики. Во время пребывания Великого Княжества Финляндского в составе Российской Империи сюда доставлялся обязательный экземпляр издававшейся в государстве печатной продукции.

В Славянке² хранится уникальный рукописный русско-шведско-финский словарь (далее – Словарь), который известен тем, что его атрибутировали выдающемуся русскому лексикографу Я.К. Гроту³ [3, с.111]. Семь лет назад мне посчастливилось изучать рукопись, но это был лишь начальный этап, включавший историко-документальный контекст; общее исследование рукописи как материального памятника; анализ структуры и содержания Словаря в сопоставлении с близкими ему по времени опубликованными лексикографическими источниками.

Выводы, сделанные в завершение этого этапа, позволяют наметить перспективы изучения Словаря, что мне особенно интересно в связи с работой в группе «Лексического атласа русских народных говоров».

Рукопись представляет собой единый массив словарных материалов, состоящий из взаимосвязанных частей, размещенных в алфавитном порядке от А до V в девяти стандартных коробках. Словарь написан на отдельных несброшюрованных листах плотной желтоватой средней толщины бумаги размером 46×37 см, согнутых пополам так, что размер страницы получается 23×37 см. Чернила одинаковые, черные, попадаются редкие карандашные пометки. Текст располагается на каждой странице в один столбец, межстрочные интервалы не превышают одного сантиметра. Всего в рукописи 2463 листа, 9852 страницы. Каких-либо записей, касающихся датировки и авторства, не обнаружено.

Словарь представляет собой ровный текст, это не черновые наброски, но последняя перед набором корректура. Словарные статьи (или словник) писались последовательно, между ними нет неожиданных интервалов. В тексте присутствуют постоянные переходы от русского к шведскому и финскому языкам, но между частями, написанными кириллицей и латиницей, нет пропусков.

¹ В каталоге Славянской библиотеки рукопись под шифром Sl. Ms. K-41 значится как «Черновик работы по Словарю Академии Наук. Почерком Грота. 1-9»

² Так ее называли многие исследователи, скоро это словечко исчезнет, вслед за Публичкой и Ленинкой

³ Я.К. Грот жил в Гельсингфорсе в 1840-1852 годах, преподавал в Александровском университете, занимался научной работой, много переводил и редактировал

Почерковедческая экспертиза, проведенная независимо в Отделе рукописей РНБ и в Экспертно-криминалистической лаборатории ГУВД СПб, засвидетельствовала, что все написанные кириллицей части рукописи сделаны одной рукой, но это не почерк Я.К. Грота.⁴

По содержанию рукопись представляет собой два варианта русско-шведского словаря с комплексом подготовительных материалов. Состав рукописи на каждую букву алфавита одинаков и содержит следующие части. 1. Словник русско-шведско-финского словаря; 2. Русско-шведский словарь; 3. Русско-шведско-финский словарь; 4. Списки слов «forda uttydning» – «следует растолковать»; 5. Списки слов, условно названные «дополнения».

Орфография русскоязычной части рукописи не имеет ярко выраженных особенностей и, если не считать sporadического написания существительных с прописной буквы в середине предложения, следует правилам. Орфография шведской части рукописи последовательно не отражает изменений, произошедших в результате реформ шведской орфографии 1889 и 1906 годов [4, с.71].

Словник следует алфавитному порядку слов, однако отмечены случаи применения метода частичного гнездования, когда вслед за заголовочным словом приводятся его производные. Структура Словарной статьи в Словаре включает в себя следующие части: 1. Заголовочное слово; 2. Грамматическая информация; 3. Этимологическая или стилистическая информация; 4. Дериваты, входящие в одно словообразовательное гнездо с заголовочным словом; 5. Словообразовательная информация; 6. Перевод (иногда с толкованием) на шведский и/или финский язык; 7. Иллюстрации в виде словосочетаний и речений с заголовочным словом, переведенные на шведский и/или финский язык.

Необычная для переводного словаря величина словника и его неординарный для перевода состав, включающий слова литературного языка и множество слов диалектных, устаревших, церковнославянских, специальных и иноязычных, заставили предположить преемственность со словарями русского языка. Для сопоставления был выбран словарь Даля, имеющий сходные характеристики словника, тем более что сходство уже отмечалось исследователями [3, с.113]. Сопоставление русско-шведско-финского и русско-шведского словарей со вторым изданием словаря Даля (1880-1882) показало, что около 90% лексических единиц словника и иллюстраций совпадают, что служит доказательством преемственности. Подготовительные материалы к Словарю составлены с использованием Словаря Академии 1847 года.

Рукопись является неопубликованным русско-шведским словарем большого для того времени объема (около 80 000 словарных статей), существующим в двух завершённых вариантах с русским словником и комплексом подготовительных материалов. Источниками Словаря являются второе издание Словаря Даля и Словарь Академии 1847 года. Словарь я датирую последней четвертью XIX века. Авторство Я.К. Грота никакими документальными источниками подтвердить не удалось [2, с.12].

Дальнейшее исследование Словаря представляет несомненный интерес: более подробный лексикографический анализ рукописи, особенно шведской и финской ее частей, изучение перевода русских слов. Перспективным будет сопоставление Словаря с другими лексикографическими изданиями. Учитывая стремление автора Словаря

⁴ Что, конечно, не является стопроцентным доказательством не-авторства Я. К. Грота. Он занимал студентов для переписывания словников, например, когда трудился над словарем глаголов [1]

растолковать и перевести диалектные слова, интересно исследовать то, какие шведские и финские соответствия он приводит. Замечательное поле для исследования – стилистические пометы, которые в рукописи последовательны и свидетельствуют о незаурядном языковом чутье автора. Двухязычные и трехязычные словари имеют большую практическую направленность, нежели академические, поэтому они скорее фиксируют реальное, живое словоупотребление (языковая ситуация в то время в Финляндии характеризовалась функционированием трех языков одновременно, необходимо было постоянно переводить и понимать большой объем текстов). Рукописный Словарь, таким образом, может послужить одним из источников по исторической лексикологии.

Выводы. Публикация Словаря (на мой взгляд, перевод такого «русского» словаря, как Словарь Даля, на шведский и финский является феноменом) восполнит лауну в истории переводной русско-шведской лексикографии.

Список литературы

1. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 2. – СПб, 1896.
2. Гонобоблева С.Л. Русско-шведский словарь из рукописного фонда Я.К. Грота Хельсинкской Славянской библиотеки в истории переводной лексикографии XIX века (к проблеме идентификации) // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции... – СПб, 1999.
3. Караулов Ю.П. Языковая компетенция лексикографа как лингвистический источник в его работе над словарем (гипотеза о рукописном «Словаре» Грота) // Русистика сегодня. – 1994. – № 3.
4. Стеблин-Каменский М. М. История скандинавских языков. – М. – Л., 1953.

Поступила в редакцию 24.03.2006 г.

УДК 811.161.2'373

ГЕНДЕРНО МАРКОВАНА ЛЕКСИКА

Горошко О.І., Галунова Н.М.

Останнім часом значно зріс інтерес до гендерних досліджень в науці як за кордоном, так і в межах України. Такого роду дослідження мають яскраво виражений міждисциплінарний характер і охоплюють багато дисциплін: культурологію, мовознавство, психо- та соціолінгвістику, соціологію, психологію, міжкультурну комунікацію, прагматику, теорію комунікації, когнітивну лінгвістику, лінгводидактику і лінгвокультурологію та інші.

Метою даної статті є дослідження питання гендерно маркованої лексики як одного з понять гендерної лінгвістики.

Постановка проблеми. Відразу хотілося б зауважити, що гендерні дослідження являють собою доволі новий напрямок гуманітарного знання в Україні і знаходяться в процесі становлення. На жаль, очевидним є те, що гендерні дослідження в Україні – поки що рідкість у соціально-гуманітарних науках. Про порівняльні з західними експериментальні дослідження наразі годі й мріяти [4, с. 173].

Саме відносно недовга історія гендерних досліджень зумовила неусталеність фонетико-графічного оформлення терміну “гендер”. Так, в навчальному посібнику “Основи теорії гендеру” [4] ми маємо написання “гендер” в роботах таких вчених, як Т. Мельник, Н. Чухмин, І. Головашенко, Л. Малеса, П. Горностай, С. Оксамитна, О. Маланчук-Рибак, М. Скорик, В. Близнюк, Н. Лавриненко, В. Суковата, В. Агеєва, О. Фоменко, О. Луценко, Л. Смоляр, в той час як Л. Ставицька вживає інше написання цього терміну – “гендер” [5; 6]. Для більшої зручності викладення матеріалу ми обрали єдиний вид написання – “гендер” незалежно від того, який варіант було обрано в оригіналі.

Повертаючись до питання гендерної маркованості лексики, зауважимо, що визначення поняття можна назвати “відкритим”.

Зараз, на жаль, не можна навести загальновизнаного визначення гендерної маркованості. Ті визначення та пояснення, що наводяться в сучасній лінгвістичній літературі, незважаючи на їх безумовну цінність, не є всеохоплюючими і не пропонують повної класифікації гендерно маркованої лексики.

Так, наприклад, своє визначення гендерної маркованості дає А.В. Кіріліна. Гендерна маркованість, на думку автора, це один з нових термінів, що виник внаслідок застосування гендерного підходу в мовознавстві. Гендерна маркованість – ознака або комплекс ознак, яка дозволяє ідентифікувати мовну одиницю, належну до тієї чи іншої статі. Гендерна маркованість може бути формальною (тобто такою, яка відноситься до плану виразу, зафіксованою у формі мовної одиниці) і семантичною (такою, яка відноситься до плану змісту, зафіксованою в значенні мовної одиниці)” [3, с. 226].

Безумовно, нас насамперед цікавлять гендерні дослідження в лінгвістиці. Одне з останніх досягнень у пострадянській лінгвістичній гендерології полягає в тому, що роль гендерного параметра розглядається системно на трьох рівнях. А саме: на мікрорівні (гендерні переваги у використанні мовних засобів в контексті комунікативної ситуації і тактик спілкування), на макрорівні (рівні більш широкого соціокультурного контексту, пов'язаного з дотриманням певних правил і конвенцій) і на метарівні (на рівні когнітивної бази людини, в якій присутні стереотипи статі, що розглядаються в межах культурної традиції).

Застосування гендерного підходу дозволяє досліджувати більш широке коло питань і поглянути по-новому на феномен статі. Якщо категорія "sexus" значуща для аналізу ряду лексичних одиниць, де стать є компонентом значення, то гендерний підхід в мовознавстві охоплює більш широке коло питань, розглядаючи всі засоби мовного конструювання чоловічої або жіночої ідентичності. В цьому випадку гендер осмислюється як конвенціональне єство, в чому і полягає його головна відмінність від статі як біологічної категорії.

Гендерний підхід припускає також використання відображення гендерних відносин в історії мови, вивчення статі як культурної репрезентації в лінгвокультурології; лексикографічне кодування відповідних одиниць мови і т.д.

З позиції гендерного підходу необхідно досліджувати значно більшу кількість феноменів мови, ніж лише ті його одиниці, в значення яких входить компонент "стать". В той же час самі екзистенціальні характеристики людини, зокрема її стать, інтерпретуються суспільством залежно від того, як усвідомлюються ними поняття "мужність" і "жіночість". Тому для вивчення гендеру інтерес викликають і ті одиниці лексики, де відображено природне єство "sexus", оскільки їх сприйняття носіями мови є значною мірою соціально обумовленим і відповідає моделям мужності і жіночості, в яких приналежність до біологічної статі складає лише первинний субстрат. "Гендерний профіль" індивіда може не співпадати з його природною статтю..." [3, с. 228].

На нашу думку, до гендерно маркованої лексики можна віднести ті лексичні одиниці, у значенні яких "гендерний" компонент реалізується більш контрастно.

До таких лексем можуть відноситися слова, які описують статево-рольові, статусні і соціальні відносини (батько, мати, дочка, син, наречена), що входять в концепти феміності і маскулінності; лексичні одиниці в граматичній формі чоловічого або жіночого роду; випадки, коли вибір граматичної форми роду не визначається законами синтаксичного узгодження [2, с. 110].

Нам здається, що доволі зручною, простою та корисною для дослідників можна вважати розроблену нами класифікацію гендерної маркованості:

- "Лексико-семантична" гендерна маркованість, тобто такі випадки, коли "гендерний" компонент реалізується в лексичному значенні слова. Наприклад: жінка – чоловік, мати – батько, брат – сестра, він – вона. До цієї групи, на нашу думку, можна віднести і деякі власні імена, а саме імена та прізвища в тому випадку, коли вони несуть інформацію про гендерну приналежність. Коли йдеться про імена, інколи необхідним є контекст. Так, наприклад, ім'я "Леся" дає нам інформацію про те, що це жіноче ім'я, а тому, найвірогідніше, воно належить жінці (звісно, так можуть називати людину, біологічна стать якої чоловіча, але при цьому, можливо, мова буде йти про людину з жіночою гендерною приналежністю). В той же час ім'я "Сашко" без контексту не несе нам інформації про стать людини.

- “Граматична” гендерна маркованість, тобто лексичні одиниці в граматичній формі чоловічого чи жіночого роду. До цієї категорії належать слова різних частин мови. Наприклад, минулий час дієслів (грала – грав), слова, що означають професійну приналежність (вчитель – вчителька), прикметники жіночого та чоловічого роду (розумний – розумна), деякі прізвища (Грабовський – Грабовська) і так далі.

- “Фразеологічна” гендерна маркованість. До цієї групи, як зрозуміло з самої назви, належать фразеологізми, значення яких співвідносять їх з певною статтю. Як, наприклад, гарна як квітка (як маківка, як лебідка), красна як чічка в горді, тонка як чехоня, сердита як квочка (розсілася як квочка), зажурилась мов засватана; гарний як павич, гладкий як кіт.

Безумовно, гендерна маркованість лексем залежить від того, яка мова є об’єктом вивчення. Як було зазначено вище, до гендерно маркованої лексики можуть належати лексичні одиниці в граматичній формі жіночого чи чоловічого роду. Очевидно, що такі одиниці є різними для різних мов.

Взагалі рід є доволі цікавою граматичною категорією, що неоднакова для різних мов. Як було зазначено Корбет, в деяких мовах рід є центральним поняттям, в той час як в інших він цілком відсутній. В мові може бути два чи більше класів роду. Класифікація рідко співвідноситься з реальними поділом на статі, в усякому разі частково, але доволі часто саме так і є [7, с. 1]. Нас в межах вивчення гендерно маркованої лексики цікавлять, безумовно, саме ті випадки, коли поділ за родами відповідає біологічному поділу на статі.

Як відзначила Г. Баришнікова, „...категорія роду є характерною межею граматичної будови індоєвропейських мов, не дивлячись на те, що вони відображають різний ступінь збереження роду, який знаходиться в прямій залежності від стійкості синтетизму в системі словозміни. Розвиток аналітизму в англійській мові привів до руйнування словозміни і втрати родових зіставлень в іменах. Таким чином, рід перетворився на приховану категорію, що знаходиться тільки через займенники „він“, „вона“, „воно“. Ряд іменників, які означають живі істоти, може відноситися як до чоловічого, так і жіночого роду: „учень“, „вчитель“ та інші. Коли хочуть вказати, до якої статі належить дана особа або тварина, то до іменника додається слово, що вказує на стать: a boy-friend, a girl-friend, a he-wolf, a she-wolf. Ряд іменників жіночого роду утворюється від відповідних іменників чоловічого роду шляхом приєднання суфікса -ess: actor – actress; poet – poetess; lion – lioness” [1, с.31-32].

Отже, в англійській мові, як і в багатьох індоєвропейських мовах, нейтральними словами, які позначають осіб обох статей, є слова чоловічого роду.

Зазначимо, що гендерна маркованість залежить від контексту, особливо коли йдеться про родові іменники та займенники. “Про використання слів у родовому значенні говорять, коли вони не стосуються якоїсь конкретної статі, а означають жінку й чоловіка водночас. Проте всі ці слова збігаються за формою зі словами чоловічого роду. Зокрема, в реченні “До мене підійшов студент з мого курсу” іменник чоловічого роду “студент” означає “особу чоловічої статі, що навчається в університеті”. Проте речення “кожен студент має пишати, що навчається в цьому університеті” іменник чоловічого роду “студент” не означає “конкретну особу чоловічої статі, а стосується всіх студентів як чоловічої, так і жіночої статей” [4, с.32].

Звичайно, наведений приклад можна розглядати як прояв сексизму в мові, але це не змінює того, що в реченні, де слово „студент” має узагальнююче значення, його важко назвати гендерно маркованим в даному контексті.

Таким чином, гендерна маркованість лексеми залежить від конкретного випадку вживання цієї лексеми у мовленні, тобто від контексту.

Висновки.

Підсумовуючи вищесказане, підкреслимо, що гендерно маркована лексика – питання, яке залишається відкритим і, безумовно, потребує подальшого вивчення. Невелика кількість робіт з цієї тематики на матеріалі української мови робить очевидною необхідність детальної розробки українськими лінгвістами цього питання на матеріалі даної мови. Очевидно, що гендерна маркованість залежить від структури мови, тобто лексичний еквівалент в одній мові може бути гендерно маркованим, а в іншій – ні. Крім того, слова, що є гендерно маркованими в мові як системі, не обов'язково будуть гендерно маркованими в окремому контексті. Таким чином, гендерна маркованість в мові не завжди реалізується в мовленні.

Список літератури

1. Барышникова Г.В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII-XX веков): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.
2. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М., Харьков: Издательский дом «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.
3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теория коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 252 с.
4. Основи теорії гендеру: Навчальний посібник. – К.: К.І.С, 2004. – 536 с.
5. Ставицька Л.О. Гендерні виміри невербальної комунікації у художньому тексті // Культура народів Причорномор'я. – 2004. – №49, Том 1.
6. Ставицька Л.О. Гендерні стереотипи в сучасній українській мовній свідомості (за даними асоціативного експерименту зі словами “жінка”, “чоловік”) // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. – 2004. – №5. – С. 128-146.
7. Corbet, Greville G., Gender. – Cambridge University Press. 1995. – 415 p.

Поступила до редакції 27.01.2006 р.

КОМУНІКАТИВНІ ПЕРЕВАГИ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

Государська О.В.

З погляду сучасної лінгвістики, мова повинна виконувати дві найголовніші функції – комунікативну, тобто бути зручною для спілкування і відповідати його потребам, та мислетворчу, тобто мати можливість відтворити за допомогою мовних засобів все різнобарв'я розумових процесів. Критерій відповідності мови потребам її носіїв означає не тільки кількісне узгодження між світом об'єктів та їхніми відбитками у мові. Для сучасних мовців є також дуже важливим економне вираження необхідного змісту, тобто реалізація максимуму інформації мінімальною кількістю засобів. Саме ступінь відповідності вищезазначеним критеріям ми пропонуємо розглядати в якості базису при порівнянні мов з метою визначення рівня їх досконалості.

Звісно, доведення переваг тієї чи іншої мови в плані здійснення успішної, тобто однозначно зрозумілої для всіх учасників розмови, та комфортної, тобто тієї, що не є переобтяжувальною для людського організму, комунікації потребує глибинного комплексного аналізу мовної структури. В даній статті ми зупинимось лише на реалізації слов'янськими та романськими мовами різноманітних характеристик дієслівної дії та зробимо висновок про те, які мови виражають їх найповнішим та найекономічнішим чином.

Постановка проблеми. Слов'янські мови є єдиними мовами, в яких граматична категорія виду та лексико-граматична категорія способу дії (далі СД) мають чітке формальне вираження. Романські ж мови довгий час взагалі вважались «безвидовими», адже вони не мають злагодженої системи словотворчих афіксів, які б реалізовували найменші зміни характеру протікання дієслівної дії. Висновок про те, що романські мови не здатні до їх відображення не влаштовував ані західноєвропейських лінгвістів, які намагалися підтримувати високий статус своїх мов, ані вітчизняних мовознавців, які ставили перед собою за мету досягнути найвищого ступеню адекватності при перекладі зі слов'янських мов на романські. Саме тому сили лінгвістів, особливо протягом другої половини ХХ століття, були спрямовані на пошуки засобів вираження аспектуальності в романських мовах.

Найбільш поширеною є теорія протиставлення видової опозиції слов'янських мов розгалуженій системі часових відношень в романських мовах. На думку переважної більшості мовознавців, категорія часу в романських мовах є багатоелементною саме тому, що прилаштована до реалізації і часових, і видових відношень. Дана концепція має декілька різновидів: 1) опозиція доконаний вид/недоконаний вид (далі ДВ/НДВ) слов'янських мов протиставляється опозиції претерит/імперфект романських мов [6, с.143]; 2) завершеність дії в романських мовах пов'язують зі складними часовими формами, а незавершеність – з простими [2, с.281]; 3) висувається ідея про синтез вищезазначених теорій [5, с.122].

Стосовно першої із запропонованих версій зазначимо, що спостерігається вона не в усіх романських мовах. У зв'язку з остаточним виходом форми *passé simple* з повсякденного ужитку носіїв французької мови, опозиція претеріт / імперфект може мати місце тільки в літературному її варіанті, у мовленні ж місце *passé simple* займає *passé composé*, що дещо відрізняється від попередньої часової форми за набором функцій. В іспанській мові також поступово стирається різниця між перфектом та претерітом – найчастіше у мовленні домінує один із зазначених часів в залежності від регіону поширення даної мови [9, с.14]. Крім того, опозиція претеріт/імперфект в романських мовах далеко не завжди чітко відповідає протиставленню ДВ/НДВ слов'янських мов.

Визнанню видового протистояння за опозицією складні/прості часові форми заважають наступні причини: поняття завершеності та обмеженості виявляються ідентичними; значення завершеності не розповсюджується на всі випадки використання складних форм, одна й та сама складна форма може виражати дію повністю вичерпану (фр. *j'ai trouvé* 'я знайшов') і дію в її протіканні (фр. *j'ai cherché* 'я шукав')¹; на повну вичерпаність можуть вказувати і прості часові форми [4, с.6]. Отже, закономірність вживання форм претеріту і складних часів в романських мовах на місці ДВ в слов'янських мовах та, відповідно, імперфекту і простих часів на місці НДВ далеко не є абсолютною.

В лінгвістиці висувались пропозиції стосовно протиставлення категорії виду слов'янських мов курсивності/термінативності дієслів романських. Однак більш детальний огляд семантичних особливостей дієслів показав, що на рівні інфінітиву тільки невелика їх частина може бути віднесена до чисто курсивних або чисто термінативних; більшість дієслів є багатозначними, тому в одній дистрибуції вони можуть набувати значення процесуальності, тривалості дії, а в іншій – вказувати на її термінативність [6, с.28; 4, с.7].

Наступним кроком у вивченні засобів відображення аспектуальності в романських мовах було дослідження різноманітних комбінацій граматичної семантики часових форм та лексичних значень дієслів [7, с.25; 8, с.456]. Однак (навіть за умови ігнорування факту нестабільності прояву аспектуальної семантики зазначеними засобами) неможливо протиставити нечисленні аспектуально релевантні лінгвістичні репрезентації, виявлені, наприклад, О.О. Правдзивим на матеріалі іспанської мови, та „семантичні обертони” французьких дієслів, зазначені Є.А. Реферовською, тій кількості відтінків дієслівної дії, що отримують слов'янські мови, використовуючи різноманітні засоби словотвору².

В пошуках стабільніших засобів вираження завершеності/тривалості дії лінгвісти звертаються до вивчення дієслівно-аналітичних зворотів. На думку О.К. Васильєвої-Шведе та Г.В. Степанова, дані конструкції демонструють більшу однозначність, ніж часові форми, та намагаються охопити якомога значнішу частину дієслів, впливаючи на них без вибіркової [3, с.216]. Саме тому в сучасних романських мовах превалює тенденція до заміни традиційно сформованих часових форм на аналітичні часові конструкції. Проте слід зазначити, що, досягнувши певної моносемії в плані

¹ Аналогічна двозначність спостерігається і в семантико-функціональній парадигмі претеріту: поряд із значенням завершеності дії дана часова форма може мати значення ітеративності [1, с.10]

² В російській мові виділяють 49 СД, виражених внутрішньодієслівними засобами (С.В. Ісаченко), а із залученням недієслівних показників – 60 СД (М.О. Шелякін)

функціонального наповнення, аналітичні конструкції не посприяли ніяким полегшенням в плані вираження. Зіставлення дієслівно-аналітичних зворотів романських мов та російських дієслів з префіксами на позначення, наприклад, завершеності дії це чітко доводять: пор., рос. *договорить* / фр. *finir de parler*, рос. *отобедать* / ісп. *terminar de comer* та ін.

Аспектуальність не обмежується лише вираженням термінативності/ процесуальності. Існує також велика кількість способів дієслівної дії, які здатна розрізняти сучасна людина і які відтак повинні мати свої відповідники у мові. Базуючись на думці про те, що серед засобів будь-якої мови можна віднайти необхідні елементи для вираження потрібного змісту, мовознавці (Т.Б. Вьюгова, В.Г. Гак, Т.Г. Попова, С.В. Капшарова, І.В. Скуратов та ін.) звернулися до пошуків формального відображення СД засобами романських мов.

Їх дослідження свідчать, що в ряді випадків серед складових елементів романських мов можна дібрати необхідні засоби для відображення характеристик дієслівної дії. Найчастіше різноманітні СД передаються шляхом додавання до дієслова уточнюючих лексичних індикаторів, які фактично виступають носіями СД при дієслові, що відображає акт дії в чистому вигляді. Таким чином, одне поняття, у зв'язку з неможливістю бути переданим єдиною формою, відображається не синкретично, а шляхом його розпадань на семантичні складові, кожна з яких має окрему формальну реалізацію. Подібне відбиття поняття у мові, окрім неекономічності в плані вираження, призводить до розмитості в плані розуміння та втраті емоційності висловлювання, підвищенню якої в слов'янських мовах нерідко сприяє вираження СД.

Нерідко при перекладі зі слов'янських мов на романські в якості засобів передачі СД використовуються фразеологічні звороти, що сприяють реалізації експресивності при більш-менш чіткому вираженні інших аспектуальних нюансів, в комплексі з якими вона виступає. Бувають випадки, коли достатньо й безпосереднього семантичного навантаження окремого дієслова, щоб передати той чи інший нюанс дії, але у разі необхідності реалізації комплексу аспектуальних значень цей засіб не спрацює. Для вираження окремих СД широко використовуються стійкі аналітичні конструкції, що характеризуються постійним аспектуальним навантаженням. Таким чином, відобразити засобами романських мов різноманітні СД, розповсюджені в слов'янських мовах, можна, хоч і з різним ступенем адекватності, однак треба з'ясувати, чи є воно притаманним природному мовленню.

З цієї метою нами було проведено зіставлення оригінальних літературних джерел, написаних французькою мовою, та їх перекладів, зроблених російською мовою. При цьому аналізу підлягали уривки текстів, де в російському відповіднику були формально виражені ті чи інші СД. Таким чином ми намагались віднайти засоби французької мови для передачі аспектуальних відтінків дії, але не ті, що є штучно створеними перекладачами, а природні, властиві носіям даної мови. Проведене дослідження показало, що у переважній більшості випадків аспектуальне навантаження не є формально вираженим і відчувається (якщо взагалі відчувається) лише у певному контексті. Навіть ті СД, що можуть мати чітку формальну реалізацію в романських мовах (наприклад, інхоативність – шляхом використання певних дієслівно-аналітичних конструкцій, демінутивність – за допомогою приєднання до основи дієслова пом'якшувальних суфіксів), виражаються лише за умов їх обов'язкового акцентування у

мовленні. В інших випадках вони, так само як і інші СД, розуміються лише при зверненні до загального контексту.

Найскладнішою для романських мов є реалізація комплексів аспектуальних значень, що в слов'янських мовах передаються без зусиль у зв'язку з можливістю одночасного приєднання до основи дієслова різноманітних засобів передачі характеристики дієслівної дії, кожний з яких виконує свою власну семантичну функцію.

В слов'янських мовах вид та СД характеризують не тільки особові дієслівні форми, а й безособові. Якщо особові форми дієслова в романських мовах мають (хоча і нестабільно) підтримку в плані вираження ДВ/НДВ з боку відповідних часів, то інфінітив, аналоги дієприкметника і дієприслівника можуть розраховувати лише на семантичні можливості дієслів та на використання допоміжних лексичних індикаторів, і тому їх аспектуальні характеристики реалізуються ще рідше.

Підводячи підсумки, ще раз зазначимо, що романські мови в більшості випадків виявляють нечуттєвість до формальної реалізації аспектуальних характеристик дієслівної дії. Цей факт пов'язаний не з браком засобів для вираження виду та СД, а з їх „не комфортністю” для комунікації. Дійсно, за умов адекватного вираження романськими мовами хоча б частини характеристик дії, притаманних дієсловом слов'янських мов, принцип економії мовних засобів слід було б визнати невластивим для них. Таким чином, не змігши створити більш зручних для комунікації засобів вираження аспектуальних нюансів дії, романські мови обрали шлях найменшого опору – економію всупереч якості вираження необхідного змісту.

В ряді випадків аспектуальні характеристики дієслівної дії, що не отримують формального вираження в романських мовах, стають зрозумілими із загального контексту. Однак вони є не єдиними мовними явищами, що з'ясовуються ситуативно. Романські мови характеризуються наявністю високого відсотку омонімічних та багатозначних слів, семантика яких у кожному випадку визначається в залежності від оточення даних лексем у межах окремого речення та тексту взагалі. Надмірна орієнтація на контекст при розумінні того чи іншого висловлювання тримає слухача у стані постійної напруги. Послабивши увагу при дешифровці сказаного мовцем, слухач може легко втратити основу розмови.

Висновки. Слов'янські мови в цьому сенсі є більш пристосованими до вільного спілкування. Звичайно, і в них трапляються окремі висловлювання, зміст яких підлягає з'ясуванню за контекстом. Однак завдяки достатньо розвинутій системі словотворчих афіксів відсоток омонімії та багатозначності в даних мовах є значно нижчим. Ряд мовних явищ, що з'ясовуються у романських мовах контекстуально, в слов'янських мають формальне вираження, тобто прив'язка до загального мовного оточення в них є суттєво меншою. Ширша формальна реалізація мовних фактів не переобтяжує мовлення, не робить його менш економним, адже словотворчі афікси, що досить часто використовуються з цією метою, є максимально обмеженими в плані фонетичних складових елементів і чітко систематизованими щодо їх семантичного навантаження³. Проаналізувавши засоби вираження аспектуальних характеристик дієслівної дії романськими та слов'янськими мовами, ми стверджуємо, що саме останні в даному напрямку досягли більшого ступеню реалізації трьох головних опор успішної комунікації – зрозумілості, багатогранності та економності.

³ Ми можемо спостерігати це, приміром, на матеріалі відображення слов'янськими мовами аспектуальних відтінків дієслівної дії

Список літератури

1. Базеева Р.В. О грамматической многозначности и синонимии простого и сложного прошедшего в современном французском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Специальность 10.02.05 (Романские языки). – М., 1974. – 18 с.
2. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. Учебник для ин-тов и фак-тов ин. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1980. – 360 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Кашкарова Е.В. Средства выражения способов глагольного действия распределительности, интенсивности, смягченности, осложненно-интенсивности, эволютивности, прерывисто-смягченности, осложненно-интенсивности в современном французском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Специальность 10.02.05 (Романские языки). – М., 1987. – 19 с.
5. Klum A. Verbe et adverbe. – Stockholm-Göteborg, 1961. – 357 p.
6. Пицкова Л.П. Грамматическая категория вида в современном французском языке. – М., 1982. – 160 с.
7. Правдивый А.А. Видовая актуализация настоящего и прошедшего времени глагола в испанском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Специальность 10.02.05 (Романские языки). – М., 1974. – 27 с.
8. Реферовская Е.А. Категория вида во французском глаголе // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М., 1948. – Т. 7, вып. 5. – С. 445-456.
9. Фирсова Н.М. Стилистика испанского глагола. – М., 1976. – 287 с.

Поступила до редакції 31.01.2006 р.

УДК 81'42: 81'25: 811.111

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИКА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ

Демецкая В.В.

Актуальность. Политические аргументы и политические факты только тогда приобретают для индивида силу убедительности и достоверности, когда они касаются не только его разума, но и чувств. Для этого политическое информирование должно пойти не только до разума, но и до сердца людей, до их сознания и психологии. Сплаваясь с политическими чувствами и эмоциями, политические знания трансформируются в политическую веру, политическую лояльность и политическую приверженность [2, с.262-275]. Наряду с воспитанием политической культуры собственных граждан особое идеологическое значение приобретает и трансляция своих социально-политических приоритетов в другие культуры. В этом смысле мы говорим о внутри- и внешнеполитической пропагандистской деятельности и ее несомненном влиянии на формирование (позитивной) оценки деятельности (существования) определенного государства (системы) в пределах мировой общественности. С этой точки зрения особую значимость приобретают выступления лидеров государств перед гражданами, «программной» задачей которых является внушение адресатам (членам сообщества) мысли о необходимости реализации правительством определенных «политически правильных» действий и/или оценок.

Целью статьи является выявление лингвокультурных особенностей функционирования концепта «политика» в политической речи как типе текста в условиях разных культурных традиций. Материалом анализа послужили тексты политических речей экс-госсекретаря США Мадлен Олбрайт, произнесенные перед студентами Гарвардского университета (США) 5 июня 1997 г. и Дипломатической Академии (Россия) 2 февраля 2000 г. Англоязычные тексты речей раскрывают один спектр политических проблем и рассчитаны на студенческую аудиторию, которая так или иначе представляет будущую политическую элиту. Лингвокультурная специфика заключается в том, что концептосфера обоих текстов претерпевает интралингвистическую адаптацию в соответствии с культурно-историческими и идейно-политическими ценностями «принимающей» стороны. Определенный интерес таким образом представляет динамика семантических, структурных, функциональных преобразований базовых констант концепта «политика» в политических речах, учитывающих культурную и идеологическую диверсификацию.

В словарной статье «политика» политологического словаря восточнославянской традиции (украинская культура) в единый содержательно-терминологический ряд синонимов к базовому понятию включены следующие: власть, государство, господство: («П. (політика. – В.Д.) є синонімом інших політичних явищ, насамперед влади, панування, держави, які...мають приблизно однакові джерела, ресурси, потенціали,

засоби, символіку і можуть використовуватись як аналоги при дослідженні складних суспільних явищ...» [1, с.498]). Политологический словарь атлантической традиции (США), предлагая дефиницию к понятию «политика», опирается на свои историко-культурные ассоциации и оценки, однако акцентирует тот же синонимический ряд: “Politics is usually carried on through instruments of government that provide for the authoritative or legitimate exercise of power” [3, p.112]. Наличие интегральных признаков в семантической зоне позволяет предварительно говорить о том, что концепт «политика» характеризуется наличием постоянных, имманентных признаков, которые определяются как константы – власть, государство (господство).

Политические речи относятся к числу наиболее прагматичных типов текста именно потому, что они вовлекают слушателей в ситуацию «содействия», и, соответственно, нет в глазах публики большего греха для лидера, чем неполное использование им власти. По-видимому, чтобы действия, которые лидер предпринимает или провозглашает, были восприняты слушателями с энтузиазмом, они должны отвечать двум условиям: быть решительными и поражать воображение [1, с.228]. В политической речи для студентов Гарварда экс-госсекретарю Мадлен Олбрайт это удалось вполне. В качестве слогана для данной речи может служить словосочетание “American leadership”. Инициальная позиция текста посвящена раскрытию исторической роли Америки в судьбах Европы, начиная со времен Первой мировой войны и заканчивая созданием Евросоюза: “By extending that lifeline, America helped unify Europe’s west around democratic principles, and planted seeds of transatlantic partnership that would soon blossom in the form of NATO and the cooperative institutions of a new Europe. Just as important was the expression of American leadership that the Marshall Plan conveyed” [4]. Отметим, что в тексте для Академии «НАТО» как организация элиминируется ввиду идеологической и политической полярности взглядов. То же происходит и с «трансатлантическим партнерством», которое в тексте редуцируется до «корпоративных, личностных ...экономических и других интересов» [4].

Отдельное место в обеих речах отводится американской политике “multipolar world”. Перед гарвардской аудиторией госпожа Олбрайт достаточно четко, если не сказать жестко, очертила стратегию США во внешнеполитической сфере: “We, too, must heed the lessons of the past, accept responsibility and lead. Because we are entering a century in which there will be many interconnected centers of population, power and wealth, we cannot limit our focus, as Marshall did in his speech to the devastated battleground of a prior war. Our vision must encompass not one, but every continent” [4]. Констант «власть» здесь реализуется посредством вовлечения таких понятий, как «ответственность», «лидерство», «власть и благосостояние». Императивность в предписании к действию подкреплена коротким экскурсом в европейскую историю второй половины XX века, в которой, по мнению г. Олбрайт, лидирующую, «миротворческую» и «созидательную» функцию сыграли именно США (дополним только, что в речи перед русской аудиторией весь этот фрагмент по историческим, политическим и идеологическим причинам был элиминирован): “Where half century ago, American leadership helped lift Western Europe to prosperity and democracy, so today the entire transatlantic community is helping Europe’s newly free nations fix their economies and cement the rule of law” [4]. Отсюда логичным представляется и призыв к молодому поколению (“our vision”, “we cannot limit”) не только укрепить завоевания прошлых поколений, но и расширить возможное влияние собственной страны на судьбы стран «всех континентов».

Пропагандистский триумфализм речи в Гарварде сменяется преувеличенной абстракцией в речи к студентам Дипломатической Академии в тезисе о многополярной политике США: "The issue is whether the "poles" that give the world of diversity and creativity among cultures, nations, and economics – is the world we believe we can build, one that will enrich our lives, and thrives on habits of peace and creative competition"[4]. Нетрудно заметить, что обобщенно-личное местоимение "we" выполняет инклюзивную функцию и поэтому предполагает включение всех участников мирового сообщества, но не только США и Россию, к аудитории которой обращается оратор. Далее, большинство лексем нейтрально окрашены и выражают общечеловеческие ценности. «Бесцветность» всей фразы дополняется двойным использованием лексемы "creative", а также отсутствием каких-либо вариантов константы «власть».

Великие события истории всегда были на руку формированию популярности лидеров. Ведь именно в моменты, когда стране и народу грозят опасности, у лидера появляется возможность продемонстрировать решительные действия. Разумеется, речь идет об образе врага или внешних угроз, в борьбу с которыми необходимо вступить немедленно. Описывая и создавая образ современного врага перед гарвардскими студентами, госпожа Олбрайт в первую очередь опирается на опыт прошлых политиков эпохи Второй мировой войны: "Unlike Marshall's generation, we face no single galvanizing threat. The dangers we confront are less visible and more diverse – some as old as ethnic conflict, some as new as letter bombs...some as deadly as nuclear weapons falling into wrong hands" [4]. «Скрытость» и «разнообразие» угроз и врагов уточняется в медиальной части текста приемом перечисления всех испытаний и нужд ("poverty", "disease", "disorder", "misrule", "abused or murdered"), которые тревожат народы всех континентов. Особое внимание уделяется «лидирующей» роли США в борьбе с многочисленными «угрозами» ("threats") в Ираке, Корейском полуострове, Советском Союзе, Боснии: "In this decade, America led in defeating Saddam Hussein; encouraging nuclear stability in the Korean Peninsula and in the former Soviet Union; restoring elected leaders to Haiti; negotiating the Dayton Accords; and supporting the peacemakers over the bomb throwers in the Middle East and other strategic regions" [4].

Для русской аудитории соответствующая информация подается в другом «формате», в другом фокусе: "In avoiding such developments, U.S. and Russia interests clearly coincide. We both have a clear stake in stability in Kosovo; in a Middle East transformed by peace; and in a lasting settlement of the dispute over Nagorno-Karabakh. In each of these areas, Russia and the United States have worked together to seek sound solutions" [4]. Очевидно, что интересы России сведены до зоны минимального влияния по сравнению с текстом речи в Гарварде и, что самое главное, заострены на внутрисударственном конфликте, разрешить который также помогло исключительное вмешательство США: "On the diplomatic front, our two governments have been working through the OSCE Minsk Group to find a lasting solution to the very difficult problem of Nagorno-Karabakh. With our help, the leaders have made progress" [4].

Что же предлагается обеим аудиториям в качестве резюмирующего тезиса? Для американской аудитории г. Олбрайт обрисовывает смелые перспективы внешнеполитической деятельности США в условиях нового тысячелетия, предлагая молодежи инкорпорироваться в стремлении к новой американской мечте – "American leadership": "We can act with the same knowledge that in our era, American security and prosperity are linked to economic and political health abroad. And we can recognize, even if

we pay homage to the heroes of history. that we have our own duty to be authors of history” [4]. Пламенная «лозунговость» высказывания, равно как и эксплицитная адресованность к определенной, «своей» аудитории, полностью элиминирована в тексте речи к Академии. Русская аудитория не соответствует призыву быть «творцами истории», поэтому в новую эпоху Россия войдет рука об руку с США при условии выполнения ею условий и требований, предъявленных страной-лидером. “The Russia that chooses to pursue the political solution is the Russia that we hope to work with well into the 21st century. This is a secure Russia with strong political institutions: a rock of stability in Europe and Asia...” [4].

Выводы. Интралингвистическая адаптация текста политической речи г. Олбрайт заключается в том, что высокая степень эксплицитной оценочности и агрессивности выступления перед студентами Гарварда трансформируется в имплицитно заданные оценки в тексте для русской аудитории, а императив прямого воздействия транспонируется в аргументацию внушения объективности информации.

Думается, что опыт интралингвистического и интерлингвистического анализа текстов в кросс-культурном аспекте позволит определить модели и установить приемы формирования прагматической составляющей текстов политического дискурса.

Список литературы

1. Політологічний енциклопедичний словник / Упорядник В.П. Горбунко / За ред. Ю.С. Шемшученка, В.Д. Бабкіна, В.П. Горбатенка. – 2-е вид., доп. і перероб. – К.: Генеза, 2004. – 736с.
2. Психология и психоанализ власти. – В 2т. / Сост. Д.Я. Райгородский – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. – Т.1. – 607с.
3. Jack C. Plano, Milton Greenberg. The American Political Dictionary. Eleventh Edition. – Wardsworth/Thomson learning. – Belmont CA, 2002. – 759p.
4. Политические выступления госсекретаря США Мадлен К. Олбрайт. – <http://www.libfl.ru/win/news/99-03/albright.html>.

Поступила в редакцию 06.04.2006 г.

УДК 81.116.1/116.2

ВОПРОС КАК ВИД РИТОРИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Коновалова Е.А.

Получение строго определенного знания требует разнообразия форм и методов построения вопроса и его структуры. Что такое вопрос? Это некоторая система знаний. Для того чтобы задать вопрос, мы уже должны иметь какое-то представление о предмете вопроса, о том, о чем мы хотим спросить, а это, в свою очередь, подразумевает и некоторый набор ответов, который полностью описывает уровень нашего знания предмета вопроса и область искомого знания, то есть то, о чем мы спрашиваем и на что направлен вопрос.

Вопрос – это своеобразная микротеория, которая одной частью (вопросной) описывает то, что уже было, наше прошлое знание, а второй частью (ответной) охватывает некоторое гипотетическое знание, которое устанавливается характером ответа, набором и количеством альтернатив, а также порядком их выбора, что оказывается не всегда просто и подчиняется определенным правилам [1, с.82-83].

«...Мы или додумываемся сами до решения того или иного вопроса путем определенной работы мысли, или, когда не хотим или не можем сами решить, спрашиваем у людей знающих» [3, с.35].

Поскольку вопросы в целом являются основным механизмом любой дискуссии, то можно сказать, что заранее заданные вопросы являются особым видом аргументации, причем весьма эффективным.

С помощью вопросов можно:

- направить процесс передачи информации в русло, соответствующее нашим планам и пожеланиям;
- перехватить и удержать инициативу в беседе;
- активизировать собеседников, с тем чтобы от монолога перейти к гораздо более целесообразному с точки зрения передачи информации диалогу;
- дать возможность собеседнику проявить себя, показать, что он знает, с тем чтобы он сам предоставил нам нужную информацию [4, с.58-59].

Существует 12 риторических методов, одним из которых является *метод опроса*, основанный на том, что вопросы задаются заранее. Вопросы – «ударный инструмент» любой беседы, а поскольку мы хотим узнать от собеседника преимущественно не то, что он хочет сам нам сообщить, то мы тщательно их продумываем, предусматриваем обстоятельства, при которых мы сможем в определенной последовательности и в нужном темпе задать собеседнику ряд вопросов, которые должны быть краткими и содержательными, но при этом предельно точными и понятными. Следует иметь в виду, что ряд неправильно подобранных вопросов может довести любого собеседника до кипения.

Верно поставленный вопрос позволяет уточнить точку зрения оппонента, получить от него дополнительные сведения, понять его отношение к обсуждаемой проблеме. Удачный ответ укрепляет собственную позицию полемиста.

Актуальность. Необходимым звеном в реализации стратегических задач риторического воздействия и способов передачи информативного тематического пространства выступает вопросно-ответный комплекс, выполняющий в практике риторического общения две важнейшие функции, а именно: при помощи вопросов и ответов: а) производится фиксация и выражение развития знаний о внешнем мире в целом (познавательная функция) и б) осуществляется целенаправленная передача знаний и представлений от одного человека к другому (коммуникативная функция).

Хорошо известно, что теорию риторического воздействия (и как теорию красноречия, и как теорию убеждающей, воздействующей речи) всегда интересовала роль вопросно-ответного комплекса с точки зрения эффективности риторического взаимодействия. При этом обращалось внимание на то, что вопросы обладают сильным активизирующим воздействием на аудиторию, оживляя речь, заостряя внимание слушателей, пробуждая в них чувство инициативы, создавая условия для коллективного размышления. Действительно, роль названного комплекса в риторическом воздействии чрезвычайно велика, ибо, по замечанию историка и философа Р. Коллингвуда, свод знания состоит не из отдельных «предложений», «высказываний», «суждений» или других актов утвердительно мышления и того, что ими утверждается. «Знание состоит из всего этого, вместе взятого, и вопросов, на которые оно дает ответы» [13, с.339].

В риторическом диалоге ведущая роль принадлежит вопросу, так как именно вопрос придает риторическому взаимодействию строгое направление. Благодаря вопросам отдельные речевые действия отвечающего обретают смысл, а оказавшись за рамками вопросов (в случае ответов невпопад, например), они его теряют. С помощью вопроса выражается стремление к устранению сомнения, колебания, неопределенности в знании и получению нового, более полного и точного знания, а также стремление к более отчетливому пониманию некоторого положения дел, целевых устремлений или мыслей собеседника.

Вопросительные риторические действия фиксируют различного рода потребности, которые возникают в ходе риторического взаимодействия по различному поводу, и их постановка связана с различными трудностями и противоречиями в актах риторического взаимодействия.

Достаточно большая группа вопросительных предложений практически не содержит в себе значения вопроса. К этой группе относятся прежде всего так называемые риторические вопросы (также: риторические вопросительные предложения/высказывания/ суждения), которые обладают всеми признаками вопросительных предложений, но совершенно не содержат побуждения к ответу, а выражают обыкновенные суждения. Например, в риторическом вопросительном предложении «И какой он руководитель?» содержится утверждение, что человек, о котором идет речь, либо вообще не является руководителем, либо же, по оценке говорящего, является плохим руководителем, но вовсе не вопрос.

В общем виде логическую структуру вопроса можно представить таким образом: а) в нем обозначено представление, хотя и весьма неопределенное, искомого или «запрашиваемого»; б) в нем имеется некоторое знание в виде предпосылок; в) в нем содержится требование перехода от незнания (непонимания) к знанию (пониманию), от данного к искомому.

Постановка проблемы. Существует возможность классифицировать вопросы по различным основаниям. Так, например, по степени выраженности в речевых конструкциях вопросы могут быть явными (эксплицитными) или скрытыми

(имплицитными). Явный вопрос выражается полностью в языковой форме вместе со своими предпосылками и требованием установить неизвестное. Скрытый вопрос выражается лишь своими предпосылками, а требование устранить неизвестное восстанавливается после осмысления предпосылок вопроса. Например, услышав от инициатора фразу: «Только 25 апреля 2001 г. заканчивается действие контракта по выпуску фирменной продукции. Однако Ваша рабочая группа уже сегодня начнет готовить новый контракт», – адресат не обнаружит в ней явно сформулированных вопросов. Но при осмыслении полученной информации у адресата невольно возникает желание спросить: «Почему именно данная рабочая группа начинает подготовку к новому контракту и почему немедленно?». Более того, могут возникнуть и другие вопросы, особенно если адресату известно, что подготовкой контрактов занимается специальный отдел. Таким образом, очевидно, что упакованная в определенной языковой форме информация содержит скрытые вопросы.

В структурно-манифестационном (конструктивном) плане вопросы подразделяются на простые и сложные. В противоположность сложному вопросу простой не может быть расчленен на элементарные вопросы. Как правило, любой сложный вопрос образуется из простых с помощью союзов «и», «или», «если, то» и др. Например: «Между какими фирмами было заключено соглашение о поставке автомобилей на отечественный рынок и к каким последствиям оно привело?». Попутно заметим, что прежде чем отвечать на сложный вопрос, целесообразно разбить его на простые вопросы.

При декодировании сложных вопросов важно иметь в виду, что смысл союзов, образующих сложные вопросы, не тождествен смысл соответствующих союзов, например, в логике высказываний, где они выступают в роли функторов, образующих сложные истинные или ложные высказывания из простых истинных или ложных высказываний [21]. А вопросы сами по себе не бывают истинными или ложными, как как они могут быть правильно или неправильно поставленными. Иначе говоря, вопросы могут быть только корректными или некорректными.

Среди простых вопросов различают также открытые и закрытые вопросы. Открытые вопросы не связывают отвечающего адресата строгими рамками и позволяют дать ответы в (любой) свободной и непринужденной форме. Однако в силу такой «свободы» ответа указанная разновидность вопросов нередко обладает неоднозначным смыслом. Примерами открытых вопросов являются обычные вопросы в экзаменационных билетах. В частности, к такому же типу относятся и вопросы: «Что вы можете сказать о выполнении плана на Вашем участке?»; «В чем секрет производительности труда Ваших соседей?».

При постановке открытых вопросов в процессе риторического взаимодействия следует учитывать тот факт, что они, как правило, характеризуются значительной неопределенностью в своих требованиях к структуре и содержанию ответов и предоставляют отвечающему адресату возможности для риторического «маневра», дополнения изложенного материала новой информацией.

Закрытый вопрос, напротив, строго лимитирует отвечающего адресата, ставит его в жесткие условия информационного и тематического пространства и требует точного, определенного ответа в виде одного-единственного повествовательного (утвердительного) предложения/высказывания. Такая специфика постановки закрытых вопросов достигается путем четкого указания со стороны инициатора на категорию (множество), к которой принадлежит ответ (искомый «объект», предмет), и поэтому хотя бы в общих чертах уже известно, что требует инициатор, ставя такого рода вопросы.

По способу запроса неизвестного выделяются также два основных вида вопросов. Для вопросов первого вида (их часто называют еще вопросами к решению) характерно то, что подтверждающий ответ или его отрицание является элементом структуры самого вопроса. И с точки зрения композиционно-манifestационного оформления самой вопросительной конструкции они находятся непосредственно под вопросительным знаком. Постановка таких вопросов уже сама по себе исчерпывает совокупность всех возможностей, среди которых и следует искать ответ. Так, например, постановка вопроса «Поступил ли новый заказ на выпуск фирменной продукции?» предполагает лишь две возможности ответов – либо «да», либо «нет». Попутно следует заметить, что вопросы подобного рода называются дихотомическими. Необходимо, однако, признать, что в ряде других случаев таких возможностей для ответов может быть и больше, как, например, при постановке вопроса «Вы пойдете в отпуск зимой, весной или летом?».

Вопросы второго вида (так называемые «вопросы к дополнению») характеризуются тем, что в них намечена лишь только схема ответа, которая именуется основой вопроса. Но основу вопроса не следует смешивать с логической предпосылкой вопроса. Специфика конструктивного оформления самих вопросительных фраз такова, что в нем возможные ответы не содержатся непосредственно под вопросительным знаком, и поэтому точно неизвестно, сколько таких ответов может быть вообще. Рассмотрим, например, следующие вопросительные конструкции: «Кто является президентом России?» и «Как возводится в квадрат сумма двух чисел?». В основе первого вопроса лежит повествовательная схема утверждения, что «X является президентом России», а в основе второго вопроса также заложена повествовательная схема утверждения, что «Сумма двух чисел возводится в квадрат способом X». Механизм превращения основы вопроса в ответ достаточно прост: основа вопроса превращается в ответ только при подстановке вместо переменной X, называемой неизвестной компонентой вопроса, имен (простых и сложных), обозначающих предметы в соответствующей предметной области, которые указаны на схеме утверждения. Эта предметная область называется областью неизвестной составляющей вопроса. В разговорном языке она выделяется вопросительными словами или частицами. Граница области неизвестной составляющей является границей вопроса, отделяющего его от других вопросов.

Поэтому тот, кто ставит вопрос второго вида, всегда должен быть готовым – в соответствии с требованиями адресата – к его коррекции. Во многих случаях такая операция возможна на основе разбиения вопроса второго вида на соответствующие вопросы первого вида. Так, полученный от инициатора вопрос «Какие из областных фирм участвуют в реализации проекта по начальному профессиональному образованию?» адресат может уточнить, заменив его определенной цепочкой простых вопросов, типа: «Некоммерческое образовательное учреждение ТИЭМ принимает участие в реализации проекта по начальному профессиональному образованию?»; «Государственное образовательное учреждение ТГСХА принимает участие в реализации проекта по начальному профессиональному образованию?» и т.д., перечисляя все известные образовательные и другие учреждения.

В количественном плане можно различать общие и частные вопросы. Например, вопрос о закономерностях экономического развития отдельного района является частным по отношению к вопросу о закономерностях экономического развития страны или мира. При этом уяснение общего вопроса всегда необходимо для рассмотрения частного вопроса, потому что решение частных вопросов возможно только на фоне решения общих вопросов.

По отношению к цели риторического взаимодействия и воздействия вопросы могут быть подразделены на узловые (тематические) и наводящие. Вопрос является узловым, если верный ответ на него служит непосредственно раскрытию темы риторического общения. Наводящим является вопрос, если верный ответ на него каким-то образом подготавливает или приближает собеседников к пониманию узлового вопроса, которое, в свою очередь, зависит от освещения наводящих вопросов. Однако важно иметь в виду, что четкой границы между узловыми и наводящими вопросами нет.

Названные виды вопросов широко используются в практике риторического воздействия, особенно в условиях подготовки к публичному выступлению, к докладам на планерках и заседаниях, научно-технических и производственных советах, а также при изложении материала в ходе личных и деловых бесед при убеждении, аргументации или побуждении.

Прямые ответы в виде различного множества повествовательных высказываний получают из основы вопроса путем подстановки вместо переменной *X* имен из области неизвестной составляющей вопроса. Сообщая свою основу и выделяя область своей неизвестной составляющей, вопрос таким образом уже сам определяет класс прямых ответов. Например, на вопрос «Кто из семи нынешних представителей президента в федеральных округах был председателем правительства России?» можно дать прямые ответы, подставляя вместо неизвестной составляющей в основу «*X* из семи нынешних представителей президента в федеральных округах был председателем правительства России» ряд имен: Виктор Казанцев, Сергей Кириенко и др. При этом прямой ответ с определенным именем не является обязательно истинным, так как только один из названных семи будет соответствовать сути вопроса.

Косвенные ответы определяются как ответы, не являющиеся прямыми, но связанные с ними некоторым логическим отношением по истинности. Например, на вопрос «Есть ли жизнь на планете Венера?» можно ответить: «Температура атмосферы этой планеты равна приблизительно 485 °С, а при такой температуре все живое гибнет». Этот ответ будет косвенным. Он, как и схема его построения, т.е. его основа, не содержится под вопросительным знаком, однако из него логически следует прямой ответ: «На Венере нет жизни» [6, с.214]. По сравнению с прямым, косвенный ответ нередко содержит дополнительные сведения и потому используется для всестороннего рассмотрения вопроса.

Полные ответы представляют собой ответы, которые без остатка устраняют сообщаемую вопросом неопределенность и делают неизвестное известным. В качестве такового может функционировать всякий прямой ответ, а также всякое непротиворечивое утверждение, из которого следует прямой ответ. Истинный полный ответ можно называть **исчерпывающим** ответом. Следовательно, всякий исчерпывающий ответ является полным, но не наоборот.

Частичные ответы являются такими ответами, которые только в некоторой степени устраняют сообщаемую вопросом неопределенность и приближают превращение неизвестного в известное. В качестве частичного ответа может выступать всякое утверждение, вытекающее в качестве следствия из прямого ответа на основе принятых положений, но не наоборот. Так, ответы «Казанцев или Кириенко были председателем правительства России» и «Кто-то из полномочных представителей президента России был председателем правительства России» являются частичными ответами. Каждый из них следует из прямого ответа «Кириенко являлся председателем правительства России».

Частичный ответ может быть ценным в том отношении, что с его помощью нахождение нужной информации ограничивается более узким кругом вариантов.

Множество прямых и косвенных ответов составляет группу подходящих ответов. **Подходящие ответы** не соответствуют основе вопроса или области его неизвестной составляющей. Например, неподходящими ответами являются ответы «Юрий Лужков был президентом России», «Евгений Примаков был президентом России» на вопрос «Кто из известных политиков нынешней России был президентом?», поскольку они не входят в область его неизвестной составляющей. Неподходящим также будет и ответ «Лондон является центром Англии» на вопрос: «Какой город является столицей Англии?», так как он не соответствует основе вопроса «город X является столицей Англии». Неподходящий ответ не отвечает на данный вопрос или не отвечает ни на один из поставленных вопросов вообще, поэтому такие ответы, по выражению М.М. Бахтина [4, с. 350], лишены для нас смысла, ибо они ни на что не отвечают. А «то, что ни на что не отвечает и лишено смысла» в риторическом взаимодействии может служить лишь орудием разрушения вопросно-ответных единств, и в результате такого разрушения исчезает взаимопонимание между участниками риторического общения.

Закрытые вопросы – это вопросы, на которые ожидается ответ «да» или «нет». Они ведут к созданию напряженной атмосферы в беседе, поскольку резко сужают «пространство для маневра» у собеседника. Поэтому такие вопросы следует применять со строго определенной целью. Как правило, такие вопросы побуждают партнера по риторическому взаимодействию мыслить в одном, установленном инициатором направлении, и нацелены непосредственно на принятие определенного решения.

В этом плане наиболее эффективными с точки зрения риторического воздействия являются так называемые двойные закрытые вопросы, например: «Следует ли назначить заседание совета трудового коллектива уже на эту неделю или перенесем его на следующую?». Такая форма вопроса предлагает собеседнику и третью возможность ответа, которая может привести к длительной отсрочке заседания.

Открытые вопросы – это вопросы, на которые нельзя ответить только «да» или только «нет», потому что они требуют определенного объяснения (определенной информации) от адресата. Этот тип вопросов начинается со слов «что», «кто», «как», «сколько», «почему», например: «Каково Ваше мнение по данному вопросу?»; «Каким образом Вы пришли к такому выводу?»; «Сколько еще правил нужно принять в рамках новой налоговой системы?»

С помощью вопросов такого типа партнеры вступают в риторическое общение, причем упор делается на монологическую речь собеседника. В этом случае техника постановки подобных вопросов имеет ярко выраженную прагматическую направленность. Во-первых, конкретная цель передачи информации здесь не так строго реализуется, как, например, в закрытых вопросах, поскольку собеседнику дается возможность для маневрирования и подготовки к принятию всевозможных решений. Во-вторых, тем самым создается «искусственное» положение в диалоге, когда инициатор имплицитно отдает стратегическую инициативу адресату, желая подробнее узнать его мнение (квалификацию, уровень знаний и т.д.). В-третьих, усиливается риторический эффект от постановки открытых вопросов хотя бы уже потому, что задающий вопрос располагает временем узнать больше о своем собеседнике: вспомним известное изречение Бальтасара Грасиана – «Говори, чтобы я узнал, кто ты».

Типология вопросов Мишча П.	Типология вопросов Бороздиной Г.В.	Типология вопросов Аверьянова Л.Я.
Открытые		Фактологические
Закрытые		Мотивационные
Риторические		Прямые
Переломные		Ситуационные (ситуативные)
Вопросы для обдумывания		Образные: <i>вопросы в картинках</i>
-	Корректные	Вопросы-суждения
-	Некорректные	Вспомогательные: <i>контактные</i> <i>подготовительные</i> <i>буферные</i> <i>контрольные</i> <i>(вопросы-фильтры)</i>
-	Нейтральные	Дихотомические (с двумя альтернативами)
-	Благожелательные	Вопросы с полным и неполным делением
-	Неблагожелательные <i>(враждебные,</i> <i>провокационные)</i>	-
-	Острые	-

Использование в риторическом воздействии названных вопросов приводит к определенной системе проявлений коммуникативного эффекта, в которой риторическая суггестия манифестируется следующим образом:

- собеседник должен тактически обдумывать свои ответные шаги и выбирать их правильное языковое (конструктивное) оформление, т.е. постановка открытого вопроса «стимулирует» речевую активность собеседника;
- говорящий посылает своему партнеру сигнал о том, что они должны переходить к более высокой ступени риторической беседы, т.е. к обмену мнениями, а не замыкаться на монологических (отдельных) высказываниях;
- собеседник имеет возможность без подготовки, по своему усмотрению выбирать, какие данные, информация и аргументы уместны в данном конкретном случае и когда их представить для более успешного (или просто успешного) коммуникативного вклада в развитие сценария риторического общения;
- инициатор непосредственно обращается к собеседнику, что способствует устранению барьеров, тем самым открытый вопрос является определенным тактическим приемом, при помощи которого можно вывести собеседника из состояния замкнутости и сдержанности;

ВОПРОС КАК ВИД РИТОРИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

- собеседник, и это самое главное, становится для всех участников риторического взаимодействия источником идей и предложений по дальнейшему развитию кооперативности и сотрудничества в реализации коммуникативной цели общения.

Почвой для этих вопросов является позитивная или нейтральная позиция собеседника по отношению к инициатору риторического воздействия, а также готовность передать информацию или поделиться ею в нужный момент общения. При этом не следует забывать, что в этой ситуации неизбежно теряется стратегическая – да и коммуникативная тоже – инициатива, а также может оборваться последовательность развития темы, так как беседа может повернуть только в русло интересов и проблем вашего собеседника. Основная опасность широкого использования техники открытых вопросов заключается в том, что не только инициатор риторического воздействия, но и его собеседник могут вообще потерять контроль за ходом беседы.

Принцип понятийного деления позволяет сгруппировать вопросы по двум типам, а именно с **неполным и полным делением**. Первый тип означает, что набор альтернатив, предлагаемый респонденту, не исчерпывает всего понятийного содержания вопроса. Во втором, наоборот, набор альтернатив полностью его исчерпывает. Каждый из них имеет свои правила построения и особенности использования.

Типология Романова А.А., Ходырева А.А.		
Основание классификации	Виды вопросов	
По степени выраженности в речевых конструкциях	явные (эксплицитные)	скрытые (имплицитные)
В структурно-манифестационном (конструктивном) плане	простые: <i>открытые</i> <i>закрытые</i>	сложные
По способу запроса неизвестного	«вопросы к решению» (дихотомические)	«вопросы к дополнению»
В количественном плане	общие	частные
По отношению к цели риторического взаимодействия и воздействия	узловые (тематические)	наводящие
По характеру риторического воздействия	творческие: <i>вопросы-задачи</i> <i>вопросы-проблемы</i>	нетворческие

Выводы. Итак, риторические вопросительные и ответные действия представляют собой две противоположности единого целого: вопрос есть инициированное «обращение» в форме речевого действия, требующее ответа, а ответ, в свою очередь, есть речевое риторическое действие в форме высказываний или суждений, вызванное вопросом. Поэтому риторическое взаимодействие можно представить как своеобразный ритм вопросов и ответов.

Список литературы

1. Аверьянов Л.Я. Искусство задавать вопросы. – М., 1987.
2. Акляринский Б.С. Общение и его проблемы. – М.: Знание, 1992.
3. Баева О.А. Ораторское искусство и деловое общение. – Минск, 2001.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
5. Берков В.Ф. Взаимодействие лектора и слушателей. – М., 1986.
6. Берков В.Ф., Яскевич Я.С. и др. Логические основы общения. – М.: Наука, 1994.
7. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М., 1988.
8. Бороздина Г.В. Психология делового общения. – М., 1999.
9. Жуков Ю.М. и др. Диагностика и развитие компетентности в общении. – М., 1990.
10. Жуков Ю.М. Эффективность делового общения. – М., 1988.
11. Кабаченко Г.С. Методы психологического воздействия. – М., 2000.
12. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. Учебное пособие для ун-тов и ин-тов. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
13. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
14. Лебедева М.М. Уметь вести переговоры. – М., 1991.
15. Маслова О.М. Познавательные возможности открытых и закрытых вопросов // Социологические исследования. – 1984. – №2.
16. Мишич, Предраг Г. Как проводить деловые беседы. – М., 1983.
17. Пешковский А.М. Вопрос о «вопросах» // Избранные труды. – М., 1959.
18. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956.
19. Психологические исследования общения / АН СССР, Ин-т психологи. – М., 1985.
20. Психологический словарь / Под ред. В.В.Давылова, А.В.Занорожца и др. – М.: Педагогика, 1983.
21. Психология в управлении / [И.П.Волков]. – Л., 1983.
22. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. Учебник. – М., 2001.
23. Тренев Н.Н. Управление конфликтами. – М., 1999.

Поступила в редакцию 30.03.2006 г.

УДК 81'373.21

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА *СТОЛИЦА* В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Кудрявцева Н.Г.

Одним из *актуальных* направлений современного языкознания является исследование концептов в лингвокультурологической парадигме. Исследователи-лингвокультурологи (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.А. Маслова, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Н.А. Красавский) относят к числу концептов семантические образования с лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры.

Основной единицей, вмещающей в себя язык и культуру в их взаимопроникновении, является культурный концепт. При этом концепт, будучи фактом культуры, представляет собой многомерное образование, «включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики, и все они должны быть учтены при описании концепта» [7, с.46]. Таким образом, для концепта представляется значимым то ассоциативное поле, с которым он связан. Поэтому наряду с другими важнейшими процедурами исследования выявление ассоциативных комплексов можно рассматривать как одну из основных задач описания концепта.

Цель статьи – построение ассоциативного поля культурного концепта *столица* на основании данных, полученных в результате проведения ассоциативного эксперимента.

Задачи предпринимаемого лингвокультурологического исследования: 1. Выявление структурно-семантических признаков ядра концепта Столица методом сопоставления данных из лексикографических источников с ассоциативными реакциями на слово-стимул. 2. Анализ ассоциаций, входящих в периферийную зону ассоциативного поля концепта. 3. Определение характера границ ядра и периферии.

По мнению В.Н. Манакина, концепты «составляют часть когнитивной памяти слов, связывают смысловые характеристики словесного знака с системой традиций и духовных ценностей народа» [5, с.27]. Следует отметить, что концептуальная структура, репрезентантом которой является слово, не остается неизменной, а усложняется с течением времени, подвергаясь ряду преобразований. В истории ключевых слов культуры, как утверждает Е.С. Кубрякова, «может наступить момент, когда их интенционалы сохраняются в относительно стабильном виде, экстенционалы же слов получают новое развитие и, связывая новый опыт со старым, начинают свою собственную жизнь в новых парадигмах знания» [4, с.85].

Известно, что мир слов соответствует миру мыслей, а в мире мыслей действует закон ассоциаций, поэтому слово является единицей, действующей по законам не только

лингвистическим, но и психическим. Следует отметить, что понятие ассоциации было знакомо Платону и Аристотелю еще в IV веке до н.э. Сам термин «ассоциация» (связь между отдельными психическими феноменами, а также между ними и явлениями (предметами) внешнего мира) был впервые употреблен Дж. Локком в его трактате «Опыт о человеческом разумении» (1698 г.) и пришел в лингвистику из психологии.

Поскольку концепт не только мыслится, но и переживается, то ценным представляется нам определение ассоциации Д.Н. Узнадзе, который считает, что ассоциация возникает в сознании человека на основе «связи между переживаниями, проявляющейся в том, что одно может вызвать другое» [15, с.241]. Таким образом, восприятие и представление вызывают лишь такое другое представление, которое с ними как-то связано.

В центре внимания авторов языковых исследований оказываются вербально выраженные ментальные понятия, находящиеся в отношении ассоциативных связей друг с другом и образующие *ассоциативные поля*. Внутри таких полей происходит объединение слов-ассоциатов (реакций) вокруг слова-стимула, благодаря чему последний расширяет свое значение. Необходимо отметить, что состав и количество ассоциативных реакций варьируется в зависимости от личности информанта. Естественно, что ассоциативное поле у каждого человека индивидуально как по составу наименований, так и по силе связей между ними.

На характер ассоциаций, по наблюдению В.П. Белянина, влияют возраст, географические условия, профессия человека [1, с.81]. В психолингвистических исследованиях А.А. Залевской обращается внимание также на зависимость ассоциаций от культурно-исторических традиций той или иной страны [2, с.49]. Поэтому ассоциации отражают различные аспекты народной культуры испытуемого и текстовые реминисценции. Большая часть ассоциаций обусловлена речевыми штампами и клише, свойственными данной культуре. Актуализация той или иной связи в ответе не случайна и может зависеть даже от конкретной ситуации. Но принадлежность к одному народу, одной культуре позволяет выделить стабильный центр ассоциативного поля и определить некоторые регулярные связи внутри него.

На *универсальный* характер ассоциаций обращает внимание В.Н. Телия. Как утверждает исследователь, при вербальном мышлении ассоциации имеют языково-мыслительную природу, которая может актуализировать «ассоциации, соответствующие энциклопедическим знаниям о мире, или ассоциации сугубо слуховые (фонетические), или же собственно вербальные, отвечающие языковой компетенции (на всех уровнях языка)» [14, с.288].

Таким образом, чтобы понять, как изменилось соотношение интенционала и экстенционала интересующего нас слова *Столица* в сознании носителя русского языка, нужно определить, какие компоненты концептуальной структуры, репрезентируемой этим словом, сохранились без изменения и что нового с течением времени проникло в эту структуру. Чтобы установить наполняемость ассоциативного ряда со значением «столица», нами проводился в письменной форме психолингвистический эксперимент, основанный на методе свободных ассоциаций.

Методика проведения свободного ассоциативного эксперимента предполагает предъявление респондентам слова-стимула, на который они должны ответить любой словесной реакцией, приходящей им в голову. В качестве слова-стимула информантам предлагалось многозначное существительное «столица». Данные эксперимента

позволили выявить все связи, активизирующиеся в сознании (памяти) говорящего в ответ на стимул «столица», то есть соответствующий фрагмент картины мира.

В задании испытуемым предлагалось написать первые пришедшие в голову слова на этот стимул, то есть выразить свое представление о столице вербально. Время ответа ограничивалось 3 минутами, количество реакций не ограничивалось. В эксперименте приняли участие 185 человек. В результате было получено 908 ответов-реакций.

Анализ показал, что динамика, изменение значимости, мотивированности определенных понятий для личности связаны с различными периодами ее развития. Поэтому при интерпретации результатов эксперимента нами учитывался возраст информантов. Известно, что психологи различают 8 периодов, или эпох, жизненного пути личности: три эпохи детства (раннее детство (0-3 года), детство (3-12 лет), подростничество (12-17 лет, в том числе старший подростковый возраст – 15-17 лет). Пять эпох взрослости: юность (18-23 лет), молодость (24-30 лет), расцвет (31-40 лет), зрелость (40-55 лет), старость (40-55 лет) [8, с.46].

Мы исходили из того, что одно и то же понятие, разное по значимости и мотивированности для разных возрастных и социальных групп, будет представлено по-разному в их языковой картине мира. В нашем эксперименте приняли участие информанты следующих возрастных эпох: молодость, расцвет, зрелость, старость. Количество информантов в возрасте от 17 до 23 лет является доминирующим в нашем эксперименте (всего 110 респондентов), так как именно в этот период становление языковой личности в основном завершается. Анализ ассоциаций испытуемых позволяет прогнозировать развитие языкового сознания современного общества на ближайшие 10-20 лет.

В ходе анализа полученных ассоциативных реакций мы учитывали также единичные ответы. Поскольку одиночная реакция, по мнению С.В. Мартинек, «эксплицирует одно из допустимых значений объемного признака, образующего слот соответствующего фрейма, сформировавшийся на основе отражения в сознании говорящего определенного фрагмента действительности» [6, с.344]. Из этого следует, что одиночные реакции эксплицируют значения некоторого слота и нет оснований говорить об их «ненормативности», поэтому единичным ответам необходимо уделять внимания не меньше, чем частотным.

При интерпретации результатов рассматривалась также и оценка реципиентом культурного феномена «столица», так как в памяти человека хранятся не только способы оптимального осуществления деятельности, но и ее оценки. Эмоциональное отношение к тому или иному объекту действительности является ценным и значимым для исследования культурного концепта. Как считает Р.М. Фрумкина, ассоциативная связь определяется культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе чувственным опытом, в котором мы не отдаем себе отчета [16]. Важной представляется нам мысль о *неосознанной* оценке респондентом явления действительности, так как при изучении ассоциации в ассоциативном эксперименте исследователь апеллирует к глубинному слою психики человека.

Рассмотрим результаты нашего эксперимента. Исходя из правил свободного ассоциативного эксперимента, анализировались первые 7 слов-реакций. Анализ полученных ответов показал целесообразность поэтапной интерпретации данных.

Так, на *I этапе* была составлена общая карта ассоциаций на слово-стимул. Совокупность ассоциаций, полученных в ходе анкетирования, представлена следующим

образом: **Столица** – город (91); Киев (84); Москва (80); Симферополь (79); центр (58); большой город (36); шум (30); метро (29); мегаполис (26); каштаны (23); вокзал (21); огни (17); много людей, Крещатик (14); экономический и культурный центр страны (13); движение, красивый город (12); главный город, цирк, суета (11); большая (9); государство, Кремль, Майдан независимости, негостеприимная (8); сердце страны, президент, многочисленное население (7); правительство, Париж, огромное количество машин, Крым, достопримечательности, грязь, Родина (6); туристы, церкви, деньги (5); Украина, Красная площадь, огромная, красивая, зеленый город, ВДНХ, Дорогая моя столица, золотая моя Москва!, развитая индустрия, власть государства, банки (4); парк имени Ю.Гагарина, дом, лицо нашей Родины и нации, Оранжевая революция, работа, центр области, района, столичный город, политическая арена (3); пересечение различных культур, соборы, муравейник, киевский торт, загазованный воздух, водка, Андреевский спуск, коррупция (2); Бахчисарай, Салгир, Богдан Хмельницкий, временная столица, «Южная столица», всегда в сердце, Золотые ворота, древность, княгиня Ольга, мозг, туман, одна, образец, пчела, Петербург, Питер, Увидеть Париж и умереть, Як тебе не любити, Києве мій!, столичные ведомости, столичные новости. Девушка едет в столицу, девушка едет учиться, стол, суматоха, Анкара, посольства, Третьяковская галерея, Софийский собор, Владимирский собор, Владимирская горка, сливки общества, киностудия им. Довженко, казино, город ста лиц, куранты, златоглавая, выставка автомобилей, энергия (1). **Всего:** 908 реакций.

На II этапе анализа сопоставлялись данные из лексикографических источников с ассоциативными реакциями на слово-стимул «столица».

Концепт, репрезентируемый в языке словом *Столица*, в лексикографических источниках представлен следующими актуальными для нашего времени значениями: 1. Главный город, административно-политический центр государства [9; 12]. 2. О каком-либо городе, селе как центре какой-либо области, края, местности [13]. 3. О каком-либо городе как центре, месте сосредоточения кого-, чего-либо [9; 12].

На основании анализа словарных статей можно выделить семантические компоненты, которые составляют смысловое ядро исследуемого концепта: *главный город, место пребывания правительства, центр чего-либо*.

По данным эксперимента, ядро концепта *Столица* представлено следующими (наиболее частотными) ассоциативными реакциями: *город (91), Киев (84), Москва (80), Симферополь (79), центр (58), большой город (36), шум (30)*.

Сопоставив данные лексикографических источников с данными проведенного эксперимента, отметим актуализацию в сознании информантов семантического компонента *город*. Что можно объяснить взаимосвязью феноменов *Столица* и *Город*, основанной на отношении взаимопротивопоставленности к феноменам *село, деревня*. Ассоциативная цепочка получает вид: (столица ↔ город) ≠ деревня, село.

Семантический компонент *главный (город)* отметили только 11 респондентов, что говорит о значительном снижении актуальности этого словарного значения для анкетируемых. Интерес представляет ассоциативный ряд с доминирующим компонентом *город*: город – большой город – мегаполис. Значение ассоциации *большой город* сводится к пространственной характеристике и представляет собой бинарную оппозицию к значению «маленький», что подтверждает мнение ученых о бинарном восприятии окружающей действительности, характерном для русской языковой картины мира.

Тяготеет к ядру ассоциация *мегаполис*, преобладающая в анкетах информантов возрастной группы от 18 до 23 лет. Данная лексема в русском языке имеет два значения: 1. Гигантский город, образовавшийся в результате роста и фактического слияния многих городов и населенных пунктов [11]. 2. Город с многомиллионным населением [9]. Отметим, что реакция мегаполис следует в анкетах после ассоциации Москва, поэтому наличие слова *мегаполис* в этом ассоциативном ряду вполне закономерно, так как включает в семантику компонент «история города и его современные признаки».

Семантический компонент «место пребывания правительства» представлен в анкетах информантов следующими ассоциациями: *президент (7)*, *правительство (6)*, *власть государства (4)*. Таким образом, большинство реципиентов не связывает представление о столице с местом пребывания правительства.

Семантический компонент «центр» занимает пятое место в ряду ассоциативных реакций и остается по-прежнему актуальным в сознании информантов, получая развитие в ассоциациях: *экономический и культурный центр страны*, *«сердце страны»*.

Таким образом, смысловое ядро концепта *Столица*, по данным эксперимента, представлено следующими семантическими признаками: *город*, *крупный населенный пункт (=большой)*, *центр чего-либо*.

Среди наиболее частотных ассоциативных реакций названия столиц: *Киев*, *Москва*, *Симферополь*. Особенность ассоциативного ряда, следующего за именем собственным, заключается в том, что все ассоциации, возникающие после имени собственного, являются реакциями, связанными с представлением об этом феномене. Таким образом, слово-реакция, выраженная именем собственным, является «сильным» центром, объединяющим последующие ассоциации-характеристики. Показателен тот факт, что ассоциативное значение по-разному представлено у слов разных разрядов. Как утверждает Л.А. Климкова, у собственного имени это «часть энциклопедического значения, энциклопедической информации, содержащаяся в памяти носителя языка» [3, с.46]. Такого рода информация обусловлена социальным, объективным и субъективным опытом. Слова-реакции, следующие за именем собственным, отражают уровень общего интеллектуального развития, культуры, кругозора, эрудиции реципиента.

Результаты проведенного эксперимента показали, что ассоциативное макрополе *Столица* в сознании информантов представлено также фрагментами микрополей: «*Киев*», «*Москва*», «*Симферополь*». В состав ассоциативных микрополей входят, с одной стороны, общие ядерные ассоциации, а с другой – специфические.

Наиболее частотные ассоциации, связанные с *Киевом*, следующие: *капитаны (23)*, *Крещатик (14)*, *Майдан независимости (8)*, *Украина (4)*. Дальнейшее развитие эти ассоциации получают в ассоциативных рядах: *капитаны – зеленый город*, *Крещатик – Майдан независимости – Оранжевая революция*.

Ядро ассоциативного микрополя «*Москва*» представлено словами-ассоциатами: *мегаполис (26)*, *большая (9)*, *Кремль (8)*, *негостеприимная (8)*, *Красная площадь (4)*. Среди перечисленных реакций выделяются подчеркивающие пространственную характеристику города, а также эмоционально-оценочные, характеризующие столицу с негативной точки зрения. Ассоциаты *Кремль* и *Красная площадь* можно рассматривать как символы России, поскольку они отражают огромный пласт истории и культуры не только города, но и всего государства.

Фрагмент ассоциативного микрополя «*Симферополь*» включает в себя следующие реакции: *Крым (6)*, *парк имени Ю. Гагарина (3)*, *Салгир (1)*, *пчела (1)*.

Специфические слова-реакции, характеризующие рассматриваемые ассоциативные микрополя, представлены в основном единичными реакциями, что свидетельствует об их индивидуальности. В таких ассоциациях совмещены как личный перцептивный опыт каждого человека, оценка им феномена окружающей действительности, так и стереотипы.

Рассмотрим подробнее периферию ассоциативного поля «Киев», вербализованного следующими реакциями: *Андреевский спуск, Богдан Хмельницкий, Золотые ворота, княгиня Ольга, «Як тебе не любити, Кисве мій!»*, киностудия имени А. Довженко, *Софийский собор, Владимирский собор* и др. В этом случае мы можем говорить не только о степени важности той или иной единицы, но и о степени ее известности за пределами города. Наличие реакции *«Як тебе не любити, Кисве мій!»* восходит к прецедентному тексту (строки песни).

Периферия ассоциативного поля «Москва» включает себя такие ассоциаты: *ВДНХ, огромная, красивая, «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!»*, *древность, мозг, Третьяковская галерея, куранты, златоглавая*. Среди перечисленных ассоциаций есть стереотипы (*мозг – образование*), прецедентный текст (строки из известной песни «Моя Москва!»).

На III этапе анализа нами были рассмотрены вербализованные индивидуальные образы в соответствии с видами восприятия. Такого рода образы отражают личный опыт информанта и свидетельствуют об организации его внутреннего мира. Л.В. Сахарный отмечает, что зрительные, слуховые, обонятельные и другие образы демонстрируют «глубинные ассоциативные связи, которых в языке намного больше, чем центральных, и которые оказываются весьма ценными и существенными для изучения закономерностей языка» [10, с.95].

В результате эксперимента были получены индивидуальные зрительные образы, из которых самыми частотными являются: *каштаны (23), огни (17), грязь (6)*. Следует отметить, что количество зрительных образов доминирует над другими образами.

Чувственные ассоциации, связанные в сознании реципиентов с образом столицы, единичны: *дом (3), всегда в сердце (1)*. Обонятельный образ зафиксирован ассоциативной реакцией *«загазованный воздух» (2)*, что связано с наличием в столице огромного количества разного рода транспорта. Среди реакций отмечены также вкусовые образы: *водка (2), Киевский торт (2)*; слуховой образ представлен словом *шум (30)*.

Таким образом, преобладание зрительных реакций над другими ассоциатами обусловлено особенностью восприятия человеком образа города, столицы как некой «картинки», «фотографии».

Выводы. Итак, результаты проведенного нами психолингвистического эксперимента позволяют говорить о своеобразии функционирования ассоциативного поля «Столица» в сознании русской языковой личности. В целом ассоциативное поле культурного концепта Столица может быть рассмотрено как макрополе, включающее в свой состав микрополя, образуемые вокруг имен собственных.

Структура описанного ассоциативного поля включает в себя ядро и периферию, границы между которыми подвижны. Анализ слов-реакций, образующих ядерную и периферийную зону макрополя *Столица*, показал, что интенционал концептуальной структуры остается относительно стабильным на протяжении времени, за исключением значения «место пребывания правительства». Экстенционал получает развитие в единичных реакциях, которые требуют дальнейшего исследования и описания.

Список литературы

1. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – Изд-е 2. – М.:ЧеРо. 2000. – 128 с.
2. Залевская А.А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977. – С.49-50.
3. Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки. – 1991. – №1. – С.45-54.
4. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С.85-91.
5. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання. 2004. – 326 с.
6. Мартинек С.В. Концепт «Красный» в сознании носителей русского и английского языков (по материалам ассоциативных экспериментов) // Науковий щорічний журнал „Мова і культура”. – Вип. 6. – Т. III. Ч. 1. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго. 2003. – С. 341-350.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А.Маслова. – Мн.:ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
8. Моргунов В.Ф., Ткачева Н.Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии. – М., 1981.
9. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. – 4-е изд. доп. – М.:Азбуковник. 1999.
10. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 181с.
11. Словарь иностранных слов. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1988.
12. Словарь современного русского литературного языка. – Г.З: Г-Е. – М.-Л., 1954.
13. Солганик Г.Я. Стилистический словарь публицистики: Около 6000 слов и выражений. – М.:Русские словари, 1999. – 650 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.
15. Уznaдзе Д.Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е.Ш.Чемахидзе; Под ред. И.В.Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
16. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство (аспекты психолингвистического анализа). – М.: Наука, 1984. – 175 с.

Поступила в редакцию 17.02.2006 г.

УДК 81'37

ОСОБЛИВОСТІ КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЇ ГЕНДЕРНО МАРКОВАНИХ ЛЕКСИЧНИХ ОДИНИЦЬ У РОСІЙСЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ДЖЕРЕЛАХ

Саліонович Л.М.

Словники подібні до годинників: мати найгірший з них краще, ніж не мати ніяких; але й про найкращі не можна напевно сказати, що вони абсолютно точні.

С. Джонсон

Актуальність. Останнім часом гендерні студії в Україні досить повільно, але впевнено проникають в усі наукові сфери, не обминаючи й лінгвістику. Такі українські вчені, як О.Л. Бессонова, О.І. Горошко, А.П. Мартинюк, Л.О. Ставицька і А.М. Холод, вже тривалий час займаються гендерною проблематикою. Оскільки гендерні дослідження – галузь міждисциплінарна, слід зазначити, що для лінгвістики «з усіх аспектів структури поняття „гендер” найбільш значущий – культурно-символічний, який знаходить відображення у мові як у системі знаків і у мові в її функціонуванні» [1, с.124]. Гендерні дослідження у лінгвістиці оперують цілим рядом понять, серед яких і гендерно маркована лексика, тобто лексика, яка має «ознаку або комплекс ознак, які дозволяють ідентифікувати мовну одиницю як співвіднесену з тією чи іншою статтю» [1, с.226].

Відома російська дослідниця А.В. Кіріліна проводила дослідження гендерно маркованих лексичних одиниць на матеріалі російських і німецьких лексикографічних праць, ми ж спробуємо, враховуючи її досвід і власні спостереження, провести подібний аналіз російських і українських лексикографічних джерел і визначити особливості концептуалізації гендерно маркованих лексичних одиниць [1].

Щодо російських словників, то тут будуть використані Словарь русского языка (СРЯ, 1999), Учебный словарь сочетаемости слов русского языка (УСССРЯ, 1978), Словарь синонимов русского языка (ССРЯ, 1970). Серед українського лексикографічного доробку ми обрали Словник української мови (СУМ, 1980), Великий тлумачний словник сучасної української мови (ВТССУМ, 2004), Словник синонімів української мови (ССУМ, 1999-2000), Словник української мови. Упорядкував з додатком власного матеріалу Б. Грінченко (СУМБГ, 1997).

Постановка проблеми. Серед лексичних одиниць були обрані такі пари, як *женщина / мужчина, жена / муж – чоловік / жінка, мужской / женский – чоловічий / жіночий, мужественность / женственность – мужність / жіночність*, тобто одиниці, безпосередньо пов'язані з концептуалізацією гендеру у кожній з мов. Застосування гендерного підходу в аналізі даних дефініцій здається цілком слушним, тому що

охоплює не лише категорію статі, значущу для даних лексичних одиниць, як одне зі значень, а й дозволяє розглядати більш широке коло питань, у даному випадку – лексикографічне кодування відповідних мовних одиниць як мовної репрезентації статі в російській та українській лінгвокультурі.

Безперечно, дослідження лексичних одиниць, у значення яких входить компонент «стать», не може бути вичерпним для концептуалізації гендеру. Водночас сутнісні характеристики людини, зокрема її стать, інтерпретуються суспільством в залежності від того, як ними усвідомлюються поняття «мужності» і «жіночності». Тому для вивчення гендеру важливі й ті лексичні одиниці, де відображається природна сутність «статі», оскільки її сприйняття носіями мови значною мірою соціально зумовлене і відповідає моделям «мужності» і «жіночності».

В даній статті зупинимось лише на зазначених вище парах лексичних одиниць і спробуємо виявити їх семантичний і частково синтагматичний потенціал: чи спостерігається певний паралелізм у їх значеннях, чи є певні обмеження у вживанні. Порівняльний аналіз дозволив отримати наступні результати.

Як у російських, так і в українських лексикографічних джерелах дефініції чоловік/жінка представлені певною мірою симетрично у першому значенні.

СРЯ: Женщина – 1. Лицо, противоположное по полу мужчине; *молодая женщина, замужняя женщина, женщина средних лет* [2, с.478].

Мужчина – 1. Лицо, противоположное по полу женщине. *Будь мужчиной!* (веди себя, как подобает мужчине) [3, с.309].

СУМ: Чоловік – 1. Особа чоловічої статі, протилежне жінка. *За столом сидів смуглявий, довгобразий і сухорлявий чоловік. Нечуй-Левицький* [8, с.349].

Жінка – 1. Особа жіночої статі, протилежне чоловік.

ВТССУМ подає ті самі значення, а СУМБГ подає такі значення (правопис сучасний):

Чоловік 1) Человек. *Перелічив – аж сорок чоловік. Руданський.*

2) Вообще мужчина [9, с.469].

Жінка 1) Женщина. *Жінки довге волосся мають, а розум короткий. Номис* [9, с.486].

Зауважимо, що у СРЯ 1991 року видання лексема *женщина* у знач. 1 визначена як «лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью»; тобто підкреслюється прокреативна функція жінки, і, як бачимо, з часом значення замінено, на наш погляд, на більш коректне. В українській лексикографії, за винятком СУМБГ і враховуючи його специфіку, знач. 1 лексем чоловік/жінка представлене симетрично, хоча, можливо, у Б. Грінченка були вагомні підстави вважати, що лексема *чоловік* найчастіше вживається у значенні «людина». на це питання може дати відповідь розвідка з історії мови. У подальших значеннях лексем *женщина/мужчина* – *чоловік/жінка* помітна суттєва різниця. По-перше, це пов'язано з тим, що в українській мові лексеми *чоловік/жінка* також вживаються у значенні одружених осіб, в той час як у російській мові це окремі лексеми *жена/муж*. По-друге, лексема *чоловік* в українській мові може вживатися у значенні «людина», що не притаманне російській мові.

СРЯ: Мужчина – 2. Такой взрослый человек этого пола в отличие от юноши, мальчика.

3. Лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твердостью [3, с.309].

Муж – 1. Женатый мужчина (по отношению к своей жене).

2. Устар. и высокоп. Мужчина в зрелом возрасте.

3. Деятель на каком-либо общественном поприще. Ученый муж [2, с.308].

СУМ: Чоловік – 2. Одружена особа стосовно до своєї дружини.

3. Те саме, що людина. *Ех, каже приказка: кожен чоловік кує своє щастя. Чорти його кують, а чоловік тільки у міх дме. Головка // Уживається при лічбі, вказівці на певну кількість людей. ...У хату влетів вихор – втицювали прямо з вулиці чоловік дванадцять. Довженко [8, с.349].*

ВТССУМ подає ті самі значення, у СУМБГ:

Чоловік – 3) Женатый человек. *В правім притворі стояли чоловіки та парубки; в лівім – діди, на середині – малі хлопці, а в бабинці – молодці та дівчата. Нечуй-Левицький [9, с.486].*

Як бачимо, в українській лексикографії лексема „чоловік” спочатку подається у значенні „одружена особа”, а вже потім – „людина”, не виноситься окреме значення *чоловік* як „доросла особа чоловічої статі”, в той час як у російських джерелах у лексемі *мужчина* у знач. 3 підкреслюються суто чоловічі якості.

Далі розглянемо лексеми *женищина/жєна – жінка*.

СРЯ: Женщина – 2. Лицо женского пола как воплощение определенных качеств, свойств.

3. Лицо женского пола, состоявшее или состоящее в браке [2, с.478].

Жєна – 1. Замужняя женщина (по отношению к своему мужу).

2. То же, что женщина [2, с.477].

СУМ: Жінка – 2. Доросла на відміну від маленької дівчинки.

3. Заміжня особа стосовно до свого чоловіка [7, с.537].

У значеннях лексем *женищина/жєна – жінка* помітна певна різниця, що знов-таки пов'язано з певним «нашаруванням» значень лексем. У СРЯ спочатку йдеться про *жінку* як носія певних якостей, а вже потім як про особу одружену або особу, яка була одружена. Лексема *жєна* у знач. 3 – те саме, що жінка. В СУМ спочатку йдеться про вікову градацію, потім подається значення «заміжня особа».

Якщо порівняти пари *женищина/мужчина, жєна/муж*, то тут лексичні значення теж представлені нерівномірно. У лексемі *женищина* на другій позиції значення з вказівкою на особливі якості, що у лексемі *мужчина* зазначене на третій позиції, в той час як знач. 3 лексеми *женищина* і знач. 2 лексеми *мужчина* нерівноцінні. Знач. 3. демонструє нам певну соціалізацію поняття *женищина*, тобто підкреслюється її соціальний статус (для порівняння: у СРЯ, 1991р., лексема *женищина* у знач. 2. Лицо, женского пола, вступившее в брачные отношения; *жєна* – женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в официальном браке. На наш погляд, простежується чіткий зв'язок мови з соціальними реаліями, більш лояльне ставлення суспільства до шлюбу певним чином відбивається на значеннях лексичних одиниць). В українській мові, на наш погляд, дефініція *жінка* менш соціалізована, хоча знач. 2 здається не зовсім зрозумілим: як бути з лексемою *дівчина*, яка, до речі, визначається як «молода неодружена особа жіночої статі» [7, с.226]? У лексемі *чоловік* взагалі не подається значення з позначенням вікової градації, знач. 2 симетричне зі знач. 3 лексеми *жінка*.

Щодо синонімії даних лексем, то слід зазначити, що у ССРЯ лексема *мужчина* взагалі не включена у словник, а до лексеми *муж* подається 7 синонімів, *женищина* – лише 2 (*баба* і *дама*), *жєна* – 5. У ССУМ до лексеми *чоловік* у знач. 1 подано 6 синонімів, у знач. 2 – 8 (14), до лексеми *жінка* у знач. 2, 3 – 12 синонімів (зауважимо, що

це без урахування вікової градації – не бралися до уваги лексеми *молодий чоловік, парубок, дівчина* і т.п.).

Далі розглянемо пари *мужской/женский – чоловічий/жіночий*.

СРЯ: Мужской – 2. Такой, как у мужчины, характерный для мужчины. *Мужское рукопожатие, мужской разговор* [3, с.308].

СУМ: Чоловічий – 2. Такий, як у чоловіків, властивий чоловікам. *Він стояв перед нею і говорив, а вона оглядала його широкі плечі, спокійне лице, на якому якось несподівано виросла борода і осіла чоловіча повага. Коцюбинський* [8, с.350].

Значення цілком тотожні, навіть стійкі вирази подаються у словарних статтях однаково: *чоловіча стать, чоловіча рима, чоловічий рід* і т.д.

СРЯ: Женский – 2. Такой, как у женщины, предназначенный для женщины, свойственный женщине, отличающий женщину. *Женское лукавство* [2, с.478].

СУМ: Жіночий, жіноцький – 2. Такий, як у жінок, властивий, характерний для жінок. *Тонкий кучерявий Микола, з повним жіночим обличчям, вніс у стаю вогонь. Кобилянська* [7, с. 538].

Так само, як і з лексемою *чоловічий*, з лексемою *жіночий* подаються тотожні стійкі вирази *жіноча стать, жіночий почерк, жіноче питання, жіноча рука, жіночі хвороби*. Як бачимо, значення лексем *мужской/женский – чоловічий/жіночий* подаються у словарних статтях цілком симетрично, тобто підкреслюється наявність якостей, властивих особі тієї чи іншої статі.

Розглядаючи поняття *мужественность* і *мужество*, ми знов спостерігаємо номінативне «нашарування», оскільки в українській мові ці два поняття позначені однією лексемою, що й відображається у їх значеннях.

СРЯ: Мужество – 1. Присутствие духа в опасности, беде и т.д.

2. Душевная стойкость, смелость.

Мужественный (-нность) – обладающий мужеством, стойкий, выражающий мужество. Мужественный характер, мужественный вид [3, с.308-309].

СУМ: Мужність – 1. Риса характеру людини, у якій поєднується хоробрість, рішучість, витримка тощо. *Тиждень пролежала Олеся в постелі; тиждень балабуха не відходив від постелі..., благав її витерпіти і з мужністю перенести горе. Нечуй-Левицький*.

2. Те саме, що зрілість [8, с. 821].

Хоча у СУМ лексема *мужність* визначена як риса характеру, у СРЯ – як якість людини, суттєвої різниці у дефініціях немає. Так само, майже однаково, подаються лексеми *женственность – жіночність*.

СРЯ: Женственный (-нность) – обладающий признаками, качествами, присущими женщине; мягкий, нежный. *Женственная натура* [2, с.478].

СУМ: Жіночість, жіночність – сукупність рис, ознак, якостей, властивих, характерних для жінок на відміну від чоловіків. *В ній вже немає колишньої рвучкості, її рухи спокійні, в них більше жіночності. Кочерга* [7, с.537].

Цікаво, що у СУМ *жіночність* визначається як сукупність якостей, притаманних жінкам «на відміну від чоловіків», а у СРЯ зазначено, яких саме рис – «м'який, нежный». Якщо порівняти дефініції *мужності/жіночності* в обох мовах, то тут не спостерігається полярна опозиція, тобто виходить, що жінка може «виявити мужність», а чоловік «виявити жіночність» – ні в якому разі, про що яскраво свідчить УСРЯ

(с. 156). В цілому лексеми *мужність/жіночність* в обох мовах концептуалізують особистісні характеристики осіб обох статей.

Висновки. В цілому на підставі матеріалу вищезгаданих словників з певною мірою обережності можна дійти висновку, що у співставленні значень лексичних одиниць *мужчина/чоловік* російські словники виокремлюють ознаки, пов'язані з віком, і особистісні характеристики, а в українських словниках через певною мірою поширене поняття *чоловік* (людина) особистісні характеристики не акцентовані. Те саме відбувається з лексемою *жінка*, хоча виокремлено вікову градацію; в російських джерелах лексема *женщина* дефінується як носій певних якісних характеристик. *Мужність* і *жіночність* інтерпретуються в обох мовах як сукупність певних характеристик, притаманних особам тієї чи іншої статі. До того ж очевидним стає той факт, що у лексикографічних джерелах не спостерігається абсолютно полярна опозиція вищезгаданих понять. Детальний розгляд дериватів і синтагматичних зв'язків даних лексем допоможе визначити більшу/меншу представленість даних лексичних одиниць, тобто наші висновки потребують подальшої перевірки.

Список літератури

1. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и коммуникации. – М.: РОССПЭН, 2004. – 252с.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. /РАН, Институт лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т.1. – 1999. – 702с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. /РАН, Институт лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т.2. – 1999. – 702с.
4. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970. – Т.1. – 680с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови/Уклад. і гол. ред. В.Т.Бусел. – К., Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1440с.
6. Словник синонімів української мови: В 2-х т./ А.А.Бурячок, Г.М.Гнатюк, С.І.Головащук та ін. – К.: Наукова думка, 1999-2000.
7. Словник української мови. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 2. – С.536-537.
8. Словник української мови. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 11. – С.349-351.
9. Словник української мови. Упорядкував з додатком власного матеріалу Б.Грінченко. – К.: Наукова думка, 1997.

Поступила до редакції 21.03.2006 р.

УДК 81'373:008

КОНЦЕПТ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА)

Сегал Н.А.

Постановка проблемы. Отсутствие однозначного определения термина «концепт» связано с тем, что данный феномен обладает сложной, многомерной структурой, включающей как понятийную основу, так и социокультурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им: она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре. Как известно, число таких дискретных единиц, отражающих предметы или явления и хранимых в национальной памяти, ограничено. Большинство ученых полагает, что концептами становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, могут фиксироваться разнообразными языковыми единицами, являются темой пословиц и поговорок, различных текстов, представляющих специфику народа (Д.С. Лихачев, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.).

Актуальность изучения концепта обусловлена различными факторами, главным из которых является концептологический подход в лингвистике. При большом количестве работ, посвященных исследованию концепта, в современной лингвистике остается ряд вопросов, требующих своего решения: во-первых, отсутствие точных и четких определений термина «концепт»; во-вторых, необходимость комплексного анализа и системного представления основных концептов русского языкового сознания, а также языковых единиц, вербализующих эти концепты; в-третьих, определение специфики и значимости концепта в языковом и культурном сознании человека.

Цель работы заключается в системном описании основных признаков и характеристик концепта как базовой категории современной лингвистики.

Поставленная цель определяет следующие *задачи*: охарактеризовать культурный концепт как категорию когнитивной лингвистики; рассмотреть различные лингвистические направления, занимающиеся определением и изучением данного феномена; выявить общие и отличительные черты в понимании концепта в современных лингвистических исследованиях.

Существуют лингвистические направления, определяющие феномен «концепт».

Так, представители лингвокультурологического направления (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Телия, В.А. Маслова, Л.П. Иванова, А.Д. Шмелев, В.Г. Зусман, Т.А. Космеда, З.И. Кинозе и др.) рассматривают концепт как основной конструкт культуры в ментальном мире человека. Концепты занимают ядерное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой.

Д.С. Лихачев представляет концепт как «алгебраическое выражение значения», которое носители языка используют в устной и письменной речи, «ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует»

его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т. д.)» [11, с.281].

Говоря о соотношении концептов и единиц языка, Д.С. Лихачев утверждает существование отдельного концепта для каждого словарного значения слова. По мнению лингвиста, на значение концепта влияет актуализация его конкретного значения, обозначенная контекстом. При формировании концепта большое значение Д.С. Лихачев придает индивидуальному компоненту: «...у каждого человека, – по мнению исследователя, – есть свой индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков, которыми определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений, а иногда, впрочем, их бедность, однозначность» [11, с.287].

Н.Д. Арутюнова рассматривает концепт как результат взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, образы искусства, ощущения и система ценностей. Исследователь считает, что концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром».

По мнению Н.Д. Арутюновой, базой для образования концепта может служить лишь то явление реальной действительности, которое становится объектом оценки. Лингвист отмечает, что для оценки объекта человек должен «пропустить» его через себя и этот момент «пропускания» и оценивания и является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры. «Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей. Оценка целеориентирована в широком и узком смысле» [1, с.181].

Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры» развивает рассуждения Д.С. Лихачева о концепте как о «сгустке культуры» и рассматривает его как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [15, с.40]. И, с другой стороны, по словам Ю.С. Степанова, «концепт – это то, посредством чего человек [...] сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [15, с.40]. Для исследователя концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [15, с.41].

В отличие от значения слова, являющегося «предметом или предметами, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо» [15, с.40], концепт является смыслом слова. По мнению лингвиста, концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они являются предметом эмоций, симпатий и антипатий, иногда – столкновений и конфликтов.

Исследователь предлагает различать три компонента, имеющиеся у каждого концепта:

1. Основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него.

2. Дополнительный или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей культуры.

Внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концепта [15, с.41-42].

В последнее время актуальным стал вопрос о количестве концептов. Если А. Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считала всего три концепта («Судьба», «Тоска» и «Воля»), то Ю.С. Степанов полагает, что их число достигает четырех-пяти десятков. Это «Жизнь», «Смерть», «Закон», «Слово», «Любовь», «Счастье» и др. Концептуальная система опирается на существование этих первичных концептов, из которых развиваются все остальные. Духовная культура народа, по мнению ученых, также

КОНЦЕПТ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА)

складывается из операций с этими концептами. При таком понимании термина «концепт» роль языка второстепенна, он является лишь вспомогательным средством – формой вербализации сгустка культуры.

Очень точное, на наш взгляд, определение данного феномена можно отметить в работах Анны Вежбицкой, по мнению которой «концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно – обусловленные представления человека о мире «Действительность» [3].

Анна Вежбицкая считает, что в каждой культуре есть универсальные семантические компоненты, или семантические примитивы, которые составляют ядро языка и помогают проникновению и пониманию языков и культур.

Как отмечает исследовательница, «имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит...» [3, с.20]. «...концепты, отмеченные этнической спецификой, входят в область, соотносимую с менталитетом как множеством когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» [4]. Многие представители лингвокультурологического направления (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Н.Ф. Ежова и другие) считают, что вербализация концептов в языке в первую очередь осуществляется «при помощи слов с опорой на их значения, которые составляют фундамент языковой картины мира. При этом словарный состав того или иного языка репрезентирует ту часть языковой картины мира, которая вырисовывается благодаря обозначению отдельных объектов или фрагментов действительности с помощью словесных единиц» [7].

В.В. Колесов вносит в определение концепта ментально обусловленное, культурно значимое содержание. Концепт для исследователя – «это сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных – образе и символе и в структурной – в понятии» [8, с.23].

С позиции философии концепт рассматривается как «результат абстрагирующей деятельности человеческого мышления», как мысль, которая в обобщенной форме отражает предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков [16].

Актуальным сегодня является структурно-семантическое направление (И.А. Стернин, З.Д. Попова, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев и др.), описывающее концепт как единицу абстрактного уровня осмысления реальной действительности. Представители этого направления исходят из признания того факта, что:

- 1) человек мыслит концептами;
- 2) концепты комбинируются;
- 3) в результате мышления формируются новые концепты.

Проанализировав множество определений концепта, З.Д. Попова и И.А. Стернин пришли к выводу, что когнитивный концепт формируется в сознании человека из:

- а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств;
- б) предметной деятельности человека;
- в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- г) из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме;
- д) путем сознательного познания языковых единиц [13, с.40].

Сами исследователи рассматривают концепты как комплексную мыслительную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности может поворачиваться разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои. При этом ученые отмечают, что

соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека.

По мнению ряда лингвистов, концепты должны включать в себя социальный компонент, который, как отмечает Т.Б. Крючкова, есть далеко не у всех слов.

Структурно-семантического описания концепта также придерживается А.П. Бабушкин. Семантическую структуру слова лингвист рассматривает в виде двухпланового образования: «материального (лексемы) и идеального (семемы). Семема, в свою очередь, содержит элементарные единицы смысла – семы, то есть имеет свою структуру. Через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке и выявляем, объективируем концепты» [2, с.53].

С.Г. Воркачев отмечает, что «ключевым в современном культурологическом и лингвокультурологическом подходе к концепту является прежде всего понятие духовной ценности: общественные представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливости, смысле истории и назначении человека и пр. [...] Прямым следствием ценностного характера этих ментальных единиц является переживаемость – они не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий» [5, с.17, 18]. С. Воркачев рассматривает концепт как единицу духовного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой [5, с.51]. Концепт представляется лингвистом как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму. План содержания концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех его языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную или прототипическую основу. Во-вторых, по мнению лингвиста, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализации, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности» [6].

В рамках структурно-семантического направления принципиально новым подходом к исследованию концепта является интерпретация данной категории в работах В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, А.В. Олянич, Е.И. Шейгал, Е.В. Бабаевой. Исследователи рассматривают концепт в структурно-семантическом пространстве и описывают ценностную составляющую в структуре культурного концепта.

При определении концепта для лингвистов принципиальными являются следующие положения:

1. Концепт – «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка...» [14, с.9].

2. Соотношение концепта с тремя названными сферами может быть сформулировано следующим образом:

- сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);
- культура детерминирует концепт (концепт – ментальная проекция элементов культуры);
- язык и/или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается [14, с.9].

Формирование концепта лингвисты определяют как «процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т. д.» [14, с.10].

КОНЦЕПТ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА)

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин предлагают классифицировать концепты, основываясь на различных основаниях.

Так, с точки зрения тематики концепты образуют эмоциональную, образовательную, текстовую и другие концептосферы. Классифицируя концепты по количеству их носителей, ученые выделяют индивидуальные (концепты, сложившиеся на основе личного опыта данного субъекта), микрогрупповые (концепты, сложившиеся под влиянием опыта небольшого коллектива, такого как семья, близкие друзья), макрогрупповые (концепты, сложившиеся под влиянием опыта больших коллективов), национальные (обусловленные жизнью человека в определенной культурной среде), цивилизационные и общечеловеческие (универсальные). Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив [14, с.16].

Исследователи выделяют концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса (педагогическом, политическом, религиозном, художественном и др.).

Специфическую черту концепта может также составлять его включенность в «вертикальный контекст», формирующий его прецедентные свойства – способность ассоциироваться с вербальными, символическими либо событийными феноменами, известными всем членам этнокультурного социума [14].

А.В. Олянич полагает, что «ментальные конструкторы знания (концепты) группируются в систему, а затем получают языковое выражение благодаря сформированным на их основе неким структурам...» [12, с.71-72].

Сторонниками психолингвистического подхода (Е.С. Кубряковой, З.Д. Демьянковым, А.А. Залевской, Р.М. Фрумкиной) отмечается, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. концепт является посредником между словами и действительностью.

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. При анализе концепта Е.С. Кубрякова считает оправданным использование в когнитивной лингвистике понятий фона и фигуры, которые используются в психологии при описании сенсорно-перцептивных процессов. Исследователь отмечает, что в основе языка и его категорий лежит наглядный, телесный опыт человека и что только через обращение этого опыта человек выходит в более абстрактные сферы и строит свои представления о ненаблюдаемом непосредственно.

Е.С. Кубрякова моделирует один из главных принципов человеческого познания – принцип контейнера. Она предлагает назвать его принципом обратимости позиции наблюдателя. Его суть состоит в том, что при рассмотрении любого объекта в мире и Вселенной выбор перспективы его рассмотрения может быть изменен, причем позиция наблюдателя может смениться на обратную. По мнению ученого, если язык отражает особое видение мира, то и отражение в нем позиции наблюдателя соответствует общей субъективности запечатленных и закрепленных в языке концептов. Нельзя не согласиться с этим утверждением, так как одно и то же явление – действие-объект – может быть описано по-разному, с использованием разных языковых средств, поэтому появляется возможность отразить в описании разные детали, свойства, признаки. Вместе с тем, синонимия – явление кажущееся, ибо за каждой альтернативной лексемой стоит индивидуальная концептуальная структура [9].

Определение значения через концептуальные структуры является, по мнению Е.С. Кубряковой, новым подходом к связыванию значения и знания.

Выводы. Таким образом, различные лингвистические, психолингвистические и лингвокультурологические школы неоднозначно раскрывают понятие «концепт». Общим же для данных подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры, а расхождения во мнениях обусловлены разным видением роли языка в формировании концепта.

Список литературы

1. Арутюнова И.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
2. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. – Воронежский государственный университет. 2001. – 182 с. – С.52-58.
3. Вежбицкая А. Ключевые концепты культуры. – М., 1999.
4. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // <http://philologos.narod.ru/ling/wierz.htm>. – 04.03.2006.
5. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
6. Воркачев С.Г. Концепт как лингвокультурологическая категория // <http://www.fulbright.ru/russian/sumschool/2004/vor...> – 09.03.2006.
7. Ежова Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». АКД. – Воронеж, 2002. – 24 с.
8. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
9. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики // <http://www.uspi.ru/sdo/books/koncept.htm> – 01.03.1006
10. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. – Тамбов, 1999. – С. 6-13.
11. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997. – С. 280-287.
12. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507с.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. – 191с.
14. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
15. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
16. Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1970.

Поступила в редакцию 27.03.2006 г.

УДК 81'271

РУССКОСТЬ В ЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ)

Синельникова Л.Н.

Концепт как смысл вбирает разного рода культурно значимую информацию. Прежде всего ту, которая направлена на идентификацию народа, выявление консолидирующих и складывающихся в память поколений национальных черт [10; 11]. Для выявления содержания концепта *русскость* мы обратились к работам ряда философов и стихотворениям современных русских поэтов. В русской культуре поэтическая и философская рефлексия достаточно тесно связаны. Эта связь привела к особой парадигме мысли, основанной на совместности поэтических интуиций и философских воззрений.

Философия и поэзия, будучи равно сориентированными на ценности человеческой жизни, в содержании явленного, материального видят прежде всего духовный предмет, опыт переживания которого сопровождается душевным напряжением.

Разноречие, несогласие, споры, взаимное отрицание – все это тоже важная для познания синергетическая совместимость, ведущая к совершенному знанию. Русский философ И. Ильин считал главным в познании *личную теоретическую совесть*, основанную на личном душевном переживании, но сверхличной познавательной очевидности [9, с.16-17]. Знание, сформированное в философии и поэзии, – дар и богатство народа, демонстрирующее тонкую познавательную технику. Философская и поэтическая мысль оказывается целостным феноменом, результатом внутренней сосредоточенности и «утонченного духовного делания» (И. Ильин).

«Философ, подобно поэту, художнику и ученому, подобно политику и пророку, питается, сознательно или бессознательно, *volens aut nolens* (волей-неволей – лат.) духовным опытом своего народа. Он имеет *родину*, то есть национальную духовную культуру, в которой сложился его индивидуальный дух, с его жизненными убеждениями; от этой-то духовной культуры питается – и положительно и отрицательно – его личный опыт и его личное познавательное творчество» [9, с.43].

Философия и поэзия сближены культивированием как мысли, так и чувства. «Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя сквозь тернии и слезы есть все-таки наслаждение» [19, с.49].

В поэзии внешние впечатления переходят в мысленные образы, соединяющие чувство и мысль – такова «философия поэзии», которую инверсивно можно соотносить с «поэзией философии»:

Мысль и чувство в России
да живут по соседству.
Там, где разум бессилён,
обращаемся к сердцу (В. Костров).

Язык поэзии и язык философии объединены доведением до предела как чувства, так и мысли. М.К. Мамардашвили пишет: «Философия есть язык, с помощью которого мы занимаемся прояснением обстоятельств человеческой жизни как таковой – на пределе. ...То есть философия занимается основанием человеческой жизни в предельной их форме (или предельными основаниями человеческого бытия и мышления)» [17, с.98]. Предельность в выражении чувств, их концентрация – жанровый признак лирики.

Синтез поэт-философ наиболее значим для понимания мировоззрения народа, его культурных ценностей и приоритетов, «ибо содержание поэтического вдохновения и философского прозрения в существе своем одно. Поэзия и философия, если можно так грубо выразиться, должны поверять одна другую, сливаясь в единстве своего объекта. Абсолютного, познаваемого как истина и ощущаемого как Красота», – писал С.Н. Булгаков [4, с.184].

В разные периоды коллективное и индивидуальное сознание по-разному фиксируется в философии и в поэзии: что ценится – прошлое, настоящее или планируемое, предвосхищаемое будущее; чему нужно уделить наибольшее внимание – сохранению того, что проверено опытом и традициями, или переустройству; что очевидно устарело, ушло, а что надо хранить изо всех сил. Мироощущение меняется, оно должно меняться – иногда даже на протяжении жизни одного поколения. И все-таки о ряде особенностей *русскости* можно говорить и в измененном мире.

Русскость, как и любое другое синтезирующее смыслы понятие, – категория историческая, и каждый век имеет свой набор черт, свою иерархию признаков. Постоянство сохраняется в противоречивых оценках русскости. Вяч. Иванов определял русскую душу как варварски-благородную и называл такие отличительные черты психологии русского народа: «скептический, реалистический склад неподкупной русской мысли, ее потребность идти во всем с неумолимо ясною последовательностью до конца и до края, ее нравственно-практический строй и оборот, ненавидящий противоречия между сознанием и действием, подозрительная строгость оценки и стремление к обесценению ценностей» [8, с.368].

Русская философская мысль неоднородна, что также можно рассматривать как следствие противоречивости русского человека. В предельном варианте можно сказать: философий столько, сколько самих философов. Новым носителям философского знания еще придется разбираться в верности критериев оценки самой философии по отношению к национальным свойствам. «С основания мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает сологубовским зудом: «Кого бы мне посечь?» [19, с.49].

Из тех состояний, которые рано организуют философскую мысль и поэтическое чувство, наиболее существенно состояние трансцендирования, выводящее из времени в безвременное, вечное. Конструировать сверхопытную реальность через опыт земного существования, в доступных предметах и знакомых словах улавливать превышающие смыслы, подчиняться внутреннему голосу как правде выбора – такова «презумпция» философствования и поэтического творчества, способствующая неистощимости рефлексий, но одновременно их неопределенности и незавершенности. Выход за границу эмпирического Я сближает философов и поэтов. Философствование как черта русскости оборачивается невыводимостью конечного смысла любой проблемы – от бытовой до бытийной. Русский человек – провиденциальная личность, он больше

мечтает сделать, чем делает (*воля к мечте* вместо *воли к жизни* – у В. Розанова), чаще пророчествует, чем анализирует прошлое и настоящее. «А в России пророческий пыл, / Черный ветер и белые ночи./ Там среди безымянных могил / Путь к бессмертью длинней и короче» (А. Межиров).

То, что Вяч. Иванов называл дионисийским началом, также антиномично по своей природе. Русское дионисийство – это полнота переживаний, их полярность, стремление совместить несовместимое: пафос боговмещения и греховность, свободу и подчиненность, жалость и жестокость, выговаривание себя и стремление к неизреченному. Полнота чувств – в их отнюдь не произвольном, а вполне утвержденном культурой антиномизме, суть которого с формульной точностью определил А. Блок: «радость, страданье – одно».

Противоречивость соединяемых эмоций, оксюморонность эмотива и его качественных определителей – постоянное свойство русской лирики: *нежность звериная* (Ю. Кублановский), *жуть восторга, мои прекрасные страданья* (И. Шкляревский), *сладкая боль* (В. Казанцев), *уравновешенный безумец, вражда любовная* (А. Кушер), *восторга светлого испуг, безысходная горечь счастья* (М. Дудин), *от тоски чуть-чуть навеселе* (А. Межиров), *невеселое веселье, соблазн боли, роскошь беды, ужас обожанья, плач нежности, алчно сочувствуя, горечь любви* (Б. Ахмадулина), *счастливой тревогой* (О. Седакова), *радостная злоба* (Л. Владимирова), *враг мой нежный* (А. Преловский), *холод восторга* (В. Шефнер), *тревожный покой* (А. Тарковский).

Соединение эмоций в поэтической речи – знак того, что психическая жизнь русского человека протекает путем бесконечного зацепления одних чувств за другие. Это свидетельство сложного, неоднозначного состояния рефлексирующей личности и ограниченности автономного языкового знака, неспособного выразить всю полноту и противоречивость эмоций. Сочетание эмоций в одном темпомире – в небольшом пространстве лирического стихотворения – не просто суммирование эмоций, а стремление выразить то состояние, которое и есть признак ментальности (в другой аксиоматике – загадочность, непредсказуемость, тайна русской души).

В однородном ряду оказываются: *смирение, гордыня; ненависть, любовь; свобода и любовь; петь и плакать; любовь и страданье; тоска и беда; память и совесть; пристрастие и гнев; нежность и рыданье; беда и вина; страсть и беда; стыд и страх; любовь, печаль, судьба; улыбка и страданье* (В. Костров), *свобода и тоска; тоска и веселье* (Л. Миллер), *восторг, ужас, стыд; надежда, гордость, стыд; стыд, вина; восторг, страх* (В. Казанцев), *умиление, зависть, восторг; гнев и боль; беда и тревога; любовь, надежда, боль; свободно и счастливо* (Д. Самойлов), *сожаление и гнев; страх и тоска; тоска и горе; любовь и гнев; стыд и боль; раскованность и испуг* (М. Дудин); *страх, тревога, печаль; счастье и вина; злоба и жалость* (А. Межиров); *страх и боль; любовь и покой; любовь и покой; печаль и покой; печаль и любовь* (Ю. Кузнецов); *облегчение и надежды; ликование и отчаянье; веселье и тоска; тоска и ужас; гнев и печаль; надежда, радости и боли; тревога и вина; беда и мука; праздник и мученье; мука и томленье* (Ю. Левитанский); *послушанье и гонор; счастье и бедствие* (Ю. Кублановский); *счастье и горе; любовь и горе; страдание и счастье; любовь и тоска* (А. Кушнер); *любовь, сочувствие, слезы; прощенье, отвращенье; любовь, надежда, боль; очарованье и разочарованье* (Д. Самойлов); *любовь, работа, покой; страсти и беды; стыд и страх; любовь, печаль, судьба; любовь, сочувствие, слезы; беда*

и вина (В. Костров); *и смерть, и страх, и трепет; надежда, гордость; стыд, восторг; ужас, стыд* (В. Казанцев); *смирение и дерзость; святость и грех* (В. Савельев); *скорбь и стыд* (Л. Владимиров); *позор, боль, мука* (И. Шкляревский); *бред и восторг; грусть и радость; уныние и предсчастье; совесть и боль; мука и блаженство; нежно и скорбно; любовь и печаль, тоска и счастье; тосковать возле счастья; страх и вялость; страдать и сострадать; любовь, беспокойство, тоска; беда и печаль; тоска и счастье; гнев и милость; тоска и нега; мудрость и печаль; корысть и желания; печаль и гордость; дерзость и угрюмость; вспыльчивость и щедрость; гордость и горечь; совестно и тошно; нежно и скорбно; тоской и негой* (Б. Ахмадулина).

Соединяя эмоции, поэт заявляет о тех парадигматических и ассоциативных связях, которые ближе всего к показателям национальной ментальности: «И веком нежность и суровость / в нас нераздельно сведены», «и знай, что истинное счастье / Слегка окрашивает грусть»; «Куда? Зачем? Не все равно ли? / Лишь подойди и рядом встань / И между радостью и болью / сожги придуманную грань!»; Земля гудит, чтоб счастье с горем / Я рассудить бы смог на ней» (А. Прасолов); «В столице или захолустье, / В любых концах любой страны / Из грязи, нежности и грусти / Мы все равно сотворены» (Е. Храмов); И низкий звук тянулся, как года / неразделенной нежности и муки» (Л. Щербатова); «По моим представлениям – / Двуединство необычное, позабытое. / Там два врага – два спутника прошлого – / Покой и яркость – / Ужились непринужденно и безумно, / До легкомыслия» (Ю. Милорава); «На вечерней заре / упаду под косой / и заплачу от счастья / прозрачной росой» (В. Костров); «Потому что вверх, как выпел, / поднимает сердце благодать, / потому что есть любовь и гибель, / и они сестра и мать»; «Кто знает смелость, знает и милость, / потому что они – как сестры: / смелость легче всего на свете, / легче всех дел – милосердье» (О. Седакова); «Что осталось? Остались лишь совесть и жалость» (Б. Слуцкий); «И ненависть, мешающая вздоху, / возникла в нем с мгновенностью любви» (Б. Ахмадулина); «Просто и безыскусно / падают высоты / синие льдинки грусти, / капельки доброты» (В. Костров).

В контексте таких примеров вполне возможны ссылки на национальный характер. Зарубежные исследователи русского национального характера называют такие его свойства, как экспрессивность и эмоциональную живость, импульсивность и легкость в проявлении чувств [5; 23]. Если «англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому потоку чувств», то «русская культура относит выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [5, с.43].

Активность эмоций не означает их неконтролируемости. Контроль – в моральных постулатах, на которых основывается чувство как предмет философии и предмет словесности.

В центре внимания при выявлении признаков национального видения мира оказываются этические концепты, в основе которых лежат деонтические нормы: что истинно, а что ложно, что можно, а что нельзя, что должно, а что есть на самом деле и др. И в этом обнаруживается некая природная полярность русского человека, отрицание для себя того, что пылко утверждается для другого («Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали», - писал моралист В. Розанов [19, с.55].

Для русской философской мысли характерна прямая нацеленность на описание (а нередко и предписание) национальных деонтических норм. Базовые этические

понятия в русской философии – *правда, совесть, стыд, вина, долг, грех, любовь, свобода, воля*. Каждый из этих концептов может быть предметом отдельного монографического рассмотрения, особенно если это рассмотрение ориентировать на проблемы эволюционной эпистемологии – изменения культурной познавательной ситуации и аксиологических критериев. Лингвофилософские проблемы этики – предмет интереса замечательных русских филологов – Д.С. Лихачева [14], Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, Е.В. Урысона, Т.В. Булыгиной [15], А.Д. Шмелева [21; 22] и др., в работах которых рассматриваются разные виды деонтической модальности, описывается специфика русского морального дискурса – религиозного и светского.

Русскость в поэзии – отражение культурных, психологических, нравственных характеристик народного сознания, национального мировидения. К поэтическому слову всегда было доверие: искренность, любовь к земле, особое, ноосферное ощущение времени и пространства, самой жизни в ее быстротечности и полноте – все то сохранный, без чего невозможна культура, заложено и в разных формах проявлено в поэзии.

Философия, психология, когнитология, этнография преломляются в поэзии и могут быть аргументами в интерпретации *русскости*. И дело здесь не в прямых дефинициях (что есть что), а в мировосприятии, совмещаемом с внутренней ответственностью за сказанное и подуманное. Аксиом в определении этого многосложного и во многом противоречивого концепта нет, но есть вербальная фиксация категорий сознания, мышления – всего того, что принято называть национальным менталитетом.

Остановлюсь эскизно на нескольких этических концептах, лежащих в основе русского нравственного сознания. Опыт, наблюдения, интуиция, размышления философов и поэтов о любви столь многообразны, что могут быть изложены в десятках томов. Может быть, главное удалось сказать В. Розанову: «Гаснет любовь – и гаснет истина. Поэтому «истинствовать на земле» – значит постоянно и истинно любить» [19, с.66].

Советь, стыд. Н.Д. Арутюнова в статье «О *стыде* и *совести*» определяет основное назначение этих понятий – выражать «внутреннюю способность Эго реагировать на оценку своих действий Другим» [1, с.57]. В статье встречаем ряд отточенных формулировок: «Стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность. Стыд учит человека поведению, совесть – поступкам. В отличие от стыда, практически неотделимого от Эго, совесть не сливается с Эго: Эго думает, принимает решения, действует, совесть направляет его мысли и контролирует его действия. Если человек не внял голосу совести, совесть его осуждает и наказывает, совесть – это контрагент Эго» [1, с.58].

И. Ильин оценивает совесть как «изумительное, таинственное душевное состояние», «драгоценнейший источник всякого познания» [9, с.143]. Совесть – источник чувства ответственности, «поэтому там, где это чувство угасает, воцаряется всеобщее безразличие к результату труда и творчества: что же могут создать безответственный судья, политик, врач, офицер, инженер, кондуктор и пахарь?» [9, с.146].

М.К. Мамардашвили подчеркивал такое свойство совести, как самобытийствие – невыводимость из правил и законов и невыводимость из известного. «Все мы знаем, что такое совесть, и ни один из вас не может определить, что это такое. Она – несомненна, но должна быть несомненной у каждого, то есть во многом. Нет одного содержания совести, хотя оно одно» [17, с.67].

Поэтический язык – неисчерпаемый пример того, что для русского поэта «нерасторжимы словесность и совесть» (Б. Ахмадулина). Отсюда – разнообразие вариантов представленности рациональной семантической модели, в которой все Это: «Вода. Лицо. В лице – пыланье / Восторга. ужаса, стыда!»; «На обжигающее слово / Надежды, гордости, стыда / Гляжу из возраста другого – / В каком ты не жил никогда» (В. Казанцев); «Довольно... Все ушло, помимо / И совести и красоты...»; «Я буду памятью твоей / И совестью твоей»; «Я за то, чтобы краска стыда / Всесловенно сделалась краской» (В. Костров); «И то был урок и пример / не славы, даримой признанием, / а совести, ставшей призванием / и высшею мерою мер» (Ю. Левитанский).

Вина. В русской концептосфере обозначена связь *совести, стыда и вины*. О.Ю. Богуславская, сравнивая прилагательные *виноватый* и *виновный*, подчеркнула, что «*виноватый* – очень русское слово, а *виновный* – гораздо более нейтральное» [3, с.79], так как *виновный* характеризует ситуации, подлежащие социальной регламентации, а *виноватый* указывает на то, что имеет место некоторое нежелательное положение вещей. В поэзии и то, и другое – очень русские слова. Несколько примеров: «- А на лице всегда, / Как тень, следы видны. / Сокрытого стыда? / Таящейся вины?» (В. Казанцев); «Как бы чертеж земли, погубленной / какой-то страшною виной, / огромной крышкою обугленной / мерцал рояль передо мной» (Ю. Левитанский); «То не скорбная страна / Пробуждается на час, / То последняя вина / Надвигается на нас» (Л. Владимирова).

Вина, по всей видимости, этноцентрическое русское чувство, во всяком случае в списки универсальных эмоций его включают только русские психологи и философы. *Вина перед кем-то за что-то* – одно из чисто русских когнитивных проявлений: «С детской поры моей, как наважденье, / все то же виденье, / все та же картина встает передо мной, / неизменно во мне вызывая / чувство тревоги и смутное чувство вины перед кем-то, / кто мне неведом» (Ю. Левитанский). Вина оказывается синонимом честности: «Все честное окрасится виной...» (В. Костров). Вина и мука, стыд и вина в поэзии всегда рядом: «Звук указующий, пусть велика / моя вина, но велика и мука» (Б. Ахмадулина); «И в нем, и в нем следы видны / Работы тяжелой, напряженной. Но столько в нем стыда, вины» (В. Казанцев).

Страдание, мука, боль, горе. От совестливости, виноватости (вне их социальной регламентации) – мука. И, конечно же, от любви и даже от счастья. «*Боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию» [19, с.29]; «В душе моей столько лет стоит какая-то непрерывная боль, которая заглушает желание славы. Которая (если душа бессмертна) – я чувствую – *усилилась бы, если бы была слава*» [19, с.38]; «Любовь есть *боль*. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого)» [19, с.107]; «Болит душа, болит душа... И что делать с этой болью – я не знаю. Но только *при боли* я и согласен жить» [19, с.76].

И у поэтов: «И только с болью я солидарен» (И. Бродский), «Мне боль придает одержимость и силу. ... Не зная бы, что привкус беды конструктивен / В саднящей строке стиховой», «Все б эту муку, этот трепет / Губами горькими ловил» (А. Кушнер); «Это было предчувствием боли, / Как бывает у птиц и зверей», «Слава богу! Слава богу! / Что я знал беду и тревогу!» (Д. Самойлов), «Что нам до шумного света – / Шепот любви и вражды – / Было бы горе согрето / памятью общей беды» (Л. Владимирова).

Любовь и страдание – всегда рядом, это некая заданная модель отношений в русской межличностной картине мира: «Кроме детской улыбки. / Любви и страданья, / На сверкающем лезвии не ничего (В. Костров).

«Только *горе* открывает нам великое и святое» [19, с.158]. Страдание, по мнению И. Ильина, связывает философию с жизнью: «ибо жизнь есть *страдание*, *ведущее к мудрости*, а философия есть *мудрость, рожденная страданием*» [9, с. 44].

Русский человек ждет беду, считает, что приход беды неподвластен ему, как неподвластна судьба: «Бедя приходит не оттуда, / откуда ждешь ее всегда. / Как самовластная причуда / Судьбы, врывается беда» (В. Казанцев). Горе может задаваться как модель существования вообще: «На блеск осеннего огня, / На зыбкий, плавный выгиб взгорья / Гляжу – из завтрашнего дня. / ...Как бы из будущего горя» (В. Казанцев); «Деревья прянули от моря, / Как я хочу бежать от горя – / Хочу бежать, но не могу, / Ведь корни держат на бегу» (Д. Самойлов).

Страдание в поэзии всегда находится в контакте с другими чувствами: «Значит, нет впереди пустоты / и печаль не туманит сознание, / если вся отзываешься ты / на улыбку мою и страданье» (В. Костров); «А особой любви добивался / Тот, кто больше при жизни страдал» (В. Казанцев); «И может быть, это сверканье / Листвы, и дворцов, и реки / Возможно лишь в силу страданья / И счастья, ему вопреки!» (А. Кушнер).

И совершенно особое русское чувство – желание страдания: «...И говорят преданья, / что, ринувшись на поиски беды, – / как выгоды, он возжелал страданья»; «Ах, как ты глуп! Ей лишь того и надо: / дай ей страдать – и хлебом не корми!» (Б. Ахмадулина).

Этически значимой оказывается оппозиция: страдать самому и не причинить страдания другому: «О, если бы дойти до края бездны, / Не причинив страданья никому» (М. Волкова).

Боль русского человека, как и вина, не имеют конкретного референта – причины. Беспричинность, неопределенность боли – одно из проявлений трансцендентного сознания: «Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь» [19, с.143]. Не в этом ли объяснение оксюморонов «сладкая боль» (В. Казанцев), «соблазн боли», «роскошь беды» (Б. Ахмадулина) и оправдание поэтической рефлексии, немислимой с точки зрения логики чувств: «Какое счастье быть несчастным!» (А. Кушнер).

Противовес бедам тоже обозначен: «Что мне судьба ни готова, / Вынесу беды любые: / Вера, Надежда, Любовь – / Птицы мои голубые... (Н. Старшинов).

Сострадание – чувство «христианского», соборного человека. В.И. Даль так определял это чувство: страдать вместе, переносить муки сообща; жалость к другому, соболезнование, сочувствие, симпатия.

Один из нравственных афоризмов В. Розанова акцентирует внимание на жалости как всеобъемлющем чувстве русского человека: «Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости» [19, с. 86]; «Жалость в маленьком. Вот почему я люблю маленькое [19, с. 95]. О растворимости души в жалости писал Н. Бердяев. Жалость у этого русского философа вызывала «вся скорбь мира»: охлаждение человеческих надежд и чувств, всякое расставание, воспоминание о прошлом, сознание неправоты, страдания животных и многое другое [2, с.65-72]. Так же жалостлив русский поэт: «И жалко всех и вся. И жалко / Закушенного полушалка, / Когда одна, вдоль дюн, бегом – / Душа – несчастная гречанка... / А перед ней взлетает чайка. / И больше никого кругом» (Д. Самойлов). Жалость сильнее ненависти: «И эта маленькая малость / Вдруг

озарит, как солнце, тьму. / И вместо ненависти жалость / В душе вдруг вскинется к нему» (В. Казанцев). И сильнее радости: «Лишь беспощадное счастье! / В радости – жалости нет!» (В. Казанцев). Общественное назначение поэта В. Костров сопоставляет с состраданием: «Они сошли с парнасской высоты / и обрели народное признание / в тот миг, / когда сознание красоты / соединили с чувством сострадания».

Лучшего примера передачи этого чувства в лирике, чем в стихотворении В. Кострова «Московский дворик», мне не приходилось встречать. Приведу несколько заключительных строк:

Господа! Не надо строить храмы
И держать плакучую свечу.
Сварен суп. Пора делить приварок.
Падает, как саван, свежий снег.
Дворик спит. А возле иномарок
Умирает русский человек.

Пассивное и активное сострадание всегда находятся в конфликте. Одно из свидетельств – любовь к мертвым, нередко приходящая на смену равнодушию или нелюбви: «Видимо, я из тертых / тех калачишек, что / верно умеют мертвых / только любить, и то // по существу, немногих – с кладбища русских свойств, / то бишь блаженств убогих, / праведных беспокойств» (Ю. Кублановский).

Тоска, печаль – доминантные эмоции русских философов и поэтов. Н. Бердяев считал тоску доведенным до последней остроты конфликтом между ничтожеством, пустотой, тленностью этого мира и трансцендентным [2, с.50]. Вот любопытный отрывок из книги артиста А. Пороховщикова «Цензуру к памяти не допускать»: «- О чем ты думаешь? – Я не думаю, я тоскую. – Что-нибудь случилось? – Нет, я просто русский человек».

В русской поэзии представлены все мыслимые и немыслимые виды *тоски* – смертельной, ледяной, нездешней, яростной и т.д.: «Весна! До головокруженья / Такая ясная тоска», «Старух лампадных смиренные поклоны, / И яростная русская тоска, / Среди погостов – горечь самогона, / Четочная удаль каблука», «О, шорох ночи Гефсиманской, / Еще продлись! / С тоской безумною, славянской / Переплеться!» (Л. Владимирова); «О господи! Все женщины мечтают, / Чтоб их любили так, как ты меня, – / Неотвратимо, с яростной тоскою, / С желаньем мстить, как первому врагу» (И. Снегова).

Тоска, печаль могут мыслиться с большой степенью самостоятельности, самобытности – отсюда их персонифицированность в поэзии, отстраненность от субъекта – носителя этих чувств («И постояльца прежнего звала / его тоска, дичавшая за шкафом» – Б. Ахмадулина). В то же время они легко соединяются с любым другим чувством. Замечено присутствие печали и тоски в любви («что любовь непременно венчает печаль» – Б. Ахмадулина), в счастье («Мучимый тоской, / должно быть, о всеобщем счастье грезил?» – Б. Ахмадулина), естественно, в беде («Не оставь нас в беде и печали» – Б. Ахмадулина), в мудрости («И я познаю мудрость и печаль» – Б. Ахмадулина), в гордости («Столько раз / я знала здесь печаль и гордость» – Б. Ахмадулина), в свободе («Дыши свободой и тоской» – Л. Миллер), в веселье («Такая тоска и такое веселье / Испить до конца это дивное зелье. / Такое веселье, такая тоска, / Что жизнь и любовь не прочней волоска» – Л. Миллер).

Печаль для русского человека настолько объемна и многообразна, что возможно ее градуирование и квалификация по качественному признаку: «Даже самой немислимой дали / Отдаленнее в мире есть даль. / Даже самой бездонной печали / Есть бездоннее в мире печаль» (В. Казанцев); «Вчера, в июня двадцать третий день, / был совершенен смысл моей печали» (Б. Ахмадулина).

И оптимизм вперемешку с пессимизмом: «Будет холодно? Ну и что же! / Я в распавшемся снегу / Всю тоску свою заморожу. / А веселие разожгу» (Н. Старшинов). Избавление от тоски – хотя бы на время – только в природе: «Как тоска / свою силу возьмет надо мной, / словно вьюшку забившая / черная сажа, вызываю виденье родного пейзажа: / красоту несказанную, / свет проливной» (В. Костров).

Печаль у поэтов – может быть, вслед за Пушкиным – не только светла, но и сладка: «И можно до последнего глотка / испить ее, всю горечь той печали, / чтоб, чуя уже холод за плечами, / вдруг удивиться – / как она сладка!» (Ю. Левитанский). Сравним с лексикографическим замечанием А. Вежицкой: «... *грусть* иногда может быть охарактеризована как *светлая*, а выражение *светлая печаль* звучало бы странно...» [6, с. 511].

Грусть и радость. Нераздельность этих чувств лежит в эмоциональной концептосфере русского человека. «Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся» [19, с.48]. Полноценная радость – в положительном восприятии живого мира простых вещей, окружающих человека: «Все в радость мне: и венки на крыльце, / и домика возлюбленная малость, / и снег, что тает на моем лице, / прохладен, как новехонькая младость» (Б. Ахмадулина).

Слезы могут свидетельствовать о разных, в том числе противоположных, чувствах. Более того, они – эквивалент жизненности: «Видишь – плачу, значит все в порядке: / если плачу, значит, это я», «На вечерней заре / упаду под косою / и заплачу от счастья / прозрачной росой», «Я был рожден, чтоб петь и плакать / И женщине шептать: люблю!», «Стылой осени воздух хрустящий глотать / И над русской песнею плакать» (В. Костров); «Все здесь мертво и не способно к плачу» (Б. Ахмадулина); «И плачу над бренностью мира / Я, маленький, глупый, больной», «И пускай бесстрашно льются слезы / Умиления, зависти, восторга» (Д. Самойлов).

Страх тоже занимает не последнее место в мире поэтических чувствований, хотя и может быть окрашен иронией: «- Жить мне в страхе надоело. / Нынче страх отбросил я. / И на мир гляжу я смело. / – В чем же смелость-то твоя? // – Раньше я всего боялся. / И о том, что не боюсь, / Думать даже я боялся. / А теперь вот не боюсь / Говорить, что я боюсь!» (В. Казанцев).

Восторг как сконцентрированная радость может уподобиться другой концентрации чувства – страху: «И восторга, подобного страху, / По земле пролетает волна» (В. Казанцев).

Надежда. Философия надежды противоречива: расхожее «надежда умирает последней» фиксирует сохраняемые свойства надежды: «Мы последние этого века. / Мы великой надеждой больны» (В. Костров). «Иллюзорность и тяжесть надежды» оценивается как *смена вех*, ставшая принципиальной для *другой литературы*, имеющей такие точки отсчета, как Солженицын и Шаламов [7, с.13]. Боязнь потерять надежду, по мнению М. Мамардашвили, мешает человеку увидеть истину так, как она есть. Надежда соседствует со страхом: «...два основных врага человека – надежда и страх, иначе – отсутствие мужества. Или – надежда и лень» [16, с.120]. Преодоление страха – обретение надежды: «Надеждой. И звездой. Преодоленным страхом» (В. Казанцев).

Надежда на счастье неистребима: «- Тянусь, надеждою томим, / Я к счастью дальнему, как к чуду» (В. Казанцев); «Еще и музыка твоя не зазвучала... / Надежду робкую тая, / Дождись начала» (Л. Миллер). И о надежде православного человека: «И надеваю я крестик нательный – / Каплю надежды из серебра» (В. Костров).

Лень. У этого состояния в русском сознании – особый статус. Лень по отношению к критериям, идущим из внешнего мира, и лень как несуетность, то есть отстраненность от внешнего мира. «Я пришел в этот мир, чтобы *видеть*, а не *совершать*», поскольку «сам себе бесконечно интересен» [19, с.34, 90]. Масса внутреннего движения не переходит в том же объеме во внешние действия. В. Розанов о русском человеке: «Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от работы» [19, с.37]; «Русский «мечтатель» и существует для разговоров. Для чего же он существует. Не для дела же?» [19, с.112]. И одновременно: «Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то *мила*» [19, с.125]; «Может быть, народ наш и плох, но он – *наш* народ, и это решает все» [19, с.127]. И в поэзии: «О Дельвиг, / ты достиг такого ленью, / Чего трудом не каждый достигал» (Д. Самойлов).

Свобода занимает особое место в духовных исканиях русского человека. Едва ли не полный набор противоречий в оценке этого состояния обозначил Н. Бердяев, считавший, что «Все в человеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы, через отвержение соблазнов свободы» [2, с.57]. Главное – внутренняя свобода, свобода духа, воля. «Если внешняя свобода устраняет насильственное вмешательство *других людей* в духовную жизнь человека, то внутренняя свобода обращает свои требования не к другим людям, а к самому – вот уже внешне-нестесненному – человеку. Свобода по самому существу своему есть именно *духовная свобода*, т.е. свобода духа, а не тела и души» [9, с.129].

В стихотворении «Взгляды» В. Казанцев, соединяя свободу с ее антиподом – рабством, определяет формулу русской свободы, в понимании которой все парадоксально смешивается:

- Свобода – свежесть, разноликость,
Неуспокоенность, боренье.
- Свобода – это мгла и дикость,
Разнузданность, столпотворенье.
- А рабство – это тьма, упадок,
Тоски бездонная пучина.
- А рабство – это строй, порядок,
Объединенность, дисциплина.
- Свобода – это свет и братство,
А рабство – черная невзгода.
- Свобода – это гнет и рабство,
А рабство – полная свобода!

Отношение к родному языку. Отношение к родному языку как к соборной среде – вместе непрестанно творимой и обуславливающей преемственные связи (прежде всего духовные) между поколениями. Естественны при этом высокие слова о родном языке каждого народа. «Каждый этнический язык – это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [12, с.133]. О русском языке писалось и пишется много – в прозе и в стихах. Приведем слова Вяч. Иванова: «Велик и прекрасен дар, уготованный Провидением народу нашему в его языке. Достойны

удивления богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучие, меткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода в сочетании и расположении слов, его многострунность в ладе и строе речи, отражающей неуловимые оттенки душевности» [8, с.396]. Далее Вяч. Иванов говорит о том, что в русском языке вследствие «счастливого брака с эллинским словом» и раннего усвоения многочисленных влияний без утраты самородных особенностей «заложена была распространительная и собирательная воля; он был знаменоваи знаком сверхнационального, синтетического, всеобъединяющего назначения. Ничто славянское ему не чуждо: он положен среди языков славянских. как некое средоточное вместилище, открытое всему, что составляет родное наследие великого племени» [8, с.397].

И философ, и поэт познают мир, то есть размышляют о разных его проявлениях. Мысль тесно связывается с ощущениями, оценкой и чувством – это общие свойства человеческой природы. В то же время отношения между познающим человеком и миром опосредованы языком, задающим определенную картину мира, ориентированную на данный этнос. Этноцентричность поэтического слова и философских рассуждений, естественно, создает напряженность оппозиции «объективность – субъективность» в определении национального духа. во все времена провоцирует критический дискурс, но от желания выявить признаки национального видения мира – какими бы мощными ни оказались процессы глобализации – никто не откажется. М. Цветаева говорила о том, что «иные вещи на ином языке не мыслятся». Иначе говоря, есть понятия, имеющие абсолютную степень значимости в рамках одной модели мира, одного языкового сознания и не значимые или отсутствующие в другом мировосприятии.

Язык народа являет совокупный опыт культуры, истории, памяти. Маркеры самобытности языка в наибольшей степени проявляются в поэтическом творчестве, проявляющем свойства языка как инструмента познания мира и самого человека.

Без обожествления речи, преклонения перед родным словом не может быть поэзии. «Надо себя сжечь / И превратиться в речь. // Сжечь себя до тла, / Чтоб только речь жила» (Д. Самойлов).

Выводы. Итак, философский и поэтический дискурсы, рефлектирующие относительно концепта русскости, основываются на феноменах сознания, фактах истории и культуры. При этом сохраняется корректность семантики метаязыка описания. Основные признаки русскости связываются с духовностью и душевностью, с поиском идеала, почитанием красоты, стремлением к совершенству в борьбе со злом в разных его проявлениях. Системообразующую роль выполняют этические предписания – совестливости, правды, долга, ответственности.

Эмоциональная концептосфера русского человека противоречива, в ней уживаются радость, восторг, веселье, печаль, тоска – все это признаки полноты бытия, его внешней и внутренней напряженности. Константная этническая категория – любовь во множестве ее признаков. Основной ценностный поиск – поиск счастья. Континуальность культуры основывается на категории памяти – социальной, исторической, литературной.

Ценностная семантика русскости оформляется «как подсистема семантического языка культуры, парадигматика которого присутствует в культурном сознании, а синтагматика реализуется в культурном дискурсе» [18, с.12] – прежде всего в философском и художественном.

Семантически язык русскости представлен в лексике, в синонимических рядах, в многочисленных способах оценки – как прямой, так и косвенной, во фразеологии, афористике, «наивной» и официальной лексикографии, в фольклоре, в анекдотах и, конечно же, в разножанровой и разностилевой художественной литературе.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О *стыде* и *совести* // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. – М., 1991.
3. Богуславская О.Ю. И нет греха в его вине (*виноватый* и *виновный*) // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.
4. Булгаков С.И. Без плана // Поэзия. Альманах. – М., 1990. – Вып. 56.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
7. Ерофеев В. Русские цветы зла. – М., 1998.
8. Иванов Вяч. Родное и вселенское. – М., 1994.
9. Ильин И. Сочинения в двух томах. – М., 1994. – Т. 2.
10. Иорданский В. Русские, какие мы? // Свободная мысль. – 1998. – № 2.
11. Князева М. Русский характер в русской сказке // Спутник. – 1997. – № 1.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
13. Куприянов В. Наши публикации // Поэзия: Альманах. – М., 1991. – № 59.
14. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Избр. работы. В 3-х т. Т. 2. – Л., 1987.
15. Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.
16. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). – М., 1995.
17. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. – СПб., 2000.
18. Маринчак В.А. Принципы конституирования метаязыка ценностной семантики // Вісник Харківського нац. ун-ту. Сер. Філологія. Філологічні аспекти дослідження дискурса. – Харків, 2000. – № 520. – Вип. 33.
19. Розанов В.В. Уединенное. – М., 1990.
20. Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М., 1990.
21. Шмелев А.Д. «Широкая» русская душа / Русская речь. – 1998. – № 1.
22. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. – М., 2002.
23. Kluckhohn, Clyde. 1961. Culture and behavior. New York: Free Press of Glencoe.

Поступила в редакцию 14.02.2006 г.

УДК 81'253

ДО ПРОБЛЕМИ ОНОМАГЕНЕЗУ (НА ПРИКЛАДІ ДЕОНІМНОЇ ЛЕКСИКИ В РІЗНИХ МОВАХ)

Шкурко Т.А., Должанська О.І.

Актуальність. У світі важливості вивчення проблем міжкультурної комунікації, запобігань непорозуміння в процесі спілкування, з точки зору поповнення словникового складу різних мов доцільним вважається звертання до процесу деонімізації (апелятивізації), тобто переходу імені власного в розряд імені загального без афіксації. Вивчення питання семантичного наповнення цих імен є необхідним для теорії і практики перекладу, щоб з'ясувати їх еквівалентність для адекватної передачі у тексті перекладу. Розглядається також питання щодо розвитку пропріальних одиниць як в межах однієї мови, так і при їх запозиченні іншими мовами, те, що належить сфері ономагенезу.

Отже, *мета* дослідження – розглянути приклади пропріальних одиниць, а саме антропонімів, які в різних мовах функціонують як деоніми, дослідити їх семантику, визначити центральні та периферійні риси в цьому аспекті.

Вступ до проблеми. За спостереженнями лінгвістів, „специфіка деонімічної номінативної сфери визначається її генетичним походженням: вона будується на стику дистинктивності (виділення індивіда з колективу) та інтеграційності (об'єднання носіїв одного імені в клас), з одного боку, і глобалізації імені загального в один клас – з іншого” [3, с.89]. Можна виділити традиційні джерела тих імен власних, які потім переходили у загальні. Для багатьох мов – це давньогрецька і давньоримська міфологія, Біблія, літературні джерела. Ці імена власні називають також „алюзивними” [9, с.25], які, за визначенням В.С. Виноградова, „у носіїв мови асоціюються з певним словом з фольклорних, літературних і фразеологічних джерел” [цит. за 2, с. 102]. Формування сигніфікації у деонімів відбувається семантичним шляхом, за рахунок метафоричного та метонімічного переосмислення оніма. Подібні слова розширюють свою семантику на основі конотацій, які утворюються за аналогією з характером персонажу.

Для дослідження лексичної узуалізації деонімів були підібрані приклади з різних мов (англійської, польської, української), прийнято до уваги їх словникові дефініції, а також контекстні значення. Останні вивчались на матеріалі англійської мови, почерпнутого за допомогою програми Concordance на Інтернет-сайті видавництва Macmillan [13]. Інформація щодо польських слів була взята зі статті E. Rudnicka [11]. Це дало змогу прослідити, чи завжди ідентичними є словникові значення деонімів в різних мовах, а також визначити можливість/неможливість подальшого розвитку значень деонімів при їх мовленнєвому вживанні.

Прикладами деонімів, що вивчались, є наступні:

1) пол. *Bedeker* -- „guidebook for tourists” [11, с.156];

англ. *Baedeker – Baedeker, raids, the* – *ист.* «воздушные налеты по Бедекеру» (тотальные бомбардировки городов Кентербери, Йорк, Бат, Эксетер, не имеющих военного значения и описанных в немецком путеводителе Бедекера как исторические и архитектурные памятники; бомбардировки проводились немецкой авиацией в 1942) [6, с.45];

укр. *Бедекер* – „назва путівників по різних країнах для мандрівників, туристів; від прізвища нім. книговидавця К. Бедекера” [1, с.19];

2) пол. *golgota* – 1. “severe suffering especially the mental one”; 2. “the reason of suffering” [11, с.156];

англ. *Golgotha* – „1. 1) *библ.* Голгофа; 2) (G.) *перен.* место мучений и пыток; 2. (G.) кладбище; место захоронения” [4, с.596];

укр. *Голгофа* – 1. бібл. Голгофа (пагорб біля Срусалима; місце страти Христа); 2) місце мук і катувань; 2. цвинтар, місце поховання [1, с.68].

Україномовна назва „Голгофа” має не тільки лінгвістичний еквівалент в англійській мові (слово, яке в різних мовах має подібну звукову та орфографічну форму і співпадає повністю або частково за значенням), але й функціональний (коли відповідне слово у іншій мові не має формальної подібності у написанні і звучанні, але виконує ту саму функцію і грає ту саму роль, що й в іншій мові). Біблейське „Голгофа” у значенні „гора, місце страти Христа” може передаватися як *Calvary*; # *road to Calvary* – „хресний шлях”; образ. тж. мучеництво, муки” [1, с. 34].

3) пол. *Narcyz* – “1. a bulbous plant of a genus Amaryllidaceae with smelling flowers that have white or pale outer petals and a shallow orange or yellow cup in the center; 2. a person who is obsessed with his or her own beauty, wisdom and other features” [11, с.157];

англ. *Narcissus* – “*греч. міф.* Наркисс или Нарцисс; *образн. тж.* самовлюбленный, любующийся собой человек”; *narcissus* – “бот. нарцисс” [5, с.79]; *narcissism* – “when someone is too concerned about their appearance or abilities or spends too much time admiring them – used to show disapproval” [12, p.1001]; *narcissus* – a yellow or white spring flower, such as the daffodil [12, p.1001];

укр. „1. *Наркіс (Нарцис)* *гр. міф.* красень-юнак, що, побачивши своє віддзеркалення у воді, закохався в нього і від цього кохання помер; 2. самозакоханий; людина, що любить себе собою [1, с.105];

4) пол. *Mohawk* – не зафіксовано у словнику як деонім [11, с.157];

англ. *Mohawk*, AmE – “1. a hairstyle in which the hair is cut off the sides of the head, and the hair is made to stick up and is sometimes brightly coloured” [12, p.1059];

укр. – не зафіксовано у словнику як деонім;

5) пол. *lolita* – “a sexually attractive young girl” [11, с.155];

англ. – не зафіксовано у словнику як деонім;

укр. – не зафіксовано у словнику як деонім;

6) пол. *mentor* – “1. a person who permanently obtrudes his or her advice; 2. (old) someone’s experienced and wise advisor or teacher; 3. (horticulture) an older special plant with desirable features on to which a scion is grafted to get the same features” [11, с.158];

англ. *mentor* – an experienced person who advises and helps a less experienced person [12, p.1031];

укр. *Ментор* – „*гр. міф.* наставник сина Одиссея Телемаха”; *ментор* – „наставник, керівник, вихователь, порадник” [1, с.101];

7) пол. *korciuszek* – “a girl, typically shy and modest, often disregarded and sometimes overused by others” [11, с.159];

англ. *Cinderella* – “a person or thing that has been ignored or treated as less important than other people or things [12, p.264];

укр. 1) *Попелюшка*; 2) невтомна трудівниця [1, с.42].

Аналіз дефініцій показав, що деоніми виявляють спільні інтерлінгвальні конотації, але не всі вони співпадають за значенням у різних мовах. Особливо це проявилось в останньому прикладі (пол. *kopciuszek*, англ. *Cinderella*, укр. *Попелюшка*). У цьому випадку семантична структура деоніма утворюється за рахунок експлікації в різних мовах різних імпліцитних пресупозиційних сем оніма. Крім того, якщо деонім є відносно новим утворенням, як це можна спостерігати у випадку зі словом *Mohawk* (у значенні „тип зачіски”) з американського варіанту англійської мови, цілком природно припустити, що його вживання в різних мовах буде обмеженим.

Дослідження англійського мікроконтексту з наведеними прикладами деонімів виявило, що найчастіше вони вживаються у своїх узуальних значеннях. Найбільш вживаним мікроконтекстом є іменні словосполучення, в яких деоніми узгоджуються з епітетом-прикметником, який їх визначає, словосполучення з прийменником “of”, вживання деоніма в якості компонента іменного предиката. Цей мікроконтекст дозволяє „оживляти та оновлювати конотації, які притаманні імені історичного лиця або літературного героя” [10, с.20]: “*The gymslip Lolita is not entirely a figment of the male imagination*”; “*How the heartshaped sunglasses and the lollipop of Lolita catapulted lovely Sue Lyons to stardom*”; “*the role of cultural and political mentor to some rural group*”; “*it was professional and personal; Zednik the coach, mentor and friend*”; “*Here a solicitor can become an adviser and mentor to clients...*”; “*the cinderella of the media world*”; “*the cinderella of the mobile communications business*”; “*a sector at first regarded as British Rail’s provincial Cinderella*”; “*It was a Cinderella dress and no mistake*”.

Іноді можна спостерігати експлікацію додаткових сем в контексті: “*...the story of Narcissus who thought he was the most beautiful young man in all of Ancient Greece*” (слово *beautiful* вживається в англійській мові по відношенню до жінок та дітей [12, p.117]); “*a foolish Narcissus*”; “*The phrase “Cinderella services” was coined to describe the relative paucity of care for the mentally ill, people with learning difficulties and people with physical disabilities as well as elderly people*”.

В деяких випадках деоніми вживаються для утворення певного стилістичного ефекту: “*this aristocratic Cinderella had to pinch herself to make sure that her weekend was not some idle pipe-dream*”(оксюморон); “*As they drove through rolling hills topped by Mohican clumps of trees and moved into the leafy green tunnels of Petersfield...*” (метафора); “*worshipping her broken-nosed Adonis*” (іронія) і т. ін. В поодиноких прикладах може змінюватися конотація деоніма за рахунок атрибутів: “*Even the jewels which Lovat bought as gifts were scrutinised carefully by the fierce mentor, to make sure that they were adequate and sufficiently costly*” (подібна конотація характерна, згідно словникової дефініції, для слова *mentor* у польській мові, а не в англійській).

Висновки. Підіб’ємо деякі підсумки. Проведений аналіз свідчить, що в основному деоніми співпадають за „базовою” семантичною інформацією в різних мовах. Але в деяких випадках „слабка” семантична позиція виходить на перший план (пол. *mentor*) або спостерігається експлікація в різних мовах різних імпліцитних пресупозиційних сем оніма. Зв’язний текст дає можливість маргінальним семам деонімів проявлятися у контексті. Контекстні конотації можуть бути тією базою, на основі якої в майбутньому можуть з’явитися нові значення деонімів. Існує ймовірність перетворення цих

периферійних сем, які експліковані okazіонально, у мовний факт. Це підтверджує слова Гійома, який казав: „усе в мові представляє собою процес... Нема слова, а є надзвичайно складна генеза слова, або лексигенеза” [цит. за 8. с.148].

Список літератури

1. Англо-український словник власних назв та імен. Близько 3000 слів і словосполучень / Уклад. Т.Олійник. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2000. - 208 с.
2. Артемова А.Ф., Леонович О.А. Английские имена собственные и пополнение словарного состава // Иностранные языки в школе. – С. 101-105.
3. Биженкова А.Е. Роль деонимов в формировании языковой картины мира (на материале немецкого, казахского и русского языков) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2004. – №4. – С.89-109.
4. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок. 150000 слов. / Сост. Н.Н.Амосова, Ю.Д.Апресян, И.Р.Гальперин и др.; Под общ. рук. И.Р.Гальперина. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1979. – Т. 1. А-Л. – 824 с.
5. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. Ок. 150000 слов. / Сост. Н.Н.Амосова, Ю.Д.Апресян, И.Р.Гальперин и др.; Под общ. рук. И.Р.Гальперина. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1979. – Т. 2. М-З. – 864 с.
6. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 9500 единиц / А.Р.Рум, Л.В.Колесников, Г.А.Пасечник и др. – М.: Рус. яз., 1978. – 480 с.
7. Иванова Л.П. К проблеме заимствования преседентного антропонима // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Филология». – 2005. – Том 18. – №2. – С. 58-61.
8. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
9. Карабан В.І., Олійник Т.І. Етноспецифічність власних імен та передача їхніх автономастичних значень у перекладі // Іноземна філологія. – 1998. – Вип. 27. – С.25-27.
10. Турута И.И. Собственные имена в художественной речи А.М.Горького (прозвища и фамилии): АКД. – Киев, 1985. – 24 с.
11. Rudnicka E. Eponymical lexical items as the object of translation //Вісник Сумського державного університету. Серія „Філологічні науки”. – 2004. – №4 (63). – С. 154-160.
12. Longman Dictionary of Contemporary English. – 2003. – 1950 pp.
13. www.macmillandictionary.com

Поступила до редакції 28.02.2006 р.

РАЗДЕЛ 5. ТЕКСТ, ДИСКУРС, ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81. 25

О ТИПАХ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Агаян Г.З.

Актуальность. В современной литературе по теории и практике перевода исследуются как общие, универсальные закономерности межъязыковых отношений, так и конкретные, частные межъязыковые эквиваленты. Однако богатый опыт переводчиков и теоретиков перевода (Я.Я. Рецкер, А.К. Швейцер, А.Ф. Федоров, Л.С. Бархударов и др.) еще не обобщен и не изучен в достаточной степени.

В настоящей статье делается попытка проанализировать различные типы межъязыковой эквивалентности на материале переводов русской научно-технической терминологии на армянский язык.

Изучение данной проблемы заслуживает самого пристального внимания, поскольку, с одной стороны, может послужить опорой при обучении студентов Государственного инженерного университета Армении на занятиях по техническому переводу с русского языка на армянский, с другой – может помочь избежать ошибок, вызванных расхождениями сопоставляемых языков в плане выражения лексической эквивалентности.

Постановка проблемы. Межъязыковые лексические отношения являются объектом изучения различных наук (лингвистики, переводоведения, теоретической и описательной стилистики, поэтики). Задача собственно лингвистического изучения требует прежде всего разграничения некоторых основных лингвистических и переводческих терминов. Это особенно важно и потому, что терминология в упомянутых науках общая, недифференцированная и зачастую наполнена неодинаковым содержанием.

Принятые в различных науках термины «языковые синонимы», «параллели», «корреляты», «субституты», «компенсации», «адекватные замены» и др. уводят читателя в область весьма отдаленную от лингвистической сути перевода.

Разобраться в этой массе неуточненных терминов может помочь дать ответ на вопрос, какой термин из двух наиболее часто употребляемых лингвистических терминов – «соответствие» или «эквивалент» – исчерпывающе точно выражает суть понятия «межъязыковое отношение».

Достаточно ясное определение понятия «соответствие» содержится в словарях лингвистических терминов.

Перекочевавший из сравнительно-исторического языкознания термин «соответствие» характеризуется Ж. Марузо следующим образом: «Изучение соответствия между различными языками или различными состояниями одного и того же языка составляют предмет сравнительной грамматики. Соответствия могут быть в формах, или морфологическими, в словаре, или лексическими, в значении, или семантическими, в синтаксисе... Они могут быть чисто случайными, лишенными

значимости или обусловленными общими причинами, действующими параллельно в различных языках, они могут возникнуть благодаря заимствованиям; наконец, они объясняются часто общим происхождением и являются признаком родства рассматриваемых языков» [2, с.290].

Определение соответствия как категории сравнительно-исторической грамматики находим в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Особое соотношение звуков, форм, моделей построения и т.п., обнаруживаемое у отдельных представителей данной языковой семьи, обуславливающее их возведение к общей праформе, модели и т.п. и являющееся основой сравнительно-исторического языкознания. Соответствие. Соответствие звуковое (соответствие фонетическое). Соответствие смыслов. Закономерное соответствие звуков в этимологически тождественных морфемах. Как эмпирическая основа сравнительно-исторического метода, исходящего из регулярности звуковых изменений и устанавливающего первоначальную языковую общность посредством планомерного сопоставления звуковых систем родственных языков» [1, с.441].

Содержание термина «эквивалент» раскрывается О.С. Ахмановой исключительно как внутриязыковая функциональная эквивалентность: «Единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнить ту же функцию, что и другая единица речи. Эквивалент предложения. Эквивалент слова. Эквиваленты синтаксические» [1, с.552].

Несмотря на то, что теория межъязыковой лексической эквивалентности в общих чертах разработана, все еще не выяснена специфика переводческой эквивалентности многочисленного лексико-семантического разряда научно-технических терминов с русского языка на армянский.

Полноценность перевода научно-технической речи означает прежде всего исчерпывающую точность терминов. Вопрос о возможности максимальной их переводимости не может быть решен без выяснения тех понятий и категорий, которые определяют сущность изучаемого явления.

Следовало бы особо выделить работы, посвященные вопросу о видах межъязыковой эквивалентности. В книгах и статьях по теории перевода в разное время выдвигались следующие варианты межъязыковой эквивалентности. А.А. Смирнов выявил два типа: 1) эквиваленты и 2) субституты; Я.И. Рецкер – три: 1) эквиваленты, 2) вариантные соответствия, 3) адекватные замены; Л.С. Бархударов – три: 1) полное соответствие, 2) частичное соответствие, 3) отсутствие соответствия.

Несмотря на различие терминов и формулировок, относящихся к градации межъязыковых соотношений, упомянутые исследователи открыли одно из важнейших направлений теории перевода. Однако вопрос о целенаправленном использовании основных понятий, лежащих в основе типологии межъязыковой лексической эквивалентности, остается пока не решенным.

С точки зрения интересующей нас проблемы равнозначности терминов оригинала и перевода термин «эквивалент» представляется нам более строгим, точным, логически емким, чем термин «соответствие».

Известно, что эквивалентность обозначается различными символами:

$$A \leftrightarrow B, A \leftrightarrow B, A \sim B, A \equiv B.$$

Все они указывают на высокую степень соотношения – в нашем случае между языками – А и В (переводы и оригиналы), тесную взаимосвязь, взаимозависимость между сравниваемыми единицами.

В отличие от «термина» понятие «соответствия» предполагает менее тесную, однонаправленную связь, которую графически можно изобразить знаком \rightarrow .

Исходя из сказанного, считаем целесообразным выделить два основных типа межъязыковой эквивалентности: 1) эквивалентов, 2) частичных эквивалентов.

Работа посвящена выявлению и констатации наличных примеров лексической эквивалентности (полной и частичной), реализуемой в «Русско-армянском словаре» А.С.Гарибяна и в ряде русско-армянских отраслевых словарей.

Составители словарей предлагают свои варианты решения той или иной Переводческой задачи, сохраняя при этом верность армянской многовековой Переводческой традиции, которая в общих чертах заключается в 1) соответствии перевода нормам родного (армянского) языка, 2) умении видеть особенности оригинала и находить различные способы их эквивалентной передачи, 3) использовании прямых заимствований только при исчерпанности всех ресурсов перевода.

1. Эквиваленты

Научно-техническая терминология идеально вписывается в группу полных переводческих эквивалентов, поскольку в сравниваемых языках термины, как правило, однозначны, выражены прямыми номинативными значениями, точно обозначают понятия, принятые в науке и технике; не допускают синонимичных вариаций и занимают значительное место в лексиконе любого развитого языка.

Научно-техническую терминологию, вошедшую в общие и отраслевые словари армянского языка, составляют: 1. Сравнительно небольшое количество заимствованных слов из русской и международной терминологии, приспособленных к фонетическим и орфографическим нормам армянского языка: ср. Авометр ~ авометр, ампер ~, автомат ~, алгоритм ~, альфатрон ~, аргон ~, вакуум ~, импульс ~, электрон ~, триод ~, монитор ~, мегафон ~, бионика ~, вебер ~.

Вопрос об использовании заимствованных терминов имеет свои устоявшиеся традиции у старописьменных, в отличие от младописьменных, языков. Для армянского языка, имеющего семнадцативековую переводческую традицию, естественно сохранение национальных особенностей в способах и приемах терминообразования.

В свое время естественное стремление составителей армянских словарей сохранять и развивать оригинальную терминологию, избегать по возможности прямых заимствований из русского и других языков считалось чем-то вроде борьбы с насильственной русификацией.

В армянской научно-технической терминологии утвердилось огромное количество терминов, образованных по моделям русского и др. языков способом калькирования (скрытые заимствования):

а) только одной части слова: радиообмен ~ радиопоханакум, радионавигация ~ радионавагнацутюн, радиомачта ~ радиокайм, радиомаяк ~ радиопарос, радиооборудование ~ радиосаркаворум, радиопередатчик ~ радиоахортум, радиосеть ~ радиоцанц, радиотелеграмма ~ радиоерагир, радиотерапия ~ радиобужум, радиолокация ~ радиотехаворум тарацутян меч (описательный перевод).

б) всего слова: алфавитно-цифровой ~ айбенатвайин, амортизатор ~ мехмич, поляризация ~ беверацум, составляющие переменного напряжения ~ попохман ларман бахадричнери верлуцтюн, баланс ~ ашвекшир, батарея ~ марткоц, телевизионная башня ~ ерустатесутян аштарак, барометр ~ шохамегр, апостериорная вероятность ~ ентапорцайин аванаканутян, многопрограммное вещание ~ базмацраграйин ахордум, вибратор ~ таганум, видеозапись ~ тесагир, возбудитель ~ гргрич, волновод ~ аликатар, датчик ~ сприч, дискретный ~ энтат, зарядка ~ лицкаворум, амортизатор ~ арвацамехмич.

В небольшой статье невозможно детально рассмотреть все случаи образования армянских эквивалентов путем калькирования русских технических терминов. Рассмотрим лишь некоторые.

2.1. Многочисленная, уже устоявшаяся группа терминов, созданных путем метафоризации общеупотребительных слов по цели назначения, по форме и по иным признакам. Ср. головка резца ~ агичи глхик, барабанный кулачок ~ глани чанкик, верхние салазки ~ веревы сахнак, лебедка ~ карапик, люлька ~ оророц, серьга ~ аканжох, собачка (защелка ружья) ~ грацани шник, шейка ~ взик, колено ~ цунк, манжета ~ тевкацал.

2.2. Термины, обозначающие названия профессий. Ср. проходчик ~ лернагорц банвор, газовщик ~ газикацман банвор, рудокоп ~ анкапор, шлифовщик ~ ехкич банвор, оператор ~ нкараанич, фрезеровщик ~ фрезорд, мостовик ~ камрджашен.

2.3. Термины, связанные с различными сферами производства, испытывающими влияние автоматики и телемеханики. Ср.: токарный станок с цифровым программным управлением ~ харати астоц твайин караварумов.

2.4. Термины-сокращения (минимальные буквенные сокращения). Ср.: л.с.= лошадиная сила ~ д.у. диауж; э.д.с.=электродвижущая сила ~ э.ш.у. электрошарж уж; к.п.д.=коэффициент полезного действия ~ о.г.г. огтакар горцохутян горцакиц; АК=автомат Калашникова ~ к.а. калашникови автомат; ЖБИ=железобетонное изделие ~ е.б.а. еркатбетон артадранк; ЖБК=железобетонная конструкция ~ еб еркатбетоне каруцвацк.

3. Перевод иноязычных терминов с помощью исконно армянских слов.

Ср.: колесо ~ анив, подшипник ~ аранцкакар, рычаг ~ лцак, колонка ~ сюн, кладка стен ~ патери шарум, арка ~ камар, карьер ~ караанк, балка ~ етцан, мост ~ камурдж, цоколь ~ патвандан, инженер ~ чартарагет, архитектор ~ чартарапет, стройка ~ шинарарутюн, мостовик ~ камрчашен, каменотес ~ карташ.

II. Частичные эквиваленты

Группа малоизученная. Включает наименее распространенные виды межъязыковых соотношений. Такую связь можно установить между объемами понятия «масло» в русском и армянском языках. Русское слово является менее дифференцированным по сравнению с армянским эквивалентом:

масло	караг (сливочное) юх (топленое) дзет (постное)
каша	кашови (рассыпчатая) шила (жирная)
партия	хумб хмбаканак дерерг лав амуснанал норакочикнери джокат

Армянское слово в свою очередь может быть недифференцированным по сравнению с русским:

амуснанал	выходить замуж
-----------	----------------

О ТИПАХ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

		жениться
капуйт		голубой синий
лванал		мыть стирать (белье)
овив		пастух подпасок
мори		малина земляника

Выводы. Рассматривая типы межъязыковой лексической эквивалентности на русско-армянском материале, мы сочли необходимым ограничиться двумя типами: полными стабильными эквивалентами и неполными, частичными эквивалентами.

Нами не выделена группа безэквивалентной лексики, т.к. коэффициент корреляции здесь равен нулю и задача лежит совершенно в иной плоскости -- технике перевода.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960.

Поступила в редакцию 22.03.2006 г.

УДК 811.111'01:316.286

РИТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА АНГЛОСАКСОНСКОГО ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА

Астафурова Т.Н., Олянич А.В.

Постановка проблемы. Воздействие на массы напрямую связано с событийностью предписывающего характера, т.е. ритуалами, приуроченными к определенным важным событиям в жизни социума: парад – к празднику, подъем флага – к функционально целесообразному построению, приветствие – к встрече людей и т.д. Ритуалы не только предписывают некую процедуру, порядок и содержание действий в определенной ситуации, внутри события, но и воздействуют на массовое сознание, поскольку целью ритуала является принудительное освобождение участников от собственных решений, собственного творчества. Тем самым внушается осознание важности происходящего, его надындивидуальной значимости. Особенно ярко эта задача просматривается в ритуалах демонстрации власти.

Ритуальная динамика англосаксонского властного дискурса представлена в *этапах ритуализации властного события*:

1) топологической обусловленности, 2) уточнении границ и семиотики властного ритуала, 3) регламентации хроно-, топо- и звукосемиотических компонентов ритуального процесса, 4) вербализации ритуального события, 5) драматизации ритуального события, 6) введении новых элементов ритуала, значимых для власти.

Специфика англосаксонского властного дискурса также выражается в театрализации ритуального события, которая манипулятивно высвечивает «рекламируемые» характеристики монарха (величие статуса и королевское достоинство в сочетании с простотой общения), затушевывает амбивалентные или негативные действия властной персоны, популяризирует государственную деятельность власти в целом.

Ритуал презентует ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Иными словами, мы имеем дело с воздействующей функцией лингвосемиотического пространства власти, направленной на дальнейшую формализацию и динамику властного ритуала, поскольку «его состояния меняются постоянно, а стало быть, меняются и значения одних и тех же его сегментов, которые зависят от момента времени» [4, с.130]. Власть как бы «обживается» в пространстве события и формализует его в соответствии с манипулятивными этапами.

На первом этапе к событию прикрепляется место его протекания, событие становится топологически обусловленным. Так, главным властным ритуалом является коронация, которая традиционно проводится в Вестминстерском Аббатстве (*a Coronation Church*). Горас Уолпол в письме сэру Горасу Манну размышляет о ритуале коронации следующим образом: «*What is the first sight in the world? A coronation. What do*

people talk most about? A coronation. What is delightful to have passed? A coronation». В самом деле, коронация – это, по выражению Эдварда Карпентера, архидьякона Вестминстерского аббатства, древнейший ритуал, который использовался для подтверждения легитимности выбора монарха народом, его самопожертвования и освящения Богом его правления (*«indeed was the ancient ritual which was used in its inclusion of election, confirmation of the people's choice, self-dedication and consecration...»*) [5, с. 31]. Начало коронации как ритуалу было положено в 973 г. королем Эдгаром в соборе города Бат (*«to establish his throne not only on the right of conquest or papal benediction, but on the support of the sacred hallowing which coronation would give him»*).

На втором этапе определяются границы протекания события, за которым закрепляются определенные символы и знаки, придающие пышность триумфальным церемониям введения во власть (коронация, инициация, инаугурация): символы власти, обилие золотых украшений, оружия, красивых и дорогих одеяний, колесниц, украшенных цветами коней, информирующее общество о могуществе и богатстве монарха, его таланте воина и государственного деятеля. Так, придворный историк Тюдоров Эдвард Холл описывает торжественное убранство придворных, принявших участие в коронации Генриха VIII и Екатерины Арагонской:

«The knights presented themselves before the king all on horseback and armed from head to foot they each had one side of their armor-skirts and horse-trappings made of white velvet embroidered with gold roses and other devices, and the other made of green velvet embroidered with gold pomegranates. On their headpieces each wore a plume of gold damask. At the same time the other side rode in, the aforementioned knights fully armed and dressed, like their mounts, in green satin embroidered with fine golden bramble branches. Following them, blowing horns, came a number of men dressed as foresters or gamekeepers in green cloth, with caps and hose to match».

На третьем этапе регламентируется сам ход события, определяется репертуар действий, составляющих событие или сопровождающих его; вводятся правила развития события и налагаются процессуальные ограничения; определяется ролевая структура события – его участники и их роли.

Так, регламент коронации Генриха VIII и Екатерины Арагонской (1509) придавал особое значение хроносемиотическому компоненту ритуала (*Sunday* как религиозно значимый день для англосаксонской паствы; *Midsummer's Day* как священный праздник летнего солнцестояния, связанный с древними ритуалами и особо почитаемый англосаксами). Начало церемонии было строго фиксированным (*at the appointed hour*); в соответствии с правилами ритуала в коронации принимали участие придворные по праву, закрепленному за ними указами, историческими прецедентами и особыми привилегиями (*the barons of the Cinq Ports*); высшее духовенство (*archbishop of Canterbury, prelates of the realm*); знать и наиболее уважаемые горожане (*the nobility and a large number of civic dignitaries*), которым отводились определенные места в соответствии с их статусом (*«Each noble and lord proceeded to his allotted place arranged earlier according to seniority»*).

Такие важные элементы ритуала, как помазание на трон и коронование, производились высшим иерархом англиканской церкви – архиепископом Кентерберийским и высшим духовенством (*«His grace and the queen were anointed and crowned by the archbishop of Canterbury in the presence of other prelates of the realm»*).

Ритуал коронации предусматривал также застольную часть, семиотика которой обильно маркирована знаками иерархической структуры власти (*«the lords spiritual and temporal paid homage to the king and, with the queen's permission, returned to Westminster Hall – each one beneath his canopy – where the lord marshal bearing his staff of office ushered all to their seats»*).

Топосемиотический компонент ритуала коронации проявлялся:

– в строгой фиксации расположения его участников за столом во время церемониальной трапезы: *«The nine-piece table being set with the king's estate seated on the right and the queen's estate on the left»*;

– в нарочитых декоративности и величине пространства, в рамках которого протекала трапеза; эти топосемиотические компоненты подчеркивали величие и могущество власти соверена (*«At the sound the duke of Buckingham entered riding a huge charger covered with richly embroidered trappings, together with the lord steward mounted on a horse decked with cloth of gold. The two of them led in the banquet which was truly sumptuous, and as well as a great number of delicacies also included unusual heraldic devices and mottoes»*).

Звукосемиотический компонент ритуала подчеркивал торжественную тональность властного действия и маркировал последовательность его этапов. Так, коронация сопровождалась хоровым пением церковных молитв и гимнов, подача каждого блюда во время пышного пиршества оглашалась звуками фанфар (*«the first course of the banquet was announced with a fanfare»*). По особому звуковому сигналу сменялись ритуальные действия (*«At the sound the duke of Buckingham entered riding a huge charger covered with richly embroidered trappings, together with the lord steward mounted on a horse decked with cloth of gold»*), народ извещали о вступлении монарха на трон (*«There was a firing of guns and chamber music between 4 and 5 o'clock; by 6 o'clock began the proclamation of the Queen, with two heralds and a trumpet blowing, and so went through Cheapside to Fleet Street, proclaiming the Queen»*).

На четвертом этапе происходит вербализация ритуального события, уточняется его лингвистическая составляющая, устанавливается зависимость успешности реализации события от его лингвистического обеспечения («что и как необходимо сказать, чтобы событие успешно протекало и успешно завершилось»). Считается, что в ритуальной коммуникации над вербальными знаками доминируют знаки невербальные. Как утверждает Г.Г. Почепцов, «...ритуал реализует обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального» [3, с.15]. В то же время, будучи усеченным, вербальный компонент оказывается центральным элементом процедуры коронации, предусмотренным ее правилами. Так, клятва Елизаветы I заботиться о своих подданных и о процветании королевства немногословна, однако она концентрированно передает весь смысл ритуала – использовать дарованную Богом верховную власть на благо подданных и всего королевства: *«And whereas your request is that I should continue your good lady and be Queen, be ye ensured that I will be as good unto you as ever Queen was unto her people. No will in me can lack, neither do I trust shall there lack any power. And persuade yourselves that for the safety and quietness of you all I will not spare if need be to spend my blood. God thank you all»*.

Клятва подданных на верность монарху формулировалась в процедуре ритуала коронации как ответ на вопрос о признании монарха (*«The Recognition Question»: «Will*

you take this most noble prince as your king and obey him with great reverence, love and willingness?» and Reply to the Recognition Question: 'Yea, Yea!').

В вербальной части коронационного ритуала не допускались никакие отклонения, в том числе и процедурного характера – во время чтения канонических библейских текстов, сопровождающего коронацию властных персон. Так, свидетель коронации королевы Анны лорд Мельбурн вспоминал, что, когда епископ Бага и церковный служитель Уэллс намеренно пропустили две страницы библейского текста как обязательного вербального компонента коронации, чтобы ускорить затянувшуюся церемонию, и ушли в часовню Святого Эдуарда, королева Анна, обнаружив ошибку, заставила их вернуться и закончить церемонию в соответствии с каноном: «*The Bishop of Bath and Wells turned over two pages and told the Queen that it was all over and they duly retired to St Edward's Chapel, the Queen on finding out the mistake insisted on proper finishing the service, although I remarked, 'What does it signify?'*» [5, с. 29].

Вербальной характеристикой коронационной речи монарха является властная директивность, маркерами которой выступают дискурсивные элементы *desire, demand, that you will be faithful to, to be assistant to, make a good account to, to govern for the greatest wealth, to leave comfort to our posterity on earth etc.*:

«I shall desire you all, my lords, (chiefly you of the nobility, everyone in his degree and power) to be assistant to me that I, with my ruling, and you with your service, may make a good account to Almighty God and leave comfort to our posterity on earth» (Reputedly spoken by Elizabeth I at her coronation).

Во время принятия присяги у подданных монарх использует директивные конструкции как инструмент облечения их своим доверием и расположением:

«This judgement I have of you, that you will not be corrupted by any manner of gifts, and that you will be faithful to the State; and that without respect of any private will, you will give me the counsel you think best» (Elizabeth to William Cecil on making him Secretary of State at her accession).

Богоизбранность монарха подчеркнута использованием в речи уничижительных как языковых знаков смиренности и покорности Божьей воле: (1) *«Christ was the word that spake it. He took the bread and break it; And what his words did make it That I believe and take it» (Reputedly spoken by Elizabeth I); (2) «This is the Lord's doing and it is marvellous in our eyes».*

Уже во время коронации монарх дает понять, что в его руках сконцентрирована власть повелевать и наказывать, поэтому среди вербальных знаков коронации обнаруживаются дискурсивные элементы угрозы: *«Let this my discipline stand you in good stead of sorer strokes, never to tempt too far a Prince's patience»;* *«Those who touch the sceptres of princes deserve no pity».* Абсолютный характер подчинения монарху просматривается в ритуале присяги на верность, которую в первую очередь приносит глава Тайного Совета соверена (*Privy Councillor*). Так, клятвенная присяга лорда Бергли, канцлера Елизаветы I, данной королеве в 1570 г., характеризуется ритуальным форматом, обеспечиваемым директивностью:

- модальности (*«you shall / shall not; if any treaties or councils shall»*),
- дискурсивных формул (*«you shall swear, you shall keep secret, you shall not reveal, you shall not let, you shall bear faith and true allegiance, you shall assist and defend, you shall do as a faithful and true councillor» etc.*),

– атрибутивных характеристик высшей степени лояльности (*to the utmost, uttermost, at all times, in all things, true, faithful, affection*).

И, наконец, последней отмеченной нами особенностью вербального компонента ритуального дискурса оказывается его вторичный/рефлективный характер, поскольку смысл и коммуникативные задачи властных ритуалов отражаются в вербалике их наблюдателей («*The account at right was written by the Tudor chronicler Edward Hall*»), реминисценциях и мемуарах участников и свидетелей («*How can I describe the abundance of fine and delicate fare prepared for this magnificent and lordly feast, produced both abroad and in the many and various parts of this realm to which God has granted his bounty*»).

На пятом этапе событию придается статус зрелища: для того, чтобы воздействовать на эмоции социума, оно должно стать визуально выразительным и эмотивно заряженным. Событие драматизируется и приобретает презентационные характеристики – театрализуется – для максимального воздействия на социум [2].

Ритуальная коммуникация часто характеризуется театральностью. Под ее влиянием проходят не только культурные, но и ритуальные мероприятия власти. Так, король Генрих III во время реконструкции норманнского аббатства заставил архитекторов построить в нем театральные подмостки, на которых должна была проходить коронация [5].

В обществе всегда были определенные утрированно-перформансные коммуникационные роли. Мы называем их таковыми, поскольку для их выполнения требовалось определенное «отклоняющееся поведение». Это роли юродивого и шута. Юродивый не наказывался за свое поведение, так как считалось, что через него говорит Бог. Поэтому юродивые имели возможность говорить властителям нелицеприятную правду. Такую же функцию выполняла перформансная роль шута, которая позволяла увещевать короля и давать ему советы. Часто королевские особы больше доверяли своим шутам, чем прочим придворным.

Такой важный в государственном отношении ритуал, как коронация властных персон, неминуемо подвергался режиссуре и театрализации. Как отмечают свидетели коронации Елизаветы I, праздничные представления начались за день до церемонии коронации и разыгрывались в разных частях Лондона. Каждое представление (*spectacle, pageant*) было тщательно продумано, инсценировано и имело свой символический смысл. Оно разыгрывалось перед жителями столицы для того, чтобы разъяснить им суть будущего правления королевы.

Первое представление напоминало народу о ее английском происхождении в противовес испанским корням Марии и ее супруга короля Филиппа, а также о ее близком родстве с Генрихом VII, который положил конец тридцатилетней Гражданской войне. Актеры давали понять публике, что внучка того, кто остановил Войну Роз, объединит Англию и дарует ей мир («*The first pageant laid out Elizabeth's genealogy, stressing her 'Englishness' (as opposed to the 'Spanishness' of Mary, who was half Spanish, and Philip, who was Spanish), and her descent from Henry VII and Elizabeth of York, whose marriage had put an end to years of civil war. The pageant made clear the implication that the granddaughter of those who ended the War of Roses would herself reunify England and bring peace to it*»).

Второе представление ассоциировало будущее правление Елизаветы с четырьмя добродетелями – истинной верой, любовью к подданным, мудростью и справедливостью, которые побеждали зло, воплощенное в предраассудках и невежестве

(«The second pageant showed Elizabeth's government characterized by the four virtues of True Religion, Love of Subjects, Wisdom and Justice trampling their opposite vices, including Superstition and Ignorance»).

Во время третьего представления Лорд-мэр вручил Елизавете предмет, сделанный из золота, символически демонстрирующий единение столицы и короны (*«During the third pageant the Lord Mayor presented Elizabeth with a gift of gold, symbolically demonstrating the interdependence of the City and the Crown»*).

В четвертом спектакле процветающее королевство (Елизаветы) противопоставлялось разлагающемуся (Марии). Главным действующим лицом выступала Правда, которая преподносила королеве Библию с надписью на английском языке «Слово Правды». Королева, принимая дар, целовала Библию и прикладывала ее к груди под громкие приветственные возгласы толпы (*«In the fourth pageant, a decaying commonwealth (Mary's) was contrasted with a thriving one (Elizabeth's). It featured the figure of Truth, who was carrying a Bible written in English and entitled the Word of Truth. Truth presented the Bible to the Queen, who kissed it and laid it on her breast to the cheers of the crowd»*).

В пятом представлении предсказывалось долгое и благополучное правление Елизаветы: она изображалась в облике ветхозаветной Деборы-прорицательницы, спасшей Дом Израилев и правившей затем сорок лет (*«The task ahead of her was presented in the final pageant, with Elizabeth portrayed as Deborah, the Old Testament prophet, who rescued the House of Israel and then went on to rule for 40 years»*).

Презентационная эффективность этих театрализованных представлений была огромной: комбинация знаков, вовлеченных в театральное действие, удачно высвечивала такие характеристики Елизаветы, как величие ее статуса и королевское достоинство в сочетании с простотой общения, и это нашло отклик в сердцах горожан, полюбивших ее (*«Elizabeth excelled in the starring role in such spectacles, managing gracefully to combine the dignity and grandeur of her position with a common touch that allowed the public to warm to her. The procession was basically a popularity contest and it was a resounding public relations success for the new queen»*). Таким образом, именно благодаря театрализации, народ признал своего монарха еще за день до коронации (*«She emerged from the ceremony to greet her adoring fans wearing a big smile, her crown and carrying the orb and sceptre of her new office»*).

Наконец, на *шестом этапе* с течением времени событие освобождается от ряда своих компонентов, которые оказались малосущественными в смысле воздействия, и повторяется уже в измененном виде, т.е. в совокупности тех компонентов, которые выдержали проверку временем, с новыми элементами, получившими максимальный социальнозначимый эмотивный потенциал [1].

Изменения в англосаксонских властных ритуалах носят как сугубо семиотический, так и лингвосемиотический характер. Первым sovereignом, который переаранжировал семиотическое пространство ритуала коронации, существовавшее до него, был Эдвард I: он вывез из Шотландии Скунский камень, который служил тронном для шотландских королей, сделав его основанием для трона в Вестминстерском аббатстве.

Семиотические изменения в ритуал коронации были внесены голландским принцем Вильгельмом Оранским (1688г.), который отказался участвовать в коронации в роли супруга, сопровождающего королеву, и потребовал быть коронованным вместе с женой – королевой Марией, дочерью Джеймса II. Для него был сделан второй коронационный

трон, и оба они короновались вместе как равностатусные монархи; на монетах, отчеканенных во времена их правления, изображен их двойной барельеф.

Еще один – лингвосемиотический – способ переаранжировки ритуала коронации связан с постепенной заменой языка самого ритуала с латинского на английский. Коронация Вильгельма Завоевателя проводилась в Рождество 1066 г. на английском и французском языках. Позже церковным языком коронации стала латынь, и только Елизавета I, которая, являясь убежденной сторонницей компромиссных государственных решений («*The ritual itself was a clever compromise between the Catholic practices that existed and the Protestant ones that she intended to introduce*») и для которой было важно постепенно вытеснить католическую веру верой протестантской («*The changes in the service were a portent of the religious settlement to come and symbolic of her 'make-haste-slowly' approach to introducing change*»), настояла на ведении коронации на двух языках – латыни и английском: «*She was crowned in Latin by a Catholic bishop but parts of the service that followed were read twice – in Latin and English*». Впоследствии латынь была полностью вытеснена из ритуала коронаций и заменена государственным языком Великобритании – английским.

Выводы. Таким образом, внутри ритуального пространства англосаксонской власти в ходе истории властной коммуникации сформировалась обширная и жестко фиксированная лингвосемиотическая система воздействия, реализующая функцию визуальной презентации конвенционального согласия на взаимодействие между sovereignом и его подданными, поддержанную языковыми знаками соответствующей ритуальной природы.

Список литературы

1. Метелица Е.В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации: АКД. – Волгоград, 2003.
2. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507с.
3. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2001.
4. Чертов Л.Ф. Ритуал как форма семиотизации пространства // Ритуальное пространство культуры. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 56-61.
5. Carpenter, D. The Westminster Abbey. – L.: Harper, 1998.
6. Henry VIII's Speech before Parliament, 1545 // www.primarysources.com
7. Queen Elizabeth's Quotes // www.elizabethregina.uk
8. Act of Supremacy (1534), The Oath of Supremacy, 2nd Act of Supremacy (1559), Act of Parliament (1536), Elizabeth's Act of Uniformity (1559), The Thirty Nine Articles, Thirty Nine Articles // www.wikipedia.com
9. The Concise Oxford Dictionary of the English Language. – OUP, 2003 (COD).
10. Collins Cobuild English Dictionary. – L.: Collins Pbl., 2000 (CCED).
11. The Oxford Concise Dictionary of Proverbs. – Oxford: OUP, 1996 (OCDP).
12. The Longman Dictionary of English Idioms. L.: Longman, 1997 (LDEI).
13. The Microsoft Bookshelf Encyclopedia on CD-ROM, 1998.

Поступила в редакцию 06.04.2006 г.

УДК 81`272

КОММУНИКАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Башук А.И.

Актуальность. В современных условиях быстро трансформирующейся политической действительности в Украине речи политических деятелей, как и официальные документы, перестают носить преимущественно символический характер, оказывая реальное влияние на происходящие политические процессы, формируя повестку дня. Это определяется изменением роли информационно-коммуникативного пространства в жизни общества, тенденцией к интерактивной политике.

Однако в условиях, когда актуальными остаются проблемы доступа общественности к необходимой информации, обеспечения понятности и прозрачности политических решений, речь политика является общедоступным, а иногда и единственным средством интерпретации политической действительности. В своем инаугурационном выступлении В. Ющенко задекларировал, как он сам определил, «амбициозные задачи». Инаугурация 23 января 2005 года, безусловно, является знаковым событием в политической жизни Украины: приход к власти оппозиции положил конец политической эпохе Леонида Кучмы. Впервые состоялась общественная инаугурация: после церемонии вступления в должность президента в стенах парламента Виктор Ющенко обратился с торжественной речью к украинскому народу на главной площади страны – Майдане Незалежности. Отметим, что выступления политических лидеров, восходящие к перформативам проявления власти, имеют свою специфику. Значение и важность процедуры инаугурации в целом продемонстрировала клятва В. Ющенко на Библии в стенах Верховной Рады 23 ноября, накануне официального объявления окончательных результатов выборов (24 ноября в 18.30), когда в стране происходили массовые протесты, вызванные нарушениями и фальсификациями в период второго тура голосования. Украинский парламент не обладал легитимными механизмами объявления недоверия ЦИКу, а политические решения, как правило, имеют мало шансов изменить реальную ситуацию. Поэтому провозглашение присяги президента стало первым решительным шагом главы оппозиции после выборов и, несмотря на неоднозначную оценку как со стороны политиков, специалистов, так и общества, послужило мощным психологическим фактором, побуждающим людей стать на защиту «народного президента». И хотя спикер закрыл заседание и телетрансляцию отключили, слова лидера оппозиции «Принимаю присягу Президента» услышали все, а уже через 20 минут В. Ющенко был на Майдане и почти 500 тысячам людей объяснил, почему принял подобное решение. После таких действий поддержка Ющенко возросла, по всей Украине началось движение в поддержку «законного» президента. Этот яркий пример в очередной раз подчеркивает важность политического ритуала.

Итак, обращение к инаугурационным выступлениям при анализе политических текстов представляется *актуальным*. Подчеркнем, что наиболее известна американская процедура инаугурации, которая проводилась свыше 50 раз и занимает существенное место в американской политической культуре, что позволило выработать определенные стратегии, жестко закрепленные за данным ритуалом. Именно американская традиция послужила примером для многих стран мира.

Цель нашего исследования – выявить с помощью стратегического подхода при обработке дискурса коммуникативные стратегии в ритуальных политических текстах. Вслед за авторитетным лингвистом ван Дейком, под *стратегиями* мы понимаем некие общие текстуальные и контекстуальные инструкции, значимые для данных коммуникантов информации [2].

Материалом исследования в рамках данной статьи послужила инаугурационная речь В. Ющенко на Майдане Незалежности (23 января 2005г.), а также – для выявления специфики и отличительных черт коммуникативных стратегий политического ритуала – автор обращается к торжественному выступлению Президента Украины по случаю Дня Независимости (24 августа 2005г.) и инаугурационным речам В. Путина.

Коммуникативно-стратегический анализ дает возможность выделить два основных вида стратегий: *контекстуальные стратегии*, апеллирующие к социополитическому контексту речи, и *семантико-психологические*, которые определяются при анализе значений слов, фраз, предложений, текстов и отражают влияние на формирование убеждений, взглядов, ценностей, идей и установок аудитории.

Среди контекстуальных стратегий целесообразно выделить следующие:

Стратегия государственности, определяющая общий контекст данной коммуникативной ситуации, поэтому, чтобы ее интерпретировать, достаточно ограничить поиск информации концептом определенной страны, которому будут подчинены все речевые стратегии. Особое значение данная стратегия приобретает в так называемых новых независимых государствах – идея освобождения подчеркивается как всенародное благо: *«Ми скинули з плечей тягар минулого. Більше ніхто не посміє вказувати нам, як жити, кого обирати»*, – так начинается свою речь В. Ющенко [5]. Страны, исторически являющиеся самостоятельными политическими игроками на международной арене, акцентируют внимание на верности традициям и необходимости их сохранения: *«обязанности Президента – хранить государство и верно служить народу»* [6]. В этом и проявляется суть ритуальных политических текстов: перманентно цементировать государственность, являясь символическим напоминанием о принадлежности к единой нации.

Стратегия посвящения заключается в том, что инаугурационные речи, располагаясь в пространстве, сами по себе выступают политическим действием [8, с.247]. Их цель – в выполнении самого ритуала. Так, в инаугурационной присяге активизируется функция обряда инициации – перехода в качественно иное состояние: только после ритуала президент законно вступает в должность.

Стратегия декларации общих целей проявляется в коммуникативном взаимодействии участников ситуации: инаугурация – это всегда взаимное соглашение. Наблюдатель, зритель – народ – является таким же полноправным участником политического перформанса, как и президент, что ярко продемонстрировали последние президентские выборы в Украине. Знаковым является перенос церемонии на Майдан Незалежности. Сам факт выступления В. Ющенко на Майдане призван подчеркнуть

единство власти и народа, общность национальных устремлений, что и прозвучало из уст Президента в день официальной церемонии в ВР: «*Нам разом працювати з народом і для народу. <...> Я хочу перед своїм народом продовжити присягу... Я вас закликаю всіх: ходімо до громади, вона нас чекає, і будьмо разом!*».

Стратегия официального дискурса восходит к определенным нормам и принципам функционирования торжественных обращений и характеризуется прогнозируемостью, заданной тематикой, употреблением риторических приемов (метафор, гипербол, сравнений), возвышающих над повседневностью. Например, риторическими стратегиями изобилует речь В. Ющенко ко дню Независимости, в чем усматривают ориентацию его спичрайтеров на речи американских президентов, особенно знаковыми фигурами являются Кеннеди, Рейган и Клинтон: «*Державність досягла на кінець літа, як яблуко у Довженковому саду*»; «*Україна постала перед світом нацією, що має унікальне покликання*»; «*...багато наших сусідів дивляться на нас, сприймають Україну як регіонального лідера*»; «*Вірю, що вже скоро без України не можна буде уявити ні нового обличчя Європи, ні її кордонів, ні ролі у сьогоднішньому світі*» [4]. Но если для Америки подобный пафос звучит целесообразно в силу того, что она доминирует в мировой политике, а из-за отсутствия значительных культурных достояний серьезное внимание уделяют ежедневному самовыражению (отсюда и поп-арт), то для украинской ситуации излишний пафос не оправдан [1].

Стратегия свободной референции конкретизирует темы, еще не детализированные предшествующими стратегиями, ограничивая их возможный репертуар. Так, В. Ющенко в силу особенностей своего психотипа стремится в каждом тексте видеть набор стандартных ценностей: *религия, история, единство, мораль*. В зависимости от обстоятельств и темы разговора они обосновываются по-разному, но есть почти всегда.

Основные *семантико-психологические* стратегии, представленные в инаугурационных выступлениях: **стратегия единства, стратегия декларации новых политических принципов, стратегия ответственности, стратегия «светлого» будущего**. Они входят в поле так называемой «безопасной» риторики, т.е. утверждают то, что уже известно аудитории, и не содержат полемических высказываний [8, с.247]. Такие стратегии принимаются безоговорочно, базируются на повторах, имеют четкую структуру. Более подробно остановимся на нескольких.

Стратегия единства является доминирующей в рассматриваемых ритуальных текстах. Она проявляется, в первую очередь, эксплицитно: с помощью местоимений *мы, наши*, которые реализуются в сегменте определенности, обозначая конкретный народ. Часто встречаются в обращении В. Ющенко сочетания местоимений *мы с вами, все мы*, усиливающие интегративную функцию; смысл всеобщности, всеохватности реализуется конструкцией *всех и каждого*.

Инаугурационная речь – это всегда общая клятва на верность принципам и идеалам государства, что активизируется в повторяющихся синтаксических конструкциях. Так, в речи В. Ющенко рефреном звучат предложения «*Мы станемо...*», «*Мы будемо...*», «*Ми матимемо...*», дальше по тексту: «*моральну владу*», «*заможною нацією*», «*солідарною нацією*», «*чесною нацією*», «*нацією самоврядних громад*», «*нацією високої культури*». В обращении В. Путина (2004) – «*Вместе мы...*», «*Это мы сами...*», «*Это мы вместе...*», дальше по тексту: «*сумели очень многое*», «*добились высоких темпов развития нашей экономики*», «*остановили агрессию международного терроризма*». Данные

семантические конструкции, выделяя стратегию единства, также являются маркерами завершения микротема, которые в речи украинского президента восходят к стратегии декларации новых политических принципов, у российского – констатируют достижения четырехлетнего правления. В заключительном рефрене В. Ющенко *«Ми станемо першими і ми станемо найкращими!»* с помощью повтора акцентируется стратегия уверенности в лучшем будущем. Абстрактная идея единения после ноябрьских событий 2004 года обретает материальное воплощение в топонимическом символе, которым выступает Майдан Незалежности. Он ассоциируется со свободой и консолидирует украинский народ: *«Свобода, здобута тут (на «славному Майдані». – А.Б.), не належить якійсь одній політичній силі. Мільйони людей, які вистояли в сніг і мороз, захистили гідність і права кожної людини у Донецьку і у Львові, у Сумах і у Криму» (из речи ко ДН).*

Подчеркнем, что в обращении В. Путина 2000 года стратегия единства выявлена более слабо по сравнению с 2004 годом, когда делаются акценты на совместных достижениях. Придя на смену Б. Ельцину, которого иногда позиционировали как «царя Бориса», Путин берет на себя обязательства сильной власти: *«в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране»*. В Украине же центральная власть всегда была слаба и малоэффективна, представлений о царе как заместителе бога на земле не существовало. Поэтому, по мнению российского политолога Андрея Окары, украинское общество в меньшей степени зависит от самой власти [7]. Это находит отражение и в языке политики: для президентской риторики характерно чередование Я/МЫ-глагольных конструкций, т.е. объединение в рамках одного предложения глаголов единственного и множественного числа первого лица: *«Присягаю – ми змінимо наше життя»* и т.д. Обратим внимание, в речи В. Путина (2004) чередуются глагольные конструкции МЫ (власть?)/ОНИ («люди в России»): *«И мы будем делать все, чтобы каждый человек смог проявить свой талант и свои способности. <...> Чтобы люди в России могли получать хорошее образование, достойную социальную и медицинскую помощь. Чтобы они жили в достатке и могли завещать детям результаты своего собственного труда»*.

2. Стратегия декларации новых политических принципов заключается в провозглашении новоизбранным президентом принципов своего правления. С одной стороны, они носят довольно абстрактный характер, что передает, в частности, ключевое сообщение, акцентирующее «вечную» избирательную тему повышения уровня благосостояния граждан. Указанная тема актуальна для всех форм правления и для всех этапов развития каждого общества. Обратим внимание, что в современном мире меняется соотношение приоритетов *государство-человек*. Если раньше на первом месте были интересы государства, при этом человек мог быть совсем незащищенным, то сейчас определяющим является человеческий фактор, что отчетливо выделяет в своем инаугурационном выступлении 1999 года Л. Кучма. Корректирует цели четырехлетнего правления в 2004 году и В. Путин: *«Достичь ... принципиально лучшего качества жизни наших людей. Добиться реального, ощутимого роста их благосостояния»*. В речи 2000 года доминирует концепт Россия, соответственно общая цель – *«чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной»*. Напомним, что иерархия абстрактных, «вечных», ценностей в инаугурационном обращении В. Ющенко представлена следующим образом: *благосостояние, справедливость, свобода, независимость*.

Указанная стратегия позволяет идентифицировать тип политического лидера в зависимости от поддержки предшествующей системы власти: выделяют *лидеров монархического типа* – политиков, которые пришли к власти на волне наследования и укрепления существующей до них системы, и *лидеров харизматического типа*, пытающихся произвести в обществе радикальные изменения, предлагающих самостоятельную политическую программу [9, с.124]. К первому типу принадлежит В. Путин, который вышел из тени, получив реальную власть, ко второму – В. Ющенко, политик, прошедший сложный и долгий путь от лидера оппозиции до главы государства. Коммуникативные стратегии харизматического лидера отличает *новизна* и четкая *структурированность* этой новизны, что проявляется в наличии ярко выраженных вербальных (словарь, тематика) и невербальных знаков (мимика, жесты, поза), которые служат для социума опознавательными маркерами политика. Речь В. Ющенко, например, обычно сопровождается активной жестикуляцией. Известный украинский политолог Д. Выдрин отмечает: «Когда я слушаю нашего Президента, у меня такое ощущение, что он больше пытается сказать не словами, а руками». Именно они, по его мнению, отражают неотрежиссированные мысли президента, выдают в нем лидера, а не вожака [3].

Выводы. Таким образом, коммуникативно-стратегический анализ инаугурационных выступлений дает возможность выделить два основных типа стратегий: контекстуальные и семантико-психологические. Ритуальный характер политического текста определяет жесткий набор контекстуальных стратегий, не зависящих от национально-страновых различий. Семантико-психологические стратегии апеллируют, в первую очередь, к картине мира определенной аудитории, поэтому их реализация отражает специфику темы дня.

Список литературы

1. Биденко А. О президенте Ющенко и его спичрайтерах // Украинская правда: <http://pravda.com.ua/ru/news/2005/8/28/31946.htm>
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989.
3. Выдрин Дм. Эпоха Президента Ющенко? // Зеркало недели. – № 21 (549). – 2005. – 4-10 июня.
4. Выступление ко Дню Независимости. – http://prezident.gov.ua/ru/news/data/11_2406.html
5. Здесь и далее инаугурационное выступление. – http://prezident.gov.ua/news/data/11_142.html
6. Инаугурационные выступления В. Путина. – <http://www.kremlin.ru/print/69285.shtml>
7. Окара А. Украине не обойтись без российского влияния // Новый регион. – 28.02.2006 // <http://kiev.vlasti.net/index.php?Screen=news&id=145234>
8. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. – М.: ИТДі К «Гнозис». 2004.
9. Шомова С.А. Политические шахматы. Паблик Рилейшнз как интеллектуальная игра. – М.: РИП-холдинг, 2003.

Поступила в редакцию 31.03.2006 г.

УДК 81'42+655.55

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС РЕЦЕНЗИИ В КАЧЕСТВЕ РАЗНОВИДНОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Бенина А.Е.

Научным исследованием рекламы занимаются специалисты из различных сфер деятельности: социологии, психологии, политологии, философии, экономики, маркетинга и менеджмента, культурологии, этики, эстетики, журналистики и, безусловно, лингвистики, поскольку «текстовая реклама занимает 75% всей рекламы» [2, с.152], а сам рекламный текст «есть большое количество символов, создающих смысловое поле, способное привести в действие события реальности. Текст посредством символов создает свою реальность для человека» [2, с.154]. Таким образом, функции, которые выполняет реклама в современном мире, в экономической и культурной жизни социума, и «цели рекламы – повлиять на потребителя, убедить их в правоте сказанного с помощью таких слов, которые способны вызвать нужные мысли и чувства» [6, с.29], возможно реализовать только при условии применения разнообразных творческих подходов к созданию рекламных текстов и их соответствующего языкового оформления, которое диктуется видом коммуникации и ситуацией. Именно поэтому изучение языковой природы рекламы реализуется в рамках различных направлений лингвистики: когнитивной лингвистики, гендерной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, семантики и стилистики. Анализ языка рекламных текстов осуществлялся такими исследователями, как М.М. Блинка-Мельник, К.А. Иванова, И. Имшинецкая, А. Кромптон, Д. Огилви, О.А. Сычев, Ю.В. Шатин и др. [1; 3; 4; 7; 8; 9; 14]. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что реклама в рекламе не нуждается.

Объектом анализа в данной статье выступает современная рецензия на определенный продукт духовной культуры, художественного творчества (литературная, театральная, музыкальная или кинорецензия), которая, по нашему убеждению, может являться своеобразным пиаром (PR), косвенной рекламой и пропагандой, направленной на создание и поддержание как положительного, так и отрицательного образа того или иного культурного явления. Глобализационные процессы, преобразования в социокультурной, экономической и политической сфере деятельности не могли не вызвать эволюцию в языковой сфере, внутри различных систем литературного языка, включая систему жанров, в частности жанра рецензии, что и обуславливает *актуальность* данной работы.

Следует отметить, что рекламный дискурс является сложным, многоплановым феноменом, требующим комплексного междисциплинарного исследования. Подобная сложность может быть связана с многообразием рекламируемых объектов и их адресатов. Жанровые и стилистические разновидности рекламных текстов, а также подходы, используемые при их создании, многообразны. Можно предположить, что на сегодняшний

день не существует ни одного объекта действительности, который бы не рекламировался, начиная от бытовой рекламы (рекламирование бытовой техники, косметики, парфюмерии, лекарственных препаратов и т.д.) и заканчивая политической и социальной рекламой (рекламирование отдельных индивидов и их идеологии). Таким образом, любая человеческая деятельность, результатом которой являются продукты либо материальной, либо духовной культуры, может служить объектом рекламы. В.В. Ученова дает следующее определение рекламы: «Реклама – это ответвление массовой коммуникации, в русле которого создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные произведения, адресованные группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку» [13, с.8].

В лингвистической практике существует множество разновидностей жанров рекламных текстов. Например, в работе И. Имшинецкой реклама как функциональная разновидность дискурса находит свое выражение в 90 жанрах, среди которых имеются такие, как анекдот, гороскоп, дебаты, различные истории (любовная, забавная и др.), пародии, телеграмма, тост, тест и многие другие [4]. Исследованию жанров рекламы посвящена также работа В.В. Ученовой, в которой представлены такие жанры, как рекламное объявление, консультация специалиста и др. [12], но в современных работах не встречается такой жанр рекламного дискурса, как рекламная рецензия. Однако, исходя из наличия таких жанров рекламного дискурса, как анонс, афиша, статья, можно предположить, что жанр рекламной рецензии также существует в лингвистической и журналистской деятельности. Обычная, не рекламная рецензия – это жанр, в котором анализируются как сильные, так и слабые стороны определенного культурного феномена. Если обратиться к исследователям рекламы и психологии рекламного текста, среди которых, например, Е.В. Ромат отмечает: «Реклама не претендует на беспристрастность. Общепринято, что в рекламном обращении основное внимание уделяется преимуществам рекламируемого товара или фирмы и могут быть не упомянуты их недостатки» [10, с.20], О.А. Сычев пишет: «В рекламоведении отмечается, что возбудить желание иметь рекламируемый продукт можно лишь при том условии, что текст не будет вызывать у читателей никаких отрицательных эмоций. Ввиду этого в рекламном тексте рекомендуется описывать только положительные свойства товара» [9, с.363], то можно предположить, что в рекламной рецензии, как в одном из жанров рекламного дискурса, обращается внимание адресата именно на достоинства рецензируемого объекта, выполняется установка на вызов только положительных эмоций у читателя, в отличие от обычной рецензии, в которой рассматриваются как его достоинства, так и недостатки.

Принимая данное положение в качестве базового, позволим себе сделать обратный вывод о том, что если в рецензии содержится негативная оценка, то она уже не является рекламой, а является обычной критикой. *Цель данной статьи* состоит в рассмотрении обычной, не рекламной рецензии в качестве разновидности рекламного дискурса.

Одними из конститутивных признаков жанра рецензии являются аргументированность (обоснованность, объективность авторской оценки) и эмоциональность (допустимы субъективность, личные вкусы и пристрастия критика). Рецензия сочетает в себе признаки информационных и аналитических жанров и имеет четкую коммуникативную установку: привлечь внимание читателя к рецензируемому произведению [11, с.202-207]. Корреляция главной цели рекламы – привлечь внимание покупателя (потребителя) – с обязательным структурным элементом рецензии

(привлечение внимания читателя (зрителя, слушателя) к рецензируемому объекту) свидетельствует о том, что в некоторой степени цели, задачи и функции этих явлений совпадают.

Следует отметить, что параллельное существование объективности и субъективности как характерных признаков рецензии причисляет ее к разряду нестандартных жанров и ярких представителей парадигмы произведений постмодерна, в связи с тем, что словосочетание «объективное личное мнение», по меньшей мере, звучит парадоксально. Рассмотрим объективность и субъективность авторской оценки в рецензии в качестве факторов, способствующих либо препятствующих переходу рецензии в один из жанров рекламного дискурса.

Объективность автора может быть воспринята как проявление равнодушия к рецензируемому объекту или анализируемой области в целом, но, с другой стороны, существует вероятность принятия субъективной рецензии за рекламу. И здесь стоит обратить внимание на отношение к рекламе в эпоху постмодерна. Постмодернизм – эпоха, в которой господствует дух противоречия между данным, кажущимся и желаемым, происходит отрицание и сопротивление индивида навязываемой ему идеологии, порядкам и условиям социума. В данном контексте интересным является высказывание С. Кара-Мурзы, который пишет о том, что: «...Все это вместе означало переход в новую эру – постмодерн, с совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами. <...> Здесь для нас важно отметить, что постмодернизм – это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей» [5]. Человек эпохи постмодерна – сомневающийся, растерянный, ищущий и никак не способный найти. «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться». Из кого же состоит общество, не способное выработать своего мнения? Сегодня это общество из людей «мозаичной» культуры, людей постмодерна. Когда истины нет в принципе, а есть только интерпретации разных кусочков мозаики – как же можно выработать общее мнение?» [5]. Постмодернизм предоставил человеку больше личной свободы, но в то же время сделал его более ранимым, чувствительным и восприимчивым к изменениям, происходящим в социуме, во всех сферах человеческой деятельности. Обманутые ожидания стали невероятно сильным оружием в формировании собственных ценностных, поведенческих, социальных и культурных ориентиров индивида и тем самым превратились в эффективные средства рекламного дискурса.

Современная рецензия нарушила практически все правила и нормы, характерные для ее конститутивных жанровых черт. Стоит отметить, например, тот факт, что в современных кинорецензиях информационная и оценочная функции отделены друг от друга. Информационная часть использует в качестве своего названия «новояз» «спойлер» (от англ. spoiler – «то или тот, кто заранее сообщает о том, что должно было оставаться неизвестным, и тем самым портит удовольствие от чтения, просмотра спортивного матча и т.п.» [15]), а оценочная часть называется собственно «рецензия». Показательным в этом плане может быть сайт iThink.ru, на котором спойлер и рецензия подаются отдельно друг от друга [16]. По нашему убеждению, парадоксальность

рецензии постмодерна заключается в том, что реакция адресата на информацию и оценку, представленную в рецензии, может быть очень неоднозначной, если не прямо противоположной духу и направленности рецензии.

Для современного индивида реклама, особенно это касается так называемой навязчивой рекламы, является тем, что воспринимается как ограничитель его свободы, попытка навязать чужие мнения, вкусы и пристрастия. Поэтому рецензия с явно рекламной направленностью скорее оттолкнет адресата, заставит его сомневаться в достоверности информации. Хвалебные рецензии, содержащие исключительно положительную оценку, безапелляционные позитивные утверждения и призывы, в которых определенный культурный факт именуется критиком как «шедевр», «произведение искусства», «гениальное творение», «идеал», могут стать антирекламой изданию, в котором напечатана подобная рецензия, ее автору и, безусловно, самому рецензируемому объекту, потому что психология постмодернизма с его ироничным, игровым отношением к любой определенности, к любой четкой идентификации не верит в существование идеального кино, музыки или литературы. Именно поэтому плохая, отрицательная рецензия, полная негатива, сарказма и пренебрежения к критикуемому объекту может стать лучшей рекламой и часто даже более действенной, чем положительная. Примером в данном случае может быть публичное разоблачение автора книг о бермудском треугольнике Ч. Берлица и демонстрация ложности фактов, описанных в его произведениях, перед миллионами зрителей после выхода документального фильма с его участием. Благодаря этой, в общем-то отрицательной рекламе его книги купили сотни тысяч зрителей, у которых возникло вполне понятное желание прочитать самим, что же там такого написал этот Берлиц. Примером отрицательного воздействия положительной рекламы может послужить тот факт, что один из кандидатов на выборный пост проиграл именно потому, что оппозиционные СМИ его, что называется, захвалили. С другой стороны, адресат не верит адресанту, который даже не пытается выглядеть объективным как в своей положительной, так и в отрицательной оценке. Главное не обмануть ожидания человека в эпоху постмодернизма, что происходит очень часто и как результат в памяти остается только негодование, разочарование, раздражение и негативный образ того или иного произведения, даже если на самом деле оно было пусть и не идеальным, а просто хорошим.

Ироничное отношение к действительности просочилось даже в массовую культуру, однако практика повседневной жизни показывает, что многие потребители продукции духовной составляющей общества все-таки принимают на веру информацию и оценку, содержащуюся в рецензиях, безотносительно к их субъективности либо объективности, особенно в том случае, если они уважают и ценят сам источник информации и руководствуются этим при принятии решения относительно просмотра, прочтения, прослушивания соответствующих видов искусства. И в данном случае рецензия с положительной оценкой поднимет спрос на продукт, а с отрицательной – резко его понизит.

Таким образом, можно сделать *вывод*, что обычная не рекламная рецензия, точно так же, как и реклама, способствует или препятствует формированию духовных потребностей общества, его социальных и культурных ценностей, а также эстетического вкуса потребителей культуры, выполняет информационную и образовательную функции, влияет на спрос и предложение потребляемых товаров. Тем самым,

современная рецензия, являющаяся по своей природе, целям и функциям достаточно самобытным и оригинальным жанром и при этом занимающая определенное место в парадигме аналитических жанров, предстает перед нами в ином свете, выходит на качественно новый уровень более сложных, многослойных и многогранных лингвистических явлений и заслуживает комплексного подхода к своему изучению – сочетания коммуникативно-прагматического, когнитивно-дискурсивного, лексико-семантического, функционально-стилистического и других подходов.

Список литературы

1. Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст. Задачник для копирайтеров. – М.: ОГИ, 2004. – 200 с.
2. Власов П.К., Киселева А.А. Психология в рекламе. – Х.: Гуманитарный Центр, 2003. – 216 с.
3. Иванова К.А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов: Правовые и этические аспекты. Классификация и примеры PR-материалов. – СПб ; М.: Х.: Минск: Питер, 2005. – 140 с.
4. Имшиенская Ия. Жанры печатной рекламы или сундук с идеями для копирайтера. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 130 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. – Алгоритм, 2005. – 528 с.
6. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы. – М., 1991. – 91 с.
7. Кромптон А. Мастерская рекламного текста. – Тольятти: «Издательский Дом Довгань», 1995. – 256 с.
8. Огилви Д. Откровения рекламного агента. – М.: АО «Финстатинформ», 1994. – 169 с.
9. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ рекламы. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2001. – 752 с. 10. Ромаг Е. В. Реклама в системе маркетинга. – Харьков: НВФ «Студцентр», 1995. – 229 с.
10. Смелкова З С. Риторические основы журналистики. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.
11. Ученова В.В. Реклама: Палитра жанров. – М.: РИП-холдинг, 2001. – 100 с.
12. Ученова В.В. Философия рекламы. – М.: Гелла-Принт, 2003. – 199 с.
13. Шатин Ю.В. Построение рекламного текста. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 128 с.
14. АБВУУ Lingvo 10 Многоязычный электронный словарь. – АБВУУ Software Ltd., 2004. 16.
<http://www.drj.ru/tabid/415/Default.aspx?sort=1>

Поступила в редакцию 06.02.2006 г.

УДК 821.161.2:811.161.2

РЕАЛІЗАЦІЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИХ ФАКТОРІВ У РОСІЙСЬКИХ ПЕРЕКЛАДАХ ПОВІСТІ М.М. КОЦЮБІНСЬКОГО «FATA MORQANA»

Буц Н.В.

Актуальність. Відтворення українських фразеологізмів російською мовою належить до складних проблем теорії і практики перекладу. Над цією проблемою працювали Б. Грінченко, М. Закревський, О. Потебня, І. Франко, А. Булаховський та інші. Суперечливе питання перекладу фразеологізмів тільки за останні десятиріччя набули певної теоретичної завершеності, передусім, завдяки працям Я. Рецкера [14], С. Влахова [3], В. Коптілова [7; 8; 9] та ін. Їх методологічна основа базується на принципі наявності в мові-рецепторі фразеологічних відповідників стійких словосполук мови-джерела. Залежно від цього встановилися певні способи перекладу ФО: за допомогою еквівалентних заміन, фразеологічного калькування чи описової інтерпретації. Взаємодія мов на фразеологічному рівні ще мало досліджена. Відтворення фразеологічних засобів оригіналу через їхню образність і експресію, багатозначність і часто алогічність – одна з найскладніших проблем художнього перекладу. «Треба застерегти, що при перекладі фразеологізмів потрібна велика обережність, потрібен художній такт», – писав М. Рильський [15, с.133]. Проблему відтворення семантико-стилістичних функцій ФО при перекладі ускладнює надзвичайно багато факторів як мовних, так і етномовних: рівень культурного розвитку носіїв мови, їхній тезаурус; географічні й побутові умови їхнього життя, матеріальна культура. «Фразеологізми, просто тому, що вони – фразеологізми, мають звичай відхилятися від граматичних правил або уникати їх. Ці приємні розмовні фразоньки, які кожен уживає і гадає, що розуміє, у багатьох випадках не піддаються логічному аналізу й передають підтекст, абсолютно не зв'язаний з семантикою їхніх компонентів», – зауважує англійський фразеограф У. Фрімен [5, с.9]. Твори М.М. Коцюбинського перекладалися різними мовами світу. У даній роботі обрано відображення у російських перекладах фразеології повісті письменника «Fata morqana» у зіставленні з їх двома російськими перекладами – Н. Над'ярних [11] та М. Ушакова [12]. Кілька перекладів того самого твору завжди бажані, бо, на відміну від першотвору, єдиного і неповторного, кожен переклад лише приблизно відтворює смислово-образну систему оригіналу. «Всю допустиму суму прочитань тексту ні один переклад, ні один науковий аналіз, ні одна інтерпретація не дають» [6, с.12].

Мета: зіставити переклади фразеологічних одиниць з оригіналом і з'ясувати способи їх відтворення російською мовою. Зіставне вивчення перекладів має ту перевагу, що надає об'ємності кожному перекладеному варіанту, а також чіткіше окреслює принципи роботи перекладача над оригіналом. У повісті М.М. Коцюбинського «Fata morqana» ми виділили 232 фразеологічні одиниці. Вони різноманітні за звучанням,

структурою, походженням, сферою вживання. Методи дослідження – зіставно-порівняльний і описовий.

Більшість лексикографів і перекладачів вважають, що «точний переклад ідіом полягає не в дослівній передачі змісту ідіоми засобами іншої мови, а в заміні її аналогічною іншомовною фразеологічною одиницею. Поняття точності перекладу не покривається поняттям дослівної передачі стійкого словосполучення з повним збереженням його структури і семантики» [4, с.191].

Близько 60% фразеологічного складу української мови – ФО спільнослов'янського фонду. За даними Ю.П. Солодуба, функціонально-семантична група ФО російської мови «назва якісної оцінки особи» (*стреляный воробей, белая ворона* н под.), яка складається із 470 одиниць, має найбільш тісні і глибокі структурно-типологічні зв'язки з українською фразеологією – 318 еквівалентів, 65 фразеологічних одиниць російської мови мають близькі образно-семантичні паралелі тільки в українській мові [2, с.107]. На жаль, відсутні кількісні дані про співвідношення між різними структурно-семантичними, граматичними, стилістичними типами ФО в окремих і різних мовах, «про порівняльну частоту застосування тих чи інших відповідностей ідіомам при перекладі з однієї мови на іншу...» [16, с.162].

Через відсутність фразеологічних тотожностей і еквівалентів фразеологічні одиниці в мові-рецепторі відтворюються фразеологічними аналогами. До них ми відносимо смислові відповідники ФО двох мов при невідповідності їх метафоричної структури і семантики лексичних компонентів. У російських перекладах повісті М.М. Коцюбинського «*Fata morgana*» фразеологічні аналоги використовуються достатньо широко:

луску шкребли [10, с.294] – *кожу драли* [11, с.34], *шкуру драли* [12, с.254]; *ману пускас* [10, с.289] – *воду мутит* [11, с.29], *туману напускает* [12, с.248]; *ссав кров* [10, с.362] – *пил кровь* [11, с.99]; *ік лихий матері* [10, с.305] – *к чертовой матери* [11, с.45; 12, с.264]; *почешиш торби* [10, с.288] – *пойдешь с сумой* [12, с.247]; *робити з писка халаяу* [10, с.294] – *языком молоть* [11, с.34]; *щоб його понесло поверх дерева, на безголов'я* [10, с.295] – *душа вон* [12, с.254]; *снували думи* [10, с.299] – *думали думы* [12, с.259]; *засвітилися очі* [10, с.322] – *засверкали глаза* [11, с.63], *загорелись глаза* [12, с.282]; *прикипіла до місця* [10, с.357] – *на месте* [12, с.317]; *раз у раз* [10, с.284] – *время от времени* [12, с.243]; *раз у раз* [10, с.302] – *без конца* [11, с.42]; *душа пашиць* [10, с.295] – *душа горит* [11, с.35]; *на дідька б лисого* [10, с.286] – *черта лысого* [12, с.245]; *кінця-краю немає* [10, с.319] – *нет ни конца ни края* [11, с.59]; *взяло за живе* [10, с.295] – *задело за живое* [12, с.254]; *світила очима* [10, с.289] – *сверкала глазами* [11, с.29; 12, с.249]; *боронь боже* [10, с.376] – *не приведи господи* [11, с.113]; *борони боже* [10, с.372] – *сохрани боже* [12, с.333]; *хоч захирайся з світа* [10, с.327] – *на тот свет отправляйся* [11, с.67]; *немов варений рак* [10, с.288] – *красный словно рак* [11, с.28], *красный как рак* [12, с.247]; *коротка справа* [10, с.303] – *ясное дело* [11, с.43]; *згаляючи злість* [10, с.326] – *отводя душу* [12, с.286]; *пустять пару* [10, с.285] – *дадут пар* [12, с.244]; *ішла своєю чергою* [10, с.372] – *своим порядком* [12, с.333]. У тексті:

1. Він **раз у раз** бігав на руїни, щось обмірковував, прикидав, вираховував [10, с.297].

Он **без конца** бегал на развалины, Он **время от времени** бегал что-то обмозговывал, прикидывал, на развалины, что-то соображал, считал [11, с.37], прикидывал, высчитывал [12, с.257].

2. Коли проходив котрийсь з багачів, Мандрика або Підпара, ті, що мокли під ганком зборні, **брали його на зуби** [10, с.346].

Когда проходил который из богачей, Мандрика или Подпара, у крыльца сборни, **поднимали те, которые мокли у крыльца, его на смех** [11, с.86], **точили лясы на их счет** [12, с.307].

Переклад ФО аналогом означає відтворення образу фразеологізму мови-джерела подібним (але не еквівалентним) образом відповідного фразеологізму мови-рецептора. Такий переклад свідчить про величезні можливості сучасної української та російської літературних мов для повноцінного відтворення смислу, стилістичного забарвлення і функцій фразеологічних засобів оригіналу, а також «про значне поповнення як словникового, так і фразеологічного фондів» мов [2, с.275].

Часто перекладачі використовують нефразеологічні способи перекладу, одним з яких є калькування (послідовний переклад). Він «можливий лише у випадках достатньої мотивації значення ФО значеннями її компонентів» [3, с.239]. Внаслідок такого перекладу утворюється словосполучення або речення оказіонального характеру, які відповідають параметрам оригіналу. Як ФО вони відсутні в мові-рецепторі, а є лише фактами мовлення: *кара божя* [10, с.308] – *кара божья* [11, с.48]; *прикипіла до місця* [10, с.357] – *прикипела к месту* [11, с.94]; *закропи душу* [10, с.301] – *закропи душу* [11, с.41]; *напихав пельку* [10, с.296] – *набивал прорву* [11, с.36], *набивал глотку* [12, с.255]; *бий його тряся* [10, с.286] – *бей его тряся* [11, с.26]; *втікла з рук* [10, с.382] – *ушла из-под рук* [11, с.119], *ушла из рук* [12, с.343]; *хоч в яму* [10, с.322] – *хоть в яму* [11, с.63]; *рве слово* [10, с.333] – *рвет слово* [11, с.74]; *дасть дулю* [10, с.305] – *даст дулю* [11, с.45]; *масти хоч медом* [10, с.334] – *мажь хоть медом* [11, с.74; 12, с.294]; *гаяти часу* [10, с.347] – *терять времени* [11, с.87; 12, с.307]; *лізьте в ярмо* [10, с.331] – *лезьте в ярмо* [11, с.71; 12, с.291]; *здвигав плечима* [10, с.371] – *пожимал плечами* [11, с.108; 12, с.332]; *хай господь помагас* [10, с.320] – *пусть господь помогает* [12, с.280]; *знов своє* [10, с.306] – *снова свое* [11, с.46], *опять свое* [12, с.265]; *знов за своє* [10, с.327] – *опять за свое* [11, с.67; 12, с.286]; *вріс у землю* [10, с.333] – *врос в землю* [12, с.292]; *підпер плечима одвірок* [10, с.352] – *подпер плечом косяк* [14, с.312]; *лягло під ноги* [10, с.377] – *легло к ногам* [12, с.338]; *блиска очима* [10, с.331] – *поблескивает глазами* [11, с.71]; *наче порошок випала з ока* [10, с.359] – *будто соринка выпала из глаза* [11, с.96], *точно соринка выпала из глаза* [12, с.319]; *стонадцять чортів йому у хвіст* [10, с.295] – *стонадцать чертей ему под хвост* [12, с.254]; *наче риба в неводі б'ється* [10, с.331] – *будто бьется в неводе рыба* [11, с.71; 12, с.291]; *дійшли до краю* [10, с.339] – *до края дошли* [11, с.80]; *на слизьке зводив* [10, с.329] – *уводил на скользкое* [11, с.70]; *присохне, як на собаці* [10, с.306] – *присохнет, как на собаке* [11, с.46]; *одірваний од рота* [10, с.350] – *оторванный от рта* [12, с.310]; *живцем пожерли б* [10, с.301] – *живьем пожрали бы* [11, с.41], *живьем сожрали б* [12, с.260]; *як миша у пастці* [10, с.324] – *как мышь в ловушке* [11, с.65], *как мышь в западне* [12, с.284]; *як камінь у воду* [10, с.304] – *будто камень в воду* [11, с.44], *как камень в воду* [12, с.263]; *усім по сім* [10, с.330] – *всем по семь* [11, с.70; 12, с.289]. У тексті:

1. Вона **цідила слова**, немов отруту [10, с.306].

Она **цедила слова**, как отраву Она **цедила слова**, будто яд
[11, с.46]. [12, с.265].

2... а Маланка з дочкою сиділи мовчки по кутках та снували гіркі думи... [10, с.299].

...а Маланка с дочкой молча сидели по углам и в сумерках угасшего дня **сновали** свои горькие думы [11, с.39].

3. Не спала, а снюсь за хозяйським сином бачити дочку,... Ха-ха! **Оближси губки**, Малася... [10, с.310].

Не спала, а во сне видела дочку за хозяйским сыном,... Ха-ха! **Оближси губки**, Малася... [12, с.269].

В російських перекладах повісті М.М. Коцюбинського «Fata morgana» способом калькування відтворюються ФО російською мовою досить широко. Послідовний переклад дає можливість зберегти живу образність в перекладі мови письменника, її індивідуальну своєрідність. Будь-які неточності при перекладі недопустимі, бо вони означали б не тільки неповноцінну передачу засобів української мови російською, аде і свідчили б про певну ступінь неточності відтворення індивідуально-авторського мовотворення в російському перекладі

При відсутності в російській мові фразеологічних відповідників і неможливості або доцільності калькування використовуються монолексемний або полілексемний (описовий) переклад ФО. Монолексемний переклад зводиться до заміни ФО української мови семантично співвідносно російською лексемою:

1. **Що недобитих складали на віз, як снопи...** [10, с.373].

Что недобитых снопами складывали на воз... [11, с.110].

2. **Тепер вона добра, непам'ятлива, тепер у неї немає серця проти Андрія** [10, с.354].

Теперь она добрая, зла не помнит, не сердится на Андрея [12, с.314].

3. **А пальці крнулились перед очима, як хробаки** [10, с.382].

А пальцы извивались, как черви [12, с.343].

4. **То комин упаде в око, то дим...** [10, с.362].

То трубу увидишь, то дым... [12, с.322].

5. – **Глядіть ще, щоб не наняв сторонніх** [10, с.337].

– *Глядите, чтоб не нанял чужих*

– *Смотрите, чтоб не нанял чужих*

[11, с.77].

[12, с.297].

Полілексемний (описовий) переклад ФО дослідники визначають як «відтворення фразеологізмів – одиниць мови – описово, вільними, нестійкими словосполученнями, утвореними на рівні мови» [6, с.119]. При такому способі перекладу відтворюється не фразеологізм, а його значення: *присохне, як на собаці* [10, с.306] – *пусть это умрет вместе с ней* [12, с.265]; *раз у раз* [10, с.284] – *все время* [11, с.24]; *не могла дати собі ради* [10, с.328] – *не могла с ними справиться* [11, с.68], *ничего не могла сделать* [12, с.288]; *на слизьке зводив* [10, с.329] – *перевести на скользкие темы* [12, с.289]; *робити з тиска халяву* [10, с.294] – *чего без толку говорит* [12, с.253]; *підняв на ноги* [10, с.377] – *заставил его подняться* [12, с.338]; *дасть дулю* [10, с.305] – *покажет дулю* [12, с.265]; *серце боліло* [10, с.319] – *сердцу было больно* [11, с.60; 12, с.279]; *водить очима* [10, с.325] – *переводит взгляд* [12, с.285]. У полілексемному способі перекладу ФО «перестає існувати як мовна одиниця, нерідко в такій мірі, що ні один із її компонентів не отримує відображення в перекладі (нульовий переклад)» [3, с.241]. ФО, перекладена описово, припиняє своє існування в мові-рецепторі, що підвищує зростання ролі контекстуального оточення ФО.

Висновки. При дослідженні перекладів ФО у повісті М.М. Коцюбинського «Fata morgana» виявлено, що ФО як одиниця перекладу відтворюється різними способами і

мовними відповідниками: фразеологічною тотожністю, фразеологічним еквівалентом, фразеологічним аналогом, фразеологічною калькою, окремою лексемою, вільним словосполученням чи реченням. Навряд чи можна абсолютувати який-небудь спосіб перекладу ФО у цій повісті російською мовою. Головним у процесі перекладу було прагнення до повноцінного відтворення в тексті образу і функції ФО, донести російському читачеві всю специфіку й оригінальність використання фразеологічних засобів М.М. Коцюбинським. Перекладачі Н. Над'ярних та М. Ушаков дбайливо й бережно поставилися до цієї роботи, намагаючись майстерно відтворити українські фразеологізми російською мовою. У процесі перекладу з української мови на російську і навпаки глибше пізнаються багатства мов двох народів, закономірності мовних явищ та їх особливості. Переклади збагачують лексику новими словами, різними стилістичними засобами, фразеологічними зворотами. Художній переклад – це мистецтво. Для підтвердження цієї думки наведемо слова відомого українського письменника і перекладача О. Кундзіча, який писав: «Якість перекладу залежить від таланту перекладача, від його вміння відчутти прекрасне у співвідношенні деталі й цілого, в єдності змісту і форми» [13, с.88].

Список літератури

1. Алексеенко М.А. Фразеология ленинской речи и способы ее перевода. – Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те, 1989.
2. Багмут Й.А. Проблеми перекладу суспільно-політичної літератури українською мовою. – К., 1968
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1986.
4. Головацук С.І. Перекладні словники і принципи їх укладання. – К., 1976.
5. Зарівчак Р.П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Львів: Вид-во при Львівському державному ун-ті, 1983.
6. Зарівчак Р.П. Реалія і переклад (На матеріалі англomовних перекладів української прози). – Львів: Вид-во при Львівському державному ун-ті, 1989.
7. Коптілов В.В. Актуальні питання українського художнього перекладу. – К.: Дніпро, 1971.
8. Коптілов В.В. Перекладознавство як окрема галузь філології // Мовознавство. – 1971. – № 2.
9. Коптілов В.В. Першотвір і переклад. Роздуми і спостереження. – К.: Дніпро, 1972.
10. Коцюбинський М. Вибрані твори. – К.: Державне вид-во художньої літератури, 1957.
11. Коцюбинский М. Избранное. – К.: Дніпро, 1988.
12. Коцюбинский М. Повести и рассказы. – К.: Радянський письменник, 1953.
13. Кундзіч О.Л. Творчі проблеми перекладу – К.: Дніпро, 1973.
14. Рецкер Я.И. Задачи сопоставительного анализа переводов // Теория и критика перевода / Отв. ред. Б.А.Ларин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
15. Рильський М.Т. У братерській співдружності. – Твори: В 10 томах. – К.: Держлітвидав, 1962. – Т.9.
16. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: Лингвист. пробл. – М.: Высшая школа, 1983.
17. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.
18. Фразеологічний словник української мови: У 2-х книгах. – К.: Наукова думка, 1993.

Поступила до редакції 13.02.2006 р.

УДК 159.99

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Варфоломеева О.В.

Общая нестабильность постсоциалистического пространства оказывает на современного человека психотравмирующее влияние, что обуславливает возрастающую потребность общества в квалифицированных психологах и психотерапевтах. Это делает *актуальным* интерес к исследованию акмеологических основ их профессионализма. Современная акмеология – это наука о достижении вершин человеческого качества в человеке, об овладении мастерством и совершенством в избранной профессиональной деятельности. Она изучает феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости, особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии (высшие формы самореализации личности) [1; 4; 9]. «Акме» как высшая точка, расцвет, зрелость, лучшая пора представляет собой многомерное состояние человека [4, с.5].

Постановка проблемы. На наш взгляд, акме психотерапевта – это вершина в профессиональном развитии, представленная, прежде всего, вербальной зрелостью и компетентностью. Это состоявшееся **вербальное (интерпретационное) акме психотерапевта как субъекта профессиональной деятельности** [5]. Перед последним стоит задача грамотного толкования психотерапевтического дискурса посредством герменевтического инструментария [5; 6]. Акмеология, возникшая на стыке естественных, общественных, гуманитарных и технических дисциплин, выполняет в современной науке интегративную функцию. Мы считаем, что это позволяет рассматривать в междисциплинарном контексте проблему интерпретации дискурса: лингвистический, герменевтический, литературоведческий, психологический, психотерапевтический контекст.

Современная акмеология имеет существенное значение для развития управленческой, педагогической и, что наиболее актуально в данном научном контексте, психотерапевтической деятельности, где понятие «зрелость» рассматривается в качестве эталонного сочетания свойств.

Исходя из вышеизложенного, *цель научной статьи* – изучение интерпретационного акме психотерапевта, а также герменевтического инструментария интерпретации психотерапевтического дискурса.

Языковая личность характеризует психотерапевта как включенного в психотерапевтическую лингвокультуру, где З. Фрейд искал у классиков бессознательное, а у сюрреалистов – сознание. Вербально зрелый психотерапевт – это, образно говоря, посланник Гермеса, профессиональный проводник по коннотативным «лабиринтам» психотерапевтического дискурса, посредник между реальным и отражаемым мирами, в которые он одинаково вхож. Интерпретация – это одна из труднейших задач, стоящих

перед языковой личностью как профессиональным толкователем текстов. Здесь необходимо владеть рефлексией, иметь богатые фоновые знания, грамотно ориентироваться в формальных средствах смыслового выражения текста. Психотерапевт-интерпретатор проделывает кропотливый путь от понимания отдельных частей к целостности герменевтически окрашенного смыслового пространства и наоборот. В результате происходит интенсивное расширение границ наличной информации, «прорыв за знаки», дешифровка. Последняя представляет собой исследование сообщений, текстов, дискурсов для обнаружения информации, закодированной или предъявленной неизвестным исследователю способом [8].

Психотерапевтический процесс является классическим примером дискурса, т.е. текста («ментального зеркала»), взятого в событийном аспекте, и речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания. П. Рикер выделяет пять характеристик дискурса:

- 1) дискурс существует как неотложность, которая имеет событийную природу;
- 2) предпочтение одних значений и отказ от других;
- 3) этот выбор приводит к высказыванию и пониманию еще невысказанных фраз;
- 4) только в дискурсе язык реализует свою способность к соотношению: говорить что-то и о чем-то;
- 5) способ обозначения субъекта дискурса включает в себя события, выбор, новизну, соответствие [15].

Психотерапевтический дискурс как «речь, погруженная в жизнь» непредсказуем и уникален, т.к. является отражением языковой модели мира клиента. «Я всегда дорожил, – признается С. Дали, – ее письмами – мощным документальным свидетельством великолепного параноидального дара, и неизменно подвергал их анализу», здесь «сливаются два потока: глубоинный и внешний. ... Истинная реальность заключена внутри нас; каждый проецирует ее на мир посредством своей – уникальной – паранойи. Именно так мы отвечаем вселенной ... тяготящей нас» [17, с.223-397]. Текст, по мнению Р. Барта, является «вожделенной зоной свободы»: «я мыслю, следовательно, я ускользаю» [3]. В ходе интерпретации психотерапевтического дискурса, как показали наши исследования, проявляются три группы речевых трудностей: 1) продуктивная реализация речевой интенции; 2) безошибочная идентификация предъявляемой клиентом проблемы; 3) достижение единого контекста речевого психотерапевтического взаимодействия [6].

Вопрос о законах интерпретации – это всегда вопрос об истинности интерпретации коннотативных смыслов [2; 3; 5; 7; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 18; 19]. В.В. Знаков, обстоятельно описавший проблемы психологии понимания правды, подчеркивает, что «истина» бессубъектна, а «правда» у каждого своя [10, с.84]. Также он выделяет три типа понимания правды: 1) инструментальная, документальная правда; 2) нравственная, регулируемая моральными принципами правда; 3) рефлексивная правда, регулируемая совестью [10, с.121-127]. Мы предлагаем рассматривать понятие «истина» и «правда» в качестве психотерапевтических категорий. Так, «истина» (переводимая с древнегреческого как «не скрытое») в поле функционирования герменевтически окрашенного психотерапевтического дискурса релевантна разгаданной загадке, интерпретированной эмоционально-личностной проблеме. «А что, если шутки мои – чистая правда? А чистая правда – забава чистой воды? ... Я никогда не мог разрешить

роковой вопрос: где у меня кончается притворство и начинается искренность... Пока все разглядывают мои усы, я, укрывшись за ними, делаю свое дело... Грань между вымыслом и истиной размыта, но я всегда точно знаю, где именно у меня кончается бред... Горизонт – это данность, физика, а то, что скрывается – метафизика» [17, с.377-424]. Мы считаем, что объективная реальность – это «философия Истины», а психологическая модель мира – «философия Мнения» (терминология В.В. Знакова). «Истина» трансформируется в зрелую «правду», преломляясь через реальную личностную судьбу – историю, отражаясь в конкретном человеческом сознании.

Межличностное общение в психотерапевтической группе, как считает И. Ялом, проходит по схеме «Родитель – Родитель» [19]. Здесь имеет место обратная связь, четкость которой сродни зеркальному отражению, ведению протокола (аналог инструментальной правды). Индивидуальная психотерапия работает по схеме межличностного общения «Взрослый – Взрослый» – аналог рефлексивной правды. Психотерапевт как ответственный субъект профессиональной деятельности всегда аутентичен, конгруэнтен, эмпатиен, открыт межличностному взаимодействию, что является аналогом нравственной правды. Психотерапевт должен уметь сознательно переключаться с языка одного типа «правды» на язык другого, что зависит от задач интерпретации психотерапевтического дискурса.

Одной из разновидностей функционирования категории правды, по нашему мнению, является метафора – языковая замена, скрытая ментальная подмена. Общеизвестна способность метафоры к передаче информации и субъективно окрашенному проникновению в реальность [3; 7; 12; 15; 17; 18 и мн. др]. Решающая характеристика данной языковой замены заключается в ее семантической инновативности, благодаря которой новая уместность и новое согласование «творят смысл» высказывания. Новая семантическая согласованность метафорического выражения возможна потому, что между некоторыми двумя словами или явлениями устанавливается определенная смысловая близость (**правда – для меня**) вопреки реальной «дистанции» между ними. Силой метафоры является ее способность ломать существующую категоризацию, чтобы после этого, по словам П. Рикера, «на развалинах старых логических границ строить новые» [15, с.427]. Именно в вымысле «отсутствия», в своего рода приостановке реальности сливаются с «позитивным прозрением» потенциальные возможности нашего бытия-в-мире, «которые наше ежедневное общение с объектом... деятельности имеет *тенденцию скрывать*» [15, с.429]. Метафорическая референция сохраняет обыденное видение мира в напряженной связи с новым. Семантическая выпуклость метафор заключается в способности **«показывать»** смысл, который они выражают. Продуктивными окажутся метафоры, способные вызвать удивление и открытие. Узнавание метафоры – это смысловая интерпретация текста. Вещи и идеи, которые были отдалены друг от друга (например, предъявление психологической проблемы и ее интерпретация), оказываются «соседствующими». Метафорический смысл, таким образом, это не «сама загадка (семантическая коллизия)», а ее решение, т.е. установление новой семантической правильности (**правдивости**). Буквальный смысл, по мнению П. Рикера, имеет загадку, а метафорический – ее решение, «семантический взрыв», «семантическую дерзость» [15]. Загадка остается неразрешенной, пока мы рассматриваем мир как неподвижную ментальную картинку. Иными словами, метафорическое выражение – это всегда иносказание (субъективная правда, отход от истины), перенесение нового необычного

имени с одного предмета, явления и события на другой; это переход одних чувств и мыслей к другим чувствам и мыслям. Метафора как наиболее продуктивное средство наполнения языка активно участвует в создании языковой картины мира.

Выводы.

Интерпретационное акме психотерапевта представлено:

- вербальной зрелостью и компетентностью;
- сформированностью навыков герменевтического анализа психотерапевтического дискурса;
- умением переключаться с языка одного типа правды на язык другого;
- использованием психотерапевтической метафоры как рода психотерапевтической правды и др.

Перспективы исследования – предложить схему акмеологического анализа психотерапевтического дискурса.

Список литературы

1. Акмеология. Учебник / Под. ред. А. А. Деркача. – М.: РАГС, 2002.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Барт Р. S/Z. – М.: РИК «Культура», «Ad Marginem», 1994. – 303 с.
4. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристика и условия достижения. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.
5. Варфоломеева О.В. Психотерапия: герменевтический контекст. Монография. – Симферополь: Бланк-экспресс, 2002. – 148 с.
6. Варфоломеева О.В. Формирование эффективного психотерапевта как развития языковой личности: Дисс... канд. – М., 1998. – 187 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. Глогова Г.А. Человек и знак. Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 256 с.
9. Деркач А.А. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. – М.: РАГС, 2000. – 392 с.
10. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб.: АЛЕТЕЯ, 1999. – 282 с.
11. Кочюнас Р. Избранные лекции по психотерапии. – М.: Академический проект, 1999. – 240 с.
12. Лакан Ж. Функции и поле речи в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
13. Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 432 с.
14. Менегетти А. Введение в онтопсихологию. – Пермь: Хортан ЛИМИТЕД, 1993. – 60 с.
15. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Медиум, 1995. – 416 с.
16. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник. – М., 1991.
17. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. – М.: СВАРОГ и К, 1998. – 464 с.
18. Цветаева М. Пленный дух. – СПб.: Азбука, 2000. – 448 с.
19. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. – СПб.: Питер, 2000. – 640 с.

Поступила в редакцию 29.03.2006 г.

УДК 81'1:215

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЯЗЫК ИЛИ СТИЛЬ: ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ТЕОЛИНГВИСТИКИ

Гадомский А.К.

Постановка проблемы. В современном языкознании употребляется ряд терминов, с помощью которых исследователи стремятся обозначить феномен, о котором идет речь в заголовке настоящей статьи: «религиозный язык», «сакральный язык», «культовый язык», «язык сакрума», «религиозный стиль», «конфессиональный стиль», «библейский стиль», «церковно-религиозный стиль» и ряд других. Стремясь внести некоторую ясность в этот вопрос, рассмотрим термины «религиозный язык», «религиозный стиль», «конфессиональный стиль» и попытаемся определить их место в терминологической системе теолингвистики.

Попытки дать дефиницию названного явления предпринимаются лингвистами России, Белоруссии, Украины, Германии, Польши и ряда других стран.

А. Грейле, М. Макуховска, Е. Кухарска-Драйсс, ссылаясь на немецких ученых, считают, что «общее представление о немецких исследованиях теоретического и методологического характера, которые оказали влияние на лингвистическую разработку отдельных форм и аспектов изучения религиозного языка, дает коллективная монография «Проблемы религиозного языка» [18]. По мнению издателя, эта книга должна рассматриваться не только как констатация конкретных результатов исследования, но и призвана служить стимулом для проведения дальнейших исследований в этой области. Авторы монографии затрагивают следующие темы: развитие немецкого языка церкви, секуляризация христианской лексики, собственно религиозные черты религиозных высказываний, проблемы религии, обусловленные языком, а также социолингвистические и теоретические начала исследования религиозного языка <...>.

Хьюго Мозер описывает историческое становление немецкой религиозной лексики от средневековья до наших дней. Кроме того, ученого интересуют основные черты и этапы развития немецкого религиозного языка [17].

Вилгельм Госсманн перечисляет такие признаки сакрального языка, как радикальный, аналогичный (подобный), общинный и в числе видов сакральных высказываний называет возвешение, исповедь, молитву [13].

В семидесятых годах XX века в Германии начинают задумываться над лингвистическим статусом религиозного языка [16]. Предпринимаются попытки текстуально-лингвистических исследований Нового завета и попытки изучения гомилетики на лингвистической основе [15].

В германистике также активно исследуются речевые акты в языке службы, в языке веры и в языке возвешения. Здесь следует сказать о монографиях Й. Шерманна [20] и А. Шульте [21]».

современная рецензия, являющаяся по своей природе, целям и функциям достаточно самобытным и оригинальным жанром и при этом занимающая определенное место в парадигме аналитических жанров, предстает перед нами в ином свете, выходит на качественно новый уровень более сложных, многослойных и многогранных лингвистических явлений и заслуживает комплексного подхода к своему изучению – сочетания коммуникативно-прагматического, когнитивно-дискурсивного, лексико-семантического, функционально-стилистического и других подходов.

Список литературы

1. Блинкина-Мельник М.М. Рекламный текст. Задачник для копирайтеров. – М.: ОГИ, 2004. – 200 с.
2. Власов П.К., Киселева А.А. Психология в рекламе. – Х.: Гуманитарный Центр, 2003. – 216 с.
3. Иванова К.А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов: Правовые и этические аспекты. Классификация и примеры PR-материалов. – СПб ; М.: Х.: Минск: Питер, 2005. – 140 с.
4. Имщиная И.Я. Жанры печатной рекламы или сундук с идеями для копирайтера. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 130 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. – Алгоритм, 2005. – 528 с.
6. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы. – М., 1991. – 91 с.
7. Кромптон А. Мастерская рекламного текста. – Тольятти: «Издательский Дом Довгань», 1995. – 256 с.
8. Огилви Д. Откровения рекламного агента. – М.: АО «Финстатинформ», 1994. – 169 с.
9. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ рекламы. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М, 2001. – 752 с. 10. Ромат Е. В. Реклама в системе маркетинга. – Харьков: НВФ «Студцентр», 1995. – 229 с.
10. Смелкова З.С. Риторические основы журналистики. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.
11. Ученова В.В. Реклама: Палитра жанров. – М.: РИП-холдинг, 2001. – 100 с.
12. Ученова В.В. Философия рекламы. – М.: Гелла-Принт, 2003. – 199 с.
13. Шатиц Ю.В. Построение рекламного текста. – М.: Бератор-Пресс, 2003. – 128 с.
14. АБВУУ Lingvo 10 Многоязычный электронный словарь. – АБВУУ Software Ltd., 2004. 16.
<http://www.drj.ru/tabid/415/Default.aspx?sort=1>

Поступила в редакцию 06.02.2006 г.

особенностей повторяющихся (общих) в индивидуальных переводах Библии и сохраняющая тесную связь с первичным (оригинальным) стилем Библии» [12, с.13].

В российском языкознании используется термин «церковно-религиозный стиль» [9].

Кроме того, в русском языке достаточно активно употребляется словосочетание «религиозный язык». Определения же религиозного языка как такового в языкознании нам найти не удалось. В день завершения статьи (31.03.06) в русскоязычном Интернете нами было обнаружено 356 ссылок, содержащих фрагмент «религиозный язык». Причем среди них нет ни одной дефиниции. Словосочетание (или термин?) употребляется как само собой разумеющееся, не требующее объяснения, понимаемое каждым по-своему, в зависимости от контекста.

На первом месте в русскоязычном Интернете оказалась статья польской исследовательницы М. Войтак «Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы)», написанная на русском языке.

Следует отметить, что вышеуказанная проблема достаточно активно разрабатывалась в польском языкознании. Мнения по этому поводу самые различные.

Религиозный язык обладает собственной спецификой, исходя из особого характера сферы применения. На основе этого вывода были разработаны дефиниции, опирающиеся в свою очередь на критерий функции: религиозный язык – это язык, который служит коммуникации в сфере религиозной жизни [23, с.19-20].

Более новая дефиниция формулируется несколько по-другому: религиозный язык – это язык, который используется не только в церквях (например, католических, евангелистских), но и за их пределами настолько, насколько он касается религии» [19].

«На рубеже XX-XXI веков в Польше вышло в свет много работ, посвященных общим аспектам религиозного языка. Основные темы – это условия, в которых используется этот язык; задачи, которые он должен выполнять; широкий спектр разновидностей и разнообразие факторов, обуславливающих представление отдельных текстов. Поднимаются вопросы методологии и изучения религиозного языка. Но прежде всего, естественно, было определено, что следует понимать под термином «религиозный язык» и какие тексты подпадают под это определение. Первоначально даже высказывались сомнения, что такой самостоятельный феномен, как «религиозный язык», вообще существует. В принципе, каждый религиозный жанр можно соотнести с какой-либо светской категорией. И в этом случае проповедь может быть рассмотрена как публичное выступление; церковные песнопения – как поэзия; а катехизис – всего лишь как текст дидактического содержания [14, с.73-91].

Но постепенно утвердилась следующая точка зрения: религиозный язык обладает собственной спецификой, исходя из особого характера сферы применения. На основе этого вывода были разработаны дефиниции, опирающиеся в свою очередь на критерий функции: религиозный язык – это язык, который служит коммуникации в сфере религиозной жизни» [23, с.19-20].

И. Баерова и Я. Пузынина используют термин «религиозный язык» [23, с.19-20]. По их мнению, «в более узком значении религиозный язык – это язык моральной и догматической теологии, а также язык ритуальный (литургический язык в христианстве), язык личных молитв, святых текстов (библия), проповедей, произведений религиозной художественной литературы.

В более широком значении религиозный язык – это также разговорный язык, содержащий высказывания о Боге и отношении людей к Богу, а также язык текстов на

религиозную тему – например, текстов по истории, социологии и психологии религии» [23, с.19-20].

«Одной из принципиальных методологических предпосылок является то, что в религиозном языке отражается собственная картина мира. Через его содержание и структуру, через содержательные речевые акты и выбор лексических и стилистических средств конкретные высказывания обнаруживают актуальную картину Земного и Небесного. Самыми важными компонентами этой картины выступают концепты Бога, церкви, человека, и отношений между ними, а также концепты жизни, времени, греха, души, рая, и ада» [14, с.73-91].

Со своей стороны мы бы тоже хотели обратить внимание на некоторые особенности религиозного языка, на этот факт. Феномен религиозного языка, по нашему мнению, связан, прежде всего, с проблемой картины мира – концептуальной и языковой.

Мнения различных авторов о картине мира (концептуальной и языковой) помещены в следующей таблице.

Научная (общенаучная, концептуальная) картина мира	Языковая картина мира
Брутян Г.А.: «Концептуальная картина мира является «инвариантной для всех людей и не зависит от языка, на котором они мыслят и выражают свои мысли» [1].	Космеда Т.А.: «Языковая картина мира является выражением концептуальной картины языковыми средствами» [4, с.11-12].
Соколовская Ж.П.: «Общенаучная картина мира складывается из специальных картин мира, которые «представляют собой особую форму синтеза знаний каждой отрасли науки (физики, химии, биологии и т.д.) – соответственно: «физическая картина мира», «химическая картина мира», «экологическая картина мира» и т.д. В данном случае «Мир» – это не мир в целом – «Вселенная», – как в философском его истолковании в общенаучной «картине мира», – это «Мир» соответствующей науки – «физический мир», «химический мир» и т.д., то есть «реальность», «данность», «действительность» одного какого-либо аспекта объективного «Мира в целом» – «Вселенной»; аспекта, который исследуется в данной науке – физике, химии, биологии» [10, с.4].	Соколовская Ж.П.: «Языковая картина мира, «по сравнению с «Научной Картиной мира», включает, как представляется, не только «научное» знание, но и знание «обиходное», бытовое, «здоровый смысл»; мифологические, сказочные «компоненты» знания; знание донучное, ненаучное; вымыслы, фантазии; суеверия, предрассудки.<...> легенды, «особенности сгибов народного ума» (А.А. Потебня)» [10, с.4]. Мечковская Н.Б.: «Язык знает немного (в сравнении со всем, что вообще знает человечество), потому что язык – это исторически первая моделирующая семиотическая система человеческого знания, первый запечатленный взгляд на мир. Картину мира, отраженную в языке, можно охарактеризовать так: это наивная (а не научная) картина мира; она «увидена» глазами человека (не Богом и прибором), поэтому приближительна и неточна (но в нужных случаях наука ее «поправляет»)» [7, 32]. «Языковая картина в основном наглядна и отвечает здравому смыслу; то, что «знает» язык, – общедоступный фундамент человеческого сознания» [7, с. 32].

<p>Соколовская Ж.П.: «Среди «Миров» – «Химического», «Биологического», «Физического», что, как мы видели, признается учеными, – логичным представляется и «Мир» – «Языка». А значит, и логично предположение существования «Языковой картины мира» [10, с.6]</p>	<p>Соколовская Ж.П.: «В литературе под «картиной мира» («языковой картиной мира») понимаются два разных аспекта рассмотрения семантики (или лексики). Прежде всего – это общая, интегральная «картина мира», совокупность всего языкового содержания, относительно постоянная и медленно эволюционирующая во времени. Кроме того, «языковая картина мира» понимается как специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков. Первый аспект предполагает, например, что «языковая реальность», «языковой мир» – это окружающий мир, который находит отражение в языке. <...> Второй аспект обычно связывают с идущей от Гумбольдта, через теорию относительности Сепира и Уорфа, Вейсгербера, теорией «внутренней формы» и «языковой организацией мира» [10, с. 6-7].</p>
<p>Голованова А.: «В состав концептуальной картины мира необходимо включать компонент, который мы предлагаем назвать ценностной картиной мира (ЦКМ), представляющей собой систему ценностных отношений к познанной действительности. В таком случае концептуальная картина мира (ККМ) будет отражать гносеологический аспект деятельности человека, а ЦКМ аксиологический. При этом первичной является ККМ, а ЦКМ вторичной, т.к. ценностные отношения могут возникать только по отношению к познанному» [2, с. 164]. «В концептуальной (ценностной) картине мира ценности выступают в виде культурных концептов. Концепт, как показано многими исследователями, не является одномерным понятием. Он представляет собой набор различных трактовок одного понятия в сознании носителя языка, которые можно назвать «моделями» интерпретации» (Е.А. Яковлева) или «профилями понятия» (Е. Бартмински). В случае ценностных концептов в качестве моделей интерпретации можно рассматривать четыре типа ценностных отношений: этические, эстетические, утилитарные и гедонистические. Каждый ценностный концепт может выступать как носитель ценности того или иного типа. Помимо этого, его место ценностей</p>	<p>Голованова А.: «Ценностная картина мира получает свое воплощение в языковой картине мира» [2, с. 164].</p>

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЯЗЫК ИЛИ СТИЛЬ...

обусловлено отношениями с другими понятиями» [2, с. 164].	
Космеда Т.: «Многие ученые считают, что концептуальная картина мира более богата, чем языковая, поскольку в формировании первой принимают участие различные типы мышления. Не все то, что познано человеком, выражается словами, не вся та информация, которая приходит из внешнего мира, получает языковую форму» [4, с. 11-12].	Серебренников Б.А.: «Обе эти картины связаны между собой. Язык обозначает «отдельные элементы концептуальной картины мира. Это обозначение обычно выражается в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Связывая слова в предложения, язык объясняет содержание концептуальной картины мира» [8, с. 101].

Вслед за авторами, мнения которых представлены в данной таблице, можно предположить, что если существуют мир физики и «языковая физическая картина мира», мир ценностей и «ценностная языковая картина мира» и другие миры и их картины мира, то, поскольку существует мир религии, существует и «религиозная языковая картина мира».

Поэтому, если говорить о религиозном языке, следует сказать о понимании этого термина в узком и широком значении слова, о чем в своих работах говорят польские лингвисты И. Баерова и Я. Пузынина [23, с.19-20], члены Комиссии Религиозного Языка [19], употребляя термины «религиозный язык в широком значении» и «религиозный язык в узком значении», или о «ядре» и «периферии» религиозного языка.

Если говорить другими словами, ядерная часть этого понятия ближе к научной картине мира, она более терминологична, а периферийная часть религиозной языковой картины мира более свободна в выборе разнообразных языковых средств.

Языковая религиозная картина мира создается при помощи языковых средств – средств «религиозного языка», одним из которых является стиль. И в данном случае следует дополнить рассуждения Д. Беньковской, приведенные выше.

Высшим уровнем стиля в религиозном языке, по нашему мнению, является «религиозный стиль». Последний, в свою очередь, распадается на ряд «конфессиональных стилей» – стилей, определяемых конфессией. В данном случае можно говорить о стиле языческих верований, христианском (католическом, православном, протестантском, лютеранском и др.) религиозном стиле, исламском религиозном стиле и ряде других. В этом же контексте может быть употреблен термин российских исследователей «церковно-религиозный стиль».

На конфессиональный фактор накладываются условия этнические, в числе которых могут быть названы особенности языка этноса, особенности национального языка, что способствует возникновению этнических конфессиональных стилей, о которых говорит Д. Беньковска. И здесь же следует заметить, что определение конфессионального стиля, предложенное украинскими лингвистами, по нашему мнению, ближе к понятию этнического конфессионального стиля. И логичней бы было назвать его украинским конфессиональным стилем.

Выводы. Таким образом, не претендуя на авторство анализируемых здесь понятий (терминов), подведем итог и попытаемся выстроить их иерархию.

Определение религиозного языка напрямую связано с картиной мира. Одной из составляющих концептуальной картины мира является религиозная картина мира, результатом отражения которой в языке является «религиозная языковая картина мира». Ее «строительным материалом» является религиозный язык. Одной из функциональных форм религиозного языка является религиозный стиль. При более детальном рассмотрении религиозного стиля обнаруживается, что он распадается на несколько конфессиональных

стилей. Каждый конфессиональный стиль, в свою очередь, может быть рассмотрен как совокупность (взаимодействие) этнических конфессиональных стилей.

Список литературы

1. Брутян Г.А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Научн. докл. высш. школы. Вопросы философии. – 1972. – № 10.
2. Голованова А. Категория ценности и ее репрезентация в польской языковой картине мира Bartmiński J. (red.), *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne*. – Lublin, 2003. – S. 163-171.
3. Гостеева С.А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. – Вып. 2. – М., 1997.
4. Космеда Т. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. – Львів, 2000. – С. 11-12.
5. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.
6. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. – М: Наследие, 1997. – С. 7-8.
7. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М., 1998. – 352 с.
8. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 101.
9. Склярёвская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177-202.
10. Соколовская Ж.И. «Картина мира» в значениях слов. «Семантические фантазии» или «катехизис семантики». – Симферополь, 1993. – 232 с.
11. Adamek Z., Koziara S. (red.). *Od Biblii Wujka do współczesnego języka religijnego. Z okazji 400-lecia wydania Biblii ks. Jakuba Wujka (Materiały z sympozjum naukowego. Tarnów 25-26 kwietnia 1998)*. – Tarnów, 1999.
12. Beńkowska D. *Polski styl biblijny*. Łódź, 2002.
13. Gossmann W. *Sakrale Sprache*. – München, 1965.
14. Greule A., Kucharska-Dreiß E., Makuchowska M.. *Neure Forschungen zur Sakralsprache im deutsch-polnische Vergleich. Erträge – Tendenzen – Aufgaben // Heiliger Dienst*. – 2005. – Heft 2. – S. 73-91.
15. "Linguistische" Theologie. *Biblische Texte, christliche Verkündigung und theologische Sprachtheorie*. Hg. U. Greber – E. Guttgemanns, Bonn 21975 (FThL 3).
16. P. Michel – A. Schwarz, „Theologie als Grammatik“. *Thesen zum linguistischen Status religiöser Rede // Germanistische Linguistik*, 1-2 (1979) 127-138.
17. Moser H. *Sprache und Religion. Zur muttersprachlichen Erschließung des religiösen Berichts*. Dusseidorf 1964 (Beihefte zur Zeitschrift „Wirkendes Wort“ 7).
18. *Probleme der religiösen Sprache* / Hg. M. Kaempfert. – Darmstadt, 1983 (WdF GDXLII).
19. *Regulamin Komisji Języka Religijnego Rady Języka Polskiego przy Prezydium Polskiej Akademii Nauk vom 14.05.2001, § 2*. – 2001.
20. Schermann J. *Die Sprache im Gottesdienst*. – Innsbruck, 1987 (IThS 18).
21. Schulte A. *Religiöse Rede als Sprechhandlung. Eine Untersuchung zur performativen Funktion der christlichen Glaubens- und Verkündigungssprache*. – Frankfurt a. M. [u. a.], 1992 (FHS.T 464).

Словари, справочники, энциклопедии

1. Шевченко Л.Л. Конфесійний стиль // Українська мова: енциклопедія. – К.: „Українська енциклопедія“ ім. М.П. Бажана, 2000. – С. 252-253.
2. Bajerowa I., Puzynina J. *Art. Język religijny. Aspekt filologiczny // Encyklopedia katolicka*. – Lublin, 2000. – T.8. – S. 19-20.

Поступила в редакцию 03.04.2006 г.

УДК 81'42:81-116.3

ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА

Дорофеев Ю.В.

Актуальность. Термин «дискурс» является, пожалуй, самым популярным и менее всего определенным в современной лингвистике. Спектр его употребления чрезвычайно широк. Как отмечает М.Л. Макаров, дискурс является одним из наиболее сложных понятий в современной науке и само его определение «уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения» [5, с.85-86]. Вследствие этого в современной лингвистике возникла необходимость определить отношения между текстом, дискурсом и коммуникацией.

В связи с этим мы ставим в нашей работе следующую *цель*: определить особенности описания текста как единицы дискурса. Достижение этой цели предполагает решение следующих *задач*:

- разграничить понятия «текст» и «дискурс», опираясь на работы современных исследователей;
- определить признаки, которые характеризуют текст как единицу дискурса;
- на примере художественных текстов продемонстрировать особенности анализа текста как единицы дискурса.

Постановка проблемы. Ф.С. Бацевич полагает, что все определения дискурса можно свести к двум наиболее обобщенным: 1) дискурс – это текст, погруженный в жизнь; 2) дискурс – это дискурсивные практики, живое общение, коммуникация [2, с.94-95]. На наш взгляд, эти определения не дают возможности четко разграничить текст и дискурс как самостоятельные объекты изучения. Поэтому мы будем исходить из того, что «термин «дискурс» неуклонно стремится отождествиться с термином «семиотический процесс» [3, с.491] и что «специфика дискурса определяется тем, что он располагается по ту сторону языка, но по эту сторону высказывания, т.е. дан *после языка*, но *до высказывания*» [7, с.367] (высказывание здесь равно тексту). Именно с этой точки зрения и дает определение дискурса В.В. Красных: «дискурс – вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» [4, с.180]. Учитывая все сказанное, мы принимаем это определение термина дискурс в качестве рабочего. Соответственно, в рамках нашей концепции мы рассматриваем текст «не столько как «изолированный» феномен, своего рода «вещь в себе», сколько как феномен, непосредственно связанный с экстралингвистической реальностью (и в том числе с когнитивными явлениями), и следовательно, как единицу дискурса» [4, с.189]. Дискурс же входит как составная часть, наряду с ситуацией, в понятие коммуникации. То есть дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации и в ней функционирует.

Подводя промежуточный итог, можно отметить следующее. Во-первых, анализ дискурса должен проходить «на стыке» нескольких наук, прежде всего психологии и лингвистики. Во-вторых, многие ученые пришли к идее о «первичности» текста: «с одной стороны, в процессе коммуникации мы говорим не отдельными, разрозненными предложениями, но текстами, с другой – именно текст получает исследователь языка в качестве исходного материала для анализа» [4, с.191], поэтому именно текст является объектом изучения в нашей работе, хотя мы и предполагаем, что рассмотрение текста в рамках только лингвистики является в некоторой мере неполным.

Попытаемся теперь определить свойства текста как единицы дискурса.

Вслед за М.М. Бахтиным, мы полагаем, что любой текст как целое «является одним и единым реальным высказыванием, имеющим реального автора и реально ощущаемых и представляемых этим автором адресатов» [1, с.297]. При этом автор с необходимостью предполагает наличие у своего адресата определенного опыта, определенных жизненных впечатлений и т.д. Именно эти характеристики текста позволяют рассматривать его в дискурсивном аспекте, ведь «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [1, с.260]. Таким образом, на первый план выступает функциональная направленность текста. Поэтому в нашем исследовании мы будем рассматривать текст как функциональную систему, то есть такую, «возникновение и существование которой обусловлено необходимостью выполнения некой социально значимой функции» [6, с.41]. Термин «функция» мы истолковываем в каузальном значении (как назначение) и, соответственно, исходим из положения, что текст является орудием формирования, экспликации и навязывания мысли. То есть системообразующей функцией, определяющей саму сущность текста, является *воздействие в разных формах* [7].

Второй особенностью текста как единицы дискурса будет то, что автор *всегда* учитывает реакцию реципиента и продуцирует текст «под большим или меньшим влиянием адресата и его превосхищаемого ответа» [1, с.298] (под ответом в данном случае подразумевается предполагаемая реакция). При этом важно иметь в виду, что «активно-ответное понимание услышанного (например, команды) может непосредственно реализоваться в действие, может остаться до поры до времени молчаливым ответным пониманием» [1, с.260].

Следовательно, описание и анализ отдельно взятого текста в дискурсивном аспекте предполагает, во-первых, реконструкцию (поиск) текста, ответом на который является анализируемое произведение, и, во-вторых, прогнозирование реакции адресата (читателя/слушателя), в расчете на которого продуцируется текст (под реакцией адресата мы понимаем такое восприятие текста, которое предполагал получить автор). Реакцию реципиента особенно важно учитывать при анализе художественного текста, одна из особенностей которого заключается в том, что при его восприятии возникают дополнительные эффекты, которые могут быть связаны с ситуацией восприятия, особенностями сознания реципиента и т.д. На наш взгляд, проблема анализа и описания всего спектра возможных реакций на текст относится к области психолингвистики. Поэтому мы сосредоточимся на том, каким образом текст осуществляет функцию воздействия в рамках дискурса. В качестве примера рассмотрим ряд художественных

текстов, которые соотносятся в идейном плане, представляют собой единый дискурс и, соответственно, могут рассматриваться как ответы друг на друга.

В качестве признака, позволяющего выделять в художественной литературе типы дискурса, мы полагаем возможным рассматривать связь проблематики отдельного текста с одной из так называемых «вечных тем». Одной из таких тем является представление о любви как о силе, способной преодолеть любые препятствия. Наиболее четко эта идея была сформулирована И.С. Тургеневым в его «Стихотворениях в прозе»: «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь». Такое толкование любви глубоко укоренилось в художественной литературе и является исходным для многих текстов («Мастер и Маргарита» и др.). Однако попробуем проследить, как видоизменялось это представление в поэтическом дискурсе XX века.

Для сопоставительного анализа нами были отобраны три стихотворения: «Жди меня» К. Симонова, «Баллада о любви» В. Высоцкого и «Баллада о прокуренном вагоне» А. Кочеткова. Все эти тексты хорошо известны, и для нас важно, что все они исходят из сформулированного выше представления о любви. Однако авторы приходят к разным выводам.

В стихотворении К. Симонова любовь рассматривается как средство защиты от войны и от смерти («Ожиданием своим Ты спасла меня»). Главным при этом оказывается сила любви («Только очень жди»). Любовь противопоставляется всем невзгодам военного времени: «Жди, когда снега метут, Жди, когда жара, Жди, когда других не ждут», «Жди, когда из дальних мест Писем не придет, Жди, когда уж надоест Всем, кто вместе ждет» и т.д. Это противопоставление и является движущей пружиной текста. Из этого противопоставления вытекает авторское представление о любви, которая выступает в единстве с верой. То есть любовь способна преодолеть все преграды, когда она подкрепляется верой в то, что любимый человек вернется, несмотря ни на что.

В «Балладе о любви» В. Высоцкого любовь выступает как проявление мистической связи между людьми («волшебная невидимая нить»). Любовь в интерпретации В. Высоцкого чрезвычайно требовательна («с рыцарей своих для испытаний Все строже станет спрашивать она») и таит в себе опасность («многих, захлебнувшихся любовью, Не докричишься, сколько ни зови»). Однако эта «нить» оказывается настолько крепкой, что люди, связанные ею, не расстанутся уже никогда: «Их голосам дано сливаться в такт, И душам их дано бродить в цветах, И вечностью дышать в одно дыханье, И встретиться со вздохом на устах На хрупких переправах и мостах, На узких перекрестках мироздания». Таким образом, любовь в этом стихотворении выступает как сила, которая дает возможность влюбленным быть вместе даже после смерти.

Принципиально иное толкование любви дано в «Балладе о прокуренном вагоне» А. Кочеткова. Обратим внимание на то, как поэт вводит в сознание читателя новую концептуальную структуру, противопоставленную всему предшествующему художественному опыту последнего.

Общее содержание начальных строф (до слов «Трясься в прокуренном вагоне...») сводится к следующему: разлука доставляет страдания и боль любящим, но если они любят друг друга, то они преодолеют все преграды и будут снова вместе («За расставаньем будет встреча»). Сила этих строк заключается в том, что читатель,

благодаря включенности в определенный художественный дискурс, настраивается на определенное развитие сюжета. Он вправе ожидать далее описания встречи после разлуки, которая подтвердит правильность сделанных им выводов. Но что же происходит дальше?

Далее перед нами описание железнодорожной катастрофы: «Нечеловеческая сила, В одной давилъне всех калеча». Здесь обращает на себя внимание слово «всех», то есть каждого. Однако даже в этот момент читатель ожидает, что затем будет идти оборот, начинающийся со слова «кроме». И герой будет единственным, кто спасется. Это было обещано предыдущим текстом и опытом читателя! Но затем следуют четыре строки, которые противоречат всему, что было сказано в предыдущих строках: «И никого не защитила Вдали обещанная встреча, И никого не защитила Рука, зовущая вдали». Все ожидания читателя разрушены: герой погиб, и то, что должно было его уберечь от смерти (а именно встреча с любимой), ничем не помогло ему.

Как нам представляется, из этого противоречия автор предлагает сделать читателю единственный вывод: любовь не всемогуща. То есть в этом стихотворении отрицается представление о любви как о чувстве, способном все преодолеть.

Это стихотворение явно контрастирует со стихотворениями К. Симонова и В. Высоцкого: «И никого не защитила вдали обещанная встреча...»/«Жди меня, и я вернусь»/«И душам их дано ... встретиться со вздохом на устах». В стихотворении К. Симонова любовь побеждает смерть, в стихотворении В. Высоцкого смерть не является помехой для встречи влюбленных, более того, она позволяет им быть вместе вечно. А в «Балладе о прокуренном вагоне» смерть – это расставание навек. Соответственно, идейное содержание двух первых стихотворений основано на предположении, что влюбленные после всех невзгод должны обязательно встретиться и будут вместе всегда, в то время как содержание «Баллады о прокуренном вагоне» основано на предположении, что любовь не является всемогущей силой, защищающей и берегущей влюбленных.

Особенно интересным представляется то, что баллады В. Высоцкого и А. Кочеткова были написаны приблизительно в одно время. Но при этом в произведении В. Высоцкого продолжается развитие и обогащение традиционного для поэтического дискурса представления о любви, а стихотворение А. Кочеткова, хотя и исходит из общего толкования любви, но разрабатывает эту тему в совершенно ином ключе. Здесь мы можем наблюдать разветвление одного дискурса в определенной точке, при этом каждая ветвь обретает самостоятельное значение.

На основе сказанного можно сделать следующие *выводы*. Во-первых, анализ текста как единицы дискурса предполагает, что «каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний, с которыми оно связано общностью сферы речевого общения. Каждое высказывание прежде всего нужно рассматривать как *ответ* на предшествующие высказывания данной сферы» [1, с.287]. Во-вторых, при таком понимании сущности текста объектом изучения становится процесс его функционирования в речи, а не разрозненные произведения. В-третьих, только в этом случае учитывается функциональная направленность текста, его назначение.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 249-298.
2. Бацевич Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 281 с.
3. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 487-516.
4. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 278 с.
6. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
7. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
8. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 350-369.

Поступила в редакцию 01.03.2006

УДК 801.83`161.1:2

ЖАНРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ

Жулинская А.С.

Религия, являясь одной из базовых составляющих социальной духовной культуры, концентрирует в себе глобальные понятия человечества, определяющие бытие как верующих, так и неверующих людей. Эти глобальные понятия хранятся в сакральных текстах и постоянно реализуются в речи участников религиозного дискурса. Религиозный дискурс отражает религиозную картину мира, которая, в свою очередь, является частью общей картины мира, материальной формой которой является язык.

С точки зрения семиотики, религия, как и язык, является самобытной знаковой системой, обладающей своим содержанием и своим способом передачи этого содержания. Если принять во внимание, что коммуникация – это специфическая культурная форма духовного общения людей, становится очевидным, что религия как способ общения является оригинальной коммуникативной системой. Эта система незаменима при решении самых главных проблем бытия, ее особенность состоит в том, что она имеет два направления коммуникации: 1) от Бога – через пророка (наставника, священника) – к людям; 2) от людей – через пророка (наставника, священника) – к Богу [6, с.224]. Соответственно, в тех же направлениях существуют и жанры религиозных текстов.

Постановка проблемы. Религиозный дискурс специфичен, неповторим тем, что к числу его участников относится Бог – сверхъестественное существо, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди. В.И. Карасик считает, что анализ религиозного дискурса, являющегося важным и необходимым актом коммуникации, позволяет вскрыть глубинные характеристики как языка, так и религии, и представляет интерес для лингвистического изучения структуры институционального дискурса и построения классификации типов дискурса [4, с.3].

Все религиозные тексты обладают двойственной природой: это голос Бога, который должен восприниматься душой, но это и человеческие книги, имеющие все текстовые характеристики и подчиняющиеся законам литературных жанров. «...Тот тип произведений, который складывается исторически и определяется как жанр, – пишет А.А. Тертычный, – существует объективно, независимо от мнений как теоретиков, так и практиков» [10, с.3].

Современная наука опирается на понятие жанра как один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи, что позволяет рассматривать жанр как типологическое явление, исторически устойчивое, свойственное произведениям разных эпох и направлений. Жанровое пространство предполагает определенный способ организации материала с изображением жизненных явлений. Жанр определяется совокупностью структурно-композиционных средств, особенностями языка и стиля.

Так, для религиозных текстов характерна более высокая, чем в бытовой речи, формально-смысловая организованность, искусственность.

Анализ жанрового состава религиозного дискурса относительно особенностей функционирования текстов теодискурса в коммуникативном пространстве составляет *цель* настоящей статьи.

Актуальность такого анализа обусловлена возрастающим интересом лингвистов к исследованию теодискурса в целом, развитием жанроведения как научного направления в области лингвистики текста, а также необходимостью изучения жанроформирующих факторов текстов теодискурса.

Определение параметров структурирования жанрового пространства теодискурса в соответствии с направлением религиозной коммуникации и актуализацией тех или иных жанровых стратегий, описание жанров религиозных текстов в коммуникативном аспекте определяют *научную новизну* статьи.

Жанром можно назвать тип высказывания в рамках определенного дискурса. По М. Бахтину, жанр – «относительно устойчивый тип высказывания» [2, с.237]. В нем обобщаются черты, принадлежащие группе произведений, обширной или относительно узкой.

Жанровые характеристики дискурса могут рассматриваться как совокупность признаков, представленных, например, в модели Т.В. Шмелевой: коммуникант, цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, собственное содержание, язык и непосредственно воплощение речевого жанра [11, с.95].

М.М. Бахтин, говоря о речевых жанрах, настаивает на том, что они, «будучи в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка, в то же время безличны, так как являются типической формой высказываний, но не самими высказываниями. Типическими для речевых жанров являются: коммуникативная ситуация, экспрессия (выразительность) и экспрессивная интонация, объем (приблизительная длина речевого целого), концепция адресата и наадресата» [2, с.449, 458, 496].

Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое. Он – представитель творческой памяти в процессе литературного развития.

При формировании того или иного жанрового пространства необходимо учитывать внутрижанровые различительные признаки, а также общие принципы адресата и автора текста в пределах одного жанра. Таким образом, внутреннее членение всего корпуса текстов можно обозначить как типологию жанра. Ф.С. Бацевич важным составляющим жанра считает коммуникативный смысл, не выделенный в модели Т.В. Шмелевой. Исследуя различные типологии классификации жанра, ученый пришел к выводу, что «в реальной коммуникации, в живом дискурсе ...речевые жанры представлены своими фрагментами, а потому их воссоздание требует использования и, так сказать, моделирования структур этих категорий коммуникативной лингвистики» [1, с.53].

Жанры религиозного дискурса специфичны. Они различаются по степени значимости и сакральности и имеют два направления развития. С одной стороны, положение текста зависит от времени его появления и уровня каноничности, а с другой – внутри каждого жанрового корпуса тексты разделяются еще на несколько подвидов. Для жанрового пространства религиозных текстов важным является такой критерий жанроразличения, как коммуникативная цель, степень влияния высказывания на адресата, а потому необходима и четкая концепция адресата текста, его

подготовленности к восприятию текстов, его реакции, вербальной и невербальной, на текст. Особым адресатом религиозных текстов является Бог.

Образ автора при этом может быть важен в большей или меньшей степени, в зависимости от того, насколько явно его присутствие в самом тексте.

Формирование жанров христианских религиозных текстов происходило на протяжении определенного времени и отличалось своеобразной закономерностью. В.И. Карасик указывает на то, что для квалификации жанровой природы речи необходимо не только выявление типовых действий говорящего, но и определение целого круга многомерных отношений: участники коммуникации (минимум два), предмет речи, предлагаемый адресантом, предмет речи, воспринятый и, может быть, дополненный адресатом, – вот четыре точки в пространстве коммуникативного акта, которые представляют минимальный набор объектов, вступающих во взаимоотношения в ходе реализации того или иного речевого жанра. Он же выделяет четыре жанра религиозного дискурса: молитва, проповедь, исповедь и обрядовое действие [4, с. 4, 7, 9, 12].

Однако при такой классификации не учитываются самые важные религиозные тексты – Святое Писание и Предание. Их нельзя отнести к жанру обрядового действия, так как они включены в богослужебный обряд лишь частично. С другой стороны, основные канонические христианские тексты, на которых построено все религиозное общение, нельзя обойти вниманием при описании жанров религиозных текстов.

Следовательно, при структурировании жанрового пространства религиозных текстов необходимо учитывать степень их сакральности, коммуникативный статус, функции и степень воздействия на адресата текстов каждого жанрового корпуса.

Внутри же жанровых корпусов следует также различать тексты по тематическому содержанию, стилистике и композиции.

Первый жанровый пласт составляют тексты Священного Писания – запись учения, сведения об Учителе. Сюда относятся все книги Библии, Ветхий и Новый Заветы – от Бытия до Апокалипсиса. Особенностью данного гипержанра является то, что в нем сходятся все стратегии религиозного дискурса – от утверждающей до исповедальной. Внутри жанрового корпуса тексты имеют следующие разновидности: Евангелия, повествующие о земной жизни Спасителя, историографии, гимны, пророчества, хваления, притчи, псалмы.

Рассмотрим один из жанров данного корпуса:

«Псалом» – слово греческого происхождения, означающее буквально «бряцание по струнам». В «Толковой псалтири» псалом определяется как «песнь, которая стройно исполняется голосом с аккомпанементом на псалтири» [3, с.8], где псалтирь – древнееврейский музыкальный инструмент. Псалмы – лирическая религиозная поэзия и одновременно сокровищница богословия. Это единственная книга, стоящая на границе двух Заветов, соединяющая представление о суровом Боге Ветхого Завета с образом всепрощающего Бога Нового Завета.

Вопрос об авторстве библейских псалмов до сих пор остается спорным. Богословская традиция приписывает Давиду большее количество псалмов и называет весь сборник, таким образом, Псалтирью Давида, имея в виду, что остальные псалмы составлены по подобию Давидовых.

Нет числа классификациям псалмов. Наиболее четко определяются «учительные» («псалмы премудрости»), «царские» («мессианские»), псалмы-жалобы и прошения, псалмы-благодарения и восхваления. Классифицировать достаточно трудно, так как

псалом может начинаться как жалоба, которая внезапно сменяется потоком восхваления, что характерно для традиционной еврейской молитвы. Псалтирь в православном богослужении используется чаще всех книг Ветхого Завета. Она является основой для большинства древнейших христианских богослужебных песнопений и молитв.

Тексты Писания не изменяются и не варьируются, они обладают четким набором композиционных, стилистических и содержательных признаков и являются сильным смысловым ядром, порождающим новые тексты. Используя жанровые характеристики текстов данного корпуса, создавались неканонические евангелия, разнообразные пророчества и псалмы.

Следующей по значимости совокупностью текстов является Священное Предание – сочинения Отцов церкви, изначально имеющие своей целью «достроить» Священное Писание, добавив то необходимое, что должно знать каждому верующему. Поэтому для текстов данного корпуса наиболее актуальной является разъясняющая коммуникативная стратегия. В конечном итоге оказалось, что Священное Предание – наиболее разнообразный во внутрижанровом отношении свод текстов, характеризующийся энциклопедической широтой содержания. Особое место среди текстов Священного Предания занимают Символ Веры и катехизис – своеобразный минимум текстов, который каждый приобщающийся к христианству человек должен знать.

Отдельную подсистему, своеобразный гипержанр образуют богослужебные тексты, читаемые в храме и используемые для домашних молитв. Многие из них являются разной величины цитатами из Священного Писания и Предания, прямыми и варьированными, остальные создавались Отцами церкви специально для отправления богослужений. Этот корпус жанров также разнообразный, большинство текстов здесь являются автосемантическими, самодостаточными и в то же время экспрессивными, эмоционально окрашенными, что обусловлено реализацией молитвенной стратегии коммуникации.

Основным жанром здесь является молитва.

В Библейской энциклопедии молитва толкуется как «возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» [8, с.292]. Характерной особенностью молитвы как коммуникативного акта является ее однонаправленность. Это общение, не предполагающее обратную связь вообще или предполагающее ее в знаковом невербальном варианте. Это интенция души на единение с Богом. Тем не менее, для молитвы актуальны план адресата – Бога, личность адресанта, его готовность и желание обращаться к высшим силам, создание ситуации общения – состояние богопочитания, преклонения, время, то есть практически все признаки текста. Также в молитве используются стандартные средства адресации: обращения и местоимения второго лица. Являясь семантическим откликом на какое-либо библейское событие или какой-либо канонический текст, молитва всегда будет включать в себя интертекстемы различного рода – от цитаты и упоминания до аллюзии, намека.

Особым жанром, в котором религиозный дискурс определенным образом смыкается с педагогическим, является проповедь.

Н.Б. Мечковская считает проповедь фундаментальным, первичным жанром религиозной коммуникации. Она пишет: «Религия как межличностный коммуникативный процесс началась именно с проповеди учения людям» [6, с.205].

Текст проповеди всегда содержит интертекстемы разного рода, цитаты из канонических книг, которые священник разъясняет людям. Проповедь обязательно

имеет адресата, как правило, группу людей, а также пространственные и временные рамки. Построенная по определенным законам ораторского искусства, проповедь является образцом церковного красноречия. Кроме этого, характерной особенностью проповеди является ее произнесение на языке, родном и понятном для прихожан каждого конкретного храма. Это самый свободный жанр. его отличает относительная непредсказуемость. В стилистике жанра ярко выражены тенденция к простоте и порядок изложения.

Первыми, основополагающими проповедями являются ветхозаветная проповедь Моисея (по своему содержанию это прямая цитата, фрагмент Откровения) и Нагорная проповедь Иисуса Христа, представляющая собой варьированную цитату ветхозаветной проповеди, дополненную и истолкованную Учителем. По существу, именно Нагорная проповедь до сих пор является образцом для современных специалистов по религиозному красноречию.

Проповедь, в отличие от собственно богослужения, – жанр относительно свободный. Священник на проповеди поднимает вопросы не только богословские. Он может озвучить позицию Церкви по тому или иному социальному вопросу. Опасность свободы в проповеди состоит в том, чтобы позиция Церкви не сводилась к пониманию проблемы отдельно взятым пресвитером. Поэтому отцы церкви до сих пор настороженно относятся к проповеди как к наиболее непредсказуемому религиозному жанру. Предпочтительно произнесение уже готовых, написанных известными богословами проповедей, особенно для молодых и неопытных священников.

Еще одним особым коммуникативным жанром, находящимся на пересечении институционального (религиозного) и личностного (бытийного) дискурсов, является исповедь.

Слово «исповедь» в современном русском языке имеет два значения: событийное оформление таинства покаяния и литературный жанр. В настоящем исследовании нас будут интересовать оба значения этого слова.

Исповедь как таинство есть нравственное событие, напряженно направленное вовне личности. Исповедальная стратегия теодискурса близка к молитвенной.

В таинстве покаяния христианин свидетельствует словом о своем обращении, признавая перед собой и перед другими свою греховность. Сам приход на исповедь, молчаливое предстояние, моление, внутреннее усилие открытия своей души Богу – уже исповедь ничего своими силами не способного поправить и молящего о прощении и спасении грешника. Таким образом, исповедь может вообще не воплотиться в каком-либо речевом высказывании. Однако таинство покаяния в церковной практике считается воплощенным только тогда, когда человек открыто произносит перед священником свои грехи. Священник при этом не является ни судьей, ни зрителем. Находясь в исповедальном пространстве кающегося, священник выступает как проситель за него перед Богом. В этом уникальность исповеди как акта коммуникации.

М.В. Михайлова в своем исследовании исповеди пришла к выводу, что «в рамках религиозного дискурса эпистемика проповеди существенно отличается от эпистемики исповеди. Если в эпистемике проповеди практически безраздельно доминирует вера, то в эпистемике исповеди отражается более сложное когнитивное состояние: от знания о собственных прегрешениях исповедующегося до его веры во всезнающего Бога. При этом сама ситуация исповеди невозможна при отсутствии веры и предполагает, в

частности, веру исповедующегося в то, что при условии его искреннего раскаяния грехи его будут ему отпущены» [7, с.10-11].

Исповедь как жанр отличается коммуникативной свободой, относительной стилевой и композиционной независимостью. Содержание, стиль и композиция исповеди будет зависеть лишь от широты мировоззрения, степени покаяния и состояния внутреннего мира человека.

Таким образом, мы, проанализировав основные жанры теодискурса, пришли к *выводу*, что религиозный дискурс – дискурс веры, в котором образ человека и образ Бога стремятся к тождеству. В религиозном коммуникативном процессе размыта обратная связь: в одном направлении неясен образ автора, в другом – образ адресата. Тем не менее, своеобразие религиозной коммуникации определяет эквивалентные черты в текстах теодискурса, в которых такая коммуникация реализуется. Это позволяет видеть в религиозных текстах определенную жанровую общность. Следовательно, существует определенное, исторически и логически сложившееся жанровое пространство религиозных текстов, способствующее усилению внимания адресатов к текстовому, словесному выражению мыслей и отвечающее интересам носителей религиозного мировоззрения.

Список литературы

1. Бачевич Ф.С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. – Львів: ПАІС, 2005 – 264 с.
2. Бахтин М. Проблема речевых жанров. // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 237-280.
3. Зигабен Е. Толкование Псалтири (пер. с греч.). – Киев, 1983. – 420 с.
4. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. научных трудов – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.
5. Кузьмина К.А. Коммуникативно-номинативное и композиционное содержание современной русской православной проповеди (на материале опубликованных проповедей) / XXXII Международная филологическая конференция: Сборник. Вып.15: Русский язык как иностранный и методика его преподавания. 11-15 марта 2003г., Санкт-Петербург / Отв. ред. Н.А. Любимова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 195-202 с.
6. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство «Файр», 1998. – 352 с.
7. Михайлова М.В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 года). – СПб.: Изд-во Института Человека РАН, 1997. – С. 9-14.
8. Мишланов В.А. Молитва как речевой жанр// Прямая и непрямая коммуникация: Сб. научных статей. – Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2003. – С. 290-302.
9. Руководственное пособие к пониманию псалтири / Сост. Х.Орда. – М., 2000. – 462 с.
10. Тertyчпый А.А. Жанры периодической печати. – М., 2000.
11. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: УНЦ «Колледж», 1997. – С.88-99.

Поступила в редакцию 18.01.2006 г.

УДК 81'42 + 81'233

ГРАМАТИЧНИЙ РІД КЛЮЧОВИХ СЛІВ У ГАСЛАХ СУЧАСНОГО ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ¹

Зарецький О.В.

Постановка проблеми. Граматичний рід у непрямий спосіб чи певним спеціальним чином корелює з гендерною картиною світу. Мова має певні можливості в плані вираження концепта „стать” – морфологічні, лексичні та інші. В першу чергу це функціонування категорії граматичного роду, динаміка її розвитку. Можуть бути вивчені психолінгвістичні дані про співвіднесеність категорії роду та екстралінгвального фактора статі, врахування впливу на ці процеси мовних закономірностей аналогії, економії та інше. Граматичний рід посідає певне місце у свідомості мовців тої чи іншої мовної спільноти, входить до системи асоціацій, очікувань, мотивацій тощо [6].

Будемо розглядати фактор граматичного роду у підсистемі політичного дискурсу – гаслах політичних програм і, відповідно, у політичній рекламі. Гасло – мовна форма, яка так само, як і девіз, прислів'я, максима, може бути представлена фразою, словом чи синтагмою і містить повідомлення, яке не можна розділити (неподільне), є самодостатнім, не потребує коментарів і має тенденцію бути анонімним. Адресанти гасла – суспільні, комерційні, політичні групи тощо – планують, що воно буде впливати на колектив, нагвп, масу. Доводити, аргументувати, переконувати – його другорядні функції. Головна його функція – подавати готовий висновок [10, с.142]. Гасло слугує масовому вжитку, принципово повторюване, фонетично та ритмомелодійно приємне, легке для репродукування, його ефективність ґрунтується на тій дискурсивній необхідності, яку треба задовольнити.

Гасло імітує просту логіку, образно кажучи, долаючи заборони, пробуджує в нас дитину і говорить тільки про те, про що говорить. Воно є передумкою, що робить думку зайвою, гальмує рефлексію. Гасло знаходиться за межами категорії істинне-неістинне, тобто воно може бути і правдою і неправдою, чи, точніше, не є ні правдою, ані неправдою.

Що становить силу гасла? Це в першу чергу прямий вплив на свідомість. Гасло ефективне, оскільки нічого не говорить чи майже нічого не говорить в традиційному розумінні комунікативної функції мови [10, с.85].

1) Політичне гасло апелює до групових інтересів нації, класу, партії, які акумулюють священні інтереси індивіда чи в ім'я яких приносить свої інтереси індивід. Воно має завдання, що стосуються влади, сили партії чи країни.

2) Політичне гасло об'єднує, формує горизонтальні комунікативні зв'язки у соціумі. Воно підштовхує реципієнта до усвідомлення інформації про те, як він

¹ Ці нотатки стали можливими завдяки обговоренням гендерної проблематики у відділі соціолінгвістики Інституту української мови НАН України

ідентифікує свою партійну приналежність та за кого голосувати. Сила впливу політичного гасла проявляється у конкретному соціальному, історичному контексті, наприклад: *Так!* 2004 року.

3) Ширшою категорією від гасла політичного є гасло ідеологічне. Ідеологічне гасло є специфічним феноменом і, можна сказати, чимось більшим за гасло. Також підкреслимо, що поняття „ідеологія” є менш визначеним (прозорим), аніж поняття „гасло” [9].

Ми будемо розглядати фактор граматичного роду у гаслах двох визначальних на початку 2000-х років електоральних кампаній – виборах до ВР України 2002 року і президентських виборах-2004, які переросли у Помаранчеву революцію². Вибори 2004 року дали безпрецедентний в історії України масив політичного дискурсу майже в усіх сферах спілкування, значну частину якого опубліковано. Йому вже присвячено велику кількість наукових студій, у тому числі мовознавчих [3; 8; 1].

Відзначимо також, що базові політичні гасла, такі як *Наша Україна* (початкова назва блоку у 2002 році) чи *Так! Ющенко* у 2004, за кілька років трансформувались в ідеологічні, ставши символами політичних, ідеологічних криз та змін початку тисячоліття.

Визначимо базові ознаки ідеологічного гасла:

1) Спонтанність. Ідеологічне гасло не створюється рекламною агенцією чи партійним іміджмейкером. Це громадська думка певної соціальної чи політичної групи.

Низка газетних чи усних гасел про „старі добрі часи” до 91 року, які можуть вводитись формою *за Союзу...* – і далі йдуть ностальгічні спогади. Гасла чи назви визначних подій початків доби незалежності, які набули ознак гасла – *суверенітет, референдум 1 грудня, згодом тюрми*, – втрачають політичний компонент.

2) Тривалість. Ідеологічні гасла існують довго або взагалі не існують. Вони можуть повертатися, спричиняючи певне переосмислення: *залізна завіса* (часів СРСР) – *східний кордон Євросоюзу*.

Ідеологічне гасло є підтвердженням колективної практики. *Ющенко! Так!* – і врешті В.А. Ющенко став президентом. Політичне гасло має конкретну мету: аби певна соціальна, вікова, соціальна група певним чином проголосувала. Ідеологічне гасло відображає довготривалу практику певної соціально-політичної, релігійної групи тощо. Тому воно часто є більш туманним, менш ясним. Такі кліше, як *за якість життя* чи *за нове суспільство*, мають невизначене значення [10, с.94-95].

Застережемо, що наші спостереження над граматичним родом мають частковий та формальний характер: не йдеться про розгляд особливостей конкретної мови в плані можливостей вираження по відношенню до категорії гендера.

Розглянемо фактор граматичного роду у гаслах кампанії 2002 року. Перед виборами до ВР України 2002 року партії та блоки представили до Центральної виборчої комісії свої програми. З офіційного сайту Центру виборчого програми надрукувала газета „Голос України”. Згідно чинного законодавства, це є офіційною публікацією. В структурі майже всіх програм представлено одно чи кілька гасел. Гасла мають низку ключових слів, як правило, іменників. Це принципово важлива частина партійних

² Це словосполучення ми вживасмо у дискурсивному сенсі – так що подію називали у медіях, побутовому та й науковому спілкуванні. Соціологи чи політологи дискутують і будуть дискутувати, чи то була революція. Відзначимо принагідно, що цей термін є найбільш уживаним не тільки у прихильників, але й опонентів В.А. Ющенка, – напр.: [4]

програм, адже саме гасла використовувались у передвиборній пропаганді, наприклад, на телебаченні, на візуальних носіях тощо. Наприклад, програма партії “Яблуко” складається лише з вірша Василя Симоненка *Ти знаси, що ти Людина* ... (Далі всі ключові слова жіночого роду підкреслено). Тобто цей рядок є єдиним гаслом цієї партії і основним засобом передвиборчої пропаганди. Відзначимо також, що це є типовий формат рекламного гасла – *Не дай собі захохнути, Що ти знаси про баскетбол* тощо – і містить питальну чи стверджувальну дієслівну форму.

Політичні гасла мають компонент, який часто називає мету політичної інтенції і виражений іменником: *мир, рівність, братерство, щастя, свобода, залізна завіса; боротьба за роззброєння, ти знаси, що ти людина*

Іноді програма може не мати гасел, але мати преамбулу, де визначено мету чи основні цілі. Так, наприклад, блок політичних партій “Виборчий блок Юлії Тимошенко” у преамбулі формулює свою мету, яка має дві складових – *розвиток духовності і воля до справедливості*. Самі назви партій та блоків (до речі, перше слово жіночого роду, а друге чоловічого) містять іменну частину, що релевантна граматичному роду. Наприклад, *Україна* у словосполученнях *Наша Україна* чи *За єдину Україну*. Рід у цих словосполученнях підкреслено ще й займенниками.

Виокремлення гасла, преамбули, а також ключових слів є прозорою і достатньо очевидною, але не формалізованою лінгвістичною процедурою. Ми скористаємось описовим підходом і визначимо граматичний рід ключових слів передвиборчих програм. У слогані і преамбулі двох програм, які ми подали як приклади, майже всі ключові слова жіночого роду: *Людина* у програмі “Яблука”, а у програмі “Тимошенко” – *мета, складова, духовність, воля, справедливість*. Назви партій не є гаслами, але містять ознаки подібності до ідеологічного гасла, це такі слова, як *комуністична, соціалістична, соціал-демократична*, які входять у відповідні асоціативно-дериваційні ряди і мають сильно виражені значеннєвості.

Подамо ключові слова з гасел та преамбул деяких партій та блоків і зафіксуємо граматичний рід цих іменників.

Могутність, Україна – (Морська партія...).

Мова, єдність, життя – с.р. (Руський блок...).

Дитина, жінка, сім'я, молодь (Жінки за майбутнє...).

Сім'я, дитина (Новий світ).

Влада, довіра, підтримка, конкретність, рішучість, держава, перспектива, економіка, регіон – ч.р., *суспільство* – с.р., *світ* – ч.р., *розвиток* – ч.р. (За єдину Україну).

Гідність, людина, процвітання – с.р., *добробут* – ч.р. (Наша Україна).

Ми не можемо відповісти на питання, які асоціації, мотивації чи очікування у мовних спільнот виборців України викликає граматичний рід. Завдання піарщиків, які працювали над текстами програм, очевидне: викликати підсистему асоціацій, яку можна узагальнююче назвати позитивною і спиратись у сучасних умовах на ту чи іншу пропагандивну технологію. З іншого боку, можна думати, що лідери політичних партій та їхні дорадники писали чи редагували гасла та преамбули до своїх програм “щиро, від душі”, ґрунтуючись на своїй світоглядній системі та мовній інтуїції.

Гіпотетично цілком можна уявити, що ключові слова слоганів будуть чоловічого чи середнього роду, а не головним чином жіночого, як 2002 року: *мир, прогрес, щастя, розвиток, соціальне партнерство, подолання безробіття*.

Відзначимо також, що у дискурсі виборів-2002 можна простежити мовні засоби, характерні для політичного дискурсу часів Радянського Союзу [2]. Йдеться про продуктивність віддіслівного іменникового словотвору: *могти* → *спроможність*; *ступати* → *доступність*; *підвищувати* → *підвищення*; *захистити* → *захист*; *досягати* → *досягнення*; *зберігати* → *збереження* тощо.

Ці іменники можуть бути як жіночого, так і середнього чи чоловічого роду.

Розглянемо ключові гасла виборчої кампанії 2004 року. Порівняння гасел виборчої кампанії 2002 року з виборами президента 2004 дає самоочевидний висновок про елімінацію граматичного роду. У виборах-2004 року саме в гаслах кампанії В. Юценка майже не представлено граматичний рід.

Базові гасла *Так (Ні)* – взагалі невідміновані слова. *Так* є прислівником, часткою і сполучником [5]. Праслов'янська та індоєвропейська етимологія слова *так*, мабуть, не потребує коментарів, у сучасній українській мові воно споріднено слову *такий*. *Так* ніби створює дискурс глобального діалогу. З *Так* створено багато гаслових форм *Юценко! Так, так, так! Так* – красиве, дзвінке слово. Відзначимо, що фонетичний аналог засвідчений і в російському політичному дискурсі – *Так победим*. Не викликає сумніву, що розробники кампанії-2004 не забували і про російськомовного виборця.

Хоча відзначимо, що *Так* асоціюється з іменниками другої відміни чоловічого роду – *рак, мак*, тоді як один з російських еквівалентів *да*, наприклад, з жіночим родом – *она* і іменниками першої відміни з кінцевою голосною. Також воно гіпотетично має фонетичні асоціації “легкого”, “дзвінкого” – *тук-тук, тікі-так* [7].

Інший базовий слоган виборів *Вірю, знаю, можемо* – перша особа однини та третя особа множини – в українській мові не має формального вираження граматичного роду. Гасла, які були введені у грудні – *мир Вам. вірте* (друга особа множини), – також не мають вираженого роду ані в іменниковій, ані у дієслівній формі. Гасла, які мали також і пісенну версію – *Нас багато і нас не подолати*, – також нерелевантні граматичному роду.

Відзначимо, що за парадоксальним збігом обставин майже всі лідери Помаранчевої революції мали прізвища на *-енко*, які у Nominativus мають аналогічні форми граматичного роду. Були мітинги на Майдані, в яких всі виступаючі мали прізвища на *-енко*. Також відзначимо, що слова *Президент, прем'єр-міністр* не утворюють в узусі української мови морфологічних ознак жіночого роду, на відміну від, наприклад, *директор – директорка, керівник – керівниця*. Але цього не можна сказати про форми *секретар – секретарка щодо секретар(ка) Ради національної безпеки*.

Позначені граматичним родом мовні форми займали у дискурсі кампанії помаранчевих периферійне місце. *Вірю в Україну* тощо. *Україна* – жіночого роду, але це виділене, марковане слово. *Вірю* – перша особа однини у теперішньому часі – в українській мові нерелевантне граматичному роду. І в цьому є відмінність від кампанії-2002, в якій базовим гаслом було *Наша Україна*.

Натомість у виборчій кампанії В. Януковича базові гасла були позначені граматичним родом, де вочевидь було два базових гасла – *Тому що.. і Вибір-2004... Наш вибір – Янукович... – за демократію і справедливість* тощо. Вибори-2002 – ціль, мета, яка виражається іменником. Ці гасла є подібними до типових гасел кампанії-2002 року. Базове гасло кампанії Януковича побудоване як формулювання цілі чи мети: *Наш вибір-2004 – Янукович*.

Подібну мотивацію має і гасло *Так! Ющенко*. Але мовні форми різні: *Наш вибір* є типовим неповним реченням, якщо його розгорнути, то вийде: *нашим вибором кандидата на посаду президента є В. Янукович*. Неповним реченням є і конструкція *Тому що... Тому що...*, вимагає прикметника у чоловічому роді, відповідно до фізичного носія це такі ознаки, як *мудрий, справедливий, конкретний*. Ця конструкція виявилася продуктивною і для мовних жартів: *Тому що в натуре конкретний пацан і за базар отвсчас* [3]. Ці гасла не мають модальності гасел помаранчевих.

Висновки. Для гасел кампанії помаранчевих характерним є зняття роду у формах множини та теперішнього часу. Тоді як дискурс програм і гасел виборів-2002 був релевантним майбутньому часу, вираженому як граматично, так і іншими засобами, адже йшлося про майбутнє: що вирішить партія чи блок, якщо пройде до Верховної Ради.

За межами нашого дослідження залишається також загальний аналіз функціонування та дистрибуції граматичної категорії роду в українській мові. Адже порівняння загального описання та часткового випадку дистрибуції категорії граматичного роду у гаслах виборчих кампаній 2002 і 2004 років могло б виявити цілу низку гендерних закономірностей та правил.

Список літератури

1. Жила Т. "На майдані біля церкви революція іде!.." // Українська мова. – 2005. – №4. – С.88-93.
2. Зарецький О. Офіційний та альтернативний дискурси: 1950-80-ті роки в УРСР. – Київ, 2003. – 260 с.
3. Зарецький О. Зіткнення агітацій // Критика. – 2004. – № 12 – С.17-19.
4. Оранжевая революция. Версии, хроника, документы / Сост. М. Погребинский. – Киев, 2005. – 416 с.
5. Синельникова Л.Н. Заметки о политическом метаязыке // XII Международная конференция по функциональной лингвистике «Функционализм как основа лингвистических исследований». – Сборник научных трудов. – Ялта, 3-7 октября 2005. – С.314-316.
6. Ставицька Л. Мова і стать // Критика. – 2003. – №6. – С.29-34.
7. Ставицька Л. Дискурс помаранчевої пристрасті // Критика. – 2005. – №3.
8. Тищенко О. Мова Помаранчевої революції // Українська мова. – 2005. – №4. – С.77-87.
9. Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс. Мова, культура, влада. – Київ, 2000. – 286 с.
10. Reboul, Oliver. Le Slogan. – Bruxelles. 1975. – 156 p.

Поступила до редакції 16.01.2006 р.

УДК 81'42

СВЕРХТЕКСТ КАК ЭКСПЛИКАТОР МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Иванова Л.П.

В русле современной антропоцентрической парадигмы проблемы национальной ментальности и культуры становятся особенно *актуальными*. Одной из недостаточно исследованных категорий когнитивной лингвистики является ментальное пространство (отметим, что Ю.С. Степанов говорит о пространстве мысли, что, на наш взгляд, не то же самое).

Постановка проблемы. Прежде чем дать характеристику ментальному пространству, определимся с составляющими его понятиями.

В.В. Колесов описывает становление понятия ментальность следующим образом: «Латинский корень *mens* (в родительном падеже *mentis*) сохранил много значений, метонимически растущих одно из другого по смежности смысла. Так оно, видимо, и происходило в движении мысли: 'рассудок' > 'ум', (но не 'разум', не 'мудрость') > 'мышление' вообще, а значит, и > 'образ мыслей', откуда уже > 'настроение' > т.е. 'душевный склад', который и обозначен как > 'душа'. Первый круг в развитии идеи завершен, и внутренняя форма слова (исходный образ) раскрылась в одном направлении» [4, с.11]. По мнению ученого, параллельно развивается идея волевой энергии мыслительной деятельности, воспринятая народами Западной Европы. В Восточной Европе победила первая ветвь -- духовность.

Мы не ставим перед собой задачу осуществить детальный анализ всех точек зрения на понятие ментальности, поэтому принимаем наиболее широкое, обобщающее практически все мнения: «Ментальность – совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира» [6, с.15]. Или более конкретно: ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [4, с.15].

В интересующем нас аспекте основные единицы ментальности – концепты, ключевые слова культуры, прецедентные тексты и прецедентные имена, прецедентные события и само ментальное пространство.

В последнее время концепты весьма активно изучаются представителями различных направлений языкознания, литература по данной проблеме исчисляется многими сотнями именованных. Мы не ставим перед собой невыполнимую задачу анализировать все точки зрения, а ограничимся перечислением, вслед за Н.Д. Арутюновой, Н.А. Аскольдовым, С.Г. Воркачевым, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степановым, основных свойств концепта: 1) свернутые знания человека о мире; 2) набор смыслов, которыми оперирует человек в процессе ментальной деятельности; 3) концепт – единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и этнокультурную специфику; 4) концепты – ментальные сущности, которые имеют имя в

языке и отражают культурно-национальное представление человека о мире; 5) концепт несет в себе эмоциональную информацию и представляется словом или (в редких случаях) фразеологической единицей [2, с.4].

Концепту соположено ключевое слово культуры. Эти слова, согласно мнению ученых (А. Вежбицкая, Е.Г. Ростова, О.Е. Фролова и др.), обладают следующими признаками: 1) известность и представленность в сознании носителей языка и культуры; 2) высокая смысловая нагруженность; 3) способность вызывать культурные ассоциации у носителей данного языка; 4) способность к переносному употреблению в речи; 5) А. Вежбицкая вводит еще один критерий – частотность [1, с.36; 2, с.4].

Формальная единица культуры – текст. Как справедливо подчеркивал Л.Н. Мурзин, «культура «разлагается» на тексты, состоит из текстов, хотя качественно и не сводится к ним» [7, с.165]. Причем под текстом понимается не только вербальное произведение, но и артефакт (самовар, матрешка – для русских, юрта – для казахов и т.п.). В состав ментального пространства входит не всякий текст, а только прецедентный.

К числу прецедентных текстов, вслед за В.В. Красных, относим произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Война и мир»), тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. [5, с. 47-48].

Основные характеристики прецедентных текстов: 1) яркий национально-культурный колорит, хотя прецедентный текст может заимствоваться, становясь достоянием другой культуры или цивилизации вообще; 2) уровень культуры и образованности людей даже в рамках одного этноса может очень различаться, однако, подобно концепту, прецедентный текст остается таковым вне зависимости от того, известен он или не известен отдельным индивидам. Песни времен Великой Отечественной войны для нашего времени обладают прецедентностью.

Прецедентный текст связан с прецедентным именем – свернутым национально-культурным текстом, функционирующим как в рамках своей культуры, так и способным к переходу в другую культуру вследствие заимствования. Прецедентное имя, как и прецедентный текст, влечет за собой множество ассоциаций (см., например, словарь Е.С. Отина), он способен к перекодировке различными видами искусства. Каждая культура обладает специфическим набором прецедентных имен, некоторые могут заимствоваться, функционируя в рамках той или иной цивилизации.

Так, например, для студентов-филологов (русистов, украинистов) наиболее часто упоминаемым заимствованным антропонимом оказался Шекспир и его главные герои – Гамлет, Ромео, Джульетта. Среди нарицательных заимствованных имен в качестве примера можно привести слово «джигит», утвердившееся в русском, украинском и других языках.

Последний конститuent ментального пространства – прецедентное событие. Это важнейшее событие в жизни народа, повлекшее за собой значительные последствия и получившее поэтому многочисленные интерпретации в различных видах искусства, например, Великая Отечественная война для советского народа.

Обратимся к ментальному пространству.

Пространство характеризует протяженность мира, его структурность. Пространство, как отмечают лингвисты (В.А. Маслова, Е.С. Яковлева, О.Н. Селиверстова и др.), многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности.

В работе «Пространство и текст» В.Н.Топоров пишет о двух пониманиях пространства – по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися»; во втором случае пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком существования».

О.Н.Селиверстова определяет пространство с языковой точки зрения: «Пространство, отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» [9, с.10].

Эту идею развивает Е.С. Яковлева: «...картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простымместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [12, с.20-21].

Таким образом, для нас ментальное пространство – пространство, сориентированное категориями реального и художественного пространства – времени и ограниченное вмещающими его концептами, ключевыми именами культуры (А. Вежбицкая), прецедентными текстами, именами, событиями (Л.П. Иванова, Л.Н. Мурзин, В.В. Красных).

Опираясь на сказанное, можно говорить о ментальном пространстве, проявляющемся, прежде всего, в художественных текстах. С другой стороны, поскольку оно связано с языковой картиной мира, возможно изучение ментального пространства индивида – народа – цивилизации [3].

Последний аспект изучения ментального пространства позволяет рассматривать его как категорию динамическую, так как и человек, и народ, и цивилизация обязательно развиваются, изменяются, и это непременно скажется на ментальном пространстве.

Помимо объема, способна к изменению его конфигурация: не во всяком тексте упоминаются прецедентные события, персонажи не обязательно носят коннотативные имена, создающие ассоциации с прецедентными именами и т.п.

В качестве примера рассмотрим ментальное пространство песен Великой Отечественной войны, рассматриваемых нами как сверхтекст, под которым, вслед за Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, Н.В. Данилевской, понимаем «...совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это целостное образование, единство которого зиждется на тематической и моральной общности входящих в него единиц (текстов). Сверхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица, имеет коммуникативные полюсы – автора и адресата... Сверхтекст является единицей культуры и понятием лингвокультурологии» [10, с.374].

Песни времен Великой Отечественной войны считаем сверхтекстом потому, что они четко ограничены хронологически (1941-1945 гг.) и тематически – сражающийся воин и ждущие его в тылу. В самих песнях реализуется художественное время.

Материалом для анализа послужил сборник, составленный А. Тищенко («Песни военных лет», М., 1989), в который вошли песни «Священная война» А. Александрова и В. Лебедева-Кумача, «Враги сожгли родную хату» М. Блантера и М. Исаковского, «Темная ночь» Н. Богословского и В. Агапова и др.

Песни времен Великой Отечественной войны представляют собой мощный пласт советской культуры. Несмотря на то, что все они написаны на русском языке, песни пели представители всех национальностей во всех уголках Советского Союза, да и

сегодня они затрагивают лучшие струны души людей разных поколений. Свидетельством тому является то искреннее удовольствие артистов, их исполняющих во время празднования Победы и в День Защитника Отечества, а с другой стороны, лица людей, эти песни слушающих и от души подпевающих.

Перечислим (из-за ограниченности объема статьи не имеем возможности их характеризовать) конститuentы ментального пространства песен времен Великой Отечественной войны.

1. Пространство (100% песен). Указываются как конкретные топонимы (Москва, Севастополь, Рыбачий, Болгария, берег турецкий и т.п.), так и более абстрактные (в краю родном, за туманами, посреди степей и т.п.).

2. Война (100% песен). Она характеризуется как смертный бой, суровый и дальний поход, смерть в огне, в дыму и т.п.

3. Воин (86,8% песен). Обращает на себя внимание то, что не приводятся воинские звания, т.е. в песнях отобразены дружеские отношения сражающихся (боец, друзья, герой, партизаны, товарищи мои и т.п.).

4. Время (86,8%) обозначается как конкретно (я шел к тебе четыре года, заглянул на часок), так и опосредованно (время сумрака туманного, припомнить ту весну и т.п.).

5. Тропы (образы) – 86,8%. Наиболее распространены антитезы (до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага; Хотел я выпить за здоровье, А должен пить за упокой), за ними следуют символы (Дороги, ворон кружит), олицетворения (смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи, Вот и сейчас надо мною она кружится), метонимия (пусть свято хранит мой камень-гранит, он русскою кровью омыт).

6. Родина (73,3%) характеризуется как Советский Союз в целом (Союз большой, Советская наша Родина, родная навеки страна и т.д.), так и конкретными топонимами (Москва, Россия, Рыбачий и т.п.), а также локализуется отдельными ее частями (берег родной, улица, девичье окошко, ступеньки крыльца и т.п.). Родина сопровождается эпитетами родная, родимая, милая, любимая, т.е. так обычно характеризуют любимую женщину. Наблюдаются случаи олицетворения (Не было большего долга, Чем выполнить волю твою; С твоею суровой и ясной, С твоею завидной судьбой).

7. С той же частотностью, что и Родина, упоминается Любимая (73,3%). Ждет бойца мать (мать сыночка ждет), жена, и детская кроватка становится оберегом (ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь, и поэтому, знаю, со мной Ничего не случится), девушка, подруга. Ни разу не приводится целостный образ, упоминаются глаза, губы, руки. Практически нет антропонимов, лишь один раз упоминается погибшая жена Прасковья.

8. Эмоции и чувства (73,3%) бойца, но не любимой: негасимая любовь, с болью в сердце говорил и т.п.

9. Артефакты (66,7%): гармоника, шляпка, корабль, винтовка, платок голубой и т.п.

10. Враг (40%). Представлен как существительными (Враги сожгли родную хату. Насильники, грабители, мучители людей), так и прилагательными (самолеты вражеские, фашистская сила темная).

11. Природа (40%) представлена как природными явлениями (снега и снега, вьюге назло, грозный, соленый, бушующий вал), так и деревьями (сосны, березы) и птицами (чайки, перелетные птицы).

12. Цель сражения (26%) для воинов очевидна, поэтому она упоминается сравнительно редко (за Советскую Родину, за родной огонек; Боремся за свет и мир, Они – за царство тьмы).

Выводы. Таким образом, ментальное пространство песен Великой Отечественной войны образуют 12 конститuentов – концептов/ключевых слов, а также 3 прецедентных имени – Москва, Кремль, Крым.

На базе анализа соответствующим образом подобранных текстов и сверткестов возможно изучение ментального пространства индивида, социума, народа на определенном этапе их развития.

Список литературы

1. Везбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.
2. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий. – К., 2004.
3. Иванова Л.П. Феномены ментального пространства индивида, народа, цивилизации // Актуальні проблеми менталінгвістики: Зб. наук. статей за матеріалами IV Міжнародної наукової конференції. – Черкаси, 2005.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб, 2004.
5. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М., 2002.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – М., 2004.
7. Мурзин Л.Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994.
8. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004.
9. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика / Опыт описания. – М., 1989.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура – М., 1983.
12. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994

Поступила в редакцию 24.01.2006 г.

УДК 81'276.6

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА: АСПЕКТЫ РЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПОЛИСЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ)

Кислухина М.В.

Научно-техническая терминология представляет значительный слой словарного состава общенационального языка. Опыт изучения системно-структурной организации терминологий указывает на *актуальность* обращения к вопросам о закономерностях отображения внеязыкового знания в семантике терминов, а также о роли терминологии в формировании языковой картины мира.

Постановка проблемы. Невозможно представить всеобъемлющую картину системности языка, не показав ее проявления в определенных микросистемах, поскольку что-либо общее выявляется из частного. Анализ особенностей (структурных, семантических, частеречных) терминов, выявление критериев доминантности и продуктивности при сравнении разных терминосистем, а также изучение особенностей функционирования отдельных терминосистем имеет важное значение для углубления научного знания и механизма терминообразования в антропоцентрической парадигме.

Поскольку язык как способ общения обслуживает все сферы общественной жизни людей, необходимость включения в лингвистическое исследование научно-технической терминологии очевидна. Исследование типологических особенностей терминологического словообразования в эпоху научно-технического прогресса способствует выявлению настоящего места терминологии в общелитературном языке, общих языковых тенденций и закономерностей в области словообразования, а также прогнозирует дальнейшее развитие терминологии и общелитературного языка, посредством того что «научная терминология, которая обычно считалась периферией литературного языка, сейчас занимает ключевые позиции и становится активным проводником многих тенденций развития лексики и словообразования в целом» [3, с.77].

В последнее время множество специальных и узкоспециальных терминов широким потоком вливаются в общелитературную лексику. С другой стороны, нейтральная лексика все чаще обрывает дополнительные, терминологическими значениями, расширяя свою смысловую структуру.

От других групп лексики терминологию отличает, прежде всего, системность. Терминология какой-либо отрасли знания представляет собой систему терминов, которые выражают совокупность понятий рассматриваемых в данной конкретной области знания, поскольку «... термины в одиночку не существуют, они обязательно объединены и организованы, но эта объединенность и организованность не имманентное состояние их, а

отражение состояния реалий и понятий той отрасли человеческой деятельности, которое зафиксировано в отраслевой терминологии» [4, с.52].

Терминология микробиологии современного английского языка – это сложная система, соотношенная с определенной профессиональной сферой деятельности, представленная совокупностью терминов, связанных друг с другом на лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях. Микробиология – это наука о «строении, изменчивости и наследственности, эволюции и систематике микроорганизмов, а также их практическом значении и применении» [5, с.121]. Микробиология подразделяется на ветеринарную, морскую, пищевую, почвенную, сельскохозяйственную, промышленную, микробиологию воды, воздуха. Термины подязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии как манифестанты межуровневого взаимодействия образуют микроструктуру в лексико-семантической системе современного английского языка, которая характеризуется структурными, словообразовательными и семантическими особенностями. Специальная лексика данного подязыка как один из терминологических участков предметно-понятийного поля в микробиологии предстает в синхронном аспекте динамической и разветвленной подсистемой, поскольку она ориентирована на понятийную сферу, которая постоянно развивается и усовершенствуется.

Научный стиль, в отличие от, например, стиля художественной литературы, характеризуется определенными специфическими особенностями: логической строгостью, точностью, последовательностью и объективностью. Эти особенности формировались в процессе развития языка вследствие отбора совокупности языковых способов для выполнения специфической функции – функции научной коммуникации.

Много исследователей пытались дать определение термину. Однако мы считаем, что наиболее полное определение дает С.М. Барак. Он определяет научно-технические термины как «слова или словосочетания, которые передают понятия определенной отрасли науки и техники, отображают суть явлений и предметов объективной реальности с максимальной глубиной, доступной на данном уровне человеческого знания и имеют точное научное обозначение» [1, с.3].

В современных условиях научная терминология выполняет еще одну важную функцию – сбережения, сверки и воспроизведения информации. Этим обеспечивается сохранение преемственности научной мысли и ее концепции. Также растет информационная емкость научной терминологии. Это происходит вследствие роста и углубления научного знания. В этом плане термины означают более глубокие понятия. Существенно усложняются и связи терминов с обозначающими ими понятиями.

Термин не только пассивно регистрирует понятие, но и в свою очередь влияет на это понятие, уточняет его, отделяет от смежных явлений. Исчерпывающее знание о том или ином природном или общественном явлении требует точно такого же знания и относительно его обозначения-термина. Несмотря на то, что термин стремится к однозначности (моносемии), сейчас встречаются термины, которые являются достоянием нескольких наук одновременно. Например, в исследованной лексике термин «acid» употребляется как в химии, так и в биологии, экологии, микробиологии в значении «кислота»; термин «morphology» – общенаучный термин, который обозначает построение чего-либо, структуру и т.д.

Исследованная терминологическая система сельскохозяйственной и почвенной микробиологии носит гетерогенный характер вследствие взаимодействия нескольких

исходных терминосистем, например, биологии (colonization, biomass, biosphere, environment, incubation), химии (acid, exudate, rehydration, solution, volatilization), генетики (gene, genotype, genome, mutant, cloning), медицины (cell, immobilization, tissue), почвоведения (soil, association, grassland), терминологии сельского хозяйства (grain, agriculture, agrolandscape, fertility, legumes, wheat), ботаники (bud, plant, root, root hairs, root nodule, leaf, seed, flower), экологии (aggregation, cultivar, denitrification, ecosystem).

В век научно-технического прогресса наблюдается взаимозависимый процесс пополнения словарного состава языка за счет терминов и расширения терминологии за счет общеупотребительной лексики. Это приводит к появлению значительного числа так называемых «консубстанциональных» терминов, то есть лексических единиц, встречающихся как в быденной, так и в профессиональной речи и вызывающих особые трудности при выделении терминологической лексики из словарного состава языка. Границы «консубстанциональных» терминов размыты, а переход лексической единицы из одного состояния в другое функционально обусловлен [7, с.118].

Система термина в целом и отдельные термины подвержены семантическим изменениям в связи с изменением и развитием общего состояния (парадигмы) науки и концепций конкретной научной дисциплины и, как показывает опыт общественного развития, в связи с изменением образа жизни людей. Значительное количество терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии, заимствованное из других наук, является результатом функциональной переориентации языковых единиц, то есть особого деривационного процесса, позволяющего отдельным единицам языка при неизменности их формы реализовывать новые, нехарактерные для них ранее категориальные, синтаксические и прагматические характеристики. Формы функциональной переориентации: 1) грамматикализация, 2) лексикализация, 3) терминологизация (функционирование какого-либо полнозначного или вспомогательного языкового средства в качестве термина)/детерминологизация [6, с.7].

Современная эпоха характеризуется все более глубоким взаимопроникновением и взаимодействием общелитературного языка и языка науки, что, в свою очередь, приводит к интеллектуализации речи. Это служит причиной появления процессов межотраслевой полисемии (то есть одно и то же слово, в семантической структуре которого объединено сразу несколько терминологических значений, имеет возможность употребляться в разных областях научного знания как смежных, так и таких, которые не имеют между собою ничего общего) и ретерминологизации (уже готовый термин переходит из одной терминосистемы в другую с частичным или полным переосмыслением) [2, с.508].

Примеры ретерминологизации: термин development (развитие) в сфере почвенной агрохимии имеет значение – «окультуривание почвы»; в терминосистеме сельского хозяйства – «выведение сорта»; в микробиологии – «возрастание, увеличение биомассы отдельной клетки, связанное с развитием».

Термин immobilization (иммобилизация) в медицине обозначает «обездвиживание, постельный режим, фиксация путем наложения повязки, гипса»; в биохимии – «связывание с носителем»; в экологии – «конверсия химического компонента из неорганической в органическую форму как результат биологической активности»; в финансовой сфере – «замораживание (денежных средств, капиталов)», мн. «недвижимость, простой в порту, основной капитал, труднореализуемые активы»; в

микробиологии – «физический или химический процесс, используемый для фиксации ферментов, клеток или клеточных органелл на твердом носителе».

Пример межотраслевой полисемии – термин *valve*. Он совмещает в себе терминологические значения следующих научных дисциплин: машиностроения, где он обозначает «клапан механизма»; физиологии – «сердечный клапан»; ботаники – «створка растения, створка коробочки»; музыковедения – «клапан духового инструмента».

Основное значение такого термина, как, например, *approach*, – «приближение, подход». В терминосистеме сельскохозяйственной и почвенной микробиологии данный термин используется в устойчивом терминологическом словосочетании – *approach method of grafting* – «прививка методом сближения».

Выводы. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что взаимодействие литературного языка с профессиональными сферами номинации является причиной возникновения терминологизации, межотраслевой полисемии, ретерминологизации. Эти явления характерны для подъязыка сельскохозяйственной и почвенной микробиологии. Их можно рассматривать как подтверждение тенденции интеллектуализации языка.

Список литературы

1. Барак С.М. Терминологическая лексика. Ее место в словарном составе языка (на материале современной английской терминологии железнодорожного транспорта). Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 /Ленингр. гос. пед.ин-т им. А.И.Герцена. – Л., 1955. – 15 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 682 с.
3. Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Терминология и норма // Русская речь. – 1981. – №1. – С.77.
4. Даниленко В.П. Русская терминология. – М., 1976. – С.52.
5. Дмитриева В.А., Дмитриев В.В. Русско-английский словарь терминов по микробиологии. – М.:Наука, 1991. – С. 121.
6. Левицкий А.Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. – К.:АСА, 1998. – С.7.
7. Миньяр-Белоручева А.П. Термин и его особенности. Терминологические чтения (Цикл 2) «Проблемы языков для специальных целей, научной и профессиональной коммуникации»//Тезисы докладов. Ч.1. – К., 1991. – С. 118.

Поступила в редакцию 22.02.2006 г.

УДК 801:56 [811.161.1 + 811.162.1]

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Колосова Е.И.

Постановка проблемы. Известно, что социокультурная символика слов, связанных с различными человеческими ощущениями и восприятиями окружающей действительности, представлена чрезвычайно разветвленной системой во всех языках мира. И первое место, несомненно, занимают прилагательные-цветообозначения. Национально-культурный аспект таких слов очевиден, он реализуется в повседневной жизни, непосредственно связан с культурными представлениями этноса. На наш взгляд, определенную сложность представляет изучение, сопоставление языкового материала родственных языков, каковыми являются славянские языки: русский, украинский, польский, чешский, болгарский и др. Несмотря на близость культурных традиций, на фонетическое сближение языков, приводящее к частым семантическим совпадениям, все-таки следует учитывать, что это совершенно разные языковые и культурные ментальности. Это, несомненно, проявляется на различных языковых уровнях. Опасность кроется, прежде всего, в близких по звучанию лексемах, которые имеются в данных языках и, казалось бы, легко могут быть поняты носителем другого языка, но при сопоставлении устойчивых сочетаний с цветовым обозначением следует учитывать, что символика цвета у каждого народа специфична: ср.: рус. *на блюдечке с голубой каемочкой, лежит как сивый мерин*, укр. *працювати як чорний віл* (в знач. 'тяжело трудиться'), *білим світом нудити* (в знач. 'скучать, томиться'), болг. *гледам през розови очила* (в знач. 'смотреть наивно'), *жълта треска* (в знач. 'лихорадка'), пол. *rządzić się jak szara gęś* (в знач. 'самовольничать'), *białkitny walc* (досл. 'голубой вальс' в знач. 'белый танец').

При сопоставлении ФЕ с цветовым компонентом в ряде славянских языков важно отметить и неровное восприятие одного и того же цвета у разных народов. Так, цветовые атрибуты *бурый, рябой, серый, голубой* образуют безэквивалентные образования в языках, в одних *сивый, рябой* встречается, а в других отсутствует. Это обязательно следует учитывать при переводе, так как дословный перевод не раскрывает понятийную сторону, хотя и понятен носителю другого славянского языка. Ср.: рус. *взять под красный карандаш* (в знач. 'запретить'), укр. *сон рябої кобили* (в знач. 'путаница, бред'), пол. *zielona granica* (досл. 'зеленая граница' в знач. 'неохраняемая пограничниками территория'). Одним из частотных цветов, употребляемых в устойчивых сочетаниях, является атрибут *красный*. Многообразие значений выделяет это прилагательное и дает возможность создания новых сочетаний: рус. *красная цена* (в знач. 'хорошая'), укр. *красне місце* (в знач. 'почетное'), чеш. *krasna žena* (в знач. 'красивая'), пол. *czerwony jak burak* (в знач. 'цвета') и др. Любопытно, что первоначальное общеславянское значение атрибута *красный* в знач. 'красивый'

практически не используется в польском языке (единичный пример: *Co czerwone, to ładne, a co słodkie, to dobrze* (досл. что красно, то красиво, а что сладко, то хорошо), тогда как в русском языке много устойчивых выражений с данной семантикой: *красна девица, Красная площадь, красное словцо* и др. В украинском и чешском языках семантическое различие дало жизнь нескольким лексемам, обозначающим этот цвет: укр. *красний, червоний*, чеш. *krasny, červený, rudý*. при этом укр. *красний* – чеш. *krasny* сохраняют первоначальную семантику в значении ‘красивый’: укр. *красна дівчина*, чеш. *krasny park* (но *Rude náměstí* в знач. ‘Красная площадь’). В русском и украинском языках широко используются фразеологизмы с атрибутом *красный* в значении ‘цвет’, при этом следует отметить, что ассоциативное восприятие связывает этот цвет с опасностью, тревогой, предупреждением: *красный петух* – пожар (*пустить красного петуха* – поджечь) = укр. *підпалити червоного півня*, рус. (уст.) *забрать под красную шапку* – забрать в солдаты.

Наличие параллельного употребления цвета *серый* – *szary* для обозначения заурядного, обычного характерно для славянских языков в целом: русск. *серая мышка*, пол. *szary człowiek*, болг. *сив живот* (в знач. ‘серая, неприглядная жизнь’). В русском языке употребление этого цвета во фразеологизмах крайне редко, возможно при ассоциативном восприятии: *серое вещество* (знач. ‘мозг’). В польском языке было отмечено большее количество устойчивых сочетаний с лексемой *szary*: *szary koniec* (в знач. ‘самый конец’), *szara godzina* (в знач. ‘сумерки’), *rzadzić się jak szara gęś* (досл. ‘управляться как серая гусыня’ в знач. ‘самовольно хозяйничать’), интересно появление сложного глагола с двумя корневыми морфемами *szar-* и *gęś-* в польском языке *szarogęścić* со значением, полностью эквивалентным приведенному высказыванию – ‘самовольничать’).

Как было отмечено выше, есть случаи несовпадения в использовании цветовых атрибутов во фразеологических языковых фондах. В русском языке широко представлены фразеологические единицы с цветовым компонентом *синий* (общеслав.): *синяя птица, гори все синим пламенем*, (уст.) *ни сий пороха* (знач. ‘совсем ничего’), (заимств.) *синий чулок, синяя борода*. В польском и болгарском языках этот цвет практически не используется, за исключением устойчивого сочетания в польском *sinu ze złości* (досл. синий от злости) и болгарского *синя кръв*, сопоставимого с русским и украинским: *голубая кровь, голуба кров*. Употребление в русском языке цветового атрибута *голубой*, в отличие от польского, может быть объяснено тем, что эта лексема появилась уже после раздела на восточно- и западнославянскую группы. Например, *голубой* (в-сл. голубь): *голубая кровь, <получить> на блюдечке с голубой каемочкой* и др. Этот цветовой атрибут в русском языке достаточно популярен: на современном этапе появляются образные выражения типа: *голубое топливо* (‘газ’), *голубые береты* (‘морские пехотинцы’), *голубые экраны* (‘телевизоры’), *голубые каски* (‘войска ООН’). Компонент *розовый* – *różowy* заимствован славянскими языками из немецкого, восходит к лат. *rose*, отмечен только единичный случай использования в языках: рус. *смотреть сквозь розовые очки*, пол. *patrzeć przez różowe okulary*, укр. *бачити в рожеві окуляри* болг. *гледам през розови очила* (в знач. ‘идеализировать что-либо’).

Совершенно идентичными по семантике признаются выражения: рус. *доводить до белого каления* – пол. *rozpalić do białości* (‘высшая степень чего-либо’), рус. *черным по белому*, пол. *czarno na białym*, болг. *черно по бяло* (в знач. ‘явно, очевидно’). В языках фиксируется использование компонента *белый* – *biały* в номинации явлений, связанных с

зимой: рус. *белые мухи* ('снег'), *белая олимпиада* ('зимняя'), пол. *Białe Świątki* (досл. белые праздники, в знач. 'Рождество Христово'), *biały świat* (зима), несовпадение с рус. *белый свет* ('окружающая действительность'). Есть специфические сочетания, характерные для того или иного языка: рус. *белый билет* ('освобождение от воинской обязанности'), *шито белыми нитками* ('неумело скрыто'), *белые ночи* ('явление, характерное для северных широт'), пол. *biała dama* ('мифическая фигура (привидение), появляющееся якобы в немецких замках'), *biały wieniec* ('подарок для невесты'), *białe raki* ('яйца').

Еще одним популярным атрибутом в идиоматике славянских народов является прилагательное *черный*: укр. *чорне діло*, болг. *черен като камран* (ср. рус. *черен как смоль*), рус. *оставить на черный день*, *черный рынок*, пол. *wpisać do czarnej księgi* (ср. рус. *вписать в черный список*) и др. Любопытно, что у поляков атрибут *czarny* употребляется чаще, чем у русских, и не всегда дается с отрицательной коннотацией (может быть, это и способствует увеличению): *czarna łabędź* (досл. черный лебедь, в знач. 'редкая птица, белая ворона'), *on się czarnej krowy boi* (досл. он даже черной коровы боится, в знач. 'очень пугливый'). Можно отметить безэквивалентные сочетания в языках. Это прежде всего реалии политического режима: рус. *черный воронок* ('в годы сталинских репрессий: закрытый автомобиль для перевозки арестованных') – пол. *czarna chmura* (досл. черная туча, в знач. 'комиссар полиции'), а также в польском языке словосочетания, относящиеся к религии: *Czarna Madonna* (икона Богородицы из г. Ченстохова), *czarne bractwo* ('иезуиты'), *czarny dzień* ('Великая Пятница'). К специфическим польским относятся и сочетание *Czarny Duch = Mamuna, Bogina* ('дух, забирающий детей ночью').

Если рассмотренные выше цветовые атрибуты воспринимаются славянами, как правило, однозначно: либо со знаком плюс (*белый – biały*), либо – минус (*черный – czarny*), то компонент фразеологических единиц *зеленый – zielony* совмещает в себе и положительные, и отрицательные характеристики. С одной стороны, это позитивная оценка, включающая понятия 'молодость, естественная природа', с другой – негативное восприятие с ключевыми значениями 'болезнь, недомогание, злоба'. Лексема *зеленый* относится к общеславянскому фонду, в древнерусском языке слово *зель* обозначало 'молодая озимь, зелень', позже понятие 'молодость' четко закрепилось за прилагательным *зеленый*. Примеры эмоционально положительного восприятия компонента *зеленый – zielony* в идиоматике обоих народов: в значении 'помощь, разрешение чего-либо' – рус. *давать зеленый свет* (совр. знач. 'устранять препятствия'), *открывать зеленую улицу* (можно отметить, что последнее выражение претерпело изменение семантики: в дореволюционной России <пройти> *зеленую улицу* ('испытать наказание шпицрутенами'), вероятно, воспринималось как негативное); пол. *tereny zielone* ('скверы, газоны парки в городе'). Сюда же, на наш взгляд, можно отнести устойчивое сочетание *Zielone Świątki* (досл. зеленые праздники, в знач. 'Троица'). Позитивную оценку компонента *зеленый – zielony* можно отметить и в значении 'молодой, неопытный': рус. *молодо-зелено* – пол. *zielone pojęcie* (досл. зеленое понятие, в знач. 'незнание чего-либо'). Как нам представляется, здесь нет критической оценки, скорее это признание за человеком права на ошибку. Для народов характерно одинаковое восприятие цвета *зеленый – zielony* при характеристике нетипичных для человека состояний, при этом цвет ассоциируется уже с негативной стороной действительности: рус. в значении 'плохое самочувствие, дискомфорт' – *тоска зеленая, в глазах зеленеет* –

пол. в значении ‘испуг, негодование’ – *zielony z przerażenia, ze złości* (досл. ‘зеленый от испуга, со злости’). Можно привести еще ряд примеров использования атрибута *зеленый* в идиоматике русского языка, значения которых не соотносятся с польским: *зеленый змий* (‘алкоголь’), *зеленые фуражки* (‘пограничные войска’) и еще один специфичный междоиметный фразеологизм, передающий разнообразную гамму чувств: досада, восхищение, недоумение и проч.: *елки зеленые* (по значению сопоставимо с польским *rzęka krew*).

Выводы. В целом, использование эквивалентных цветовых атрибутов практически не отличается у славянских народов: с положительной коннотацией используются компоненты: *белый – biały, зеленый – zielony*, с отрицательной: *черный – czarny, желтый – żółty, серый – szary*. На наш взгляд, при переводческой практике, а также в условиях коммуникации следует учитывать возможное несоответствие в оценке цветовых компонентов.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура / А. Вежбицкая. – М., 1996.
2. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистике и художественных текстах. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 248 с.
3. Словник українських ідіом. – Київ, 1968.
4. Словник української мови. – Київ: Наукова думка, 1973-1979.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
6. Чукалов С.К. Русско-болгарский словарь. 50000 сл. – М.: Русский язык, 1986.
7. Ryszard Stypuła. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski / Ryszard Stypuła. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.
8. Skoruhka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1987.
9. Słownik poprawnej polszczyzny. – Wyd. 18. – Warszawa: PWN, 1995.

Поступила в редакцию 16.02.2006 г.

УДК 32:808.53

ДИСКУРС КАК СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кузьмин П.В.

Проблема языкового уровня политической коммуникации в настоящее время выступает одной из самых *актуальных*, ведь в связи с переходом Украины к другой политической системе изменяется и ее подсистема – политическая коммуникация, частью которой является дискурс.

В нашей стране остро стоит вопрос формирования политической стратегии, достижения согласия правящей элиты по основополагающим принципам реформирования социальной системы, преодоления существующего раскола общества по ключевым идейно-политическим ориентирам, обеспечения демократического диалога между властью и гражданским обществом, между властью и оппозицией. Все это диктует потребность использования политическим классом современных и эффективных технологий политической деятельности. Как свидетельствует практика западных демократий, одной из таких технологий является дискурс.

Некоторые аспекты дискурса в политике находят отражение в работах украинских и зарубежных ученых (Ю. Ганжуров, Г.Г. Почепцов, К. Серажим, Л.Е. Бляхер, М.С. Вершинин, М.В. Ильин, А.И. Соловьев, Л.Н. Тимофеева, Р. Барт, П. Рикер, Ю. Хабермас и др.).

Целью настоящей статьи является анализ подходов к выяснению сущности дискурса, выявление роли дискурса в современной политической деятельности.

Отметим, что дискурс стал одной из центральных тем ряда философских направлений XX в. – теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, феноменолого-герменевтической школы К. Ясперса, М. Хайдеггера, П. Рикера, постструктурализма Ф. Лиотара, М. Фуко. При этом два вопроса более всего занимали ученых: возможности коммуникации как таковой и требования к коммуникативному поведению.

Согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, дискурс представляет собой способ диалогически аргументированного испытания спорного притязания на значимость с целью достижения общезначимого согласия. «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования» [8, с.138].

Дискурс – такой прием языковой коммуникации, который требует соблюдения совокупности строгих правил: во-первых, участие в дискурсе открыто для любого способного к речи субъекта при его полном равноправии со всеми остальными участниками дискурса; во-вторых, в дискурсе запрещается осуществлять какое-либо принуждение в целях достижения согласия; в-третьих, участники дискурса вправе действовать лишь на основе мотива достижения кооперативного и аргументированного согласия. Кроме истинного дискурса, Хабермас выделяет и ложный, когда систематически нарушаются правила дискурса. Последний предстает как феномен ложного сознания. Его следует понимать не как результат случайных внешних

воздействий, а как закономерное следствие принуждения, заложенного в самой структуре коммуникации. Оно является порождением нарушения одного и более правил дискурса.

К. Ясперс вообще представлял себе дискурс как общение двух свобод. П. Рикер, работая в герменевтической парадигме, размышляет о «понимающей коммуникации», представляет себе дискурс как последовательность выбора, посредством которого выделяются одни значения и отвергаются другие [4, с.129]. В феноменолого-герменевтическом направлении проблема коммуникативного поведения решается на основании главного тезиса: прояснение себе своего собственного существования является одновременно пониманием других.

Согласно постструктурализму, обязательным условием всякой власти является ее выражение в языке, а политика есть не что иное, как кодифицированные знаки, развертываемые при помощи акта высказывания в социально-семиотический процесс – дискурсию. Р. Барт отмечает, что «любой политический режим располагает своим собственным письмом, чью историю еще предстоит написать... Письмо представляет всякую власть и как то, что есть, и как то, чем оно кажется; оно раскрывает и то, какой эта власть является на самом деле, и то, какой бы она хотела выглядеть...» [1, с.317]. Действительно, политическая власть проявляет себя не только через институт государства, аппарат принуждения, действующие законы, но и через тексты. Отметим, что также действует и оппозиция. Одно и то же событие становится стимулом к созданию ими ряда текстов, которые либо взаимно исключают друг друга, либо существенно дополняют, давая читателям возможность понять, что же на самом деле происходит. Так, в современной Украине представители правящего политического класса и оппозиционные силы трактуют целесообразность и возможные последствия вступления нашей страны в НАТО и ЕЭП с позиции взаимного исключения. Или еще пример. Причины неудачи ряда политических партий (блоков партий) на состоявшихся 26.03.2006 г. парламентских выборах политики и политологи рассматривают, как правило, с позиции дополнения друг друга.

Т. ван Дейк определял дискурс не просто как связный текст, а «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (их характеристики), так и о процессах производства и восприятия» [2, с.13]. Такое определение дискурса, по справедливому замечанию Л.Н. Тимофеевой, позволяет углубиться в структуру процессов, происходящих в уме носителя языка, принадлежащего к определенному направлению общественной мысли, при производстве им текста, а также процессов, обуславливающих понимание текста и зависимость восприятия от избранных форм речевого воздействия [7, с.37-38].

Таким образом, с точки зрения исследователей, дискурс представляется как широкое и узкое политическое общение. В широком смысле в фокусе дискурсного анализа – действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.д. В этом случае к элементам дискурса относят излагаемые события, их участников, контекст. В узком смысле он является специализированным текстом, обладающим своим особенным языком.

По мнению автора, дискурс в политике можно рассматривать как способ коммуникации, основанный на вербальном и невербальном обмене идеями, позициями, взглядами участников политической жизни в соответствии с их убеждениями и определенными правилами, нормами с целью принятия политических решений.

Характер политического дискурса находится в прямой зависимости от его предмета, задач, которые выдвигаются перед субъектами политической деятельности, уровня профессионализма политиков, а также уровня политической и гражданской культуры общества.

Участниками политического дискурса выступают субъекты политической жизни, общающиеся по вертикали: власть и избиратели, власть и политические объединения граждан, власть и группы интересов, власть и оппозиция, партии и электорат и т.д., а также общающиеся по горизонтали между равными субъектами, но при условии, что это общение затрагивает властные отношения, имеет характер политического.

Субъектами дискурса в политике движет политический интерес, который можно определить как направленность сознания социальных групп и индивидов на осмысление возникающих политических потребностей. Характер политического интереса обусловлен объективным положением этих групп и индивидов в социально-экономической и политической структуре общества, их политико-культурными представлениями и традициями, их мировоззренческими принципами и ценностями.

Исследователи указывают на ряд общих качеств и функциональных характеристик дискурса, в т.ч. и политического.

1. Дискурсам свойственна «жанровая» определенность, т.е. однородность и внутренняя упорядоченность смыслового поля, в котором разыгрываются сценарии разговора, речевого или письменного общения. Дискурс предполагает наличие относительно стабильной терминологической базы (тезауруса) для специализированных коммуникативных практик (политический дискурс). 2. Дискурсы воспроизводят стилевые характеристики коммуникации и совместной деятельности конкретного сообщества (например, депутаты парламента). Тем самым они выступают в роли неких субкультурных анклавов, в рамках которых происходит коллективное построение социального знания. 3. Владение дискурсом зачастую служит средством манифестации своей принадлежности к определенной идеологии, субкультурному сообществу или своего доступа к каким-то новым интеллектуальным ресурсам.

4. Дискурс не лишен композиционной целостности (взаимоупорядоченности терминов, адаптированных схем рассуждений и разговорных интеракций, стратегий аргументации и пр.).

5. Все дискурсы предполагают существование «молчаливого наблюдателя»: от внутреннего голоса совести до целевой аудитории – фона [5, с.287].

Важнейшим средством дискурса, в т.ч. политического, выступает язык. Язык, как известно, обладает некоторой самостоятельностью, он существует вне нас, обладает структурой, развивается. В нем выделяется две стороны: объективное измерение и субъективное. Язык объективен, то есть независим от наших желаний. То, каким языком говорит политик, то, как его употребляет, означает то, какую маску, имидж он выбирает.

Одной из проблем языка в политическом дискурсе является речевая однородность, которая обусловлена солидарностью групп и лидерства. Исследования в области массовых коммуникаций указывают на увеличение различных общественных групп со своей манерой поведения, лексикой, жаргоном. Языковая неоднородность наряду с другими факторами является препятствием такой характеристики политической системы, как респонсивность, то есть степень адаптации и мобильности.

Но существует и другая языковая проблема. Справедливо отмечается в политической литературе, что политика становится все более публичной, «тот, кто не присутствует в массовой коммуникации, того нет в поле политики». Политический язык

все более редуцируется к обыденному языку. Политики вынуждены использовать максимально упрощенные и лаконичные конструкции, чтобы быть услышанными и понятными. В связи с тем, что значительная часть людей не может осознать все многообразие политических явлений, у каждого человека складывается упрощенный образ этой действительности. Отсюда возникает проблема и на метаязыковом уровне.

Существует угроза воздействия на уровне фонетики, угроза искажения языка, хотя некоторые специалисты говорят, что у языка есть фильтры, которые сохраняют его. Еще одной проблемой политического дискурса является увеличение использования стандартов, шаблонов и уменьшение использования правил этикета.

Дискурс как способ политической деятельности получил известное развитие в современной Украине. Заметнее всего это проявляется в политической практике украинских парламентариев. С точки зрения М.Р. Желтухиной, в украинском парламентском дискурсе можно выделить следующие типы дискурса: информационный, аргументативно-аналитический и императивный [3, с.28-29].

Отдельные фрагменты демократического политического дискурса имеют место в коммуникационном обмене между институтами государственной власти и гражданским обществом.

Одновременно анализ политического дискурса в современной Украине приводит к убеждению, что он носит пока преимущественно формальный, симулятивный характер, не стал полноценным и эффективным средством политической деятельности. Правящая элита не прозрачна, фактически закрыта для общественного контроля. Решения важных для общества вопросов как в области внутренней, так и внешней политики принимаются без широкого обсуждения с оппозицией и экспертной общественностью. В свою очередь, политическая оппозиция малопродуктивна, не самостоятельна и не конструктивна. В политическом дискурсе власти и оппозиции присутствует в основном радикальный конфликтный дискурс: обвинения, огульная критика и т.д. и почти отсутствует практика дискурса согласований.

Удельный вес дискурсивного метода во взаимоотношениях правящего класса и украинского гражданского общества незначителен. Использование дискурса заметно возрастает в периоды избирательных кампаний, когда перед разными политическими силами стоит задача увеличить количество своих сторонников. Однако и в эти периоды дискурс носит, как правило, популистский характер. Анализ политических программ партий, участвующих в парламентских выборах 26.03.2006 г., показывает, что подавляющее большинство этих программ (за исключением блока партий «Наша Украина», БЮТ, Партии регионов, КПУ) декларативны, не содержат механизмов решения закрепленных в них задач.

К сожалению, распространенным явлением в современной украинской политике является ложь, обман, применение методов манипулирования. Существует много способов манипулирования, но главным является контроль на всех уровнях над информационным аппаратом и аппаратом формулирования идей. Обеспечивается это действием простого правила рыночной экономики. Владеть и управлять СМИ, как и всеми прочими видами собственности, могут лишь те, в чьих руках находится капитал и реальная власть.

Сегодня в Украине используется немало приемов из практики прежней системы. Так, как на общенациональном, так и на региональном уровне встречаются политические увертки: а) простое отрицание политической проблемы; б) подсовывание легкого решения сложной проблемы; в) проблема признается политиками как

действительно важная, политики работают над ней, однако принимаемые решения скрываются от общественности; г) наконец, откровенная ложь.

Во время президентских 2004 г. и парламентских 2006 г. выборов широко использовались технологические приемы – «забрасывание грязью» или диффамация в отношении своего политического противника; эксплуатация популярных идей в корыстных целях; запускание слухов и фальшивых соцопросов с целью откровенного манипулирования общественным мнением; заведомо ложные данные об «успехах» правительства в экономике (во время парламентских выборов).

Изложенное позволяет констатировать о существовании в современном украинском информационном пространстве противоречия между потребностью демократического дискурса в политике и слабой готовностью к данному способу коммуникации как политиков, так и масс, общественности.

Осложняют распространение дискурсивного способа деятельности, на мой взгляд, такие факторы, как отсутствие в стране традиции политического дискурса; профессиональная и психологическая неготовность многих политиков к применению дискурса; медленное обогащение политического языка современной терминологией; невысокая политическая культура масс, неспособность многих граждан отличать демагогические лозунги от реалистичных предложений.

Автору представляется, что разрешение указанного выше противоречия связано с принятием и осуществлением комплекса мер.

Прежде всего существует потребность в совершенствовании организационного обеспечения парламентского дискурса на законодательном уровне. Необходимо внесение изменений в Регламент Верховной Рады Украины, направленных на демократизацию процедур законодательной работы, повышение открытости и публичности деятельности парламента, усиление коммуникативных связей с другими ветвями государственной власти.

Особая боль Украины – это достижение толерантности и взаимопонимания между политиками – как находящимися у власти, так и являющимися оппозицией. В целях полноценного политического дискурса власти и оппозиции правящей элите необходимо учиться работать с оппозицией, извлекать максимальную пользу из сотрудничества с ней. Механизм взаимоотношений между ними может включать: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникацию с использованием конструктивной политической критики, дискурса и дебатов, направленных на поиск новых политических идей и перспектив для общественного развития, переговоры в случае возникающих конфликтов [6, с.199].

Как власть, так и оппозиция свои усилия должны направить на преодоление ценностного раскола в стране, на такое разрешение конфликтов в обществе, которое позволяет добиваться благополучия и выживания всего общества при сохранении единства народа и целостности государства и его суверенитета. Для этого должны быть соблюдены все формальные правила реального дискурса между властью и оппозицией: предоставление одинаковых возможностей для высказываний в прессе, организация публичных дебатов во время выборов, признание со стороны власти за оппозицией права на критику ее действий и т.д. [6, с.198].

Учитывая, что по итогам выборов политико-властные институты пополняются людьми, в т.ч. не имеющими опыта управленческой работы, последних необходимо целенаправленно обучать искусству дискурсивно-коммуникативной деятельности. Профессиональный политик должен овладеть герменевтикой политических текстов,

знать, как строй и стилистика языка воспринимаются слушателями и читателями. Политические лидеры должны стремиться к постоянному обновлению политического словесно-понятийного аппарата, без чего невозможно постижение сути новых реалий социально-политической жизни.

Политикам, политическим журналистам следует решительно освобождаться от слов-конфликтогенов, которые несут угрозу противостояния, разобщения, насилия, подрывают саму основу дискурса. Это слово типа «совки», «дерьмократы», «донецкие бандиты», «предатели» и т.п. Язык обзывания, ярлыков с легкостью приобретает на практике благодаря «заказной» политической журналистике.

Осуществление конструктивного политического дискурса в современной Украине не согласуется с попытками отдельных политиков умалить, принизить роль русского языка как средства коммуникативного взаимодействия власти и гражданского общества. Напротив, если страна ориентируется на принципы демократии, необходимо увеличить время телевещания общественно-политических программ на русском языке.

Выводы.

1. Дискурс как способ политической деятельности является специфической коммуникативной активностью политиков, дающей возможность рационально обсудить сложившуюся ситуацию в конкретном историческом и культурном контексте и подготовить информационные предпосылки для принятия политического решения.

2. Актуальной задачей украинских политиков является налаживание политического дискурса власти и оппозиции с целью свободной, добровольной экспертизы текущего политического курса и существующих проблем, конструирования путей и способов их разрешения.

3. Удельный вес дискурсивного способа объективно возрастает в условиях «пробуждения» гражданского общества, что требует существенного роста профессионализма субъектов политической деятельности.

Список литературы

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. – М., 1983.
2. Дейк Т. ван Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
3. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. – М.: Изд-во ВФ МУПК, 2000.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 2002.
5. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т.1 Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю.Семигин. – М.: Мысль, 2003.
6. Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация: Монография. – М.: Изд-во РАГС, 2004.
7. Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсивный анализ (теория, история, методология): Автореф. диссерт... докт.полит.н. – М., 2005.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. – СПб., 2000.

Поступила в редакцию 09.02.2006 г

УДК 81'322.5:808.51:.000.32

ПАРАМЕТРИ АНАЛІЗУ ПРОМОВИ В ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Лебедєва Н.М., Посиліна К.С.

На сучасному етапі лінгвісти, що займаються аналізом політичних текстів і політичного дискурсу, використовують досягнення риторики, теорії мовних актів, генеративної граматики, інтерпретативного аналізу тексту, контент-аналізу різноманітних психолінгвістичних методів, і насамперед теорії аргументації, комунікації і дискурсу [3, с.21]. Таким чином, у мовознавстві останнього десятиріччя спостерігається безсумнівне превалювання прагмакомунікативного підходу до політичної промови як цілого тексту.

Постановка проблеми. У лінгвістичній літературі виділяють типологічну модель політичного виступу з наступними інваріантними характеристиками: політичний виступ є одним з типів інформативно-персуазивних політичних текстів і мовних дій, що виробляється специфічною групою людей і реалізується у конкретних діяльнісних контекстах (передвиборна боротьба, парламентські дебати, з'їзд партії тощо) [2, с.6-7]. Він має "ритуальний" характер і заздалегідь створений сценарій, що залежить від комунікативної ситуації [4, с.85-88]. Учасниками акта політичної комунікації є адресант і адресат. Адресантом політичної промови (далі – ПП) є представник певної політичної та історичної групи, який озвучує ідеї, позиції й уявлення даної групи (партії, класу, організації) і яким створюється відповідний текст. Адресат ПП – ті, на кого адресант впливає відповідно до поставленої мети з використанням системи аргументації і мовних засобів. Головною метою виступу є бажання викликати в адресата підтвердження визначеної позиції або змінити його точку зору. Отже, важливе місце в процесі конструювання іміджу політика належить мові, як найбільш природній формі людського спілкування. Це безпосередньо стосується особистого іміджу політичного діяча, якому за родом своєї діяльності доводиться спілкуватися з людьми в різних сферах: у парламенті, на нарадах і з'їздах, мітингах, у телевізійній або радіостудії. Парламентська, передвиборна, партійна і вітальна промови як різновиди ПП являють собою частини політичного дискурсу. Для ПП в основному характерна монологічність, хоча можуть бути присутні елементи діалогу (звернення до адресата, посилення на попереднього оратора, представлення слова виступаючому). Також необхідно пам'ятати, що від того, як адресант будує свою промову, наскільки вона грамотна і виразна, залежить не тільки його особистий імідж, але й імідж партії, яку він представляє. Монологічній політичній промові варто вчитися, послідовно опановуючи її законами і виробляючи необхідні навички.

Ведучими категоріями для ПП можна вважати категорії прагматичної спрямованості, оцінної модальності й інформативності, що реалізуються за допомогою

виразних засобів, а також синтаксичної будови мови. Виходячи з цього, в даній статті представляється *актуальним* визначити параметри аналізу ПП.

Аналіз ПП припускає вивчення *манери і стилю* мовлення адресанта, а також визначення *теми* виступу: яких *основних тез* політик вважає за необхідне торкнутися в ході свого виступу; як розставлені *акценти*; які особливі *матеріали, приклади, дані* включені в мову; у якому *ключі* поданий матеріал. При цьому інформація повинна бути актуальною і чіткою. В даному випадку варто визначити основні характеристики індивідуального стилю політика. До них відносяться особливості його мовлення та специфічна манера спілкування з аудиторією. Тому необхідно не тільки виявити мовні і мовленнєві особливості стилю політика, але й установити їхню типовість за допомогою методу статистичного аналізу. Мовні особливості представлені словником політичного лідера. За обсягом і складом словник різних політиків може значно відрізнятися. Знання професійної, аксіологічної лексики, використання стилістично різноманітних слів, схильність до вживання сленгу тощо можуть розглядатися як ознаки індивідуального стилю автора.

У ПП широко вживається стилістично забарвлена лексика і стилістичні прийоми, тому що адресант бажає переконати адресата у своїй правоті. Для написання переконливої ПП автор використовує *метафори, евфемізми, неологізми, nonce-words* (слова, створені тільки для даного випадку), *іноземні слова, розмовну лексику й ідіоматичні вислови*. Існують різні погляди щодо використання та ролі метафори в політичному дискурсі. Ми приєднуємося до точки зору Г.Г. Почепцова, згідно якої в дискурсі всі виразні засоби спрямовані до автоматизації [3, с.47]. В цьому полягає його протилежність напрямку поетичного дискурсу – у бік деавтоматизації [1].

Політична метафора – це мовленнєва взаємодія з метою формування у адресата позитивної чи негативної думки щодо тієї чи іншої політичної одиниці (політика, партії, програми тощо). Мовленнєві стратегії, в яких необхідним є використання політичних метафор, можна умовно поділити на дві категорії: стратегія дискредитації і стратегія піднесення (виправдання).

Загальна стратегія дискредитації реалізується в перенасиченому метафоричною образністю фрагменті тексту як згущення. Мета досягається в результаті застосування комплексу прийомів когнітивного і семантичного плану. Наприклад: 1) когнітивний прийом “загадка”. Адресат “розгадає” її разом з адресантом. Створюється ілюзія спільного семантичного висновку, що є одним з найбільш продуктивних способів впровадження нових знань в модель світу адресата; 2) когнітивний прийом літературної алюзії. Порівняння з казковими героями (наприклад, бароном Мюнхгаузеном) дозволяє засумніватися в заслугах героя; 3) псевдологічний висновок (провокація). Треба зазначити, що в разі використання даного прийому позитивний висновок блокується наведеними доказами, які насправді є лише емоційною констатацією фактів; 4) гіпербола, що доходить до абсурду.

Найбільш традиційним засобом реалізації цієї тактики є використання метафор, в тому числі і розгорнутих метафоричних образів. В стратегії дискредитації метафора відіграє важливу роль, оскільки саме через перенос найменування з одного об'єкту на інший, схожий на перший, дозволяє характеризувати, висловлювати своє ставлення до нього. Ефективність використання метафори залежить від багатьох факторів: від

розуміння її автором, від рівня передбачуваності під час першого кодування, від ступеня викривлення при сприйманні.

Серед рис, якими можна характеризувати мовлення політиків, є банальність образів та метафор, відсутність точності, використання евфемізмів.

Щодо використання евфемізмів, то треба зазначити, що так звана “лінгвістична косметика” використовується для того, щоб позбавити певні словосполучення негативних асоціацій. Так, в 1972 році до всіх офіційних установ США було надіслано циркуляр, який наказував видалити з документів слово “біднота” та замінити на слова “люди з низьким статком”. Ще одним лінгвістичним засобом формування громадської думки є заміна понять – певне поняття ставиться в один ряд з негативними чи позитивними в уяві громади поняттями, як наслідок, воно отримує позитивний чи негативний сенс. Цей прийом є дієвим, оскільки немає прямого визначення, адресати самостійно роблять висновки.

Неологізми в ПП мають свою специфіку і використовуються для створення експресивно-емоційного фону. Більш того, політик має можливість наповнити неологізми зручним і потрібним йому раціональним і емоційним змістом і визначити (принаймні, на якийсь час) виникаючі одночасно з появою неологізмів семантичне та асоціативне поля. Крім того, політик, що вдало вживає і створює неологізми, вважається творчою, освіченою особистістю. Часто він використовує неологізми для опису незручних для себе понять. У цьому випадку неологізми наближаються за своєю функцією до евфемізмів.

Завдяки своєму великому семантичному й образному потенціалу в ПП використовуються ідіоматичні вислови. При цьому, насамперед, необхідно визначити ступінь ідіоматичності мовлення політика: чи припускає оратор використання клішованих словосполучень або фразеологічних одиниць, прислів'їв і приказок.

При аналізі синтаксичної будови мовлення варто звернути увагу на найбільш частотні комунікативні типи речень, а також звичну ритмічну організацію висловлення. При цьому визначається, що характерно для оратора: короткі фрази, що створюють уривчастий ритм, або довгі періоди, головний, можливо, монотонний ритм. Ритм тексту визначається поєднанням речень певної довжини. Так званий парад речень приблизно однакової довжини – 10-15 слів – створює відчуття монотонності, одноманітності. Найбільш вдалим вважається ритм, створюваний реченнями: довге, коротке, дуже коротке, трохи довше. При цьому середня довжина речення не повинна перебільшувати 20 слів. Цікавим представляється те, як формується думка: чітко і конкретно або ж політик схильний до багатослівності, нелогічний в висловлюванні і нечітко формулює свої думки.

Вивчення ПП дозволяє виявити важливу роль у політичній промові питальних і умовних речень. Частіше всього вони вживаються в парламентському виступі, що пояснюється дебатним характером цих виступів, а також представниками опозиції як засобу негативної оцінки партії влади. Всі питальні речення вживаються або у вигляді риторичного питання, що залишається без відповіді, або на поставлене питання відразу дається відповідь самим виступаючим, тобто використовується “питально-відповідний хід”, що виконує функцію актуалізації теми, полегшує адресату перехід до неї, а також виступає в якості засобу послідовника, однодумця, виразника спільної думки. Умовні

речення спираються на систему аргументації і мають у такому контексті модальне значення.

Висновки. Проаналізувавши матеріал стосовно особливостей аналізу лексико-синтаксичних параметрів ПП, можна виділити наступні найважливіші правила:

1) ПП строго структурована. Вона містить у собі виступ, який покликаний допомогти виступаючому установити контакт з аудиторією, *основну частину*, що містить основний зміст виступу, і *висновок*, що підводить підсумок до всього сказаного. Основна частина може містити в собі ілюстративний матеріал, що повинний наочно підтверджувати основні тези виступу;

2) для того, щоб зберегти індивідуальний стиль мовлення, політичний діяч завжди повинний дотримуватися норм мови і брати до уваги особливості будови мовлення, призначеної для сприйняття на слух. До них, зокрема, відносяться також такі характеристики, як:

- спрощений синтаксис (короткі речення, здебільшого прості або складні з одним підрядним);
- відсутність наукоподібних слів і жаргонізмів;
- нейтральний стиль викладу;

3) виразні засоби і стилістичні прийоми, а також емоційні синтаксичні конструкції підсилюють виразність виступу, але вони не повинні загромаджувати мовлення.

Список літератури

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М., 2002.
2. Діденко М.О. Політичний виступ як тип тексту: Автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. – Одеса, 2001.
3. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М., 2001.
4. Oliver R. The Psychology of Persuasive Speech. – New York: David Mckay Company, Inc., 1966. – P.85-88.

Поступила до редакції 21.02.2006 р.

801.7:8'37/81'42

ДИСКУРС КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ: НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ, ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА

Ли Же

Постановка проблемы. В современной лингвистике активно разрабатываются проблемы, связанные с когнитивным аспектом исследования языка. Так, языковая коммуникация формируется сегодня как самостоятельное междисциплинарное направление в системе гуманитарных наук. Перед современными исследователями стоят такие задачи, как: создание теоретической базы данного направления, формирование его понятийно-терминологического аппарата, описание структуры коммуникативных процессов и их комплексный анализ. Эти задачи и определяют содержание теории дискурса.

Если в начале XX века лингвисты обращали внимание на вопрос *Как устроен язык?*, то через несколько десятилетий они стали задумываться над тем, *как функционирует язык.*

По своей природе теория дискурса объединяет разные гуманитарные науки, и благодаря этому решаются многие проблемы, возникающие в современной коммуникации. Дискурсивный подход в исследованиях позволяет рассматривать связь между языковым общением, человеком, культурой и обществом, а также создавать новые возможности в исследовании коммуникативных процессов.

Цель данного исследования – описание различных подходов к определению термина *дискурс* и интерпретация его содержания.

Научная новизна работы заключается в раскрытии ключевых позиций теории дискурса в различных научных школах коммуникативной лингвистики, одна из которых представлена в китайской теории языка.

Впервые *дискурс* был введен в научную теорию лингвистики текста американским ученым З. Харрисом в 1952 году как лингвистический термин в словосочетании «анализ дискурса». Но до сих пор определение дискурса является дискуссионным, и этот феномен как категория коммуникации понимается многими учеными по-разному. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в различных научных парадигмах, поэтому в лингвистических теориях понятие *дискурс* к концу XX века стало шире понятия язык. Таким образом, можно сделать вывод, что понятийный диапазон термина *дискурс* очень широк.

Обратимся к научной интерпретации данной дефиниции. В Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990) Н.Д. Арутюнова определяет дискурс так: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в

отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [1, с.136-137].

Так, интересно отметить, что научная дискуссия о дискурсе как самостоятельном феномене началась с описания соотношения текста и дискурса. Некоторые ученые предлагают трактовать дискурс как «текст *плюс* ситуация», в то время как текст, соответственно, определялся как «дискурс *минус* ситуация» [5, с.87]. На наш взгляд, можно согласиться с формулой: дискурс = текст + ситуация, однако вторая формула «текст = дискурс – ситуация», по нашему мнению, является не очень логичной. Любой дискурс (вне зависимости от типа) – это текст, но не любой текст представляет собой дискурс. Интересное наблюдение: если мы рассматриваем текст и дискурс как языковые явления, дискурс принадлежит к категории текста; с другой стороны, если понимаем дискурс и текст как языковую деятельность (языковую коммуникацию), то, конечно, понятие дискурса шире, чем текст. Лингвисты отмечают, что дискурс возникает и выявляется в тексте и через текст. В то же время это отношение не является однозначным: «Любой текст может быть выражением или реализацией нескольких, иногда конкурирующих и противоречащих дискурсов. Каждый конкретный текст, как правило, носит черты нескольких разновидностей дискурса» [14, с. 11]. Поэтому в любом случае мы не можем утверждать, что дискурс – это не текст. По нашему мнению, главный и сложный вопрос заключается в том, при каких коммуникативных условиях текст проявляется в дискурсе и отсюда – *какой текст является дискурсом?* Этот вопрос сегодня вызывает большие споры: ученые разных школ исследуют данный феномен с различных позиций.

Известная австрийская исследовательница Р. Водак в монографии «Язык. Дискурс. Политика» (1997) подробно описала соотнесенность трех категорий: дискурс, текст, контекст. По ее мнению, «дискурсы (любого вида и формы) могут быть выявлены, описаны и поняты лишь в контексте... Таким образом, дискурсивный анализ, если его рассматривать с позиции социолингвистической традиции, оказывается непременно связан с экстралингвистическими переменными, а также с вопросами порождения и понимания текста» [4, с.76].

В настоящее время в европейской лингвистике работают три основных подхода к изучению дискурса. Первый подход, осуществляемый с позиций формальной или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс как «язык выше уровня предложения или словосочетания» – «*language above the sentence or above the clause*». Второй подход предполагает взаимосвязь функций дискурса с функциями языка в широком социокультурном контексте. В третьем варианте подчеркивается взаимодействие формы и функции, т.е. дискурс рассматривается на уровне высказывания [5, с.86].

Эти основные подходы классифицируют множество определений дискурса. Нам интереснее прежде всего когнитивное направление в интерпретации дискурса.

Стоит отметить, что в своей известной работе «Язык. Познание. Коммуникация» (1989) Т. ван Дейк замечает, что дискурс представляет собой «размытую категорию». Эта «размытость» объясняется двумя причинами: историей формирования, когда в семантической памяти лексемы утверждаются признаки прежних подходов и употреблений, и полной неопределенностью места дискурса в системе категорий и модусов существования языка [5, с.46]. На наш взгляд, ученый в какой-то степени пытается объединить различные понимания дискурса по трем основным аспектам:

средство макроструктуры, коммуникативное событие и связанная последовательность предложений.

По его мнению, дискурс – это «существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили на уровне макроструктур». Т. ван Дейк определил макроструктуру как «семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы». Макроструктуры являются структурами самого дискурса, часто единственными в своем роде, и только понятия, определяющие макропропозиции, выводятся с помощью знаний о мире [5, с.53].

Антропоцентрическая парадигма языка, предложенная Э. Бенвенистом в 70-х годах XX века, позволила рассматривать дискурс как «функционирование языка в живом общении». Одним из первых лингвистов придал слову *дискурс* терминологическое значение: «речь, присваиваемая говорящим», тем самым расширив известное во французской лингвистической традиции понимание дискурса как «речи в общении», или как текст. Исследователь противопоставлял дискурс объективному повествованию (*vecit*)» [1, с.137].

Следуя теории Э. Бенвениста, французская лингвистика понимает дискурс как такой эмпирический объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком, идеологией и человеком [12, с.27].

Так, П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [12, с.26-27].

Конкретный анализ исследований дискурсивного направления позволяет сделать вывод, что теория французской школы дискурс-анализа обусловлена основными тремя факторами: дискурсом, событием, анализом. Содержание дискурса – это прежде всего анализ события, то есть событие как информация без анализа не может стать дискурсом. Эти три фактора создают одну систему – социальную коммуникацию.

Эти связи между текстом с социальным действием легли в основу понимания дискурса в европейской и русской научных школах.

Действительно, описание признаков и характеристик дискурса как и его составляющих связано с объяснением различных процессов его порождения и функционирования. Ценность модели дискурса, предложенной Т. ван Дейком, состоит в выявлении «коммуникативного события» как сложного единства языковой формы, значения и действия [5, с.46]. Похожий взгляд на данную проблему мы также находим у П.Б. Паршина. Он считает, что сочетаемость слова «дискурс» позволяет определить природу этого феномена. Дискурс определяется им как характеристика коммуникативного своеобразия агента социального действия [9].

В современном понимании дискурса важным является выделение его ценностных признаков.

Так, В.И. Карасик утверждает, что «важнейшей характеристикой дискурса как феномена культуры являются его ценностные признаки... Если понимать функцию

объекта как его место в системе более высокого объекта, то функциональной характеристикой языка является его место в культуре» [7, с.227].

Представитель когнитивной школы Г.Г. Слышкин понимает дискурс как объект исследования культуры: «Как и всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи может служить основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса... Дискурс будет являться объектом, а концепт – инструментом анализа» [13, с.38-39].

То же мнение выражено в работах Е.С. Кубряковой: «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [8, с.164].

При всем многообразии определений термина в современных лингвистических исследованиях важен тот факт, что большинство ученых акцентирует внимание на ситуации общения как необходимом условии появления вербального или / и невербального текста. В.З. Демьянков показывает, как в создании дискурсивного текста используются языковые средства, придающие событиям следующие признаки: статичность vs. динамичность, контролируемость vs. неконтролируемость, рассмотрение в целостности vs. по фазам, моментальность vs. длительность vs. повторительность, достигнутость vs. недостижимость цели, степень достоверности, ролевые функции участников события, известное vs. желательное vs. предпочтительное, «способ существования» объектов в событии, пространственно-временная локализация, квантифицируемость, причинная обусловленность vs. спонтанность («беспричинность») [6, с.60].

В современной украинской лингвистике поддерживается и активно развивается коммуникативный подход к изучению дискурса. Так, по мнению Ф.С. Бацевича, предельной составляющей дискурса выступает *высказывание* как носитель определенного узуализированного, институализированного смысла, т.е. *значения*. С зарождением коммуникативного подхода к языку (шире – коммуникативной лингвистики) появляется возможность исследования иных существенных характеристик «человека говорящего»: когнитивных, психологических, духовных, эстетических и т.д. – и их влияния на процессы общения [2, с.4].

Эти характеристики как основные черты дискурса полно описаны Е.А. Селивановой в рассуждениях о дискурсе как коммуникативной ситуации. Лингвист соглашается с классическим определением дискурса, предложенным В.З. Демьянковым в известных работах, и отмечает контекстуальность, личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость важными институциональными признаками дискурса любого типа [10, с.39].

К.С. Серажим утверждает, что в современной лингвистике обозначаются два основных понятия «дискурс»: «(1) дискурс як текст, що актуалізується в певних умовах, і 2) дискурс як дискурсивна практика. Понятійна сфера дискурсу в лінгвістиці значно розширилася: сьогодні можна зустріти без особливих заперечень терміни *діалогічні дискурси* (1) і *монологічні дискурси* (2). Ще декілька років тому подібне вживання терміна вважалось помилковим, оскільки у випадку (1) спостерігається яскраво виражена тавтологія (діалог = дискурс), а у (2) – видима суперечність (дискурс = діалог) [11, с.11].

Наши наблюдения позволяют сделать выводы, что коммуникативное событие является необходимым условием порождения дискурса. «Бесспорным является тот факт, – отмечает Л.Е. Бессонова, – что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации прежде всего через понятие «текст» (хотя таковым текстом в чистом виде не является), также через понятие «речь», а именно созданием определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст» [3, с.25].

Научные исследования известных лингвистических школ оказали значительное влияние на формирующуюся сегодня в Китае теорию дискурса. Как показывает обзор литературы, китайские лингвисты рассматривают дискурс на грамматическом уровне: то есть как языковое явление без лингвокультурологического и концептуального анализа, как сочетание грамматики, внутренней структуры и семантика языка.

Например, исследователи Сю Ле Чунь (Xu Lie Jiong, Хунайский университет), Лю Тань Чинь, (Liu Dan Qing, Академия гуманитарных наук Китая) впервые определили китайский язык как «discourse configurational language» [16, с.30]. По их мнению, базовым критерием определения дискурса и обычной речи, а также их соотношения является «хуа тì» (тема разговора. – Ли Же). Интересно, что хуа тì является одновременно ядром предложения и целью выражения, при этом в дискурсе может существовать как одна хуа тì, так и несколько. Лингвисты отмечают, что «хуа тì» в дискурсе выявляется описанием структуры предложения, выяснением логических связей между членами предложения, особенно между субъектом и предикатом. «Если мы нашли цель действия, значит, мы нашли тему разговора, то есть хуа тì», – подчеркивают китайские ученые [16, с.47].

Проф. Шен Ян (Shen Yang, Пекинский университет) рассматривает дискурс как категорию языковой коммуникации. Отличие дискурса от других единиц языка заключается в том, что он содержит большую имплицитную информацию, которая раскрывается только через анализ подтекста. Исследователь считает, что на дискурсивном уровне «известная информация» – главная тема в тексте, а «неизвестная информация» – это служебная тема в тексте. «Главная задача анализа дискурсивного текста, – подчеркивает лингвист, – найти контакты и связи между двумя темами не только в тексте, но и в «языковой ситуации», связанной с текстом» [15, с.260].

Надо отметить, что в настоящее время отмечается несколько направлений в китайской лингвистике, которые формируют тем самым самостоятельную дискурсивную школу с представлением конкретных научных позиций. Наше исследование также посвящено этой цели – внести свой вклад в научную теорию китайской лингвистики.

Выводы. Таким образом, дискурс не просто общение, в нем существуют явные цели и определенные участники со своими социальными, психологическими, национально-культурными, статусными характеристиками. Но какие именно цели и какие участники, зависит от конкретного типа дискурса (например, целью политического дискурса является завоевание и удержание власти; его участники – политики и общество).

Определение дискурса до сих пор остается в центре внимания современных научных обсуждений, в этом и есть его актуальность, научная ценность и обаяние.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.136-137.
2. Бацевич Ф.С. Текст, дискурс, речевой жанр: соотношение понятий // ВІСНИК Харківського університету. – № 520. – Серія філологія, випуск 33. – Харків, 2001. – С.3-6.
3. Бессонова Л.Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Т.16(55). – № 1: филологические науки. – Симферополь, 2004. – С.22-27.
4. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика/ Пер. с англ. и нем.: ВГГУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
5. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 307 с.
6. Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой научной конференции. Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 25-27 октября 2001 года. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С.59-60.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.
8. Кубрякова Е. с.Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Рос. Гуманит. ун-т, 1995. – С.144-238.
9. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections.ru/biblio/lit/parshin.html. Архив 23 марта 1999.
10. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУЛ, "Фитосоцицентр", 2002. – 336 с. – рус.
11. Серажим К.С. Термін «дискурс» у сучасній лінгвістиці // Вісник Харківського університету. – Харків, 2001. – № 520. Серія філологія, випуск 33. – С.7-12.
12. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С.14-53.
13. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С.38-45.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326 с.
15. Shen yang. Yu yan xue chang shi shi wu jiang. – Bei jing: Bei jing da xue chu ban she, 2005. 11. – 468 с.
16. Xu lie tong. Liu dan qing. Xua ti yu jiao dian xin lun. – Shang hai: Shang hai jiao yu chu ban she, 2003. 11. – 280 с.

Поступила в редакцию 13.02.2006 г.

УДК 801.73

ФРАКТАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ НЕЛИНЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА

Пономаренко И.Н.

Текст неоднократно являлся объектом исследования как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Особое внимание уделялось изучению содержательной стороны текста как структурного объекта, моделированию динамической системы (Ю.М. Лотман, А.И. Новиков, А.А. Чувакин), интенсивно разрабатывался функционально-коммуникативный аспект изучения текстов (В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Н.А. Ипполитова, О.И. Москальская, Т.М. Николаева, З.Я. Тураева, Р.О. Якобсон, Р. Барт, А. Греймс, Ц. Тодоров и др.). Значительное развитие получил интерпретационный подход к тексту (Е.Н. Азначеева, И.В. Арнольд). Разрабатывались проблемы «приращений смысла» (Л.В. Щерба, А.А. Брудный, К.А. Долинин, Л.А. Исаева), интеграции в тексте (И.Р. Гальперин), пространства текста (М.М. Бахтин, В.А. Лукин, Б.Н. Топоров, Б.А. Успенский), энергетической природы внутренней жизни текста (Н.Л. Мышкина), структурной организации и самоорганизации текста (Г.Г. Москальчук), культурологической информации текста (Ю.А. Сорокин), постмодернистского текста (Н.Б. Маньковская, И.С. Скоропанова), гипертекста в сетевой коммуникации (А.Н. Баранов, О.В. Дедова, М.М. Колесникова, И.В. Любишева), прецедентного текста (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, А.Е. Супрун) и др. Но, несмотря на это, многими исследователями отмечается потребность в более детальном изучении текста, являющегося в современных условиях не только основным источником информации, но и важным средством воздействия на общественное сознание. Неисследованность реализации в тексте симметричных принципов и характеристик фрактальной организации обусловила *актуальность* темы.

Целью работы является выдвижение гипотезы, что в силу своей синергетической природы художественный текст обладает симметричными характеристиками, лежащими в основе понятия фрактала и проявляющимися в нелинейно организованной текстовой структуре, и что отражение особой роли симметрии/асимметрии в процессе создания новых видов текста – интертекста и гипертекста – отвечает современному видению мира в постмодернистской и фрактальной концепциях.

Симметрия/асимметрия как базовая текстовая характеристика проявляется в способности текстовой системы в своем непрерывном движении сохранять тождество самой себе и выражается в открытости системы, в бесконечности движения смыслов в текстовом пространстве. Поскольку, создавая текст, человек не может исключить действия тех законов природы, которым подчинен сам, постольку признание симметрии/асимметрии универсальным принципом природы и научного знания делает возможным придание данному принципу статуса базовой характеристики художественного текста.

Понятие симметрии, определяемое как соразмерность, полное соответствие в расположении частей целого относительно средней линии, восходит к основам античного мировосприятия. Подлинный эстетико-философский и естественнонаучный смысл категория меры приобретает в трудах Пифагора, раскрываясь через свои составные элементы – симметрию, пропорцию, ритм.

В философии симметрия определяется как особый вид структурной организации объектов, который, с одной стороны, понимается как единство тождества и различия (при этом особое значение приобретает понятие инвариантности), с другой – симметрия рассматривается как единство сохранения и изменения. Изучение симметрии как понятия до недавнего времени проводилось либо с позиций точных и естественных наук, либо с позиций логики и эстетики, что, соответственно, отражено в словарных дефинициях энциклопедических и специальных словарей.

Движение (изменение) лежит в основе *пропорции* – особого вида динамической симметрии. Пропорция – изменение, но изменение не любое, а подчиненное идее инвариантности. Но, поскольку инвариантность лежит в основе симметрии, принцип пропорции закономерно вытекает из принципа симметрии. Пропорцию называют даже *симметрией подобия* (А.В. Шубников) или *динамической симметрией* (Джей Хэмбидж). Симметрия – это статика природы, а пропорция – ее динамика. Если симметрия порождает однородное строение формы, т.е. несет в себе идею сохранения, то пропорция обеспечивает однородный рост формы, то есть несет идею изменения. Через пропорцию принцип симметрии проявляется во фрактальных структурах, аккумулирующих в себе идею самоподобного (пропорционального) роста. *Фракталом* называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому, и обладающая двумя важнейшими признаками – изломанностью и самоподобием, поэтому любой микроскопический фрагмент фрактала в том или ином отношении воспроизводит всю структуру целого.

Комбинации элементов позволяют достичь значительного разнообразия форм не только в природе. В искусстве в основе композиции часто лежит принцип вариативного повторения фрагмента (орнамент, музыка, архитектура, текст) или ритма, что, по сути, является реализацией симметрии. Если считать принцип множественных комбинаций основным приемом природы, то можно ожидать, что он должен действовать и на уровне текста как продукта речевой деятельности. И действительно, при ограниченном количестве фонем и графем мы имеем практически безграничное множество устных и письменных текстов.

При всех преобразованиях текста – интерпретациях, переводах, многократных прочтениях – всегда есть нечто сохраняющееся (симметричное) и изменяющееся (асимметричное). Многоаспектность и многомерность текста – следствие многоуровневого единства текста как проявления жизни и ее модели, как репрезентанта отображаемого фрагмента действительности. Гармония текста создается интеграцией процессов организации и самоорганизации с их вертикальной и горизонтальной динамикой. Саморазвитие любой творческой системы может быть описано в аспекте трансформации исходной когнитивной модели по законам сцепления образов. Высокий уровень энергетического синтеза текста, его синергетический потенциал, заключающий в себе всю сложность текстовой системы, обеспечивает рождение гиперсмысла, стоящего за речевой формой.

Для современной коммуникации характерны такие виды текста, как интертекст и гипертекст, изменчивость и отсутствие заданности у которых позволяет рассматривать их в контексте постмодернизма. На основе ряда признаков – отсутствие определенности, устранение жестких оппозиций, полицитатность, ориентированность на децентрацию, культуру симулякров – постмодернизм сближается с теорией фракталов. В трактовке данных феноменов лежат симметричные понятия, определяющие их единую когнитивную основу.

В современном информационном пространстве рассматривается фрактальная сущность постмодернистского текста как способ и средство коммуникации, отвечающей современной когнитивной парадигме. Постмодернистский текст характеризует единство противоположных тенденций: с одной стороны, он внешне ориентирован на классический текст, с другой – лишен строгой линейности. Пространство его объемно, многомерно, дискретно и фрактально в то же время. Данный текст реализует множественность смыслов и предполагает множественность равноправных интерпретаций. Принцип множественности интерпретаций приближает к постижению множественности истины, открывает возможные миры и адекватно реализует принцип нелинейности в организации дискурса.

Изменены даже способы графического оформления такого текста, расширяющие визуальные возможности его презентации (ветвящиеся тексты, коллажи и тексты на карточках, оформленные как каталоги). Внешняя целостность текстов, ориентированных на классические, оказывается мнимой: постмодернистский текст не только внутренне дискретен, но и полицитатен, причем в качестве цитат могут быть представлены как произведения (тексты), так и фрагменты речевой деятельности.

В построении постмодернистских текстов учитывается саморегуляция элементов, в данном случае она отрефлексирована: тексты часто создаются как самоорганизующиеся языковые среды, в которых задается хаос, рождающий порядок. Важно отметить, что незавершенность (открытость), фрагментарность (расчлененность), диссонанс (диссимметрия) – конститутивные принципы фрактальности. Фракталы – это не только приближение человека к постижению форм природных объектов, но и более глубокое понимание физических законов.

Задать фрактальную структуру означает задать не форму, а сам принцип роста, идею изменения. Преобразования, которые в хаотично-игровом пространстве постмодернизма обеспечиваются деконструкцией и децентрацией, оказываются проявлением фрактальных принципов.

Основными свойствами фракталов является их нелинейность и самоподобие: новые фрактальные формы не копируют старые, но являются вариациями некоторых заданных тем. Во фрактальной реальности происходит определенное, структурно необходимое повторение, смещающее оригинал, но в то же время не являющееся и копией. Смещение производит деконструированный знак – симулякр (от лат. *simulacrum* – изображение, подобие, видимость). Таким образом, симулякр – понятие фрактальное.

Понятийно фрактал сближает с постмодернизмом и то, что у первого нет жестких границ определения. Концепция фрактала отходит от традиционных понятий задания и описания формы – места, границы, ширины, длины, дихотомий «непрерывное/дискретное», «простое/сложное», определений типа «сложное есть сумма простых частей» (ср.: понятие постмодернистского состояния, для которого характерны открытость, отсутствие жестких иерархий, асимметричных оппозиционных пар). При

фрактальном, как и постмодернистском, подходе разъятие (разрушение) перестает быть синонимом хаоса и в условиях создания новой когнитивной парадигмы позволяет по-иному взглянуть на слагаемые гармонии в современной картине мира, отраженной в текстах.

Гипертекст имеет ряд характерных особенностей, таких, например, как мультилинейная структура, интерактивность и имманентность, которые тоже дают основания говорить о его постмодернистском характере. Сходство между постмодернизмом и гипертекстом – феноменами современной коммуникации – следует искать не в тождестве, а в подобии, лежащем, как известно, в основе принципа симметрии.

Выводы. В начале нового тысячелетия именно постмодернистский текст и гипертекст в наибольшей степени концентрируют в себе то, что характеризует информационное пространство нашей эпохи. Не копирование, а моделирование – вот что сближает постмодернизм как систему взглядов с фрактальной концепцией. Моделирование гиперреальности открывает новый аспект исследования – гипертексты и интертексты в постмодернизме, т.е. изучение трансформации писательской деятельности и роли читателя в гипертекстовом пространстве. Изучение сетевых способов организации информации во многом способствует выявлению особенностей данного вида коммуникации и принципов ее организации в парадигме постмодернизма. Освещение проблемы симметричности и фрактальности в лингвистике текста расширит представление о художественном тексте как синергетической структуре, которая характеризуется саморазвитием, обнаруживающим себя в потенциальной способности текстового пространства к самоорганизации и реализации гипермысла.

Список литературы

1. Арнольд И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст // *Стиль и контекст.* – Л., 1972.
2. Волошинов А.В. Математика и искусство. – М., 2000.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. – М., 1984.
4. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981.
5. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М., 2003.
6. Мышкина Н.Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: Дисс... д-ра филол. наук. – Пермь, 1999.
7. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // *Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып. 8. – 1978.
8. Новиков Л.А. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983.
9. Пономаренко И.Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста. – Краснодар, 2005.
10. Скредина Л.М. О роли симметрии в построении текста // *Иностранный язык в школе.* – 1981. – № 1. – С.22-24.

Поступила в редакцию 15.03.2006 г.

УДК 811. 161

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Селиванова Е.А.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма, рассматривающая язык как «когнитивное образование, которое используется в коммуникативной деятельности и имеет для этого необходимые единицы, категории и механизмы» [5, с.11-12], переводит проблему «ономасиология и текст» на новый, перспективный уровень исследования роли ономасиологической структуры слова в организации семиотического и концептуального пространства текста. Текстовая концептуализация как когнитивный процесс в интерактивном поле дискурса представлена фазой порождения некоего психоментального образования, возникающего в сознании автора при описании им объекта реальной действительности или сферы внутреннего рефлексивного опыта (формировании одного из возможных миров); а также фазой читательской рецепции, воспринимающей текстовую информацию и интерпретирующей ее, исходя из установок, тезауруса адресанта. Результатом концептуализации является формирование информационно-интерпретационного массива текста – сложной синергетической системы смыслов, детерминированной изнутри (текстом как знаком) и извне (социумом, онтологией, особенностями этнического и индивидуального сознания, семиотическим универсумом культуры).

Цель нашей статьи – установить концептуализирующие функции в художественном тексте ономасиологической связности, определяемой нами как дублирование компонентов номинативных структур языковых единиц и механизма их производства [8, с.218]. Роль словообразовательных средств в аспекте их коммуникативной и номинативной обусловленности, когезии, корреляции с семантикой текста освещалась в работах Т. ван Дейка, В. Кинча, Д.У. Ашуровой, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, О.И. Блиновой, Э.П. Шубина, Д.А. Аксельруда, М. Голянич, И. Онхайзера. *Новизна* нашего исследования состоит в анализе связей ономасиологических структур текстовых единиц с концептуальным пространством художественного произведения.

Ключевой когнитивной структурой этого пространства является концепт-идея как некий конденсат воплощенного авторского замысла, содержащий ключевые представления о переосмысленных адресантом текста действительности или возможных мирах и их оценки. Концепт-идея считается основополагающей текстовой категорией [6, с.76], опосредующей системомыследеятельность и рефлексии автора текста [1, с. 10; 9]. Дублирование ономасиологического механизма как средство создания концепта-идеи характерно, к примеру, для романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Индивидуально-авторские адъективные композиты с оппозитивными по семантике ономасиологическими признаками отражают ключевой принцип контраста, положенный в основу авторской концепции романа. Контрасты жизни и смерти, войны и мира.

личности и общества, внутреннего и внешнего состояния героев есть частные более общей антиномии толстовской индивидуально-авторской парадигмы – противопоставления статики и динамики. Статика и динамика – два полюса толстовского видения мира; соединение этих двух ипостасей бытия пронизывает текстовую ткань романа, определяет развитие действия. эпического по своей масштабности и многоплановости. Не случайно Л.Н. Толстой отмечает: «Когда человек находится в движении, он всегда придумывает себе цель этого движения». И далее – обосновывая свой подход к истории, ее движущим силам, в эпилоге: «Единственное понятие, посредством которого может быть объяснено движение народов, есть понятие силы, равной всему движению народов. [...] Для истории существуют линии движения человеческих воль, один конец которых скрывается в неведомом, а на другом конце которых движется в пространстве, во времени и в зависимости от причин сознания свободы людей в настоящем».

Переход от динамики к статике отображен Толстым в развитии образов и сюжета романа, исходя из следования их к цели. Достигая цели, образ, сюжетное движение переходит в иную ипостась бытия – статическую: смерть для князя Андрея, превращение в стеленную матрону большого семейства для Наташи, для Наполеона – в разгром его армий в России, в завоеванную победу для русского народа.

Контрасты: статики и динамики обеспечиваются ономасиологическим согласованием оппозитивных по семантике лексем и оппозитивного бленда компонентов композита: *каждый полк в своей безмолвности и неподвижности казался безжизненным телом; только сравнивался с ним государь, полк оживлялся и гремел, присоединяясь к реву по всей линии [...] При страшном оглушительном звуке этих голосов посреди масс войска, неподвижных, как бы окаменевших [...] свободно двигались сотни всадников свиты и впереди их два человека – императоры. На них было сосредоточено сдержанно-страстное внимание [Толстой].* Ономасиологическая структура композита и его ономасиологическое согласование во фрагменте текста позволяет читателю воспринять авторскую мысль о сложных отношениях народа и монарха, о внутренней силе и могуществе народа как двигателя истории. На первый взгляд незначительный момент романа приобретает концептуализирующую функцию еще и потому, что «в рамках эпопеи, ситуации войны эстетически значимым становится бытописание самого «мелочного», так как все в жизни, коль скоро оно подано в ракурсе смерти, есть абсолютная ценность и носит на себе отпечаток всего общества» [3, с.84].

Контрастное построение и ассоциативный смысл композитных номинативов дублируется и в других местах романа, в частности в описаниях внутреннего и внешнего состояния персонажей: *Пьер поразил всех гостей своим сосредоточенно-рассеянным видом...чувствовал в себе приближение припадков гипохондрии и с отчаянным усилием старался бороться против них; Злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженным и отчаянным голосом; Старая графиня сидела с счастливо-грустной улыбкой и слезами на глазах; Десаль был все тот же ограниченно-умный, образованный, добродетельный и педантичный воспитатель.* Подобные наименования отображают диалектику души героев, противоречивость их мировоззрения, требующую исканий и постановки жизненной цели, тончайшие движения ума и чувств. Как отмечает В.А. Ковалев: «Портрет у Толстого всегда номинативен и психологичен» [4, с.93]. Обычно наиболее меткая характеристика героев запечатляется оценочными существительными. Но Толстой избегает подобных слов-ярлыков и прибегает к

композиционной структуре прилагательных. Ономасиологическое согласование на основе повтора ассоциативного механизма объединения мотиваторов в данных номинатах выполняет вторую концептуализирующую функцию, которую можно было бы охарактеризовать как Толстовский принцип «диалектики души». Тончайшие нюансы душевных движений героев передаются с помощью дублирования адъективной композиции, позволяющей точно и выразительно представить художественный образ: Наташа – *безумно-веселая, отчаянно-оживленная; обворожительно-нежная*; Пьер – *дейтельно-добродетельный*, Элен – *молчаливо-достоинная в свете, с неприятно-растерянным выражением*; Анатолий Курагин – *самоуверенно-нежный, добродушно-победительный*, Император Александр – *рыцарски-благородный*, Мюрат – *торжественно-театральным лицом*, лицо Жюли – *неприятно-раздраженное*.

Данные номинаты формируют новые целостные смыслы

– на основе коассоциативности ономасиологических признаков: *«Я думала, не случилось ли что?» – спросила княжна и с своим каменно-строгим выражением села против князя* (коннекции слота качества и терминала «камень» на базе цепочки ассоциаций: каменный – неподвижный – безжизненный – внешне бесстрастный);

– с учетом контекста: *Ростов заметил ... дурное, затаенное чувство проглядывало в выражении лица Денисова. Рана его все еще не зажила. В лице его была та же бледная опухлость. Денисов как будто не рад был ему и неестественно ему улыбался... Денисов не договорил и улыбнулся болезненно-фальшивой улыбкой;*

– на базе экстралингвистических сведений читателя, социокультурного контекста: *Пьер принял симметрично-наивное положение египетской статуи.*

По мере продвижения к концу романа количество подобных композитов убывает: жизнь и смерть, война расставляет все по местам, убирает полутона, высвечивая основную сущность человеческой души. Адъективные композиты и их ономасиологический контекст служат средством авторской оценки, опосредующей контраст высокого и смешного: в описании уклада семьи Болконских прослеживаются две контрастные тематические линии – древность, величие именитого рода и до смешного подчеркнутая напыщенность: *В столовой громадно-высокой... ожидали выхода князя домашние официанты... Князь Андрей глядел на новую для него, огромную золотую раму с изображением владетельного князя в короне... Князь Андрей смотрел... и посмеивался с тем видом, каким смотрят на похожий до смешного портрет.*

Концептуализирующая функция ономасиологического согласования более рельефно проступает в текстах малого жанра (стихотворениях). Повторение ономасиологического признака *бег (беж)ать* в соединении с паронимической аттракцией, паронимазией и аллитерацией создает в стихотворении А. Вознесенского «Беженка» авторский концепт разделенности бывшей Родины, убегающей от нас, становящейся ближним или дальним зарубежьем: *Беги, беги, беженка на руках с грудным. На снежной дорожке бежевой не столкнись с крутым ...Бедствие! Нет убежища. Гоним к берегам другим. Вьюгою центробежною рвет нас до тошноты. Ты – ближнее зарубежье, и дальше – тоже ты... Беги, беги, родина, в ужасе от нас ...Над лугом погибшим Бежиным по небу, в облаках бежит от нас Божья беженка с ребенком на руках.*

Информационный массив текста, ориентированный на концепт-идею, содержит иные, подчиненные главному концепты: тематические, культурные, идеологические, аксиологические, антропоцентрические (персонажные), концепты-натурфакты, представленные природными явлениями; концепты-артефакты, актуализирующие

искусственно созданные объекты, которые выполняют функцию художественной детали, символов и т. п.

Тематические концепты организуют фактуальное информационное пространство модельного мира текста, используя знаки определенных концептуальных сфер и создавая на их основе новые ономасиологические структуры. В романе О. Гончара «Циклон» представлено переплетение двух модельных временных планов: плана настоящего, с которым связана тема «кино» (проходят съемки художественного фильма по сюжету из военных времен), и плана прошлого, времени Великой Отечественной войны. Тематическая линия «кино» ономасиологически организована дублированием номинативного механизма аналогичного типа (*кіновисновок, кіномарафон, кінобутафорія, кіномефістофель, кінонектар* и т.п.).

Переплетение тематических линий на основе ономасиологической связности может иметь характер контрапункта [2] как одновременного объединения номинативных планов: первичного и вторичного. С целью декодирования таких фрагментов адресат должен удерживать в памяти два параллельных потока информации (логической и образной). Контрапункт основывается на концептуальной интеграции двух сценариев по сходству (анalogии), а сигналом такой интеграции является повторение корневых морфем. Когнитивная сущность контрапункта исходит из концептуальной метафоры, сближения и пересечения различных концептуальных областей.

Соотношение контрапункта с ономасиологическим согласованием формирует два типа. Первый тип характеризуется ономасиологической связностью обозначений первичного и вторичного семантических планов: *Лапенков едва поспевал за ним. Приходилось семенить ногами и даже иногда подпрыгивать. Оттого и мысли в лапенковской голове были какие-то семяннице и подпрыгивающие* [Горин]. Второй – раздельным ономасиологическим согласованием знаков каждого номинативного плана при наличии семантической интеграции: *Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны... Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина... Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель* [Булгаков].

В когнитивной карте текста ономасиологическая связность обеспечивает формирование аксиологических концептов. В повести Е. Замятина «Ловец человеков» концепт лицемерной добродетели внешне контрастирует с концептом явной жестокости. Первый концепт представлен ономасиологическим контекстом компонента *розов-*, второй – знаком *металл*: *Внизу, в тумане, смущенно жмурились молочно-розовыми огнями, горели вымытые к воскресенью окна Краггсов [...] Мелькнула, порозовела на солнце рука. Миссис Лори порозовела, и быстрее заколыхалась розовая занавесь на губах; Все в комнате – металлически сияющее [...] И может быть, складки скатерти – металлически-негнувшиеся, и, может быть, стулья, если потрогать, металлически-холодные; окрашенный под красное дерево металл... Все металлическое сияло.*

Персонажная концептуализация нередко базируется на каламбуре, основанном на обыгрывании номинативной структуры за счет семантического столкновения ономасиологических признаков композитов: *В приемной сидел смуглый сногшибательный секретарь – любого сшибет с ног* [Барковский, Измайлов];

Опершись о расписной сундук...на солнце печется, как тыква, тыквенно-лысый сундучник [Ильф и Петров].

Выводы. Исследование ономаσιологической фиксации концептуального массива текста позволяет соотносить структуру индивидуального сознания адресанта с особенностями авторского стиля, выявить его знаковые доминанты (ключевые слова) и приемы выдвижения, стратегии и тактики авторской программы интерпретации текста.

Список литературы

1. Богин Г.И. Текстовые ключи к инокультурным смыслам // Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 1999, – Т. 2. – № 2. – С. 8-12.
2. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. Пособие по курсу общего языкознания. – М.: Высшая школа, 1974. – 175 с.
3. Гачев Г.Л. Содержательность художественных форм. – М.: Просвещение, 1968. – 303 с.
4. Ковалев В.А. Поэтика Льва Толстого. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 176 с.
5. Кубрякова Е.С. Об актуальных задачах теории словообразования //Материалы Международной конференции, посвященной научному наследию М.Д. Степановой. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 2001. – С. 3-12.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Селиванова Е.А. Когнитивная ономаσιология. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
8. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоциоцентр, 2004. – 336 с.
9. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание //Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник. 1986. – М.: Наука, 1987.

Поступила в редакцию 10.04.2006 г.

УДК 81'25:651.926:801.8:.000.32

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ И ДРУГИЕ ТИПЫ ТЕКСТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА

Соловей А.С.

Актуальность. В интерпретации современного политического дискурса существует целый ряд проблем, связанных с размытостью его границ, которые создают дополнительные трудности для переводчиков. Одной из таких проблем является проблема перевода разных типов политических текстов. При этом оказывается невыясненным, изменяется ли стратегия перевода при переходе от политического документа к другим типам политических текстов.

Цель данной статьи – определить переводческие стратегии при переводе текстов политического дискурса. Для этого необходимо *решить ряд задач*: 1) в соответствии с уточненным понятием «политический текст», предложить переводоведческую классификацию текстов политического дискурса; 2) выдвинуть корреляцию между политическими документами и другими типами политического текста как объектами перевода; 3) обозначить переводческую специфику при работе с данными типами текста.

Постановка проблемы. Для того чтобы уточнить дефиницию «политический текст», прежде всего нужно выяснить, что мы считаем политическим, т.е. рассмотреть понятие политического и вывести его критерии. Определения, зафиксированные в словарях (толковых, словарях иностранных слов, этимологических словарях, собственно политологических словарях), научных работах по политологии и лингвополитологии, однозначно сводятся к тому, что политика предполагает деятельность в некоем обществе (общественную деятельность), причем деятельность публичную. Таким образом, установленными можно считать такие критерии политического, как «соотнесенность с обществом» и «публичность». Опираясь на определение политики как деятельности, «направленной на достижение, удержание и реализацию власти» [2, с.156], можно обозначить еще несколько критериев. Во-первых, представление о политике как о борьбе за власть предполагает, что политика обладает побудительной способностью к социально значимым действиям. Это позволяет нам выдвинуть такой критерий, как «директивность». Во-вторых, вышеуказанные манипуляции с властью неизбежно предполагают столкновение различных сил и интересов. Так, А.Н. Савельев в своей статье «Непонимание политического», анализируя различные подходы ученых-политологов к критериям политического, акцентирует внимание на том, что «в европейской политологии консервативная линия продолжает видеть в политике конфликт и конфронтацию» [3]. Таким образом, выделяется критерий конфликтности.

Поскольку «мир политического пронизан морально-этическим началом» [2, с.227] и «ему свойственна оценочная акцентированность, пристрастность, аффективность» [5, с.45], мы вправе говорить об аксиологичности, а также, вслед за Е.И. Шейгал, и об

эмотивности политики. И так как для современной политологии понятие «политический миф» стало уже традиционным, то мы формулируем критерий мифологичности. Чтобы прояснить данный критерий, необходимо определить, что противопоставит мифу. Не претендуя на исчерпывающее определение того, что такое «миф», мы будем исходить из такого понимания мифа, при котором мифу не противопоставлена ни правда, ни вымысел, а противопоставлена фактическая, эмпирическая реальность, доступная органам чувств и разуму. Миф же принадлежит метафизической, или символической реальности, которую нельзя проверить с помощью непосредственного эмпирического опыта. Это означает, что мы принимаем антонимом мифа факт, так как эта оппозиция проясняет противопоставление текстов разного типа для политического дискурса.

Таким образом, критериями политического являются соотносительность с обществом, публичность, директивность, конфликтность, мифологичность, аксиологичность, а также эмотивность. Малоисследованным в области критериев политического является то, как данные критерии располагаются в ядерно-полевой структуре политического дискурса. Для этого необходимо выяснить, какие критерии политического являются ядерными, какие периферийными и какие маргинальными.

По ядерно-полевому принципу анализа в ядро входят инвариантные и облигаторные признаки. Из всего набора выдвинутых критериев данным условиям отвечают критерии соотносительности с обществом и критерий публичности. Следовательно, по принципу антонимов все, что касается индивидуального, и все, что касается приватного, не входит в сферу политики, то есть тексты, носящие индивидуальный характер, функционирующие для индивидуального пользования, и тексты, которые рассчитаны на приватную сферу, заведомо не будут политическими текстами. Периферию составляют облигаторные и вариативные признаки, а именно те критерии, которые являются дискуссионными, имеют разные трактовки: директивность, конфликтность, мифологичность. Маргинальная зона включает в себя признаки необязательные и вариативные. Поскольку аксиологичность и эмотивность могут быть свойственны практически любому типу дискурса (за исключением научного) и отнесены к политике только в совокупности с ядерными критериями, то они будут являться маргинальными критериями.

Из вышеизложенного следует, что политическими можно считать только те тексты, которые отвечают данному набору признаков. А так как переводчик реально работает не с изолированными единицами, а с единицами, функционирующими в рамках определенного типа текста, который рассчитан на определенную аудиторию, то для него будет важна предлагаемая нами типология текстов политического дискурса.

При составлении данной типологии тексты были распределены по ядерно-полевому принципу, что позволило выяснить, какие типы политических текстов будут тяготеть к ядру, а какие расположатся на границе между политическим и неполитическим дискурсом. К ядерным типам политических текстов мы относим тексты, наличие которых обязательно для политического дискурса: политический слоган, заявление, обращение, политическую программу (отдельного политика, партии, фракции и т.д.), дебаты. В зону периферийности попадают тексты обязательные, но обладающие большой вариативностью: речь политика, политическая реклама, политическое интервью, политическая статья (то ли написанная политиком, то ли журналистом о политике), политическая биография. Данные типы текстов находятся на стыке политического дискурса с ораторским, рекламным и публицистическим дискурсом. К

маргинальным для политического дискурса относятся такие типы текста, как политический анекдот, политические мемуары, политическая пародия, политический афоризм, политические слухи. Эти тексты являются факультативными для политического дискурса, поскольку относятся к зоне частного и индивидуального и связаны с политикой только тематически.

Значение данной типологии для переводчика в том, что разграничение ядерных, периферийных и маргинальных типов текстов прежде всего приводит к разной степени ответственности переводчика при работе с разными типами текстов и к разной предполагаемой долгосрочности переводов. Чем ближе текст и его перевод к ядру политического дискурса, тем больше вероятность, что в таком варианте перевода этот текст будет существовать и не будет переводиться заново. И наоборот, чем ближе текст к маргинальной зоне, тем очевиднее, что переводчик будет скорее адаптировать текст, чем переводить, причем адаптация не обязательно будет долгосрочной. Например, каждый рассказчик анекдота или слуха будет заново адаптировать его для своей аудитории. То есть разные типы текста будут предполагать разную аудиторию, что повлечет за собой другие типы перевода. Следовательно, типология политических текстов нужна для того, чтобы определить доминирующий тип перевода по шкале от почти буквального до предельно адаптированного, поэтому это определяет стратегию переводчика.

Определив критерии политического, обратимся к дефиниции политического документа. Документ – это текст, который обладает рядом особых признаков. С помощью тезаурусной и дефинитивной методик мы выдвигаем следующие признаки документа: фактичность, официальность, претензия на объективность, нормативность, эксплицитность и письменная форма. Однако необходимо пояснить специфику некоторых из вышеназванных критериев. Так, мы указываем критерий «претензия на объективность», а не просто «объективность», поскольку документ не всегда является объективным (например, поддельные документы), но он обязательно претендует на то, чтобы быть таковым. Под фактичностью мы подразумеваем то, что признается как случившееся, причем именно в той форме, которая заявлена. Некоторые признаки могут показаться тавтологичными, например: объективность и фактичность. Но критерий фактичности противопоставлен мифу, а критерий объективности – нет, так как миф по-своему претендует на объективность. Факт противостоит мифу, потому что факт можно либо доказать, либо подтвердить эмпирическим опытом, а миф невозможно ни доказать, ни подтвердить эмпирическим опытом, это область веры, фидеистическая область. Поэтому в данной классификации право на существование имеют оба критерия.

Оппозиция «документ/недокумент» для переводчика будет означать разные сферы общения, разные сферы функционирования. Отсюда другие требования к типу перевода. Следовательно, выводы по разграничению «политический текст/неполитический текст» применимы и к разграничению документов и недокументов.

При распределении признаков документа по ядерно-полевому принципу обнаруживается следующая особенность: все признаки документа являются облигаторными и инвариантными, то есть ядерными. То есть документ облигаторен и нормативен, если говорить о его функционировании, структуре и содержании применительно к каждому отдельному типу, а вариации наблюдаются только при переходе от одного типа документа к другому типу документа, следовательно, вариативность документа располагается только в области типологии документа, парадигма документа – это набор типовых документов. Это указывает на предельную

огражденность документа от других текстов. Согласно символике пространства [1], ограждение, во-первых, маркирует границу между своими и несвоими. Для документа – это ограждение мира своего, мира профессионального, это профессионализация политики. А во-вторых, огораживают центр, который по определению всегда сакральный. Следовательно, документ – это сердцевина политического мира. Он огораживается от чужих, непрофессионалов, он притязает на то, чтобы быть главным, и отсюда такое количество ядерных признаков. Таким образом, образуется специализированное ядро, рассчитанное на то, что не подпускаются чужие, а это означает, что документ переводится только по правилам специального перевода, а не публицистического или какого-либо другого.

Чтобы определить, как соотносится типология политических текстов с критериями документа, представим данные в виде таблицы, в которой на пересечении типов текстов с критериями документа будут даны знаки соответствия критерию (+), частичного соответствия (+/-) (соответствие критерию возможно в пределах конкретного текста) и несоответствия (-). Чем меньше политический текст совпадает с признаками документа, тем больше текст выходит из рубрики документа и тем он ближе к недокументальному политическому тексту. Таким образом, по количеству совпадающих признаков мы выстраиваем шкалу документальности политических текстов.

Критерии документа	Типы политических текстов					
	Фактичность	Официальность	Объективность	Нормативность	Эксплицитность	Письменная форма
Политическая программа	+	+	+	+	+	+
Заявление	+	+	+	+	+	+/-
Политическая биография	+	+	+	-	+	+
Обращение	+	+	+	-	+	+/-
Политический слоган	+/-	+	+	-	+	+/-
Политические дебаты	+	+	+	-	-	+/-
Речь политика	+/-	+	+	-	-	+/-
Политическая реклама	+/-	+	+	-	-	+/-
Политическое интервью	+/-	+	+	-	-	+/-
Политическая статья	+/-	+	+	-	-	+/-
Политические мемуары	+/-	-	+/-	-	-	+
Политический анекдот	+/-	-	-	-	-	+/-
Политическая пародия	+/-	-	-	-	-	+/-
Политические слухи	+/-	-	-	-	-	-
Политический афоризм	-	-	-	-	-	+/-

Из таблицы следует, что признаки документа полностью налагаются только на два типа политических текстов: заявление и программу, т.е. политический текст и политический документ в этой зоне – это терминологические дубли. Остальные же типы политических текстов расположились по убыванию документальности, причем больше

тяготеют к документальности в политическом дискурсе его ядерные и периферийные тексты, менее всего – маргинальные. Таким образом, есть зона пересечения того, что мы можем назвать документальным дискурсом с политическим дискурсом, а есть зона расхождения. Данное разграничение определяет зону юридической ответственности, а для переводчика будет требовать разных стратегий перевода.

Выводы. Подводя итоги всему вышесказанному, необходимо отметить, что выделение критериев политического и типологии политических текстов будет означать для переводчика разную степень ответственности при переводе политических текстов разного типа. Чем ближе к ядру этой типологии, тем больше от переводчика ожидается предпочтение критерия точности критерию адекватности. Чем ближе к маргинусу, тем для него доминирующим становится критерий адекватности даже в ущерб критерию точности. Следовательно, чем больше переводчик имеет дело с текстами более близкими к ядру, тем тип перевода тяготеет к буквальному, а при переводе текстов более близких к маргинальной зоне он тяготеет к переводу-адаптации, или адаптивному переводу. Разграничение политических документов и недокументов предполагает ту же самую закономерность. Таким образом, обнаружилось, что не может быть единых критериев при нахождении переводческой стратегии и при оценке ее результатов в работе с политическим дискурсом. Эти стратегии и эти оценки будут зависеть от отнесения текстов, во-первых, к области политического и, во-вторых, к области документального.

В перспективе исследования планируется рассмотрение значения каждого отдельного критерия политического и документа для переводческой работы, а также определение конкретных допустимых и недопустимых трансформаций при определенных типах текста.

Список литературы

1. Новикова М.А., Шама И.Ю. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье: СП «Верже», 1996. – 172 с.
2. Политическая энциклопедия: В 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 2000. – 701 с.
3. Савельев А.Н. Непонимание политического // Понимание политического (Свобода или Борьба). – http://olmer1.newmail.ru/27_15.htm
4. Стиль автора и стиль перевода. Учебное пособие /М.А.Новикова, О.Н. Лебедев, М.Ю. Лукинова и др. – К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. – 84с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 326 с.

Поступила в редакцию 21.03.2006 г.

УДК 81'42=11: 82 – 32

УРОВЕНЬ ВОСПРИЯТИЯ СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ТЕКСТА

Шамраенко Е.Н.

Одной из задач коммуникативной лингвистики является изучение построения текста, соотношения системы и коммуникации.

Известно, что художественное произведение рассматривается как акт коммуникации между автором и читателем и ведущую роль в достижении успешности такого коммуникативного акта играют особо информативные и выразительные места, которые относятся к особым типам выдвижения и определяются в стилистике декодирования И.В. Арнольд как сильные позиции текста.

Сильные позиции текста трактуются как особый прием выдвижения наиболее значимой информации, размещенной автором в тех местах текста, где она непременно будет замечена читателем: в заглавии, начале и конце произведения, в эпиграфе, прологе, эпилоге и т. д. [1, с.25]. Выбор термина «сильные позиции» обусловлен рядом причин. Во-первых, начало и конец текста представляют собой участки, на которых сконцентрировано особое внимание читателя, воображение которого в начале не обременено никакой информацией о произведении и готово к восприятию любой концепции, реальности, темы, предлагаемой автором к рассмотрению, прочтению, обдумыванию, а в конце готово рассмотреть концепцию автора, чтобы включить ее в систему смысловых отношений, опираясь на свое, уже сложившееся мнение. Во-вторых, сам автор придает началу и концу текста особое значение, заставляет их максимально «работать», чтобы привлечь внимание читателя к своему произведению. Таким образом, сильные позиции текста несут на себе максимальную коммуникативную нагрузку. Концентрация внимания на начале и конце текста обусловлена также психологически: человек сосредотачивает свое внимание в начале и в завершении акта восприятия. Именно эти впечатления наиболее яркие, они лучше запоминаются, и, как правило, впечатление, складывающееся от восприятия какого-либо явления, зиждется именно на этих моментах [2, с.66; 4, с.120]. И, в-третьих, очень часто начало и конец являются коммуникативным ядром художественного произведения, т. е. они дают нам максимум информации о месте, времени, обстоятельствах описываемого и связывают его с объективной реальностью. Кроме того, сильные позиции позволяют соединить, «склеить» части самого произведения, создать целостный художественный образ, правильно расставить акценты и уловить концепцию всего произведения. В большинстве художественных текстов начало и конец перекликаются, они тесно взаимосвязаны как на образном, так и на языковом уровнях. В некоторых случаях они идентичны формально, что еще не говорит об их содержательной тождественности. Посредством этого автор сначала дает нам возможность «предвкушать» событие, а потом, пройдя лабиринтом перипетий

произведения, оценить, насколько верными были наши предположения и наше восприятие произведения до прочтения текста. В итоге художественное произведение приобретает логическую завершенность, целостность.

Актуальность. Проведенные лингвистами исследования различных сильных позиций подтверждают объективность их существования в текстах разных жанров [1; 3; 5; 7; 9].

Но данная проблема нуждается в дополнительном изучении, т.к. существуют сомнения в реальности феномена сильных позиций начала и конца текста [8, с.25-26].

Текст обладает двойственной природой – состоянием покоя и движения, считает И.Р. Гальперин [2, с.98]. Представленный в последовательности дискретных единиц текст находится в состоянии покоя, и признаки движения выступают в нем имплицитно. Но, когда текст воспроизводится (читается), он находится в состоянии движения и тогда признаки покоя проявляются в нем имплицитно. При чтении текста происходит перекодирование сообщения.

Постановка проблемы. В связи с этим возникает естественная потребность в изучении структуры текста, его функциональных, коммуникативных характеристик, что и является задачей данного исследования.

Отобранные для анализа тексты коротких рассказов принадлежат малой эпической форме, отличающейся прозрачностью композиции и простотой сюжета, а от других произведений малой прозы – краткостью. Как отмечает Х.Д. Гельферт, они характеризуются единством воздействия и восприятия, их можно прочитать «за один присест». В малой прозе, по мнению Х.Д. Гельферта, единство реализуется, например, в единичности, т. е. здесь есть только **одно действие**, только **один герой** и **одна центральная взаимосвязь между героями**. Чтобы добиться этого единства, рассказчики всегда ставят в центр повествования стержневой элемент, который может быть абсолютно незначительным для реального события, однако решающим является то, что он, как кристаллизационное ядро, придает рассказу узнаваемое единство. В качестве подобных элементов могут выступать предмет, случай, событие или ситуация.

Термин «история» обозначает «происходящее событие». Однако рассказчик не сообщает о происходящем, а пересказывает событие. О каждом событии можно сообщать, но не каждое событие можно рассказать как историю. Для этого должны быть соблюдены определенные требования. По сути, событие – это переход от состояния А к состоянию Б, но, чтобы пересказ события стал историей, он должен быть неизвестен адресату до акта коммуникации. Повествование должно вызывать у читателя напряженное ожидание, связанное с неосведомленностью, которая разрешается благодаря неожиданной перемене [10, с.13]. Отсюда следует, что короткая история – это прозаическое повествование, сходное с новеллой, анекдотом и очерком, которая содержит чаще всего важный эпизод из жизни героя или в своеобразной форме ведет рассматриваемые события повседневности к неожиданному, волнующему фантазию читателя финалу.

Одни критики считают, что короткая история ограничивается 12000 лексических единиц, другие расширяют границы до 30000 слов. Американские критики включают в такое понятие, как “short short story”, менее 2000 слов и ее собственные структурные закономерности, потому что содержать в себе менее 30000 слов, одновременно историей может быть новелла, рассказ, а также сказка, фабула, притча и анекдот.

Выделив таким образом короткую историю от прочих жанров малой прозы, можно приступить к определению уровня восприятия читателем начала и концовки короткого рассказа как **сильных** позиций текста. В чем же «сила» позиции и как она проявляется, можно убедиться на основе проведенного эксперимента, который доказывает, что порядок следования информационных блоков влияет на восприятие и запоминание информации.

Суть эксперимента заключалась в следующем: испытуемым (десяти студентам 4 курса, изучающим немецкий язык как второй иностранный) для прочтения была предложена короткая история Гюнтера Кунерта «Zentralbahnhof»; время прочтения специально не ограничивалось, но, ввиду того что испытуемый не был информирован о цели эксперимента, временной промежуток ограничивался временем одного беглого прочтения текста; на обратной стороне экспериментального листа содержался ряд вопросов на русском языке (по 5 вопросов к каждой части текста: началу, середине и концу); сразу после прочтения испытуемый получал лист-опросник, состоящий из двух заданий:

1) выписать 30 запомнившихся лексических единиц (лексически значимые слова, словосочетания, предложения), а если это невозможно, то выписать столько единиц, сколько осталось в памяти;

2) ответить односложно на вопросы, указанные на обратной стороне экспериментального листа.

При выполнении заданий испытуемый не имел возможности пользоваться текстом. Вопросы для облегчения восприятия были даны на русском языке, ввиду того что для всех испытуемых русский язык является языком общения, также было разрешено выполнять задания на одном из двух языков (русский / немецкий). Несмотря на это, подавляющее большинство ответов было на языке оригинала. Лишь иногда можно было встретить ответы типа «мужской туалет» вместо «Herrentoilette», однако они воспринимались как полноценные, ввиду того, что, не являясь носителем языка, испытуемый мог запомнить лексические единицы, но, столкнувшись с трудностями, например в ее написании, предпочел русский вариант.

При подведении итогов первой половины эксперимента за каждое слово, принадлежность которого к определенной части текста носила монохарактер, давался 1 балл, если же слово упоминалось в нескольких местах – определенная доля балла, зависевшая от частоты упоминания слова в том или ином месте текста. Если же испытуемый запомнил более крупную лексическую единицу (словосочетание, предложение) и его форма совпадала с контекстуальной формой, то за этот ответ давалось 2 балла.

Во второй половине эксперимента за каждый ответ давалось в обычном случае по одному баллу, в случае частично правильного ответа – 0,5 балла, в случае максимально полного, нюансированного ответа – 2 балла или 1,5 балла в зависимости от точности.

Далее суммированное количество баллов для каждой части текста делилось на количество строк, из которых состояла та или иная позиция текста: начало – 13 строк; середина – 46 строк; конец – 7 строк.

Единицей измерения стал коэффициент, обозначающий запомнившееся количество слов на одну строку (сл / стр).

УРОВЕНЬ ВОСПРИЯТИЯ СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ТЕКСТА

Представим результат эксперимента в таблице:

№ п\п	начало текста	середина текста	конец текста	всего
1	1,55	0,28	0,6	2,43
2	1,60	0,23	0,82	2,65
3	1,31	0,16	0,17	1,64
4	1,79	0,26	0,46	2,51
5	1,9	0,61	0,73	3,24
6	1,67	0,34	0,41	2,42
7	1,6	0,81	0,74	3,15
8	1,81	0,23	0,75	2,79
9	1,44	0,44	0,5	2,38
10	1,87	0,38	0,89	3,14
всего	16,54	3,74	6,07	26,35
%	62,77	14,19	23,04	100

Выводы. Данный эксперимент наглядно демонстрирует уровень восприятия читателем сильных позиций текста по отношению к середине, что доказывает важную роль и значение начала и концовки текста относительно его лексической структуры и прагматической установки.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 23-31.
2. Бялоус Н.И. Особенности лингвистической организации конца художественного произведения: Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1985. – 156 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
4. Корбут А.Ю. Влияние повторов на формирование семантики текста. Результаты психолингвистического эксперимента // Семантика и ее изучение в вузе. – Нижний Новгород, 1993.
5. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989, – 204 с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Лисовицкая Л.Е. Функции начального предложения в композиции художественного текста // Язык и композиция художественного текста. – М., 1983.
8. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985. – С. 127.
9. Черемисина Н.В. О гармонии композиции художественного целого (Роман Пушкина Евгений Онегин) // Язык и композиция художественного текста. – М.: МГПИ, 1984. – С. 3-15.
10. Gelfert H.D. Arbeitstexte für den Unterricht. Wie interpretiert man eine Novelle und eine Kurzgeschichte. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co, 1993. – 190 s.
11. Kunert G. Zentralbahnhof. // Erzählte Zeit. 50 deutsche Kurzgeschichten der Gegenwart. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1994. – S. 129-131.

Поступила в редакцию 15.03.2006 г.

УДК 81'42

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРПУСЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ

Шевчук-Черногородова М.А.

Постановка проблемы. Фразеологизмы являются элементами системы языка. Между ними, как и между словами, возникают различные системные отношения, проявляющиеся в полисемии, синонимии, антонимии и омонимии.

Существуют разные взгляды на **полисемантизм** фразеологических единиц. Но точно можно утверждать, что фразеологизм, как и любая другая семантическая единица языка, может иметь более одного значения. Полисемия – это результат накопления значений в одной и той же лексической единице, вызываемый неоднократным ее переосмыслением.

В некоторых случаях полисемия идиом явно обнаруживает вторичный метафорический или метонимический сдвиг целостного значения [1, с.93]. Например, фразеологизм *wigs on the green* означал только «горячая дискуссия». Появление этого первоначально ирландского выражения было связано с ожесточенными прениями в ирландском парламенте в конце XVIII в. Позже в результате вторичного метафорического переосмысления появилось значение «общая свалка, драка, потасовка».

Подобные изменения мы видим и во фразеологической единице *a blue ribbon* – заметно ее первичное метонимическое использование: «лента ордена подвязки, орден подвязки». Однако в результате вторичного метафорического переноса появилось значение «первый приз, высшая награда». Последний пункт словарной статьи этого выражения «значок члена общества трезвости», скорее всего, представляет собой явление омонимии, поскольку это значение образовано не в результате сдвига первоначального значения фразеологизма, а является новой единицей.

Даже на примере этих двух выражений видно, что на развитие фразеологической полисемии влияют различные факторы. Это может быть повторный метафорический или метонимический сдвиг целостного значения фразеологизма (*a black eye* разг. 1. Подбитый глаз, синяк под глазом, фонарь под глазом; 2. амер. Сильный удар по престижу, репутации), повторное использование исходной мотивировки (напр., *white slavery* 1. Торговля живым товаром; 2. Вынужденная проституция), сужение (*be in the red* 1. Быть в долгу, иметь задолженность; 2. Работать с убытком, быть убыточным) или расширение целостного смысла (*red hat* 1. Кардинал, кардинальская шапка; 2. Кардинальский сан).

Явление полисемии характерно для субстантивных (*a red ribbon (ribbon)* 1. Лента ордена Бани. 2. Орден Бани) и глагольных (*be born in purple* 1. Родиться в пурпуре, Родиться в королевской семье; 2. Родиться в знатной семье, в роскоши) фразеологизмов с компонентами цветообозначения. Среди адъективных, адвербиальных, предложных,

междометных и коммуникативных ФЕ с компонентами цветообозначения случаи полисемии зафиксированы не были, хотя многозначные фразеологизмы встречаются достаточно часто.

Таким образом, фразеологизм, как и слово, может представлять собой систему семантических потенций. В таких случаях одно из его значений актуализируется в определенном контексте или речевой ситуации. Это утверждает и известный ученый Н.Н. Амосова: «именно контекстологический анализ имеет особое значение в исследовании английской лексики, а поскольку ФЕ представляют собой определенные лексические образования, то он должен быть применен и к фразеологическому фонду английского языка» [1, с.27].

От полисемии фразеологизмов следует отличать внешне сходное с ней явление -- **омонимию** устойчивых выражений.

Омонимия фразеологизмов возникает в том случае, когда фразеологизмы, одинаковые по составу, выступают в совершенно различных значениях. Омонимические фразеологизмы появляются в результате образного переосмысления одного и того же словосочетания, когда в основе лежат разные признаки.

Исследование показывает, что этот лингвистический феномен присущ лишь субстантивным фразеологизмам с компонентом цветообозначения. Такие выражения встречаются достаточно часто, например:

I. *a blue coat* «синий мундир», солдат, моряк;

II. *a blue coat* амер. ист. солдат армии северян во время гражданской войны 1861-65 гг.;

I. *black flag* ист. пиратский черный флаг;

II. *black flag* черный флаг, поднимаемый над тюрьмой в знак свершившейся казни;

I. *the Red Book* «красная книга» (родословная книга дворянских родов);

II. *the Red Book* Красная книга (книга, в которую занесены вымирающие животные, охраняемые законом).

Особенно ярко проявляется омонимия в метонимических выражениях, например:

I. *the Blue Book* «синяя книга» – официальные отчеты английской парламентской комиссии или Тайного совета;

II. *the Blue Book* справочник, справочные издания (типа адресной книги);

III. *the Blue Book* «синяя книга» – справочник, содержащий имена лиц, занимающих государственные должности в США;

• *the Blue Book* «синяя книга» – перечень лиц, играющих роль в обществе; календарь высшего света.

Первые три пункта – случаи омонимии (они возникали по мере появления различных книг или справочников с синей обложкой), в то время как четвертое значение – это не что иное, как повторное переосмысление значения «синяя книга» – справочник, содержащий имена лиц, занимающих государственные должности в США».

Метонимические фразеологизмы *the boys (men) in blue*, образованные на основе синекдохи, в данном случае – обозначение человека по цвету его одежды, имеют значения:

I. *the boys (men) in blue* моряки;

II. *the boys (men) in blue* полицейские;

III. *the boys (men) in blue* амер. ист. американские федералистские войска, войска «северян».

Одним из источников омонимии являются жаргоны, архаизмы, американизмы, например:

I. *the black and tan терьер* (сокр. от *black and tan dog*);

II. *the black and tan жарг.* смесь портера с элем;

III. *the black and tan амер. жарг.* обслуживающий как черных, так и белых.

I. *the Black Hole жарг.* воен. уст. «губа», гауптвахта (офиц. термин в Англии до 1868 г.);

II. *the Black Hole карцер, одиночка.*

I. *black Maria «Черная Мария», тюремная карета, тюремный фургон;*

II. *black Maria устар. воен. жарг.* «черная Мария» – немецкий дымовой снаряд (применяющийся в первую мировую войну).

Проблема **синонимии** фразеологизмов вызывает большой интерес. Одни исследователи предельно сужают понятие «фразеологизм-синоним», другие толкуют его расширенно. Одну и ту же мысль можно выразить, используя различные фразеологизмы, выступающие в качестве синонимов. Богатство фразеологических синонимов обуславливает огромные выразительные возможности английского языка.

При рассмотрении явления синонимии в корпусе фразеологизмов с компонентами цветообозначения английского языка возникает проблема разграничения синонимичных выражений и вариантов одного фразеологизма. Между учеными существуют разногласия по вопросу о соотношении понятий «фразеологические синонимы» и «фразеологические варианты». В исследовании мы придерживаемся точки зрения Н.Н. Амосовой по поводу определения вариативности и синонимии во фразеологическом фонде языка.

... Фразеологическими синонимами следует признать такие единицы постоянного контекста, которые, имея полное или частичное расхождение опорных членов своего лексического состава, имеют одно и то же целостное значение, хотя, как и любые синонимы, могут отличаться друг от друга по стилистической или эмоциональной окраске или по сфере употребления... [1, с.100].

Структурными вариантами фразеологизма являются сочетания, допускающие формальные вариации второстепенного порядка, не отражающиеся ни на его мотивировке, ни на характере его реализации, например, такие как: перестановка компонентов, вариация словоформ, подмена служебного элемента, употребление выражения в сокращенной форме. Например:

• *(as) black as a crow* и *(as) black as a crow's wing* черный как сажа, черный как вороново крыло;

• *(as) black as a raven* и *(as) black as a raven's wing*, черный как сажа, черный как вороново крыло, как смоль.

Отдельно оговорим случаи, когда замена словоформы одного из компонентов фразеологизма может привести к изменению целостного значения выражения. Например, *white horse «трюсость»* и *white horses «барашки на море»* – это две разные ФЕКИ.

Однако среди фразеологических синонимов существуют структурные разновидности, располагающиеся на разных степенях отдаления от структурных вариантов одной идиомы. Таким образом, фразеологические идиомы можно расположить по следующей контекстологической шкале [1, с.101]:

1. Наиболее близкими к структурным вариантам единой идиомы являются, несомненно, такие синонимичные идиомы, которые имеют равное количество различающихся и совпадающих компонентов и одинаковую мотивировку. Например:

- *black coat* черная сутана, священник (*обыкн. употр. пренебрежительно*)
- *black gown* амер. «черная сутана», католический священник (так прозвали священников индейцы)
 - *black shirt* чернорубашечник, фашист (этим. ит. *camicia nera* черная рубашка (форма итальянских фашистов)
 - *brown shirt* коричневорубашечник, фашист (этим. нем. *Braun Hemd* коричневая рубашка (форма немецких фашистов)
- *the blue-eyed boy* любимец, любимчик
- *the (golden) white-headed boy* любимец, любимчик
- *the fair haired boy* амер. любимец, любимчик
 - *turn the air blue* ругаться, сквернословить
 - *make the air blue* ругаться, сквернословить

Из этой категории выделим группу компаративных ФЕКЦ, в которых изменяется только второй компонент сравнения:

- *(as) white as ghost (as a sheet, as ashes, as death)* бледный как полотно, смертельно бледный
- *(as) white as milk (as the driven snow, as wool)* белый как снег, белоснежный [white as snow и white as wool этим. библ.]
- *(as) black as coals* черные как угольки (о *глазах*)
- *(as) black as sloes* черные как угольки (о *глазах*)
 - *(as) black as hades* безрадостный, беспросветный; в темном свете
 - *(as) black as ink* безрадостный, беспросветный; в темном свете
 - *(as) black as night* безрадостный, беспросветный; в темном свете
- *white caps* барашки
- *white horses* барашки

2. Отчетливее обособлены от структурных вариантов синонимичные идиомы, в которых имеется налицо явный количественный перевес различающихся компонентов над совпадающими (чаще всего двух различающихся над одним общим) при едином принципе (общей идее) мотивировки целостного значения.

- *paint the devil blacker than he is* сгущать краски, изображать кого-л. хуже, чем он есть на самом деле
 - *paint smb black* чернить кого-л., изображать кого-л. в черных красках
 - *paint smth in black colors* рисовать что-л. мрачными красками, представлять что-л. в мрачном свете, сгущать краски
 - *be (look) white about the gills* иметь нездоровый, бледный вид; иметь подавленный, расстроенный вид
 - *be (look) green and yellow about the gills* иметь нездоровый, бледный вид; иметь подавленный, расстроенный вид

3. Еще дальше от структурных вариантов стоят синонимичные идиомы, сходные по принципу мотивировки, но полностью различающиеся по ее воплощению, т. е. по своему конкретному лексическому составу, а иногда и по построению.

- *yellow jack (Jack)* желтая лихорадка

- *the gold (yellow) fever* золотая лихорадка
- *a white crow* белая ворона, редкое явление
- *a black swan* «черный лебедь», большая редкость
- *green power* амер. «власть зеленых банкнот»; деньги (по зеленому цвету на обороте долларовых купюр)
- *the long green* амер. жарг. доллары, деньги

4. Расхождение в принципе мотивировки при полном расхождении и в лексическом составе идиом еще более усугубляет различие между ними, хотя целостное значение их и остается тождественным.

При этом наличие одного и даже двух совпадающих компонентов не делает расхождение между идиомами менее полным. Например:

- *out of a blue sky* откуда ни возьмись, ~ как гром среди ясного неба; как снег на голову
- *like a bolt from the blue* откуда ни возьмись, ~ как гром среди ясного неба; как снег на голову
- *the black man* злой дух, дьявол сатана
- *the old gentleman in black* итал. эвф. дьявол, сатана

Из примеров заметно, что в группе синонимов фразеологизмы могут иметь разную стилистическую окраску, например, *green power* «власть зеленых банкнот», деньги и *the long green* доллары, деньги. Вторая ФЕКЦ является жаргонизмом, в то время как первая стилистически нейтральна.

Встречаются также синонимы, принадлежащие к разным вариантам английского языка: *the (golden) white-headed boy* и американизм *the fair haired boy*; либо синонимы различного происхождения: *black shirt* (этим. ит. *camicia nera*) и *brown shirt* фашист (этим. нем. *Braun Hemd*).

Следует отметить, что явление синонимии зафиксировано почти во всех структурных типах фразеологизмов, за исключением междометных, модальных фразеологизмов, пословиц и поговорок.

Фразеологизмы так же, как и слова, могут выражать противоположные значения, то есть быть антонимичными. **Антонимические отношения** во фразеологии развиты значительно меньше, чем синонимические.

Фразеологические единицы с компонентами цветообозначения также вступают в отношения антонимии. При выявлении антонимичности опираемся на определение В.П. Жукова: «...антонимия ФЕ строится на полной противопоставленности, расхождении...смыслоразличительных семантических признаков» [2, с.189].

В особую группу выделяются антонимические фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие компоненты, противопоставленные по значению, сравним: *(as) white as milk* – *(as) black as ink*. Компоненты, придающие таким фразеологизмам противоположное значение, часто являются лексическими антонимами, например, *black* – *white*, но они могут получать противоположный смысл и только в фразеологически связанных значениях: *red* – *black*.

Эта группа фразеологизмов достаточно многочисленна. Следует отметить, что в изучаемых выражениях «антонимичным» компонентом обычно являются цветообозначения, то есть контраст возникает при изменении указания на цвет.

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРПУСЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ...

Например:

<i>(as) white as ghost (as a sheet, as ashes, as death, as the driven snow, as milk, as wool)</i> бледный как полотно, смертельно бледный, белый как снег, белоснежный	<i>(as) black as a crow (as a crow's wing, as a raven, as a raven's wing, as coal, as ebony, as ink, as my hat, as night, as soot, as the ace of spades, as your boots)</i> черный как сажа, черный как вороново крыло, как смоль, как уголь
<i>the dark (или Oxford) blues</i> «синие», спортивные команды Оксфорда	<i>the light (или Cambridge) blues</i> «голубые», спортивные команды Кембриджа
<i>white magic</i> белая магия (по средневековым мистическим представлениям, чародейство с помощью «небесных сил», ангелов; этим. фр. <i>magic blanche</i>)	<i>black magic</i> черная магия (по средневековым суеверным представлениям, чародейство с помощью «адских сил»; этим. фр. <i>magic noire</i>)
<i>white meat</i> белое мясо (свинина, телятина, курятина и т.д.)	<i>red meat</i> красное мясо (говядина, баранина и т.д.)
<i>be in the red</i> 1. Быть в долгу; 2. Работать с убытком	<i>be in the black</i> вести дело прибыльно, получать прибыль, доход
<i>go into the red</i> приносить дефицит, стать убыточным	<i>climb (get, go) into the black</i> (начать) давать прибыль, стать рентабельным
<i>see through blue glasses</i> мрачно, пессимистически смотреть на вещи	<i>see through rose(-)coloured glasses</i> смотреть сквозь розовые очки
<i>be (look) white about the gills, be (look) green and yellow about the gills</i> иметь нездоровый, бледный вид; иметь подавленный вид	<i>be (look) rosy about the gills</i> иметь здоровый вид
<i>blue-brick university</i> разг. «старый» университет (особенно Оксфордский или Кембриджский)	<i>red-brick university</i> «краснокирпичный», «новый» университет (в отличие от «старых» Кембриджского и Оксфордского; построен из красного кирпича)
<i>red-letter day</i> праздничный, радостный, счастливый, памятный день (<i>первонач.</i> праздничный день, обозначенный в календаре красным)	<i>black-letter day</i> неудачный, несчастливый день; трагический день
<i>a White paper</i> «Белая книга» (официальное издание английского правительства)	<i>a Black Paper</i> «Черная книга» (документ, в котором критикуется политика или действия правительства)
<i>red blood</i> физическая сила, мужество, смелость	<i>blue blood</i> ирон. «голубая кровь», аристократическое происхождение
<i>white frost</i> иней	<i>black frost</i> холода без инея и снега, бесснежные морозы
<i>every bean has its black</i> у каждого свои недостатки, все имеет свою теневую сторону	<i>every cloud has a (its) silver lining</i> посл. нет худа без добра

Итак, мы видим, что самой частой оппозицией является противопоставление white – black, также неоднократно встречается контрасты red – blue и red – black. Антонимичные фразеологизмы зафиксированы в различных структурных типах: в субстантивных, адъективных, глагольных выражениях и пословицах.

Выводы. Таким образом, фразеологизмам английского языка присущи те же системные отношения, что и другим языковым уровням. Они представлены не во всех структурных типах изучаемых единиц. В данной семантической группе фразеологизмов очень распространены явления синонимии и антонимии. Феномен синонимии ФЕКЦ отражает богатство английского языка. Они были рассмотрены по контекстологической шкале, основанной на количестве совпадающих компонентов. Группа антонимичных ФЕ с компонентом цветообозначения достаточно многочисленна; основным компонентом, несущим контраст, являются цветообозначения. Полисемантизм возникает обычно в результате вторичного переосмысления компонентов или фразеологизма в целом и характерен для субстантивных и глагольных устойчивых выражений. Омонимия присуща лишь субстантивным ФЕКЦ и особенно ярко проявляется в метонимических выражениях.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – СПб., 1963.
2. Жуков В.П. Русская фразеология. – М., 1986.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984.
4. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М., 1996.

Поступила в редакцию 29.03.2006 г.

РАЗДЕЛ 6. WEB-ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'367

КОМПЬЮТЕРНЫЙ СЛЕНГ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Забело И.В.

Актуальность. Первые компьютеры появились в начале 50-х годов, и по мере того как они совершенствовались, люди, работающие с ними, обрели огромный словесный багаж, который широко известен ныне. В настоящее время во всем мире развитию микропроцессорной техники, вычислительной техники, компьютерных технологий уделяется огромное внимание. Новые термины из закрытого лексикона программистов и разработчиков компьютерной техники стали переходить в разряд общеупотребительных, т.к. количество людей, имеющих отношение к компьютерам, постоянно увеличивается. И параллельно этому явлению происходит еще один закономерный, с точки зрения лингвистики, процесс – это образование специфического компьютерного сленга.

Вся лексика того или иного языка делится на литературную и нелитературную. Нелитературная лексика делится на профессионализмы, вульгаризмы, жаргонизмы и сленг.

Многие ученые жаргонизмы относят к сленгу, таким образом не выделяя их как самостоятельную группу, и сленг определяют как особую лексику, используемую для общения группы людей с общими интересами.

Постановка проблемы Но в чем же отличие компьютерного сленга от сленгов других типов? Имея дело с компьютерным сленгом, мы имеем дело с некоторым синтезом всех четырех групп:

Во-первых, эти слова служат для общения людей одной профессии – программистов или просто людей, использующих компьютер для каких-то целей. При этом они используются в качестве синонимов к профессиональным английским терминам, отличаясь от них эмоциональной окраской. Во-вторых, компьютерный сленг отличается «зацикленностью» на реалиях мира компьютеров. Рассматриваемые сленговые названия относятся только к этому миру, таким образом отделяя его от всего остального, и зачастую непонятны людям несведущим. Например, не каждому человеку станет понятно выражение «трехпальцевый салют», которое обозначает сброс компьютера нажатием клавиш Ctrl-Alt-Del. Благодаря знанию такого специального языка компьютерщики чувствуют себя членами некой замкнутой общности. В-третьих, в числе этой лексики нередки и достаточно вульгарные слова: *зрнновуха под Вунды (Windows for WorkGroup)*, *анус (протокол Janus)*, *блястер (Sound Blaster)* и т.п.

Эти три наблюдения не позволяют причислить компьютерный сленг ни к одной отдельно взятой группе нелитературных слов и заставляют рассматривать его как явление, которому присущи черты каждой из них. Это и позволяет определить термин

«компьютерный сленг» как слова, употребляющиеся только людьми, имеющими непосредственное отношение к компьютерам в повседневной жизни, заменяющие профессиональную лексику и отличающиеся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской.

Большинство слов, относящихся к компьютерному сленгу, являются производными от профессиональных терминов, практически все из которых заимствованы из английского языка. Поэтому необходимо проследить: 1) за появлением этих терминов и за их переходом в русский язык, 2) за процессом образования от этих терминов компьютерного сленга.

Первой причиной быстрого появления новых слов в компьютерном сленге является стремительное развитие самих компьютерных технологий. В условиях технологической революции каждое новое явление должно получить свое словесное обозначение, свое название, а так как почти все они (за редким исключением) появляются в Америке, то, естественно, получают его на английском языке. И поэтому русским специалистам приходится использовать оригинальные термины. Происходит так называемое заполнение культурологических лакун при помощи англоязычных терминов. Английские названия все больше и больше наполняют русский язык. Отсутствие в русском языке достаточно стандартизированной терминологии в этой области, значительного числа фирменных и рекламных терминов и повлекло за собой тенденцию к появлению такого числа компьютерного сленга.

Многие из существующих профессиональных терминов достаточно громоздки и неудобны в ежедневном использовании. Возникает мощная тенденция к сокращению, упрощению слов. Например, один из самых частоупотребляемых терминов – *'motherboard'*, он имеет такое соответствие в русском языке, как *«материнская плата»*. В сленге же этому слову соответствует *«мамка»* или *«матрешка»*. Или другой пример: *'CD-ROM Drive'* переводится на русский как *«накопитель на лазерных дисках»*, в сленге имеет эквиваленты *«сидюк»*, *«сидюшник»*. Следующее предложение содержит слова, иллюстрирующие тенденцию к сокращению: *«Компы бывают двух видов – бимы и маки»* (*Персональные компьютеры бывают двух видов – IBM-совместимые и Macintosh*).

Люди, работающие с вычислительной техникой, достаточно молодые, преимущественно до сорока лет. В связи с этим опять же появляется желание разбавить эти термины юмором, добавить собственную эмоциональную окраску, элемент непринужденности. Достаточно вспомнить *«флопповерт»* (*дисковод*) или *«утоптаный»* (*сжатый программой-архиватором*). В последнее время произошло увлечение молодежи компьютерными играми. Это опять же послужило мощным источником новых слов. Появились различные слова для тех или иных понятий, к ним относятся *«аркада»*, *«бродилка»*, *«босс»* (*в значении самый главный враг в игре*), *«думер»* (*человек, играющий в игру 'DOOM'*), *«квакатъ»* (*играть в игру 'Quake'*) и т.п.

Большинство непрофессиональных пользователей не владеют достаточным уровнем английского языка. Но так или иначе им все равно приходится пользоваться новой английской терминологией, зачастую происходит неправильное прочтение английского слова, и возникающие таким образом слова порой прочно оседают в их словарных запасах. Так, например, от неправильного прочтения сообщения *«NO CARRIER»* в сленге появилось выражение: *«НО КАРЬЕР»*, причем то и другое означает отсутствие соединения при связи по модему. В связи с этим пользователи компьютеров заговорили на придуманном ими же самими языке.

Пути и способы образования компьютерного сленга весьма разнообразны, но все они сводятся к тому, чтобы приспособить английское слово к действительности и сделать его пригодным для постоянного использования. Вот основные методы образования сленга, которые, по моему мнению, охватывают большинство ныне существующей сленговой лексики:

1) Калька. Этот способ образования включает в себя заимствования, грамматически не освоенные русским языком. При этом слово заимствуется целиком со своим произношением, написанием и значением. Такие заимствования подвержены ассимиляции. Каждый звук в заимствуемом слове замещается соответствующим звуком в русском языке в соответствии с фонетическими законами. Эти слова кажутся иностранными в произношении и написании, они соответствуют всем нормам английского языка (*device* – *девайс*, *hard drive* – *хард*). Некоторое количество подобных слов в русском языке явилось следствием того, что большинство программного обеспечения на компьютерах все еще работает на английском языке. Вследствие этого у людей происходит своеобразное привыкание к некоторым распространенным командам или сообщениям. Вот, к примеру, «*инвалид юзер*» (популярный ответ на вопрос о том, почему что-либо не работает) является популярной перефразировкой сообщения операционной системы MS-DOS '*Invalid drive*'.

Кроме «привыкания», здесь сыграла свою роль еще и общая тенденция среди молодежи к привлечению в свою повседневную речь англицизмов. Увлечение англицизмами стало своеобразной модой. оно обусловлено созданными в молодежном обществе стереотипами, идеалами. Добавляя в свою речь английские заимствования, молодые люди определенным образом приближаются к этому стереотипу, приобщаются к американской культуре, стилю жизни. Именно в этой группе имеет место русское или просто неправильное прочтение английского слова. Порой ошибка становится привлекательной до того, что овладевает массами: *message* – *мессаг*.

Очень часто встречается просто перенос слова в русский язык с неправильным ударением: *label* – *лабиль*. Поэтому некоторые сленговые заимствования неустойчивы в написании, например, можно встретить несколько разных заимствований слова *keyboard* – *кййборд* – *кйборд* – *кьборд*. Примечательно, что стилистически нейтральные в английском языке слова, перейдя в сленг программистов, приобретают иронически-пренебрежительную или просто разговорную окраску.

2) Полукалька. При переходе термина из английского языка в русский последний подгоняет принимаемое слово под нормы не только своей фонетики, но и грамматики. Существительные, к примеру, приобретают падежные окончания: *application* – *апликуха* (*прикладная программа*) – *апликуху* (В.п.) – *апликухи* (Р.п.) Слова этой группы образуются следующим образом: к первоначальной английской основе определенными методами прибавляются словообразовательные модели русского языка. К ним относятся, прежде всего, уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных **-ик**, **-к(а)**, **-ок**: *disk drive* – *дискетник*, *User's Manual* – *мануалка*, *ROM* – *Ромка*, *CD-ROM* – *сидиромка*, также встречается суффикс **-юк**, характерный в русском языке для просторечий: *CD [compact disk]* – *сидюк*, *PC [personal computer]* – *писюк*.

Вследствие того, что исходный язык является аналитическим, а заимствующий – синтетическим, имеет место добавление флексий к глаголам: *to connect* – *коннектиться* (*соединяться при помощи компьютеров*), *to program* – *программить* (*заниматься программированием*), *to click* – *кликать* (*нажимать на клавиши мыши*).

В связи с тем, что одной из причин необходимости сленга является сокращение длинных профессионализмов, существует такой прием, как прием универбизации (сведение словосочетания к одному слову): *strategic game* – *стратегия*: из словосочетания заимствуется одно слово, и при этом оно получает значение всего словосочетания. Большое количество слов этой группы произошло от различных аббревиатур, названий различных протоколов, фирм: *Bulletin board system* – *BBS* – *бэбэска*, *бибизэска* *IBM* – *Айбиэмка*.

Операционная система MS-DOS, работавшая многие годы на большинстве персональных компьютеров в России, позволяла давать файлам и каталогам имена, состоящие не более чем из восьми знаков, и расширения, состоящие всего из трех знаков. Это привело к тому, что название многих программ и игр также приходилось сокращать или использовать аббревиатуры, если полные названия состояли из нескольких слов. Производные от различных прочтений этих сокращений попадали в русский сленг: *Norton Utilities* – *NU* – *нуика*, *Kai's Power Tools* – *KPT* – *кэптэишка*, *Execution file* – *EXE* – *экзешиник*, *Three-dimensional Studio* – *3DS* – *тридэишка*.

3) Перевод:

- с использованием стандартной лексики в особом значении;
- с использованием сленга других профессиональных групп.

Не всегда в русский компьютерный сленг попадают слова, заимствованные из английского языка. Очень часто сленговая лексика образуется способом перевода английского профессионального термина. Первый способ включает в себя перевод слова с использованием существующих в русском языке нейтральных слов, которые при этом приобретают новое значение со сниженной стилистической окраской: *Windows* – *форточки*, *virus* – *живность*, *user's manual* – *букварь*.

В процессе перевода работает механизм ассоциативного мышления. Возникающие ассоциации или метафоры могут быть самыми разными: по форме предмета или устройства: *disk* – *блин*, *adapter card* – *платка*, по принципу работы: *matrix printer* – *вжикалка*, *patch file* – *заплатка*. Многочисленны также и глагольные метафоры: *to delete* – *сносить*, *to read from disk* – *нулить диск*, *to seek smth on disk* – *шуршать*. К этой группе относятся лишь те слова, которые ранее не имели никаких сленговых значений. Но гораздо более многочисленна вторая группа – это термины, которые приобрели свой сленговый перевод путем использования лексики других профессиональных групп. В результате значение слова несколько изменяется, приобретая специфический для компьютерного сленга смысл. Чаще всего встречаются слова и выражения из молодежного сленга: *incorrect program* – *глюкало*, *streamer* – *мофон*. Слово «шофер» перешло из молодежного сленга, где оно означает магнитофон, в компьютерном сленге таким же словом называют устройство хранения для информации на магнитной ленте – *стример*. Многочисленны также переходы слов из водительского, уголовного и т.п. сленга: *microassembler programmer* – *макруишник*, *to connect two computers* – *шланговать*. Например, о компьютере Pentium-200 говорят: «Модная тачка с двухсотым мотором». При образовании сленговых слов создается некоторая размытость в значении, не характерная для профессиональных английских терминов. В большинстве случаев обозначается только характер действия или явление и не определяется его специфика. Сравним два эквивалента английскому термину, первый из которых принадлежит к профессиональной лексике, а второй к сленгу: *LED* – *светодиод* – *фонарь*. Когда человек впервые слышит сленговое «фонарь», ему вряд ли станет понятно, о чем речь, т.к. это

слово указывает лишь на то, что предмет разговора излучает свет. Слово, вероятно, появилось в сленге благодаря его тенденции к преувеличению, которое создает несоответствие. И из небольшого «светодиода» появился «фонарь».

4) **Фонетическая мимикрия.** Этот метод основан на совпадении семантически несхожих общеупотребительных слов и английских компьютерных терминов: *error* – *Egor*, *jamper* – *джемпер*, *button* – *батон*, *shareware* – *шаровары*. Слово, которое переходит в сленг, приобретает совершенно новое значение, никаким образом не связанное с общеупотребительным. Рассмотрим такой пример: *laser printer* – *Лазарь*. Так слово, имеющее в общенародном языке значение мужского имени Лазарь, в компьютерном сленге приобрело совершенно новое содержание. Возможны как случаи, основанные на фонетическом совпадении всего английского и стандартного слов, так и случаи, основанные на совпадении части слов. В этом случае сленговое слово дополняется оставшейся частью слова, заимствованной методом кальки у английского оригинала: *break point* – *бракпоинт*, *ARJ archived* – *аржеванный*, *Windows* – *виндовоз*. Есть слова, у которых одна часть – фонетическое подражание, другая – перевод: *cache memory* – *кэш-память*.

В этой группе слов особенно много названий различных программ, быть может, потому, что именно эти названия чаще всего неясны в употреблении и восприятии для российских пользователей вычислительной техники: *Corel Draw* – *Король дров*, *Aldus PageMaker* – *Альдус Пижамкер*, *AutoCAD* – *Автога*.

К этому явлению также относятся случаи звукоподражания без каких-либо сходств со словами из стандартной лексики. Такие слова представляют собой своеобразную игру звуками. Они образуются путем отнимания, прибавления, перемещения некоторых звуков в оригинальном английском термине: *MS-DOS* – *мздос*, *interpretator* – *интерпренапор*, *Pentium* – *пентюх*.

В настоящее время словарь компьютерного сленга насчитывает сравнительно большое количество слов. Поэтому компьютерный сленг содержит синонимы. Например, можно выделить синонимичные ряды: *computer* – *комп* – *компухтер* – *цанпутер* – *банка* – *тачка* – *аппарат* – *машина*, *to hack* – *хакнуть* – *хрякнуть* – *ломануть* – *грохнуть* – *проломить*, *hard drive* – *винт* – *хорд* – *тяжелый драйв* – *бердан*. Такое явление, как появление синонимов, связано с тем, что в разных регионах для одного и того же термина могут появляться разные сленговые соответствия. Они могут быть образованы разными способами, людьми с разным уровнем владения английским языком. А коммуникация между людьми, пользующимися разными словами, пока не слишком развита. Internet еще не получил повсеместного распространения. Поэтому, когда они все-таки встречаются, они порой даже не понимают друг друга. Для создателей словарей компьютерного сленга первая проблема – записать как можно больше возможных синонимов каждого термина и выяснить какие-то общеизвестные слова.

Компьютерный сленг не лишен и всевозможных фразеологических оборотов. Среди них есть как глагольные, так субстантивные обороты: *жать батоны* (*работать с мышью*), *глюк полировать* (*отлаживать программу*), *трехпальцевый салют* (*выход клавишами Ctrl-Alt-Del*), *ветер перемен* (*смена операционной системы*). Эти обороты практически все построены на ассоциативном переводе. Интересен также процесс появления своеобразного сленгового фольклора, в котором терминологическая лексика употребляется в широком переносном смысле в различных ситуациях, не имеющих отношения к компьютерам. Например, программист, который не хочет выполнять чью-либо просьбу, говорит: «Can't Open» или «Invalid Request». Именно такой англоязычный

текст высвечивается на экране компьютера, когда он не может выполнить поставленную задачу. Засыпающий вечером трудного дня программист успокаивает себя: «System halted». То же самое, отключаясь, говорит и компьютер.

Со сменой одной технологии другой старые слова забываются, им на смену приходят другие. Этот процесс, так же как и развитие самих компьютеров, проходит очень стремительно. Если в любом другом сленге слово может существовать на протяжении десятков лет, то в компьютерном сленге лишь за прошедшее десятилетие бурного технического прогресса появилось и ушло в историю невероятное количество слов. Так, к примеру, многие молодые компьютерщики не употребляют в своей речи или вообще не знают о существовании таких слов, как: *Цэжэа* (*CGA, Color Graphic Adapter*), *Хаевая деукта* (*High density diskette*), *Хамелеон* (*вид материнской платы*), *Мат* (*Math Co-processor*). Но есть и такие вещи, которые на протяжении всей компьютерной революции не подверглись особым изменениям. Но и их сленговые обозначения не остаются неизменными. Меняется мода, тенденции в обществе, некоторые слова просто надоедают. Например, слово «числогрыз», обозначающее компьютер, в современном сленге заменили слова «тачка» или «комп».

Нельзя также обойти стороной и такую проблему, как переход слов из сленга в разряд профессиональных или нормальных. Чаще всего профессиональными терминами становятся достаточно старые, успевшие притереться сленговые слова. Слово при этом теряет свою эксцентричную окраску. Немаловажную роль в этом играют компьютерные газеты и журналы. Сленговое слово появляется в них в большинстве случаев из-за того, что профессиональные слова, им соответствующие, неудобны при частом использовании или же вообще отсутствуют. Журналы же, посвященные компьютерным играм вообще, употребляют сленговые слова в изобилии, дабы создать более веселую, молодежную атмосферу.

Компьютерный сленг в большинстве случаев представляет собой английские заимствования или фонетические ассоциации, случаи перевода встречаются реже, да и то благодаря бурной фантазии компьютерщиков. К привлечению иностранных слов в язык всегда следует относиться внимательно, тем более когда этот процесс имеет такую скорость.

Выводы. Существование компьютерного сленга позволяет специалистам не только почувствовать себя членами некоей замкнутой общности, но и понимать друг друга с полуслова, служит элементарным средством коммуникации. Не будь сленга, им бы пришлось или разговаривать на английском языке, или употреблять в своей речи громоздкие профессионализмы.

Развитие этого языкового явления и его распространение среди все большего числа носителей русского языка обуславливается внедрением компьютерной техники в жизнь современного общества. И компьютерный сленг начинают употреблять не только компьютерщики, но и люди, совсем не имеющие никакого отношения к компьютеру.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1981.
2. Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон// Русская речь. – 1997. – № 3. – С.3-9.
3. Ричард А. Спирс. Словарь американского сленга. – М.: Русский язык, 1991.
4. Матюгин И.Ю. Как запоминать иностранные слова. – М.: Эйдос, 1992.

Поступила в редакцию 15.02.2006 г.

УДК 808.2-55:37

ИНТЕРНЕТ КАК КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВХОЖДЕНИЯ КОНЦЕПТА *SELF* В СЛАВЯНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Компанцева Л.Ф.

Современный научный дискурс дуалистичен. В его исследовательское пространство включены как проблемы глобализации, рассеченных коммуникаций, гипертекстовое осмысление мира, так и самопознание и самопредставленность личности в современном дискурсе и мире. Тем не менее, проблемы самосознания личности по-разному решаются в западной и славянской науке. Цель нашей статьи – исследование когнитивно-прагматических условий вхождения понятия *Self* в славянское самосознание – обуславливает задачи исследования: рассмотрение основных положений славянской философии как философии самопознания личности; сопоставление идей славянской философии с *Self*-концепцией американской гносеологии; рассмотрение коммуникационного пространства Сети как когнитивной основы для вхождения понятия *Self* в славянское самосознание.

Постановка проблемы. В американской гносеологии проблема *Self* имеет не только философский и лингвистический аспект, но и является важной частью теории коммуникации. Все последние учебники по теории коммуникации, лингвистике, PR и т.д. содержат разделы по проблеме *Self*. По мнению американских специалистов, успешная коммуникация и познание мира начинаются с осознания личностью самой себя. Так, например, известный психолингвист Джулия Вуд в учебнике «Межличностная коммуникация» в главе «Что такое *Self*?» пишет: «Понятие *Self* вырастает из коммуникации и многомерных процессов, которые являются важными и действенными для социальных перспектив. Несмотря на то, что дефиниция *Self* является трудной для понимания, она направляет наше внимание к некоторым важным предположениям относительно очень сложного концепта: *The Self*» [8, с.53]. Джулия Вуд вводит понятие *самоосуществленное предсказание, самопрограммирование (Self-fulfilling prophecy)*, которое, по мнению исследовательницы, является значимым фактором формирования концепта *The Self*. «Мы реализуем запрограммированные действия раз за разом. Однако, поскольку мы озабочены другими перспективами в себе, мы можем ярлык, приклеенный нам другими, заменить на свой собственный» Wood [8, с.54].

Американские психолингвисты, опираясь на практическое использование понятия *The Self*, отмечают в его концептосфере следующие составляющие:

- *непосредственное определение (Direct definition)* как название представляет собой эксплицитное именование человека, основой которому служит поведение, привычки, стиль жизни личности. Это название формируется на основе оценки поведения человека и его самого другими людьми;
- *идентификационный сценарий (Identity scripts)* – оценка поведения личности другими людьми. Психология определяет идентификационные сценарии как правила и

идентификации. Сценарии подобны пьесам, а идентификационные сценарии определяют жизненные роли людей, принципы их исполнения и базовые элементы жизненного сценария личности;

- **присвоенные стили (Attachment styles)** – оценка, которая дается личности окружающими посредством системы взглядов самих окружающих. «Например, родители учат нас тому, кто мы есть, что мы должны собой представлять и как нам себя вести. В этих взаимоотношениях другие навязывают нам свою жизненную стратегию» [8, с. 57];

- **безопасный присвоенный стиль (A secure attachment style)** – самый позитивный. Эта концептуальная составляющая личности обычно формируется с детства, когда ребенок окружен вниманием и любовью. Личность в этом случае развивается гармонично, а концептосфера *Self* формируется на базе семиотико-прагматических компонентов *любви (I am loveable)* и *собственной значимости (Self-worth)*;

- **присваиваемый стиль испуга (A fearful attachment style)** формируется в концептосфере *Self* тогда, когда окружающие личность люди, и прежде всего близкие, на первый план в коммуникации выдвигают прагматику негатива и изгнания. Жизненная стратегия личности с превалированием этого концептуального элемента будет базироваться на сценариях нелюбви, неудачи, изгнания.

Концептуальная оформленность понятия *The Self* является свидетельством сформировавшейся парадигмы интимизации мышления и актуализации внутреннего мира личности в западном научном сознании. Развитие этой парадигмы отражено в истории английского языка. Согласно Оксфордскому словарю, в староанглийском языке насчитывалось всего 13 слов с приставкой *Self* (сам), причем половина из них обозначала объективные отношения. Количество таких слов ('самолюбие', 'самоуважение', 'самопознание' и т.д.) резко возрастает во второй половине XVI века, после Реформации. Некоторые из этих слов имеют даже индивидуальных авторов. Так, слово '*Self-control*' (самоконтроль) введено А. Шефтсбери, '*Self-regard*' (самоуважение) – И. Бентамом, а '*Self-conscious*' (застенчивый, озабоченный собой) – С. Колриджем. Параллельно в язык входят слова, описывающие внутренние чувства и переживания. В староанглийском языке слова '*person*' (лицо) или '*soul*' (душа) употреблялись главным образом в контексте отношений к обществу, церкви или космосу. В XVII веке появляется слово '*характер*', относящееся к человеческой индивидуальности. Слова '*расположение*', '*настроение*', '*темперамент*', которые раньше имели объективное, физико-астрономическое значение (например, '*расположение звезд*'), теперь приобретают субъективно-психологическое значение. Новое звучание приобретают многие моральные термины. Слово '*долг*' во времена поэта Д. Чосера еще имело значение объективного отношения, юридического обязательства (этимологически оно связано с понятиями '*налог*', '*повинность*') [См. более подробно 5].

Славянская философия и лингвистика представляют несколько иную картину. В русском языке не существует понятия *The Self*, оно рассредоточено в лексемах **Я и личность**. Тем не менее, русская гуманитарная мысль постоянно обращается к исследованию внутреннего мира личности.

Так, М. Мамардашвили пишет о воспоминании как соприсутствии человека в мыслях и концепциях разных времен. «И если вся философия – это один человек, мыслящий вечно и непрерывно, то это и есть необходимый и возрождающий нас к жизни акт воспоминания. ...если в нас достаточно силен пафос начала философствования, то тогда

в зорь этого пафоса могут войти воспоминания. То есть живые мысли. Мысли Платона, Декарта, Канта, Маркса. В своем собственно-личном присутствии, а не в виде филологического резюме, механической формулы, штампа, которые можно лишь просто повторять и тиражировать» [6]. М.Л. Гаспаров считает, что «диалог – это внутреннее состояние индивида, заведомо не выразимое в тексте: явление внутрличностное, а не межличностное» [3]. Одной из парадигмально значимых концепций для славянской философии и лингвистики является теория полифонизма М. Бахтина. В этой теории идея диалога обретает новую экзистенциальную форму, где диалог прежде всего – это противостояние «я» и «другого». Он является необходимой, объективной формой постижения и обретения мира как «бытия-события». Полилогизм мыслится М. Бахтиным как «целое взаимодействие нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого» [1].

Для русской философии самосознание личности прежде всего связано с нравственными поисками, а внутренний мир личности всегда мыслится трансцендентно. «Этот *космос* – область сознания; обращенного к внутренней стороне человеческой природы... Поэтому все дело самопознания должно состоять только в том, чтобы оценить относительную важность пробуждающихся в ней явлений, не принимая центральное за периферическое, а периферическое за центральное» [4].

Самопознание для русской философии – это всегда «история духа», аристократизм мышления, независимость от политических режимов и социальных событий. «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые... И вместе с тем я никогда не был человеком политическим. Мной руководило желание написать эту книгу с наибольшей простотой и прямоотой, без художественного завуалирования. Меня интересует не столько характеристика среды, сколько характеристика моих реакций на среду» [2, с. 3].

В русской философии самопознание связано с идеей соборности, или, если использовать современную терминологию, духом сообщества. «Истинное самопознание укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире, покажет ему, что он – не центр Вселенной, не пуп земли» [7].

Идея самопознания славянской философии и Self-концепция американской гносеологии взаимодействуют в современном коммуникативном пространстве.

В русском самосознании понятие *Self* закрепляется в основном через компьютерные именованья и, естественно, никакого философско-когнитивного содержания не манифестирует: *Сэлф-мастер* (self-master.ru), *Self-мест* (smithy.kiev.ua/doc/php/function.mcrypt), *Self-онисания архиваторов* (<http://www.compression.ru>), *Mission Self Destruct* [http://mobile.avenu.info/games.php?ph_game] [Стрелялки]

Семиотическое поле понятия *Self* в русском языковом сознании только начинает развиваться. В Интернете подобных примеров немного, но, тем не менее, они присутствуют.

- Именованье форумов, предполагающих обсуждение проблем самоидентификации личности. Например, форум '*Self Path. Перекресток тайных троп*'. (selfpath.webtalk.ru). Именованье этого форума может быть переведено несколькими вариантами: '*собственная тропинка*', '*собственная дорога*', '*собственная линия поведения*'.

- Именованние компаний, желающих подчеркнуть индивидуальный подход и интимизированное отношение к клиентам, отметить собственную уникальность: **SELF Company | Contact Us** (self@self.ru; www.self.ru).

- **Self-Made-Man. Сделай себя сам** (<http://self-made-man.narod.ru/about.htm>). Автор сайта, Александр Попов, – молодой профессиональный программист, который пытается разобраться в жизненных стратегиях россиян, полагая, что приписываемая им пассивность – это миф. Автор предлагает аналитические материалы по вопросам социально-политической жизни России, проводит Интернет-опросы и т.д. «*Мне небезразлична судьба России, и я буду рассказывать обо всем, что прямо или косвенно влияет на экономику и развитие России*».

- **Сайт Центра интегрального развития человека SELF** (www.self-center.ru/Self.htm). Авторы сайта, действующие психологи и психотерапевты, решают практически-исследовательскую задачу – пытаются при помощи Интернет-технологий провести тренинг личностного развития человека. «*На тренинге Self мы предлагаем совершить путешествие к самым разным пространствам "Я" через техники созерцания и экстатических переживаний, интеллектуальный анализ и традиционные телесные практики, процессуальную психотерапию и творчество*».

- Понятие **Self** используется также для именовании различных литературных и музыкальных серий: *Издательство София: Серия "Self-help"* (sophia.ru/series/seria31.html), посвященная проблемам самопознания и самоидентификации; *Виртуальная библиотека МИСТИКА. Проза. self* (www.sunhome.ru/modules.php/name/Prose); *mp3 архив > Музыка > Rock > Self* (mp3spy.ru/ru/band/BVQ9P78VE/self). Подобные именованния акцентируют интимизацию и креативность выбора читателя и слушателя, их соприсутствие (*Self-presence*) в осваиваемом культурном пространстве.

Таким образом, несмотря на немногочисленность примеров, в российском языковом сознании выстраивается концептосфера понятия **Self**, формируется философско-когнитивное единство в освоении реальности как онлайн, так и оффлайн, представителей американской и славянской культур.

Это положение подтверждается и исследованиями проблем самоидентификации и самопрезентации личности в пространстве Интернета. Ироническая оценка самопрезентации личности в Интернете содержится в словах Сириама, часто цитируемых в Сети: «Смотря на рост количества личных веб-страниц в Интернете, кажется, что очень скоро у каждого на Земле будет 15 МгБ славы» (<http://www.ciscosystems.am/en/US>).

Выводы. Итак, славянская и западная науки решают общую проблему самопознания и самоидентификации человека в современном мире. Разными путями ученые нашли единый инструментарий в решении этой задачи – гипертекст Сети.

Социально-психологических причин обращенности современных людей к Сети может быть много, но основных три: неудовлетворенность миром и моделью его описания, желание самоидентифицироваться, ответить на вопрос «Кто Я?», стремление к коммуникации.

Как нам кажется, эти изменения связаны с процессом глобализации, обращенностью общества к гендерным проблемам, изменением социально-политических приоритетов.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bi>.
2. Бердяев Н. Самопознание. – М.: Вагриус, 2003. – 330с.
3. Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина. – <http://vestnik.rsuh.ru/78/st78.htm>.
4. Карпов В.Н. О самопознании// Странник: духовный учено-литературный журнал, 1860. – Т.1. – Отд.2. – С. 17-34. – <http://www.nationalism.or/russamos>
5. Кон И.С. В поисках себя. – <http://psylib.org.ua/books/konis01/txt06.htm>.
6. Мамардашвили М. Идея преемственности и философская традиция. – <http://safety.spbstu.ru/el-book/www.mamardashvili.ru/texts/interviev/tradizija.htm>.
7. Трубецкой Н.С. Идея выживания. – http://www.hrono.ru/statii/ist_nacion.html.
8. Wood J. Interpersonal Communication Everyday. – USA: University of South Dakota, 2004. – 444p.

Поступила в редакцию 09.02.2006

УДК 81'374=161.1:004.415

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Чепик Е.Ю.

В современной лингвистике развитие лексикографии определяется как «степень моделирования языковой системы» [14, с.27]. В рамках данной статьи мы рассматриваем одно из *актуальных* направлений компьютерной лингвистики – лексикографическое моделирование, целью которого является систематизация и классификация семантического пространства политического дискурса.

Постановка проблемы. Очень важным для такого моделирования является определение важнейших понятийных категорий компьютерной лингвистики «фрейм» и «сценарий», так как «жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуаций)» [2, с.137].

Что понимается под фреймом при лексикографическом подходе? Большинство лингвистов рассматривает фрейм как категорию мыслительную, единицу памяти, особым образом организованную структуру представления знаний о том или ином явлении (М. Минский, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др. [11]). Знание о явлении представляется в виде важнейших признаков, которые составляют суть этого явления. Эти представления существуют в сознании человека и образуют понятийные (концептуальные) «блоки», определяющие наше виденье действительности, наше восприятие и членение окружающего мира, а также обуславливающие национальную специфику стереотипов как поведенческих в целом, так и коммуникативных – в частности. Важным для определения фрейма является понимание того, как происходит структурирование нашего знания о том или ином явлении действительности и как проявляются понятийные блоки в языковом сознании. Процесс концептуализации связан, на наш взгляд, с ассоциативно-вербальными сетями [8], слотами [12], набор которых формирует в сознании человека фрейм-структуру. При восприятии и понимании произнесенной языковой структуры, например слова, в сознании языковой личности возникают ассоциации, которые помогают ей идентифицировать услышанное слово с уже известными ключевыми словами, хранящимися в сознании и дающими имя слоту. Через понимание слота или нескольких слотов, поскольку в сознании происходит цепочка подобных ассоциаций, реципиент определяет фрейм, который имелся в виду в данном высказывании.

Таким образом, под фреймом понимается особым образом организованная структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации.

Фрейм фиксирует прежде всего те факты, которые характерны и типичны для данной культуры. Он закрепляет стандартные, стереотипные способы действия субъекта в какой-либо типичной ситуации и тем самым регулирует поведение человека (в том числе и речевое). Механизм регулирования М. Минский представляет так: человек, оказавшись в определенной ситуации, извлекает из памяти соответствующую структуру

знаний о ней – фрейм, которую при необходимости корректирует применительно к реальности [12, с.250].

В отличие от фрейма, сценарий – это процедурный способ представления стереотипного знания, который формулируется в терминах алгоритма или инструкции. Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, в процессе создания ключевыми словами и идеями текста тематических (сценарных) структур, извлекаемых из памяти на основе стандартных, стереотипных значений.

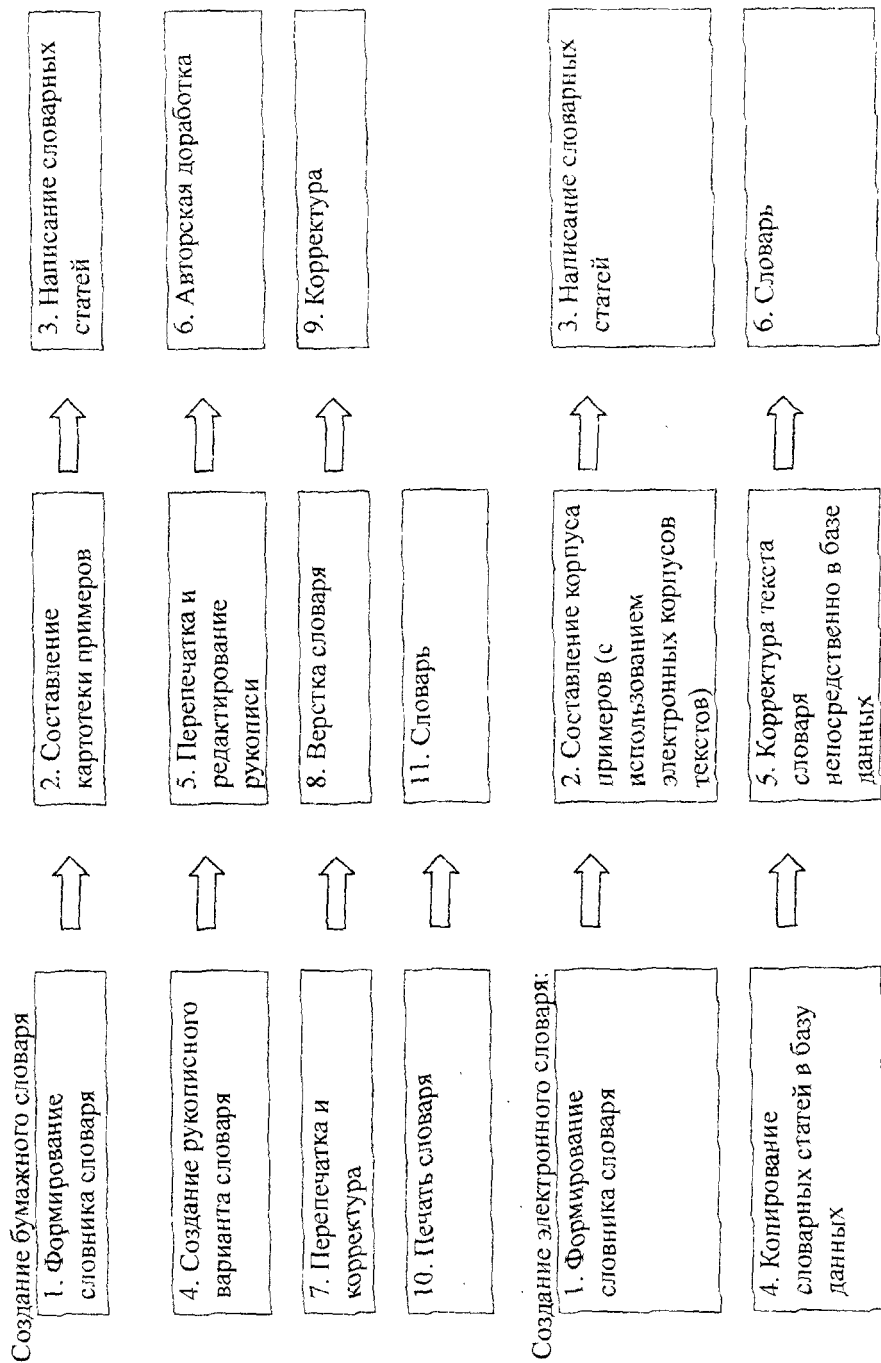
Определенным образом организованный набор структур знаний формирует «модель мира» когнитивной системы и ее компьютерной модели. В системах искусственного интеллекта модель мира образует особый блок, в который в зависимости от выбранной архитектуры могут входить общие знания о мире (в виде простых пропозиций типа «летом жарко» или в виде правил продукций «если на улице холодно, то надо надеть теплые вещи»), некоторые специфические факты («Самое соленое море в мире – Красное»), а также ценности и их иерархии.

В инструментальном аспекте знание может быть воплощено в совокупности дескрипций (описаний), в наборе данных, с одной стороны, и в алгоритме, инструкции, которую выполняет компьютерная или какая-либо другая модель когнитивной системы, – с другой [17].

В рамках компьютерной лексикографии разрабатываются компьютерные технологии составления и эксплуатации словарей. Специальные программы – базы данных, компьютерные картотеки, программы обработки текста – позволяют в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить словарную информацию и обрабатывать ее. Иллюстрацией особенностей создания электронного словаря по сравнению с бумажным может служить следующая схема:

В отечественной лексикографической практике различные компьютерные лексикографические программы разделяются на две большие группы: с одной стороны, программы поддержки лексикографических работ и, с другой стороны, автоматические словари различных типов, включающие лексикографические базы данных. Автоматический словарь – это словарь в специальном машинном формате, предназначенный для использования на ЭВМ пользователем или компьютерной программой обработки текста. Иными словами, различаются автоматические словари конечного пользователя-человека и автоматические словари для программ обработки текста. Автоматические словари, предназначенные для конечного пользователя, по интерфейсу и структуре словарной статьи существенно отличаются от автоматических словарей, включенных в системы машинного перевода, системы автоматического реферирования, информационного поиска и т.д. Такие словари создаются как самостоятельные лексикографические продукты (так, например, БРУМС (Большой русский морфемный словарь) [10], словари рифм русского языка [9], частотные словари словоформ и др.) Но чаще всего они являются компьютерными версиями хорошо известных обычных словарей. Так, в сфере программного обеспечения имеются компьютерные аналоги толковых словарей английского языка (автоматический Webster, автоматический вариант Нового большого англо-русского словаря под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой), существует и компьютерная версия словарей С.И. Ожегова, Н.Д. Ушакова, В.И. Даля и т.д.

Схема 1. Сравнительный анализ этапов создания бумажного и электронного словаря

В настоящее время в компьютерной лексикографии под электронным словарем принято понимать «словник, процедуры укладання якого здійснює комп'ютер» [7, с.54].

Для электронной лексикографии особое значение имеет идея гипертекста как основного способа организации виртуального текстового пространства. А.Н. Баранов рассматривает гипертекст с нескольких позиций: «С одной стороны, это особый способ представления, организации текста, с другой – новый вид текста, противопоставленный по многим своим свойствам обычному тексту, сформированному в гутенберговской традиции книгопечатания. И, наконец, это новый способ, инструмент и новая технология понимания текста» [3, с.31-32]. Принимая позицию Р.К. Потаповой, под гипертекстом мы понимаем «соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания и технической среды, технических средств, дающих человеку возможность осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [13]. Надо отметить, что практическая ценность гипертекста в компьютерной лексикографии состоит в том, что он описывает тип интерактивной среды с возможностями переходов по ссылкам. Ссылки, которыми являются слова, фразы или рисунки, позволяют пользователю выбирать тот или иной текст или рисунок и выводить на экран связанные с ним сведения и материалы мультимедиа. Нелинейный характер гипертекста дает возможность формирования информации в виде разветвленной структуры, что позволяет в значительной степени расширить рамки словарной статьи и переосмыслить традиционное понимание термина «композиция». В контексте электронного словаря композицией можно было бы назвать его пользовательский интерфейс. Но это лишь «внешнее» представление композиции, т.е. то, что находится на поверхности. В действительности пользователь может создавать свою собственную композицию, активизируя ту или иную информацию в соответствии с его запросом. Надо отметить, что наличие определенных композиционных компонентов является весьма существенным для стадии формирования электронного словаря. Так, для описания структуры электронного словаря политической лексики обратимся к макроструктуре и микроструктуре словаря, где макроструктура – общая структура словаря, т.е. содержание и связь его частей, а микроструктура – это формат словарных статей и параметры его заполнения.

Макроструктура электронного словаря в линейной последовательности во многом повторяет макроструктуру традиционного бумажного словаря. Составные части макроструктуры электронного лексикографического издания легко просматриваются: предисловие, правила пользования, список используемых сокращений, корпус, грамматический очерк, различные списки (например, списки источников).

Но если бумажный словарь подразумевает упорядоченность этих блоков по приведенному нами списку, то в электронном словаре благодаря гипертекстовому устройству каждый из них может быть активизирован в любой очередности в зависимости от желания пользователя.

Рассмотрим специфику микроструктуры глоссария. Электронный словарь повторяет структуру словарной статьи своего «бумажного» аналога. Важно отметить, что взаимоотношения между частями словарной статьи не являются линейными и структурирование в словаре такого типа подчиняется законам гипертекста. Словарная статья имеет четкую логическую структуру с иерархическими связями между элементами. Каждая информационная категория занимает здесь строго фиксированное место, или зону [15]. Пользователь, проявляя интерес к той или иной информации,

запрашивает определенный параметр и получает доступ к отдельным фрагментам статьи. В соответствии с запросом активизируется лишь отдельно взятая зона, поэтому нет необходимости просматривать всю статью. Другими словами, электронный словарь берет на себя функцию вычленения необходимой информации и ее преобразования в наиболее удобную для потребителя форму. Следовательно, создатели электронного словаря могут предусмотреть довольно большое количество словарных входов, позволяющее пользователю легко и быстро получать любую необходимую ему информацию. Так, например, электронный словарь политической лексики [16] обеспечивает двухканальный вход в словарную статью – через меню прокрутки, где представлены все лексемы словаря, а также через поле поиска.

Возможности книжного словаря, касающиеся количества входов в словарь, ограничены. Так, абсолютное большинство словарей использует алфавитный принцип организации словарного материала, и это обеспечивает единственный вариант входа в словарь. Поскольку внутренняя структура электронного словаря невидима пользователю, она может быть совсем не алфавитной, пользователь видит лишь конечный результат – не обязательно считанную, а, скорее всего, синтезированную в момент ответа на запрос словарную статью [1]. Поэтому в компьютерной лексикографии традиционные проблемы алфавитного расположения словарных статей отсутствуют.

В словаре все информационные блоки, заложенные в словарную статью, самодостаточны, но в то же время могут функционировать в качестве ценного дополнения по отношению друг к другу. Таким образом, в электронном словаре становится возможным вариант лексикографического моделирования, при котором появление на экране той или иной зоны словарной статьи осуществляется по выбору пользователя.

Выводы.

1. Компьютерная лексикография представляет собой одно из интересных и актуальных направлений прикладной лингвистики, формирующееся в последние десятилетия на базе лингвистического обеспечения информационных систем разных типов.

2. В лексикографическом моделировании необходимым условием является организация набора структур знаний, формирующая концептуальную «модель мира».

3. Основными принципами создания виртуального лексического пространства являются стратегии гипертекста, что позволяет по-новому рассматривать методы семантизации лексики.

Список литературы

1. Андрущенко В.М. Автоматизация в лексикографии. Современное состояние и новые возможности // Советская лексикография. – М.: Русский язык, 1988. – С.201-224.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
4. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие / М.А.Бовтенко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 216 с.
5. Богуславский И.М. Аннотированный корпус русских текстов: концепция, инструменты разметки, типы информации// Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог-2000». – Протвино, 2000.

6. Зубов А.В. Информационные технологии в лингвистике: Учеб. пособие для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений/ А.В.Зубов, И.И.Зубова – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
7. Карпіловська Є.А. Вступ до прикладної лінгвістики: комп'ютерна лінгвістика: Підручник. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. – 188 с.
8. Красных В.В. К вопросу о лингвокогнитивных аспектах коммуникативного акта // Науч.докл.филол.ф-та МГУ. – М., 1998. – Вып. 2. –374с.
9. Кретов А.А., Воронина И.Е., Кунаковская О.В.. Программа для формирования словаря рифм русского языка. Программное средство. Зарегистрировано в Государственном фонде алгоритмов и программ Российской Федерации (регистрационный номер 50990000172 от 6.12.99)
10. Кретов А.А. Теоретические и практические аспекты создания морфемного словаря // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация».– 2002. – № 2.
11. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов/ Под ред. Е.С. Кубряковой. – М.,1996. –245 с.
12. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. – М., 1978. – 403 с.
13. Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика. – М.: МГЛУ, 2002. – 575 с.
14. Проблемы построения лингвистического обеспечения образовательных систем высшей школы: Сборник научных статей. / Сост. В.В. Дубичинский. К.А. Метешкин, Л.А. Федорченко. – Харьков.: МСУ, 2005. – 106 с.
15. Убин И.И. Автоматический словарь как средство автоматизации лексикографических работ// Теория и практика научно-технической лексикографии: Сборник статей. – М.: Русский язык, 1988. – С. 234-240.
16. Чепик Е.Ю. Политическое слово в структуре электронного словаря // Культура народов Причерноморья. – 2005. – №69. – С.205-210.
17. <http://www.krugosvet.ru/articles/92/1009220/print.htm> – проверено 2.04.2006

Поступила в редакцию 14.02.2006 г.

АННОТАЦИИ

Богданович Г.Ю., Ефимов С.А. **О языке общения и национальной самоидентификации в мультикультурной среде** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.3-10.

В статье презентованы данные социолингвистических наблюдений за активными носителями языка, проявляющие языковую личность в условиях мультикультурной среды.

Ключевые слова: национальная самоидентификация, язык общения, полилингвокультурная ситуация, полилингвокультурный феномен, мультикультурная среда

Бондаренко К.И. **Крымская государственность: проблемы и перспективы становления** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.11-14.

Исследуются исторический и политический аспекты становления крымской государственности и перспективы развития «крымской идеи».

Ключевые слова: крымская государственность, национальность, депортация, этнос

Богданович Г.Ю., Новикова Т.Ю., Мартынюк А.Я. **Лингвокультурологическая компетенция в условиях полиэтничной среды: к постановке вопроса** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.15-26.

В статье обсуждается проблема формирования лингвокультурологической компетенции в условиях полиэтничного пространства. На основе социологических опросов производится диагностика лингвокультурологической ситуации Крыма, представляющей собой «перекресток цивилизаций».

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, языковой плюрализм, поликультурность, доминирующие языки, лингвокультурная ситуация

Исаев М.И. **Украинско-русские языковые взаимосвязи. Современный социокультурологический взгляд** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.27-29.

В статье рассмотрены исторические предпосылки, а также современные контакты русского и украинского языков.

Ключевые слова: билингвизм, русский язык, украинский язык

Карпенко А.В. **Языковые знаки как парадигма лингвокультурологического пространства** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.30-34.

В статье исследованы проблемы языкового знака как несущего основания современной лингвистики. Рассмотрены различные функции языковых знаков и их соотношенность с другими знаками. Предлагается рассмотрение языковых знаков и их трактовка основоположниками современной лингвистики. Дается определение синтактики как науки о формальной структуре знаков и семантики как отношения знаков к объектам, а также характеристика знака как объекта семиотики в целом.

Ключевые слова: десигнат, интерпретатор, лингвистика, семантика, семиотика, синтактика, языковые знаки

Карпенко У.А. **Концепт «Бой» в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.35-39.

В статье анализируется концепт «Бой» и его реализация в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции. Отмечаются общекультурные и национально-специфические признаки.

Ключевые слова: концепт, культурно-языковая традиция

Куденко Е.В. **Специфика межкультурной коммуникации (на примере этнических армян Крыма)** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.40-46.

Характеризуются культурно-языковые особенности межатничного общения, анализируются формулы речевого этикета, рассматриваются этические и этнические концепты. Методы исследования: социолингвистические (опрос, анкетирование); контрастивный анализ (межъязыковые сопоставления); метод группировок (возрастной, гендерный признаки).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этические и этнические концепты, речевой этикет

Кузнецова Т.В. **К вопросу о специфике современной межкультурной коммуникации** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.47-50.

В статье проанализированы тенденции современной межкультурной коммуникации, для которой характерны противодействующие тенденции: глобализация и локализация (как на уровне территориальных вариантов национальных языков, так и на уровне социальных групп).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, глобализация, локализация, заимствование, социолект

Новикова М.А. **Малая Родина, Великая Родина (Концепты при переводе текстов патриотического дискурса)** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.51-53.

В сообщении рассматривается концепт «родина» в его региональном (субнациональном), национальном и интеркультурном (здесь: переводческом) аспектах. Особое внимание уделяется ассоциативности и оценочности как базисным категориям при формировании этого концепта.

Ключевые слова: концепт, Родина, региональные, национальные, интеркультурные аспекты концепта, ассоциативность, оценочность

Сидельников В.П., Сушинская И.М. **Проблема языковой идентификации личности** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.54-58.

В статье рассматривается вопрос языковой идентификации личности в современном коммуникативном пространстве. В работе дано определение понятия «родной язык», обозначены причины его разночтений. Авторы акцентируют внимание на дуалистической природе языка, определяют доминантные факторы функционирования того или иного языка как государственного.

Ключевые слова: «материнский язык», родной язык, языковая личность, государственный язык, этнос, языковая группа

АННОТАЦИИ

Синица И.А. К вопросу о лингвокультурном взаимодействии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.59-62.

В статье исследуется проблема взаимодействия сознания, языка и культуры. Билингвизм рассматривается как одно из средств взаимодействия между различными языками, сознаниями и культурами.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, текст

Шаклеин В.М. Особенности современной публичной межкультурной коммуникации в странах СНГ // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.63-69.

В статье на материале газетных публикаций и телевизионных передач проведен сопоставительный анализ публичной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: картина мира, публичность, межкультурная коммуникация

Евграфова А.О. Проблема билингвизма на этнорегиональном уровне (Слобожанщина: Сумская область) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.70-74.

Статья посвящена этнорегиональным языковым контактам. Рассматривается экстралингвистическая основа формирования двуязычия на Сумщине.

Ключевые слова: билингвизм, национальный состав населения, диалектная речь

Мартынюк А.Я. Еще раз о билингвизме и двуязычии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.75-79.

В статье рассмотрены вопросы билингвизма и двуязычия. Представлены критерии, положенные в основу классификаций билингвизма.

Ключевые слова: язык, билингвизм, двуязычие, межкультурная коммуникация

Рудая Е.Г. Языковая стойкость и языковая толерантность билингва в Украине // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.80-83.

В статье рассматривается коммуникативное поведение представителей украинской лингвокультурной группы в Украине сегодня. Проблема понимания в билингвальном обществе анализируется в свете социально-психологической концепции. Проанализированы ситуации «неудачного» общения в современном украинском устном дискурсе.

Ключевые слова: языковая ситуация, билингвизм, языковая стойкость, языковой конфликт

Черемская О.С. Явления лексической и грамматической интерференции в современном украинском литературном языке (на материале СМИ Харьковской области XXI века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.84-87.

В статье на материале СМИ Харьковской области начала XXI века анализируются изменения в лексическом составе и грамматической системе современного украинского литературного языка, которые происходят вследствие интерференционного влияния русского языка. Предпринята попытка типологизации выявленных интерференционных явлений.

Ключевые слова: билингвизм, взаимодействие языков, интерференция, заимствования, кальки

Герасименко И.А. **Функциональная семантика колоратива голубой** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.88-95.

Данная статья посвящена рассмотрению функциональной семантики колоратива *голубой* в русском языке. Цель статьи – раскрытие этнокультурной информации, которая закодирована в рассмотренном цветообозначении.

Ключевые слова: функциональная семантика, колоратив, коннотация, национально-культурный компонент

Гонобоблева С.Л. **Перспективы изучения рукописного «Черновика Я.К. Грота» из Славянской библиотеки в Хельсинки** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.96-98.

В Славянской библиотеке Хельсинки хранится уникальный рукописный русско-шведско-финский словарь, который известен тем, что его атрибутировали выдающемуся русскому лексикографу Я.К. Гроту. В статье намечены перспективы изучения рукописи после первого этапа, включавшего исторический контекст и общую характеристику рукописи.

Ключевые слова: история переводной лексикографии, рукописный словарь, Я.К. Грот, русско-шведский словарь, русско-шведско-финский словарь

Горошко Е.И., Гапунова Н.Н. **Гендерно маркированная лексика** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.99-102.

В работе рассматривается вопрос гендерно маркированной лексики, приводится классификация гендерно маркированных слов. Работа предлагает описание особенностей данного вопроса в зависимости от того, какой язык является объектом изучения.

Ключевые слова: гендер, гендерно маркированная лексика, гендерный подход

Государская О.В. **Коммуникативные преимущества славянских языков** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.103-107.

В статье автор осуществляет сопоставление средств выражения аспектуальных характеристик глагольного действия, представленных в славянских и романских языках; формулирует критерии соответствия языковых структур потребностям успешной и комфортной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативные преимущества языка, экономия языковых средств, качество плана выражения, аспектуальные характеристики глагольного действия

Демецкая В.В. **Динамика функционирования концепта «политика» в политической речи: интралингвистическая адаптация** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.108-111.

В статье рассматривается динамика функционирования концепта «политика» в политической речи как типе текста. Анализируется интралингвистическая адаптация текстов политической речи с учетом культурно-исторических и идеологических ценностей культурных традиций.

Ключевые слова: концепт «политика», политическая речь, интралингвистическая адаптация, лингвокультурные традиции

Коновалова Е.А. Вопрос как вид риторического воздействия // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.112-120.

В статье дается обзор основных концепций, связанных с изучением вопросно-ответных риторических единств.

Ключевые слова: вопросно-ответные риторические единства, риторические техники

Кудрявцева Н.Г. Ассоциативное поле концепта Столица в сознании носителей русского языка (по материалам ассоциативного эксперимента) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.121-127.

В статье рассматривается структурно-семантическое содержание культурного концепта «столица».

Ключевые слова: культурный концепт, ассоциативный эксперимент, реакция

Салионович Л.Н. Особенности концептуализации гендерно маркированных лексических единиц в русских и украинских лексикографических трудах // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.128-132.

Статья посвящена изучению концептуализации гендерно маркированных лексических единиц. Проведен анализ некоторых дефиниций на материале русских и украинских словарей и определены особенности их концептуализации.

Ключевые слова: гендерный подход, гендерно маркированная лексика, особенности концептуализации, женщина/мужчина, мужественность/женственность

Сегал Н.А. Концепт как базовая категория когнитивной парадигмы (к определению термина) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.133-138.

Статья посвящена изучению концепта как одной из базовых категорий когнитивной лингвистики. В работе рассматриваются основные научные направления, определяются типологии и классификации данного феномена.

Ключевые слова: концепт, концептология, базовая категория

Синельникова Л.Н. Русскость в этическом пространстве славянства (на материале поэзии и философии) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.139-150.

В статье содержание концепта *русскость* выявляется на основе философского знания и поэтических рефлексий, обнаруживающих ряд константных этических признаков и противоречивых суждений.

Ключевые слова: этический концепт, русскость, парадоксальность, эмотив.

Шкурко Т.А., Должанская Е.И. К проблеме ономагенеза (на примере деонимной лексики в разных языках) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.151-154.

В данной статье рассмотрено явление деонимизации (апеллятивации) на примерах разных языков. Исследован семантический объем указанных единиц, пути их развития.

Ключевые слова: оним, деоним, апеллятив, имена собственные, антропонимы

Агаян Г.З. О типах межъязыковой лексической эквивалентности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.155-159.

В статье рассматриваются русско-армянские лексические эквиваленты: полные, стабильные и неполные, частичные. Работа написана на материале «Русско-армянского словаря» А.С. Гарибяна и русско-армянских отраслевых словарей.

Ключевые слова: соответствие, эквивалент, эквивалентность, лексический эквивалент, межъязыковые лексические отношения, лингвистический термин, межъязыковые лексические эквиваленты, равнозначность терминов

Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Ритуальная динамика англосаксонского властного дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.160-166.

В статье рассматриваются модели англосаксонского властного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, власть, коммуникация, коммуникативная модель

Башук А.И. Коммуникативно-стратегический анализ политического текста // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.167-171.

В статье проанализированы коммуникативные стратегии в ритуальных политических текстах. Сравнительный характер инаугурационных выступлений президентов Украины и России дает возможность выявить специфику реализации указанных стратегий.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, перформанс, ритуал, политический текст, контекстуальные стратегии, семантико-психологические стратегии

Бенина А.Е. Социокультурный статус рецензии в качестве разновидности рекламного дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.172-176.

Данная статья является попыткой лингвофилософского осмысления социокультурного статуса обычной рецензии (в отличие от рекламной) в качестве разновидности рекламного дискурса, анализа сходства этих двух явлений на основе совпадения их коммуникативных установок. Проанализированы особенности восприятия обычной рецензии и рекламы в эпоху постмодерна с учетом роли объективности и субъективности авторской оценки при восприятии рецензии адресатом.

Ключевые слова: рецензия, рекламный дискурс, лингвофилософское осмысление, постмодерн

Буц Н.В. Реализация лингвокультурологических факторов в русских переводах повести М. Коцюбинского "Fata morqana" // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.177-181.

В статье рассматривается отображение в русских переводах фразеологии повести М. Коцюбинского «Fata morqana».

Ключевые слова: фразеологизм, калька, опорные слова

Варфоломеева О.В. **Герменевтический анализ психотерапевтического дискурса: акмеологический аспект** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.182-185.

Профессиональная подготовка психотерапевтов обусловлена обострением психологических проблем современного человека. Интегративный характер акмеологии позволяет изучать в междисциплинарном контексте проблемы толкования дискурса: лингвистический, герменевтический, психотерапевтический контекст. Вербальное (интерпретационное) акме психотерапевтов – высокий показатель их профессионального становления.

Ключевые слова: акмеология, акме, психотерапия, дискурс, интерпретация

Гадомский А.К. **Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.186-192.

В настоящей статье идет речь о проблемах стилистики, разрабатываемых в рамках теолингвистики. Предпринимается попытка систематизации терминологии теолингвистики, имеющей отношение к данной проблеме.

Ключевые слова: религиозный язык, сакральный язык, культовый язык, библейский стиль, этнический конфессиональный стиль

Дорофеев Ю.В. **Текст как единица дискурса** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.193-197.

На материале художественных произведений в статье показаны особенности анализа текста как единицы дискурса, в котором текст 1) всегда выступает как ответ на предшествующее высказывание; 2) имеет конкретную функциональную направленность.

Ключевые слова: текст, дискурс, понимание текста, реакция на текст

Жулинская А.С. **Жанровое пространство религиозных текстов** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.198-203.

В статье дается характеристика жанрового пространства религиозных текстов, обозначаются параметры структурирования жанров теодискурса, а также описываются основные коммуникативные жанры теодискурса.

Ключевые слова: религиозный текст, теодискурс, жанры теодискурса

Зарецкий А.В. **Грамматический род ключевых слов в слоганах современного политического дискурса** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.204-208.

В статье исследуется частный случай дистрибуции категории грамматического рода в слоганах избирательных кампаний 2002 и 2004 годов в Украине. В первую очередь рассматривается функционирование политических и идеологических слоганов. Определен ряд гендерных закономерностей.

Ключевые слова: политический дискурс, слоган, грамматический род, гендер.

АННОТАЦИИ

Иванова Л.П. Сверхтекст как экспликатор ментального пространства // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.209-213.

В статье рассматривается ментальное пространство песен времен Великой Отечественной войны, квалифицируемых как сверхтекст. Ментальное пространство составляют концепты и ключевые слова культуры, прецедентные тексты, прецедентные имена, прецедентные события.

Ключевые слова: ментальное пространство, сверхтекст, концепт, ключевое имя культуры, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное событие

Кислухина М.В. Интеллектуализация языка: аспекты ретерминологизации и межотраслевой полисемии (на материале английских субстантивных терминов сельскохозяйственной и почвенной микробиологии) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.214-217.

В статье рассматривается явление семантической модификации именно в рамках терминосистемы сельскохозяйственной и почвенной микробиологии и такие процессы, как ретерминологизация и межотраслевая полисемия.

Ключевые слова: термин, ретерминологизация, интеллектуализация, терминология, межотраслевая полисемия

Колосова Е.И. Несколько замечаний о проблемах перевода родственных языков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.218-221.

В данной статье поднимается ряд проблем, возникающих при переводе, изучении и сопоставлении родственных языков, таких как русский и польский. Особое внимание уделено идиоматике обоих языков, так как сопоставительное изучение фразеологии позволяет определить малейшие оттенки в восприятии окружающей действительности носителями разных языков и культур, а также предупредить возможный конфликт при коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, идиоматика

Кузьмин П.В. Дискурс как способ политической деятельности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.222-227.

В статье анализируются подходы к выяснению сущности дискурса в политике, формулируются проблемы и противоречия утверждения дискурсивного способа деятельности в украинской общественной системе.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, политическая деятельность

Лебедева Н.М., Посылина Е.С. Параметры анализа выступления в политическом дискурсе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.228-231.

В данной статье изучаются параметры анализа политического выступления как типа текста. Политическая речь рассматривается как один из типов информативно-персуазивных политических текстов и языковых действий.

Ключевые слова: политический дискурс, текст, тип текста, политическое выступление, адресат, выразительные средства, синтаксические средства, параметр

АННОТАЦИИ

Ли Же **Дискурс как единица исследования: научные школы, понимание термина** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.232-237.

В статье рассматривается проблема определения дискурса как категории коммуникации, описываются различные подходы к интерпретации термина дискурс в современных научных школах.

Ключевые слова: текст, дискурс, коммуникативное событие, коммуникация

Пономаренко И.Н. **Фрактальные параметры нелинейного пространства текста** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.238-241.

Несмотря на значительное количество фундаментальных исследований текста и разнообразие представленных в них концепций, проблема изучения художественного текста с точки зрения проявления фрактальных, как и лежащих в их основе симметричных параметров, до сих пор не рассматривалась.

Ключевые слова: художественный текст, симметричные характеристики, фрактал, интертекст, гипертекст, постмодернизм

Селиванова Е.А. **Ономаσιологическая связность как фактор концептуализации художественного текста** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.242-246.

Статья посвящена исследованию концептуализирующих функций ономасиологической связности в художественном тексте, которая рассматривается как дублирование компонентов номинативных структур единиц и механизма их создания. Данный тип связности может служить средством репрезентации текстового концепта-идеи и подчиненных ему тематических, аксиологических, антропоцентрических, культурных, идеологических и др. концептов.

Ключевые слова: концепт, ономасиологическая структура, связность текста

Соловей А.С. **Политический документ и другие типы текстов в политическом дискурсе: к проблеме перевода** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.247-251.

Статья представляет собой исследование типов текста политического дискурса в контексте стратегии их перевода. Автор анализирует соотношение между политическими документами и другими типами политического текста и объясняет переводческую специфику при работе с данными типами текста.

Ключевые слова: политический текст, политический документ, тип текста, перевод

Шамраенко Е.Н. **Уровень восприятия сильных позиций текста** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.252-255.

В статье представлен результат экспериментального исследования функциональной роли начального и конечного сегментов текста (на материале короткого рассказа)

Ключевые слова: сильные позиции текста, начало и концовка, короткий рассказ, эксперимент

АННОТАЦИИ

Шевчук-Черногородова М.А. **Системные отношения в корпусе английских фразеологизмов с компонентами цветообозначения** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.256-262.

В статье анализируются системные отношения фразеологизмов с компонентами цветообозначения в английском языке. Рассматриваются особенности системных отношений, проявляющихся в полисемии, синонимии, антонимии и омонимии, во всех структурных группах и типах фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент цветообозначения, полисемия, омонимия, антонимия, синонимия

Забело И.В. **Компьютерный сленг в современном русском языке** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.263-268.

В статье рассматриваются причины появления компьютерного сленга, пути и способы образования компьютерного сленга.

Ключевые слова: калька, полукалька, фонетическая мимикрия, перевод

Компанцева Л.Ф. **Интернет как когнитивно-прагматическое пространство вхождения концепта self в славянское самосознание** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.269-273.

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические аспекты славянской философии самопознания в сопоставлении с Self-концепцией американской гносеологии.

Ключевые слова: Self, гипердискурс, концепт, концептосфера, самопознание

Чепик Е.Ю. **Компьютерная лексикография как одно из направлений современной прикладной лингвистики** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.274-279.

В статье рассматриваются приоритеты компьютерной лексикографии на современном этапе, а также новые возможности лексикографического моделирования как метода описания семантики слова.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, гипертекст, электронный словарь

АНОТАЦІЇ

Богданович Г.Ю., Єфімов С.О. **Про мову спілкування та національну самоідентифікацію в мультикультурному середовищі** // Ученіе запіскі Таврічского національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.3-10.

У статті презентовано результати соціологічних спостережень за активними носіями мови, які висвітлюють мовну особистість в умовах полікультурного середовища.

Ключові слова: національна самоідентифікація, мова спілкування, полілінгвокультурна ситуація, полілінгвокультурний феномен, мультикультурне середовище

Бондаренко К.І. **Кримська державність: проблеми та перспективи становлення** // Ученіе запіскі Таврічского національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.11-14.

Досліджуються історичний та політичний аспекти становлення кримської державності та перспективи розвитку «кримської ідеї».

Ключові слова: кримська державність, національність, депортація, етнос

Богданович Г.Ю., Новікова Т.Ю., Мартинюк Г.Я. **Лінгвокультурологічна компетенція в умовах поліетнічного середовища: до постановки питання** // Ученіе запіскі Таврічского національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.15-26.

У статті обговорюється проблема формування лінгвокультурологічної компетенції в умовах поліетнічного простору. На основі соціологічних опитувань виробляється діагностика лінгвокультурологічної ситуації Криму, що представляє собою „перехрестя цивілізацій”.

Ключові слова: лінгвокультурологічна компетенція, мовний плюралізм, полікультурність, лінгвокультурная ситуація

Ісаєв М.І. **Україно-російські мовні взаємозв'язки. Сучасний соціокультурологічний погляд** // Ученіе запіскі Таврічского національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.27-29.

У статті розглянуто історичні передумови, а також сучасні контакти російської й української мов.

Ключові слова: білінгвізм, російська мова, українська мова

Карпенко Г.В. **Мовні знаки як парадигма лінгвокультурологічного простору** // Ученіе запіскі Таврічского національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.30-34.

У статті досліджені проблеми мовного знака як підстави, на якій базується сучасна лінгвістика. Розглянуто різні функції мовних знаків і їхня співвіднесеність з іншими знаками. Пропонується розгляд мовних знаків і їхнє трактування засновниками сучасної лінгвістики. Дається визначення синтактики як науки про формальну структуру знаків і семантики як відношення знаків до об'єктів, а також характеристика знака як об'єкта семіотики в цілому.

Ключові слова: десигнат, інтерпретатор, лінгвістика, семантика, семіотика, синтактика, мовні знаки

Карпенко У.О. **Концепт «Бій» у російській, англійській та італійській культурно-мовній традиції** // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.35-39.

У статті аналізується концепт «Бій» у російській, англійській та італійській культурно-мовній традиції. Визначаються загальнокультурні та національно-специфічні риси.

Ключові слова: концепт, культурно-мовна традиція

Куденко К.В. **Специфіка міжкультурної комунікації (на прикладі етнічних вірмен Криму)** // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.40-46.

Характеризуються культурно-мовні особливості міжетнічного спілкування, аналізуються формули мовленнєвого етикету, розглядаються етичні та етнічні концепти. Методи дослідження: соціолінгвістичні (опитування, анкетування); контрастивний аналіз (міжмовні порівняння); метод групування (вікова, гендерна ознаки).

Ключові слова: міжкультурна комунікація, етичні та етнічні концепти, мовленнєвий етикет

Кузнєцова Т.В. **До питання про специфіку сучасної міжкультурної комунікації** // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.47-50.

У статті проаналізовано тенденції сучасної міжкультурної комунікації, для якої характерні протилежні тенденції: мовна глобалізація та локалізація (як на рівні територіальних варіантів національних мов, так і на рівні соціальних груп).

Ключові слова: міжкультурна комунікація, глобалізація, локалізація, запозичення, соціолект

Новікова М.О. **Мала Вітчизна, Велика Вітчизна (Концепти при перекладі текстів патріотичного дискурсу)** // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.51-53.

У повідомленні розглядається концепт «вітчизна» в його регіональному (субнаціональному), національному та інтеркультурному (тут: перекладацькому) аспектах. Особлива увага приділяється асоціативності та оцінці як базовим категоріям у формуванні даного концепту.

Ключові слова: концепт, Вітчизна, регіональний, національний, інтеркультурні аспекти концепту, асоціативність, оцінка

Сідельніков В.П., Сушинська І.М. **Проблема мовної ідентифікації особистості** // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.54-58.

У статті розглядається проблема мовної ідентифікації особистості у сучасному комунікативному просторі. З'ясовуються причини різотлумачень поняття «рідна мова». Акцентовано увагу на дуалістичній природі мови, окреслено домінуючі чинники функціонування тієї або іншої мови як державної.

Ключові слова: «материнська мова», рідна мова, мовна особистість, державна мова, етнос, мовна група

Синица І.А. До питання про лінгвокультурну взаємодію // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.59-62.

У статті аналізується питання взаємодії свідомості, мови та культури. Білінгвізм розглядається як один із засобів взаємодії між різними мовами, свідомостями, культурами.

Ключові слова: мова, культура, комунікація, текст

Шаклеїн В.М. Особливості сучасної публічної міжкультурної комунікації у країнах СНД // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.63-69.

У статті на матеріалі газетних публікацій і телевізійних передач проведений зіставний аналіз публічної міжкультурної комунікації.

Ключові слова: картина світу, публічність, міжкультурна комунікація

Євграфова А.О. Проблема білінгвізму на етнорегіональному рівні (Слобожанщина: Сумська область) // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.70-74.

Стаття присвячена етнорегіональним мовним контактам. Розглядається екстралінгвістична основа формування двомовності на Сумщині.

Ключові слова: білінгвізм, національний склад населення, діалектне мовлення

Мартинюк А.Я. Ще раз про білінгвізм і двомовність // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.75-79.

У статті розглянуті питання білінгвізму і двомовності. Представлено критерії, покладені в основу класифікацій білінгвізму.

Ключові слова: мова, білінгвізм, двомовність, міжкультурна комунікація

Руда О.Г. Мовна стійкість і мовна толерантність білінгва в Україні // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.80-83.

У статті розглянуто питання перемикання з мови на мову у білінгвальному суспільстві, мотивації вибору мови спілкування.

Ключові слова: мовна ситуація, білінгвізм, мовна стійкість, мовний конфлікт

Черемська О.С. Явища лексичної та граматичної інтерференції в сучасній українській літературній мові (на матеріалі ЗМІ Харківщини ХХІ ст.) // Ученіе запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.84-87.

У статті на матеріалі ЗМІ Харківщини початку ХХІ ст. аналізуються зміни в лексичному складі та граматичній системі сучасної української літературної мови, що виникли внаслідок інтерференційного впливу російської мови. Проведено типологізацію виявлених інтерференційних явищ.

Ключові слова: білінгвізм, мовна взаємодія, інтерференція, запозичення, кальки

Герасименко І.А. Функціональна семантика колоратива голубий // Ученіе запіскі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.88-95.

Стаття присвячена дослідженню функціональної семантики колоратива *голубий* у російській мові. Метою є розкриття етнокультурної інформації, що закодована у розглянутому колоративі.

Ключові слова: функціональна семантика, колоратив, конотація, національно-культурний компонент

Гонобоблева С.Л. Перспективи вивчення рукописного "Черновика Я.К. Грота" з Слов'янської бібліотеки у Гельсінкі // Ученіе запіскі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.96-98.

У Слов'янській бібліотеці Гельсінкі зберігається унікальний рукописний російсько-шведсько-фінський словник, що відомий тим, що його автором називали славетного російського лексикографа Я.К. Грота.

Ключові слова: історія перекладацької лексикографії, рукописний словник, Я.К. Грот, російсько-шведський словник, російсько-шведсько-фінський словник

Горошко О.І., Галунова Н.М. Гендерно маркована лексика // Ученіе запіскі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.99-102.

У роботі розглядаються питання гендерно маркованої лексики, подається класифікація гендерно маркованих слів. Описані особливості даного питання в залежності від того, яка мова є об'єктом вивчення.

Ключові слова: гендер, гендерно маркована лексика, гендерний підхід

Государська О.В. Комунікативні переваги слов'янських мов // Ученіе запіскі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.103-107.

У статті автор здійснює зіставлення засобів вираження аспектуальних характеристик дієслівної дії, представлених в слов'янських та романських мовах; формулює критерії відповідності мовних структур потребам успішної та комфортної комунікації.

Ключові слова: комунікативні переваги мови, економія мовних засобів, якість плану вираження, аспектуальні характеристики дієслівної дії

Демецька В.В. Динаміка функціонування концепту „політика” у політичній мові: інтралінгвістична адаптація // Ученіе запіскі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.108-111.

Стаття розглядає динаміку функціонування концепту «політика» в політичній промові як типі тексту. Аналізується інтралінгвістична адаптація текстів політичної промови з урахуванням культурно-історичних та ідеологічних цінностей культурних традицій.

Ключові слова: концепт «політика», політична промова, інтралінгвістична адаптація, лінгвокультурні традиції

Коновалова О.А. Питання як вид риторичної сугестії // Ученіе запіскі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.112-120.

У статті дається огляд основних концепцій, пов'язаних з вивченням питально-відповідальних риторичних єдностей.

Ключові слова: питально-відповідальні риторичні єдності, риторичні техніки

Кудрявцева Н.Г. Асоціативне поле концепту Столиця у свідомості носіїв російської мови (за матеріалами асоціативного експерименту) // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.121-127.

У статті розглядається структурно-семантичний зміст культурного концепту «столиця».

Ключові слова: культурний концепт, асоціативний експеримент, реакція

Саліонович Л.М. Особливості концептуалізації гендерно маркованих лексичних одиниць у російських і українських лексикографічних джерелах // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.128-132.

Стаття присвячена концептуалізації гендерно маркованих одиниць. Проведено аналіз деяких лексичних дефініцій на матеріалі російських і українських словників і виявлені особливості концептуалізації даних одиниць.

Ключові слова: гендерний підхід, гендерно маркована лексика, особливості концептуалізації, чоловік/жінка, мужність/жіночість

Сегал Н.А. Концепт як базова категорія когнітивної парадигми (визначення терміну) // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.133-138.

Стаття присвячена вивченню концепту як однієї з базових категорій когнітивної лінгвістики. У роботі розглядаються основні наукові напрямки, визначаються типології і класифікації цього феномену.

Ключові слова: концепт, концептологія, базова категорія

Сительникова Л.М. „Руськість” в етичному просторі слов'янства (на матеріалі поезії і філософії) // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.139-150.

У статті зміст концепту „русскость” виявлено на тлі філософського знання та поетичних рефлексій, які вміщують константні етичні ознаки і суперечливі судження.

Ключові слова: етичний концепт, руськість, парадоксальність, емотив

Шкурко Т.А., Должанська О.І. До проблеми ономагенезу (на прикладі деонімної лексики в різних мовах) // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.151-154.

У даній статті розглянуто явище деонімізації (апелятивації) на прикладах різних мов. Досліджено семантичний об'єм названих одиниць, шляхи їх розвитку.

Ключові слова: онім, деонім, апелятив, імена власні, антропоніми

Агаян Г.З. Про типи міжмовної лексичної еквівалентності // Ученіе запіскі Таврічеського національного універсітета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.155-159.

У статті розглянуто російсько-вірменські лексичні еквіваленти: повні, стабільні та неповні, часткові. Роботу виконано на матеріалі „Російсько-вірменського словника” А.С. Гарібяна і російсько-вірменських галузевих словників.

Ключові слова: відповідність, еквівалент, еквівалентність, лексичний еквівалент

Астафурова Т.М., Олянич А.В. Ритуальна динаміка англосаксонського владного дискурсу // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.160-166.

У статті розглядаються моделі англосаксонського владного дискурсу

Ключові слова: дискурс, влада, комунікація, комунікативна модель

Башук А.І. Комунікативно-стратегічний аналіз політичного тексту // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58) – №2. – С.167-171.

У статті проаналізовано комунікативні стратегії у ритуальних політичних текстах. Порівняльний характер інаугураційних промов президентів України та Росії дає можливість з'ясувати специфіку реалізації зазначених стратегій.

Ключові слова: комунікативні стратегії, перформанс, ритуал, політичний текст, контекстуальні стратегії, семантико-психологічні стратегії

Беніна Г.Є. Соціокультурний статус рецензії як різновиду рекламного дискурсу // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.172-176.

Дана стаття являє собою спробу лінгвофілософського осмислення соціокультурного статусу звичайної рецензії (на відміну від рекламної) як різновиду рекламного дискурсу, аналізу подібності цих двох явищ на підставі збігу їх комунікативних настанов. Проаналізовано особливості сприйняття звичайної рецензії та реклами в епоху постмодерну з урахуванням ролі об'єктивності та суб'єктивності авторської оцінки при сприйнятті рецензії адресатом.

Ключові слова: рецензія, рекламний дискурс, лінгвофілософське осмислення, постмодерн

Буц Н.В. Реалізація лінгвокультурологічних факторів у російських перекладах повісті М.М. Коцюбинського «Fata morqana» // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.177-181.

У статті розглядається відображення у російських перекладах фразеології повісті М. Коцюбинського «Fata morqana».

Ключові слова: фразеологізм, калька, опорні слова

Варфоломєєва О.В. Герменевтичний аналіз психотерапевтичного дискурсу: акмеологічний аспект // Ученіє запискі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.182-185.

Професійний розвиток психотерапевтів обумовлен загостренням психологічних проблем сучасної людини. Інтегративний характер акмеології дозволяє вивчати у міждисциплінарному контексті проблеми тлумачення дискурсу: лінгвістичний, герменевтичний, психотерапевтичний контекст. Вербальне (інтерпретаційне) акме психотерапевтів – високий показник їх професійного становлення.

Ключові слова: акмеологія, акме, психотерапія, дискурс, інтерпретація

Гадомський О.К. Релігійна мова або стиль: спроба систематизації термінології теолінгвістики // Учение запіскі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.186-192.

У статті йдеться про проблеми стилістики, які опрацьовуються в межах теолінгвістики. Здійснюється спроба систематизації термінології теолінгвістики, яка має відношення до цієї проблеми.

Ключові слова: релігійна мова, сакральна мова, культова мова, біблейський стиль, етнічний конфесійний стиль

Дорофєєв Ю.В. Текст як одиниця дискурсу // Учение запіскі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.193-197.

На матеріалі художніх творів у статті продемонстровано особливості аналізу тексту як одиниці дискурсу, в якому текст 1) завжди виступає як відповідь на попереднє запитання; 2) має конкретну функціональну спрямованість.

Ключові слова: текст, дискурс, розуміння тексту, реакція на текст

Жулинська Г.С. Жанровий простір релігійних текстів // Учение запіскі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.198-203.

У статті дається аналіз жанрів релігійних текстів, розглядаються базові комунікативні жанри теодискурсу

Ключові слова: релігійний текст, теодискурс, жанри теодискурсу

Зарецький О.В. Граматичний рід ключових слів у гаслах сучасного політичного дискурсу // Учение запіскі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.204-208.

У статті досліджується частковий випадок дистрибуції категорії граматичного роду у гаслах виборчих кампаній 2002 і 2004 років в Україні. В першу чергу розглядається функціонування політичних та ідеологічних гасел. Виявлено низку гендерних закономірностей.

Ключові слова: політичний дискурс, гасло, граматичний рід, гендер

Іванова Л.П. Надтекст як експлікатор ментального простору // Учение запіскі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.209-213.

У статті розглядається ментальний простір пісень часів Великої Вітчизняної війни, які кваліфікуються як надтекст. У ментальний простір входять концепти, ключові слова культури, прецедентні тексти, прецедентні імена, прецедентні події.

Ключові слова: ментальний простір, надтекст, концепт, ключове ім'я культури, прецедентний текст, прецедентне ім'я, прецедентна подія

Кислухіна М.В. Інтелектуалізація мови: аспекти ретермінологізації та міжгалузевої полісемії (на матеріалі англійських субстантивних термінів сільськогосподарської та ґрунтової мікробіології) // Учение запіскі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.214-217.

У статті розглядається явище істотної семантичної модифікації саме в рамках терміносистеми сільськогосподарської та ґрунтової мікробіології та такі процеси, як ретермінологізація та міжгалузева полісемія.

Ключові слова: термін, ретермінологізація, інтелектуалізація, термінологія, міжгалузева полісемія

Колосова О.І. Декілька зауважень про переклад споріднених мов // Ученіе запискі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.218-221.

У статті розглянуто деякі проблеми, які виникають під час перекладу, вивчення та зіставлення споріднених мов.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, ідиоматика

Кузьмін П.В. Дискурс, як сносіб політичної діяльності // Ученіе запискі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.222-227.

У статті аналізуються підходи до з'ясування сутності дискурсу в політиці, формуються проблеми і протиріччя (суперечність) затвердження дискурсивного способу діяльності в українській суспільній системі.

Ключові слова: дискурс, політична комунікація, політична діяльність, політичний дискурс

Лебедева Н.М., Посиліна К.С. Параметри аналізу промови в політичному дискурсі // Ученіе запискі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.228-231.

Стаття присвячена вивченню параметрів аналізу політичної промови як типу тексту у сучасному політичному дискурсі. Політичний виступ розглядається як один з типів інформативно-персуазивних політичних текстів і мовних дій.

Ключові слова: політичний дискурс, текст, тип тексту, політична промова, адресат, мовні засоби, синтаксичні засоби, параметр

Лі Же Дискурс як одиниця дослідження: наукові школи, розуміння терміну // Ученіе запискі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.232-237.

У статті розглядається проблема означення дискурсу як категорії комунікації, описуються різні підходи до інтерпретації терміна дискурс у сучасних наукових школах

Ключові слова: текст, дискурс, комунікативна подія, комунікація

Пономаренко І.М. Фрактальні параметри нелінійного простору тексту // Ученіе запискі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.238-241.

Незважаючи на значну кількість фундаментальних досліджень тексту та різноманіття презентованих ними концепцій, проблема вивчення художнього тексту з точки зору проявлення фрактальних, як і тих симетрійних параметрів, на яких вони базуються, до цього часу не розглядалася.

Ключові слова: художній текст, симетрійні характеристики, фрактал, інтертекст, гіпертекст, постмодернізм

Селиванова О.О. Ономасіологічна зв'язність як чинник концептуалізації художнього тексту // Ученіе запискі Тавріческого національного універсітета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.242-246.

Стаття присвячена дослідженню концептуальних функцій ономасіологічної зв'язності в художньому тексті, яка розглядається як дублювання компонентів номінативних структур одиниць і механізму їхнього творення. Означений тип зв'язності може служити засобом репрезентації текстового концепту-ідеї і підпорядкованих йому тематичних, аксіологічних, антропоцентричних, культурних, ідеологічних й ін. концептів.

Ключові слова: концепт, ономасіологічна структура, зв'язність тексту

Соловей Г.С. Політичний документ та інші типи текстів у політичному дискурсі: до проблеми перекладу // Учение записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.247-251.

Стаття є дослідженням типів тексту політичного дискурсу в контексті стратегії їх перекладу. Автор аналізує співвідношення між політичними документами та іншими типами політичного тексту та пояснює специфіку перекладу при роботі з даними типами тексту.

Ключові слова: політичний текст, політичний документ, тип тексту, переклад

Шамрасько О.М. Рівень сприйняття сильних позицій тексту // Учение записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С. 252-255.

У статті представлено результат експериментального дослідження функціональної ролі початкової та кінцевої частин тексту (на матеріалі короткого оповідання).

Ключові слова: сильні позиції тексту, початок та кінець, коротке оповідання, експеримент

Шевчук-Черногородова М.О. Системні відносини у корпусі англійських фразеологізмів з компонентами цветообозначення // Учение записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.256-262.

У статті аналізуються системні відносини фразеологізмів з компонентами, що вказують на колір в англійській мові. Розглядаються особливості системних відносин, що проявляються в полісемії, синонімії, антонімії та омонімії, у всіх структурних групах і типах фразеологізмів.

Ключові слова: фразеологізм, компонент, що вказує на колір, полісемія, омонімія, антонімія, синонімія

Забело І.В. Комп'ютерний сленг у сучасній мові // Учение записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.263-268.

У статті розглядаються причини виникнення комп'ютерного сленгу, шляхи і способи утворення комп'ютерного сленгу.

Ключові слова: калька, напівкалька, фонетична мімікрія, переклад

Компанцева Л.Ф. Інтернет як когнітивно-прагматичний простір входження концепту Self у слов'янську самосвідомість // Учение записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.269-273.

У статті розглядаються когнітивно-прагматичні аспекти слов'янської філософії самосвідомості в співвіднесенні із Self-концепцією американської гносеології.

Ключові слова: Self, гіпердискурс, концепт, концептосфера, самосвідомість

Четик О.Ю. Комп'ютерна лексикографія як один із напрямків сучасної прикладної лінгвістики // Учение записки Тавріського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія». – 2006. – Т.19 (58). – №2. – С.274-279.

У статті розглядаються пріоритети комп'ютерної лексикографії на сучасному етапі, а також нові можливості лексикографічного моделювання як методу опису семантики слова.

Ключові слова: комп'ютерна лексикографія, гіпертекст, електронний словник

SUMMARY

Bogdanovich G.Y., Efimov S.A. On the language of communication and national self-identification in multicultural environment // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.3-10.

The article presents data of socio-linguistic research among active native speakers of the language revealing a linguistic personality in terms of multicultural environment

Key words: national self-identification, language of communication, polylingvocultural situation, polylingvocultural phenomenon, multicultural environment

Bondarenko K.I. The problems & perspectives of Crimean sovereignty stating // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.11-14.

Historical & political aspects of Crimean sovereignty stating & development are researched.

Key words: Crimean sovereignty, nationality, deportation, ethnicity

Bogdanovich G.U., Novikova T.U., Martinyuk A.Y. Linguoculturological competence in polyethnic environment: raising the issue // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.15-26.

The article discusses the problem of forming linguoculturological competence under the conditions of polyethnic environment. The linguoculturological situation diagnostics based on sociological surveys is carried out in the Crimea that is the junction of civilizations".

Key words: linguoculturological, competence, linguistic pluralism, polyculture, dominating languages, linguoculturological situation

Isaev M.I. Ukrainian-Russian linguistic interconnections. Modern socioculturological viewpoint // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.27-29.

The article deals with historic grounds as well as with modern contacts of Russian and Ukrainian languages

Key words: bilingualism, Russian language, Ukrainian language

Karpenko A.V. Language signs as the paradigm of the linguistic and cultural space // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.30-34.

In the article the author studies the problems of sign as the basis of the modern linguistics. Different functions of the language signs are investigated as well as their correspondence with other signs. The author gives the definition of the language sign by the founders of modern linguistics and the characteristics of the sign as the object of semiotics as a whole. The definition of the syntactics as science about the formal structure of signs and semantics as the correspondence of signs to their objects are also given in the article.

Key words: interpreter, language sign, linguistics, semiotics, semantics, syntactics

Karpenko U.A. Concept «Combat» in Russian, English, Italian culture and linguistic tradition // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.35-39.

Concept «Combat» in Russian, English, Italian culture and linguistic tradition is analyzed in the article. General culture and national specific traits are marked.

Key words: concept, culture and linguistic tradition

SUMMARY

Kudenko Y.V. Peculiarities of crosskultural communication (on the example of Armenians of Crimea) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.40-46.

Cultural and language peculiarities of crossethnic communication are characterized, the formulas of the speech etiquette are analyzed, ethical and ethnic concepts are considered. The method of the work: social linguistic (the survey, questionnaire); contrast analysis (interlinguistic comparison); the method of the grouping (age and gender signs).

Key words: crosskultural communication, ethical and ethnic concepts, speech etiquette

Kuznetsova T.V. By the question about the specific of the modern cultural communication // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.47-50.

In this article the modern cultural communication was analyzed for which it is typical the counteractional tendencies, for example globalization and localization (as the level of the territorial variants of the national languages so the level of the social groups).

Key words: cultural communication, globalization, localization, adoption, sociolect

Nivikova M.A. Small Motherland, Great Motherland (concepts in translation of texts of patriotic discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.51-53.

The article displays the concept “Motherland” in its regional (sub national), national and intercultural (here: translational) aspects. The most attention is paid to its basic and concept-forming categories.

Key words: concept, Motherland, regional (sub national), national and intercultural aspects

Sidelnikov V.P., Sushinskaya I.N. Problem of linguistic authentication of personality // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.54-58.

The paper gives the definition of the notion «mother tongue» and studies the problems of personal selfidentification.

Key words: «mother tongue», native language, linguistic personality, official language, ethnos, linguistic group

Sinitsa I.A. On lingvocultural interaction // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.59-62.

The article is devoted to the problem of correlation between consciousness, languages, cultures. Bilingualism is discussed as the means of communication between different languages and cultures.

Key words: language, culture, communication, text

Shaklien V.M. Peculiarities of modern public intercultural communication in CIS-countries // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.63-69.

The article suggests comparative analysis of public intercultural communication basing on the material of newspaper publications and television programs

Key words: the world picture, publicity, intercultural communication

SUMMARY

Yevgrafova A. Bilingual Problem at the Ethno-Regional Level (Slobozhanshchyna: Sumy Region) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.70-74.

The article deals with ethno-regional linguistic contacts. Extralingual basis of bilingual formation in Sumy region is considered.

Key words: bilingual, national population structure, dialect speaking

Martinyuk A.Y. Once again on bilingualism // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.75-79.

The article considers the issues of bilingualism. The criteria upon which bilingualism classifications are based, are presented in the article.

Key words: language, bilingualism, speaking two languages, intercultural communication

Ruda O.G. Linguistic resistance and linguistic tolerance of bilingual speaker in Ukraine // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.80-83.

The main topic of this article is the description of communicative behavior of the Ukrainian lingual-cultural group in the modern Ukraine. The problem of understanding in bilingual society is analyzed in the context of the social-psychological conception. The author made the attempt to analyze of situations of “unsuccessful” dialogue in modern Ukrainian oral discourse.

Key words: linguistic situation, bilingualism, linguistic resistance, linguistic conflict

Cheremskaya O.S. Lexical and grammatical interferences phenomena in modern Ukrainian literary language (on the material of Kharkiv region media of XXI century) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.84-87.

The article is devoted to the analyses of the Russian interferences adoptions and calques revealed in the media of Kharkiv region during the first years of XXI century.

Key words: bilingualism, lingual interaction, interferences, adoptions, calques

Gerasimenko I.A. Functional semantics of the colour designation blue // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.88-95.

This present paper is limited to the examination of functional semantics of colour designation blue the in Russian language. The objective of the paper is the revelation of the ethnocultural information which is coded in it.

Key words: functional semantics, colour designation, connotation, natural culture component

Gonobobleva S.L. Prospects of studying the manuscript “Rough Writing of Y.K. Grot” from Slavonic library in Helsinki // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.96-98.

Slavonic library in Helsinki owns the manuscript of Russian-Swedish-Finnish dictionary well known for supposed authorship of J.K. Grot, noted Russian XIX-century scientist. The issue deals with the research prospects of the manuscript after clearing up the historical background and general description of it.

Key words: history of bilingual lexicography, manuscript, J.K. Grot, Russian-Swedish dictionary, Russian-Swedish- Finnish dictionary

SUMMARY

Goroshko O.I., Galunova N.M. Gender connoted words // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.99-102.

The article deals with questions concerning gender connoted words. The classification of gender connoted words is presented. The peculiarity of the subject according to the language under the study is described.

Key words: gender, gender connoted words, gender approach

Gosudarskaya O.V. Communicative advantages of slavonic languages // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.103-107.

In the article the author compares the means of expression of verbal aspect characteristics presented in Slavonic and Romance languages; formulates criteria of language structures conformity to the needs of successful and comfortable communication.

Key words: communicative advantages of language, economy of language means, quality of expression plan, aspect characteristics of verb action

Demetskaya V.V. Dynamics of functioning of the concept “politics” in political speech // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.108-111.

The article deals with the functional dynamics of the concept “politics” in political speeches. The analysis is exposed to the innerlinguistic adaptation of political speeches regarding cultural, historic, and ideological values of cultural traditions.

Key words: concept “politics”, political speech, innerlinguistic adaptation, linguistic and cultural traditions

Konovalova E.A. Question as a type of rhetorical impact // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.112-120.

The article reviews main concepts connected with studying of question-answer rhetorical unities.

Key words: question-answer rhetorical unities, rhetorical techniques

Kudryavtseva N.G. Associative field of concept «the Capital» in consciousness of native speakers of Russian (on materials of associative experiment) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.121-127.

The article considers the structural-semantic essence of the concept «the capital».

Key words: the cultural concept, associative experiment, reaction

Salionovich L.M. Concept specific characteristics of gender marked lexical units in Russian and Ukrainian dictionaries // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.128-132.

The paper presents concept specific characteristics of gender connotated lexical units. Some definitions on the material of Russian and Ukrainian dictionaries are under review and concept specific characteristics of these lexical units are defined.

Key words: gender approach, gender connotated marked lexical units, concept specific characteristics, male/female, masculinity/femininity

SUMMARY

Segal N.A. The concept as a main category of the cognitive paradigm // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.133-138.

The article deals with the analysis of the concept as one of the base categories of cognitive linguistics. The work considers the main scientific directions, defines typologies and classifications of this phenomenon.

Key words: concept, conceptology, the base category

Sinelnikova L.N. “Russianity” in Slavonic ethicalsace (based on poetry and philosophy L.N. Sinelnikova) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.139-150.

In the article the content of the concept of “Russianity” is revealed through philosophical knowledge and poetic reflections, bearing some constant ethical features and controversial judgements.

Key words: ethical concept, “Russianity”, paradoxality, emotive

Shkurko T.A., Dolzhanska O.I. Onomagenesis Problem (Deonyms in Different Languages) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.151-154.

The present paper reviews deonyms in different languages. Their semantic sphere and ways of development are taken into consideration.

Key words: onym, deonym, proper names, anthroponyms

Agayan G.Z. About the Types of Interlingual equivalence // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.155-159.

The given article concerns the analyses of Russian-Armenian lexical equivalents, i.e. complete, or stable, incomplete, or partial. The study is done on the bases of the Russian-Armenian dictionary by A.S. Garibyan and Russian-Armenian special dictionaries.

Key words: correspondence, equivalent, equivalence, lexical equivalence, interlingual lexical relations, linguistic term, interlingual lexical equivalents, semantic equivalence of terms

Astafurova T.M., Olyanich A.V. The ritual dynamic of the Anglo-Saxons “governmental-power” discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.160-166.

The article consider the models of the Anglo-Saxons “governmental-power” discourse.

Key words: discourse, “governmental-power”, communication, communicative model

Bashuk A.I. Communicative strategies analysis in political texts // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.167-171.

The article analyses the communicative strategies in ritual political texts. The comparative characteristics of the inauguration speeches of Ukraine’s and Russia’s Presidents enables to define their specific character in terms of realization.

Key words: communicative strategies, performance, ritual, political text, contextual strategies, semantic-psychological strategies

SUMMARY

Benina A.E. Sociocultural status of the review as an advertising discourse variety // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.172-176.

This paper is an attempt of linguophilosophic conceptualization of sociocultural status of the ordinary review (in contrast to the advertising review) as an advertising discourse variety, similarity analysis of these two phenomena on the correlation of their communicative aims. The peculiarities of the ordinary review and the advertisement perception in postmodern age considering the role of objectivity and subjectivity of author's appraisal when the addressee perceives the review are analyzed.

Key words: review, advertising discourse, linguophilosophic conceptualization, postmodern

Buts N.V. Realisation of lingvoculturological factors in Russian translation versions of the novel by M.Kotzybinsky "Fata morqana" // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.177-181.

In clause the characteristic in Russian translation of phraseology in M. Kotsjubinskiy's novel «Fata morqana».

Key words: a phraseological unit, basic words

Varfolomeeva O.V. The germenetic analysis of the psychotherapeutic discourse: acmeologic aspect // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.182-185.

The training of psychotherapists is conditioned by the intensification of psychological problems of a modern man. The integrational character of acmeology lets study in the interdisciplinary context the problems of discourses interpretation, linguistic, germenetic, psychotherapeutic context. The verbal (interpretational) acme of psychotherapists is a high index of their professional formation.

Key words: akmeology, akme, psychotherapy, discours: acmeologic aspect

Gadomski A. Religious language or style: attempt of ordering of terminology of theolinguistics // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.186-192.

In present clause there is a speech about the problems of stylistics developed within the limits of theolinguistics. Attempt of ordering of terminology of theolinguistics, concerning to the given problem is undertaken.

Key words: religious language, sacral language, cult language, bible style, ethnic confessionals style

Dorofeev Ju.V. Text as the unit of the discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.193-197.

The peculiarities of the analyses of the text as the unit of the literary discourse are discussed in the paper. The text in the literary discourse 1) always appears as the answer on the previous statement; 2) has a concrete function.

Key words: text, discourse, understanding of the text, reaction on the text

SUMMARY

Zhulinskaya A.S. The genres space of the religion texts // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.198-203.

The article analyzes the of the religion texts'; examines fundamental communication genres of the Theodiscourse.

Key words: religion texts, Theodiscourse, genres of the religion texts

Zaretskiy O. Key words gender in slogans of modern political discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.204-208.

The article focuses on one of the types of gender distribution in slogans of electoral campaigns in Ukraine in 2002 and 2004. Political and ideological slogans are analyzed. There are suggested some gender rules of political discourse.

Key words: political discourse, slogan, gender

Ivanova L.P. Over-text as an explicator of a mental space // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.209-213.

In the article the mental space of songs of Great Patriotic War period qualified as an over-text is analyzed. The mental space consists of concepts, key words of the culture, precedent texts, precedent names, precedent events.

Key words: mental space, over-text, concept, key name of the culture, precedent text, precedent name, precedent event

Kislukhina M.V. Language intellectualization: aspects of reterminalization and polysemy of different branches of science (A Study of English Substantive Terms of Agricultural and Soil Microbiology) // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.214-217.

The article deals with the phenomenon of semantic modification in Modern English terminology within the special system of terms – Agricultural and Soil Microbiology and such processes as reterminalization and polysemy of different branches of science.

Key words: term, reterminalization, intellectualization, terminology, polysemy of different branches of science

Kolosova E.I. Some aspects of interpreting kindred languages // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.218-221.

This article covers some problems of interpreting, studying and correlating such kindred languages as Polish and Russian. Particular attention is paid to the idiomatic aspects of these languages, because the correlative study of the phraseology allows to determine the most important details in the perception of the environment by representatives of different languages and cultures, and, in addition, prevent the communicational failure.

Key word: intercultural communication, idiomaticity

Kuzmin P.V. Discourse as a way of political activity // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.222-227.

SUMMARY

The article deals with the approaches to the clarifying of the discours essence in politics; problems and contradictions of the statement in discours way of activity in Ukrainian social system are defined.

Key words: discours, political discours, political communication, political activity

Lebedeva N.M., Posylina K.S. Parameters of speech analysis in political discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.228-231.

The article sets parameters of analysis of political speech as a type of text. It proves that the political speech is a typological phenomenon of informative-persuasive character.

Key words: political discourse, text, text type, addresse, political speech, expressive means and syntactical means, parameter

Li Je Discourse as a category of investigation: scientific schools, understanding of the term // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.232-237.

The article deals with the problem of definition discourse as a category of communication, describing the main approaches in interpretation of a term discourse in the modern scientific schools.

Key words: text, discourse, communicative event, communication

Ponomarenko I.N. Fractal parameters of the non-linear space of a text // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.238-241.

Despite a considerable number of fundamental text studies and variety of conceptions presented in them, the problem of fiction-text study from the point of view of manifestation of fractal as well as symmetrical parameters has not been researched.

Key words: fiction-text, symmetrical parameters, fractal, intertext, hypertext, postmodernism

Selivanova H.A. Onomasiological coherent as factor of conceptualisation in artistic text // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.242-246.

The article is devoted to research of conceptual functions in artistic text of the onomasiological coherent, which is examined as duplication of components of nominative structures and mechanism of their creation. This type of coherent can serve as the mean of representation of textual concept-idea and inferiors to him thematic, valuable, characteristic, cultural, ideological and other concepts.

Key words: concept, onomasiological structure, coherent of text

Solovey A.S. Political Document and Other Text Types in Political Discourse: to the Problem of Translation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.247-251.

The article is an investigation of text types of political discourse in the context of translation strategy. The author analyses the correlation of political documents and other types of political text and explains the translation peculiarities of these text types.

Key words: political text, political document, text type, translation

SUMMARY

Shamraenko H.N. The level of the reception of the strong positions of the text // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P. 252-255.

The result of the experimental research of the functional role of the beginning and the end of the text is described in the article (on the material of short short story).

Key words: the strong positions of the text, the beginning and the end, the short short story, the experiment

Shevtchuk-Tchernogorodova M.A. The system relations of the phraseological expressions with the component indicating color in English language // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P. 256-262.

In the article the system relations of the phraseological expressions with the component indicating color in English language have been analyzed. The particularities of their system relations that manifest in the polysemy, homonymy, antonymy, synonymy, have been studied in all structural groups and types of the phraseological expressions.

Key words: phraseological expression, component indicating color, polysemy, homonymy, antonymy, synonymy

Zabelo I.V. Development of the Computer Slang at the Modern Stage // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.263-268.

The reasons of the Computer Slang appearance, ways and methods of the Computer Slang formation are viewed in the article.

Key words: loan translation, semi loan translation, phonetical mimicry, translation

Kompantseva L.F. Internet as cognitive and pragmatic space for entering of concept Self into Slavic Self-consciousness // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.269-273.

The article deals with cognitive and pragmatic aspects of Slavic Philosophy of Self-knowledge in comparison with American gnoseology.

Key words: Self, hyperdiscourse, concept, concept area, Self-knowledge

Chepik E.Y. Computer lexicography as a brend in modern applied linguistics // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology». – 2006. – V.19 (58). – №2. – P.274-279.

The article observes the issues of modern priorities of a computer lexicography and new opportunities of lexicographic modeling as a method of semantics description of word.

Key words: a computer lexicography, hypertext, the electronic dictionary

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаян Гаяне Земляковна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Государственного инженерного университета Армении, г. Ереван
Астафурова Татьяна Николаевна	доктор филологических и педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия
Башук Алла Ивановна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры организации массово-информационной деятельности Института журналистики Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, г. Киев
Бенина Анна Евгеньевна	преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», г. Харьков
Богданович Галина Юрьевна	доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, директор Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Бондаренко Ксения Игоревна	аспирантка Института журналистики Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко, г. Киев
Буд Надежда Владимировна	научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Варфоломеева Оксана Владимировна	кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогических технологий и психологического обеспечения образования Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, г. Симферополь
Гадомский Александр Казимирович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Галунова Наталья Николаевна	преподаватель кафедры общего и прикладного языкознания филологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, г. Харьков
Герасименко Ирина Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германских языков Горловского государственного педагогического института иностранных языков, г. Горловка

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гонобоблева Софья Львовна	кандидат филологических наук, научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Горошко Елена Игоревна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной и деловой коммуникации Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», г. Харьков
Государская Ольга Владимовна	аспирантка кафедры общего языкознания Горловского государственного педагогического института иностранных языков, г. Горловка
Демецкая Владислава Валентиновна	кандидат филологических наук, доцент Института иностранной филологии Херсонского государственного университета, г. Херсон
Должанская Елена Игоревна	ассистент кафедры английской филологии Макеевского экономико-гуманитарного института, г. Макеевка
Дорофеев Юрий Владимирович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Евграфова Алла Александровна	кандидат филологических наук, доцент Сумского государственного университета, г. Сумы
Ефимов Сергей Алексеевич	председатель Крымского регионального отделения Социологической ассоциации Украины, г. Симферополь
Жулинская Анна Сергеевна	преподаватель русского языка и литературы Традиционной школы, г. Севастополь
Забело Ирина Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И.Вернадского, г. Симферополь
Зарецкий Алексей Викторович	кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института украинского языка НАН Украины, г. Киев
Иванова Людмила Петровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института иностранной филологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова, г. Киев
Исаев Магамет Измаилович	доктор филологических наук, профессор Института языкознания РАН, академик РАН, г. Г. г.Москва, Россия
Карпенко Анна Владимировна	кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Карпенко Ульяна Алексеевна	преподаватель кафедры иностранных языков Академии муниципального управления, г. Киев

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кислухина Марина Викторовна	старший преподаватель кафедры иностранных языков Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Колосова Елена Ивановна	кандидат филологических наук, ассистент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета, г. Казань, Республика Татарстан, Россия
Компанцева Лариса Феликсовна	кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального педагогического университета, г. Луганск
Коновалова Елена Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И.Вернадского, г. Симферополь
Куденко Екатерина Валериевна	аспирантка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Кудрявцева Наталья Геннадиевна	ассистентка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Кузнецова Татьяна Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и филологии Сумского государственного университета, г. Сумы
Кузьмин Петр Васильевич	кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Крымского государственного инженерно-педагогического университета, г. Симферополь
Лебедева Надежда Михайловна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Института иностранной филологии Херсонского государственного университета, г. Херсон
Ли Же	аспирант факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Мартынюк Анна Ярославовна	научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Новикова Татьяна Юрьевна	старший научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Новикова Марина Алексеевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Олянич Андрей Владимирович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии, г. Волгоград, Россия
Пономаренко Ирина Николаевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия
Посылина Екатерина Сергеевна	ассистент кафедры английского языка Института иностранной филологии Херсонского государственного университета, г. Херсон
Рудая Елена Григорьевна	младший научный сотрудник Института украинского языка Национальной академии наук Украины, г. Киев
Салионович Людмила Николаевна	старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт», г. Харьков
Сегал Наталья Александровна	магистрант факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Селиванова Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого, г. Черкассы
Сидельников Валентин Павлович	кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, г. Донецк
Синельникова Лара Николаевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языкознания Луганского национального педагогического университета, г. Луганск
Синица Ирина Анатольевна	кандидат филологических наук, Отдел русского языка Института языкознания им. А.А. Потебни НАН Украины, г. Киев
Соловей Анна Сергеевна	аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Сушинская Ирина Михайловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Донецкого национального университета, г. Донецк
Чепик Елена Юрьевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Черемская Ольга Степановна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой украиноведения Харьковского национального экономического университета, г. Харьков

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шаклеин Виктор Михайлович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия
Шамраенко Елена Николаевна	преподаватель немецкого языка кафедры второго иностранного языка переводческого факультета Горловского государственного института иностранных языков, г. Горловка
Шевчук-Черногородова Мария Алексеевна	преподаватель кафедры иностранных языков Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
Шкурко Татьяна Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Макеевского экономико-гуманитарного института, г. Макеевка

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКИ И ЭТНОСЫ КРЫМА

- Богданович Г.Ю., Ефимов С.А.*
О ЯЗЫКЕ ОБЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ3
- Бондаренко К.І.*
КРИМСЬКА ДЕРЖАВНІСТЬ: ПРОБЛЕМИ ТА ПЕРСПЕКТИВИ СТАНОВЛЕННЯ11

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

- Богданович Г.Ю., Новикова Т.Ю., Мартынюк А.Я.*
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА15
- Исаев М.И.*
УКРАИНСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ.
СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД.....27
- Карпенко А.В.*
ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАКИ КАК ПАРАДИГМА
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА30
- Карпенко У.А.*
КОНЦЕПТ «БОЙ» В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ
КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ35
- Куденко Е.В.*
СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ АРМЯН КРЫМА)40
- Кузнецова Т.В.*
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ...47
- Новикова М.А.*
МАЛАЯ РОДИНА, ВЕЛИКАЯ РОДИНА
(КОНЦЕПТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)51
- Сідельніков В.П., Сушинська І.М.*
ПРОБЛЕМА МОВНОЇ ІДЕНТИФІКАЦІЇ ОСОБИСТОСТІ.....54
- Синица И.А.*
К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ59
- Шаклеин В.М.*
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ СНГ63

РАЗДЕЛ 3. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА И ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

<i>Євграфова А. О.</i> ПРОБЛЕМА БІЛІНГВІЗМУ НА ЕТНОРЕГІОНАЛЬНОМУ РІВНІ (СЛОБОЖАНЩИНА: СУМСЬКА ОБЛАСТЬ)	70
<i>Мартынюк А. Я.</i> ЕЩЕ РАЗ О БИЛИНГВИЗМЕ И ДВУЯЗЫЧИИ	75
<i>Руда О. Г.</i> МОВНА СТІЙКІСТЬ І МОВНА ТОЛЕРАНТНІСТЬ БІЛІНГВА В УКРАЇНІ	80
<i>Черемська О. С.</i> ЯВИЩА ЛЕКСИЧНОЇ ТА ГРАМАТИЧНОЇ ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ (НА МАТЕРІАЛІ ЗМІ ХАРКІВЩИНИ ХХІ СТ.)	84

РАЗДЕЛ 4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Герасименко И. А.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВА ГОЛУБОЙ	88
<i>Гонобоблева С. Л.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУКОПИСНОГО «ЧЕРНОВИКА Я. К. ГРОТА» ИЗ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В ХЕЛЬСИНКИ	96
<i>Горошко О. І., Галунова Н. М.</i> ГЕНДЕРНО МАРКОВАНА ЛЕКСИКА	99
<i>Государська О. В.</i> КОМУНІКАТИВНІ ПЕРЕВАГИ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ	103
<i>Демецкая В. В.</i> ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ПОЛИТИКА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ИНТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ	108
<i>Коновалова Е. А.</i> ВОПРОС КАК ВИД РИТОРИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	112
<i>Кудрявцева Н. Г.</i> АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА <i>СТОЛИЦА</i> В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)	121
<i>Саліонович Л. М.</i> ОСОБЛИВОСТІ КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЇ ГЕНДЕРНО МАРКОВАНИХ ЛЕКСИЧНИХ ОДИНИЦЬ У РОСІЙСЬКИХ І УКРАЇНСЬКИХ ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ДЖЕРЕЛАХ	128
<i>Сегал Н. А.</i> КОНЦЕПТ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА)	133
<i>Синельникова Л. Н.</i> РУССКОСТЬ В ЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВЯНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ)	139
<i>Шкурко Т. А., Должанська О. І.</i> ДО ПРОБЛЕМИ ОНОМАГЕНЕЗУ (НА ПРИКЛАДІ ДЕОНІМНОЇ ЛЕКСИКИ В РІЗНИХ МОВАХ)	151

РАЗДЕЛ 5. ТЕКСТ, ДИСКУРС, ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Агаян Г.З.</i> О ТИПАХ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ	155
<i>Астафурова Т.Н., Олянич А.В.</i> РИТУАЛЬНАЯ ДИНАМИКА АНГЛОСАКСОНСКОГО ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА	160
<i>Башук А.И.</i> КОММУНИКАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	167
<i>Бенина А.Е.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС РЕЦЕНЗИИ В КАЧЕСТВЕ РАЗНОВИДНОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА.....	172
<i>Буц Н.В.</i> РЕАЛІЗАЦІЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИХ ФАКТОРІВ У РОСІЙСЬКИХ ПЕРЕКЛАДАХ ПОВІСТІ М.М. КОЦЮБІНСЬКОГО «FATA MORQANA»	177
<i>Варфоломеева О.В.</i> ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	182
<i>Гадомский А.К.</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ ЯЗЫК ИЛИ СТИЛЬ: ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ТЕОЛИНГВИСТИКИ	186
<i>Дорофеев Ю.В.</i> ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ДИСКУРСА.....	193
<i>Жулинская А.С.</i> ЖАНРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ.....	198
<i>Зарецкий О.В.</i> ГРАМАТИЧНИЙ РІД КЛЮЧОВИХ СЛІВ У ГАСЛАХ СУЧАСНОГО ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ	204
<i>Иванова Л.П.</i> СВЕРХТЕКСТ КАК ЭКСПЛИКАТОР МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	209
<i>Кислухина М.В.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА: АСПЕКТЫ РЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПОЛИСЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЧВЕННОЙ МИКРОБИОЛОГИИ)	214
<i>Колосова Е.И.</i> НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ	218
<i>Кузьмин П.В.</i> ДИСКУРС КАК СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	222
<i>Лебедева Н.М., Посиліна К.С.</i> ПАРАМЕТРИ АНАЛІЗУ ПРОМОВИ В ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ	228
<i>Ли Же</i> ДИСКУРС КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ: НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ, ПОНИМАНИЕ ТЕРМИНА	232
<i>Пономаренко И.Н.</i> ФРАКТАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ НЕЛИНЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА	238

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Селиванова Е.А.</i> ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	242
<i>Соловей А.С.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ И ДРУГИЕ ТИПЫ ТЕКСТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА	247
<i>Шамраенко Е.Н.</i> УРОВЕНЬ ВОСПРИЯТИЯ СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ ТЕКСТА	252
<i>Шевчук-Черногородова М.А.</i> СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРПУСЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ.....	256

РАЗДЕЛ 6. WEB-ПРОСТРАНСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Забело И.В.</i> КОМПЬЮТЕРНЫЙ СЛЕНГ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	263
<i>Компанцева Л.Ф.</i> ИНТЕРНЕТ КАК КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВХОЖДЕНИЯ КОНЦЕПТА <i>SELF</i> В СЛАВЯНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ	269
<i>Чепик Е.Ю.</i> КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	274

АННОТАЦИИ	280
------------------------	-----

АНОТАЦІЇ	290
-----------------------	-----

SUMMARY	299
----------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	308
----------------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ	313
-------------------------	-----

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

им. В. И. Вернадского

Том 19 (58). № 2
ФИЛОЛОГИЯ

Симферополь
2006